Крестьянская Россия. V–VI.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

V—VI

1 9 2 3

П Р А Г А

Печатается в типографіи «Легіографія», Praha II., Revoluční 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ВОПРОСАМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ
И ЭКОНОМИЧЕСКИМ

ПОД РЕДАКЦІЕЙ: А. А. АРГУНОВА, А. Л. БЕМА,
С. С. МАСЛОВА и П. А. СОРОКИНА.

V—VI



ПРАГА
1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ“

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ В РУССКОМ СЛОВѢ.

Оглянуться на самого себя — очень затруднительно. Обыкновенно видишь себя или тѣм, чѣм хочется быть, или тѣм, чѣм страшно стать. Самооцѣнка зависит чаще всего от внѣшних событій (напр., удачи или неуспѣха), личных свойств (напр., степени увѣренности в себѣ), порою просто от настроенія. Познать свой народ, хотя бы приблизительно, почти все равно, что познать самого себя, — для тѣх, конечно, кто себя не отдѣляет от народа в его цѣлом, кто чувствует себя каплею в народном морѣ. Тут нѣт ничего легче, как впасть в переоцѣнку или недооцѣнку, в ошибку или Тютчева («Всю тебя, земля родная, в рабском видѣ Царь Небесный исходил благословляя») и даже Достоевскаго («Народ-Богоносец») или же Чаадаева (слова его об исторических судьбах русскаго народа, как грозном урокѣ остальному человѣчеству).

А разобраться в том, что такое мы, существенно важно, если у нас нѣт охоты жить изо дня в день по старому присловью: день да ночь, — сутки прочь. Как же быть и куда обратиться за надежными указаніями? Свидѣтельства со стороны, т. е. сужденія людей, — уж позвольте так выразиться, — чужого помола (иной крови, иного быта, иных стран), — вѣдь и эти сужденія часто не свободны от пристрастія, а если и безпристрастны, то почти всегда недостаточно проникновенны. Еще Лермонтов со спокойною насмѣшкою упоминал о путешественникѣ-французѣ, который принял качели в помѣщичьих усадьбах за висѣлицы для крѣпостных крестьян; и таких забавных, а вмѣстѣ с тѣм и досадных недоразумѣній сколько угодно до наших дней.

Выход остается один: воспользоваться свидѣтельскими показаніями русскаго происхожденія, только неумышленными. Поскольку свидѣтельства этого рода порождены русскою почвою, их нельзя заподозрѣть в том, что они мало пропитаны русскою сущностью, а поскольку в них отсутствует умышленность, не остается

мѣста и для подозрѣнія в пристрастіи. Подумайте, что каждому из нас случается много слышать от людей о них самих, и всетаки мы их плохо представляем себѣ; а вырвется у человѣка нѣсколько слов по случайному поводу, когда он и не предполагает вовсе говорить о своей особѣ, и мы разом чувствуем, что он встал перед нами как живой: оказался скупым или щедрым, сухим или отзывчивым, мстительным или незлопамятным и т. п.

Такія неумышленныя (а потому безпристрастныя) и свои, родныя (а потому запечатлѣнныя полным пониманіем) свидѣтельства о свойствах русскаго народа разсыпаны щедрою рукою в сокровищницѣ русской словесности и русскаго языка. Русское слово, взятое и само по себѣ и как орудіе художественнаго изображенія, далекаго от цѣли характеризовать русскаго человѣка, выявляет с властною, на мой взгляд, убѣдительностью, какова русская душа.

Давно слѣдовало бы черпать из этого родника полными пригоршнями, и очень жаль, что и теперь так еще мало сдѣлано. Предлагаемыя вниманію читателей страницы не притязают на сколько-нибудь законченное изложеніе: по дѣвственному лѣсу излюбленнаго мною матеріала мнѣ удалось найти всего нѣсколько проложенных и самому проложить еще нѣсколько небольших тропинок, — но и только. Льщу, впрочем, себя надеждою, что дѣло не станет и за прямоѣзжими дорогами, лишь бы нашлись охотники продолжать.

I.

Русскій народ создал одно из величайших государств на землѣ, почти непрестанно воюя. Рускою кровью политы утесы Финляндіи и подступы к Царьграду, нивы Ломбардіи и поля Манчжуріи; русская кровь обагряла воды в Цусимском проливѣ, у Ганга и у Наварина. Русское мужество, русское умѣнье смотрѣть смерти в глаза общеизвѣстны; и тѣм они примѣчательнѣе, что нерѣдко бывали отрѣшены от жажды славы: не задавались, конечно, мыслью обезсмертить свое имя ни тѣ два матроса, которые потонули вмѣстѣ со «Стерегущим», открыв его кингстоны, чтобы не отдать своего миноносца японцам, ни тѣ два солдата, которые вызвались лечь в промоину гдѣ-то в горном ущельѣ Кавказа, чтобы по ним были перевезены пушки.

Сам собою напрашивается вывод о русской воинственности. Его и случается слышать зачастую в разговорах. Но так ли это?

Возьмем прежде всего наши былины. Богатыри служат князю Владимиру Красное Солнышко; служба их, конечно, ратная, но воинскіе подвиги их не завоеваніе, а оборона родной земли от иноземных вторженій: стоит под Кіевом застава богатырская, и борются богатыри против натиска татарскаго, борются со змѣем Горыничем, змѣем Тугариным, Идолищем Поганым. Иными словами, — прославляется в былинах защита, а не нападеніе. Если и есть былина о том, как богатырь Вольга и его дружина хоробрая завоевали царство Индійское, то и в ней не слышно паѳоса воительства: это не поэма, а сказка, по прихоти которой Вольга обращается в звѣря и в насѣкомое. Чтобы убѣдиться в исключительной миролюбивости русских былин, достаточно сравнить их с пѣснью о Нибелунгах или с Иліадою. И такое миролюбіе красною нитью проходит через всю русскую словесность в общем и главном. Итальянско-швейцарскій поход Суворова не нашел у нас своего Гомера, и даже Ермак не имѣл литературнаго успѣха. Начните с «Войны и мира», кончите «Юріем Милославским» Загоскина, или трагедіею Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», или «Димитріем Донским» Озерова, или хрониками Островскаго из смутнаго времени, — всѣ эти произведенія, снискавшія себѣ или прочную славу, или временное одобреніе читателей и слушателей, рисовали картины отечественной обороны. Любопытно отмѣтить, что даже «Россіада», тягучая ложноклассическая поэма XVIII вѣка, посвященная несомнѣнно завоевательной войнѣ, а именно взятію Казани, никогда до того нам непринадлежавшей все-таки, хотя и с отступленіем от исторической правды, начинается стихами:

Пою от варваров Россію свобожденну,
Попранну власть татар . . .

Вершина русской поэзіи, тот узел, в которой завязались всѣ нити предшествовавшей и от котораго идут всѣ нити послѣдующей русской словесности, достойной этого имени, Пушкин, живо чувствовавшій силу «упоенія в бою», восторженно изобразил лишь один бой, полтавскій, т. е. опять-таки оборону родины от врага. Напротив, описаніе взятія Бѣлогорской крѣпости (в «Капитанской дочкѣ») и той стычки русских с турками, которой поэт был очевидцем («Путешествіе в Арзрум»), запечатлѣны необычайною простотой и трезвой скупостью слова: увлеченію боем они чужды, и в них лежит зерно позднѣйших пріемов воспроизведенія картин битв как в «Севастопольских разсказах», так

и в «Войнѣ и мирѣ» Толстого. С легкой руки Спасовича принято упрекать Пушкина за его оду «Клеветникам Россіи», но нельзя забывать, что стихотвореніе это было написано под внушеніем естественнаго негодованія, вызваннаго недостойною травлею Россіи в западноевропейской печати того времени, и написано в самый разгар борьбы. Когда же возстаніе было подавлено, Пушкин поспѣшил заявить, что

В бореньѣ павшій — невредим.

И то же самое повторилось с Тютчевым: при багровом заревѣ второго польскаго возстанія он не удержался от самонадѣяннаго восклицанія, что

В крови до пят мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон;

но как только с возстаніем было покончено, нашел в своей душѣ иныя слова, отвѣчавшія иным чувствам, менѣе бурным и болѣе стойким, и обратился к польскому орлу с такими стихами:

Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, возродится в нем.

А «Спор» Лермонтова? Это несравненное по красочности стихотвореніе вызвано, — нечего возражать, — завоеваніем Кавказа, но исключительное обаяніе «Спора» легко об'ясняется тѣм, что жало воинственнаго задора из него вынуто и замѣнено рядом живых и в самой гиперболичности своей мѣтких образов, заставляющих забывать и поэта и читателей о насиліи и крови. Поскольку же Лермонтов был сам участником покоренія кавказских племен, у него из сердца просились горькія слова:

...Жалкій человѣк!
Чего он хочет? Небо ясно,
И на землѣ есть мѣсто всѣм.
Но непрестанно и напрасно
Один воюет он. Зачѣм?

Я далек от мысли утверждать, будто в русской литературѣ не было и нѣт восхваленія воинскаго (или иного) насилія, но такое восхваленіе для нея несомнѣнно несущественно, — вот что важ-

но. Русскій глаз уж так устроен, что прежде всего и отчетливѣе всего видит изнанку войны, и оттого русская душа войною не может увлечься. Любопытно сравнить русское слово «война» с нѣмецким »Krieg« (erkriegen значит заграбить), — не говоря уже о румынском «разбой» (так называется война по румынски), — тогда становится понятною большая безкорыстность русскаго подхода к войнѣ по сравненію с нѣмцами (и румынами). А если вы задумаетесь над тѣм, что нѣмецкое »Volk« и русское «полк» одно и то же слово, то поймете, что предки нѣмцев были неизмѣримо воинственнѣе наших: наши отличали от вооруженных людей (полк) невооруженных, а у нѣмцев вооруженные люди были весь народ (Volk).

Неудивительно поэтому, что Пушкин подошел к «упоенію в бою» не с конца «упоенія побѣдою», торжества над врагом, а с конца захватывающаго дух ощущенія возможной и близкой гибели:

Есть упоеніе в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в раз'яренном океанѣ
Средь бурных волн и грозной тьмы,
И в аравійском ураганѣ,
И в дуновеніи чумы.

И жуткую прелесть этого упоенія он осознал не как риск выигрыша и проигрыша, а как ставку на личное безсмертіе:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертнаго таит
Неиз'яснимы наслажденья,
Безсмертья, может быть, залог . . .

Так воспринимаемое «упоеніе в бою», разумѣется, ничего общаго не имѣет с воинственным пылом.

Да, если только я не сбился с правильнаго пути, русскій народ не может быть почитаем воинственным. Воевал он, видимо, не по склонности, а по нуждѣ. Судьба его была такова, и пока он знал, как ею пользоваться, успѣх был с ним: volentem fata ducunt, nolentem trahunt. Но вкуса к войнѣ у русскаго человѣка не было; иначе словесность не так бы откликнулась: отраженіе в зеркалѣ не от зеркала зависит, и даже искажающія зеркала не отражают того, чего перед ними нѣт.

2.

У каждаго народа есть особый идеал государственнаго бытія, который тѣм цѣннѣе, чѣм непроизвольнѣе, чѣм меньше надуман, и есть отмѣченное особыми же чертами отношеніе к своей національности и своему прошлому.

Русскій идеал государственнаго бытія можно вскрыть без труда. Сопоставьте привычные эпитеты «Вѣчный Рим», »la belle France«, »Old merry England« и «Святая Русь». Наименованіе Руси святою идет от сѣдой старины и ярко выявляет, что именно было предкам нашим дорого в родной странѣ: не государственная мощь, не прочность государства, не красоты природы и жизненнаго уклада, не уют домашняго очага, не веселый и бодрый дух, а праведность, святость. Трудно допустить, чтобы наши предки считали Русь святою в дѣйствительном осуществленіи; нѣт, «Святая Русь», это — идеал, Русь возможная, Русь, которую в будущем обѣщают тѣ задатки, какіе уже есть и какіе могут в дльнѣйшем расцвѣсти пышным цвѣтом. Но задатки бывают у всякаго народа, как и у всякаго человѣка, самые разнообразные, и вот старым русским людям полюбились больше других именно задатки святости. Так было и до самаго послѣдняго времени: когда Русь давно уже превратилась в Россію, «окнами на шесть земных морей», в темной толщѣ населенія, не россійскаго (признак государственный), а русскаго (признак племенной), среди людей даже неподозрѣвающих, как надлежит думать отвлеченно, жил по прежнему все тот же идеал государственности. По крайней мѣрѣ, художественное проникновеніе Гоголя заставило его вложить в уста свахи высшую, по ея мнѣнію, похвалу русскому языку: всѣ святые на нем говорили. Замѣтьте, — не господскій (барскій) язык, не язык великаго государства, а язык святых. Я не буду здѣсь поднимать вопроса, хорош ли такой идеал и насколько он оказался для нас достижим. Святость в ином пониманіи ведет к отрѣшенію от повседневнаго, житейскаго, да и во всѣх пониманіях она цѣль не из легких; но душевное устремленіе к святости, и притом не личной, а соборной, к святости всей земли и всею землею, во всяком случаѣ таково, что наличность его можно отмѣтить с чувством національнаго удовлетворенія.

Значительно хуже, думается мнѣ, обстоит дѣло с русским отношеніем к своей народности и к своему прошлому.

Патріоты мы плохіе, — теперь об этом уже почти не спорят. Обыкновенно только спрашивают, когда патріотизм наш вывѣтрился. Предполагается, что он был. И это продположеніе долго

меня мучило. По мнѣнію моему, можно, не обладая чувством патріотизма, быть или на этом или на том берегу его: можно не дорасти до патріотизма, не поднявшись выше любви к своему уѣзду, к своей волости, даже к одному своему хозяйству, а можно и перерости патріотизм, возвысившись до дѣйствительной любви ко всему человѣчеству. Я говорю, конечно, не о космополитах и интернаціоналистах, которые, нарушая естественную перспективу чувства, во имя слов о любви ко всѣм людям без различія народности (хотя бы и в предѣлах одного лишь класса), освобождают себя от дѣл любви к своим единоплеменникам; нѣт, я разумѣю такую дѣйствительную любовь к людям за чертою даннаго государства или даннаго народа, которая не исключает любви к своему государству или своему народу, а, напротив, предполагает ее, покоится на ней, как на нижнем этажѣ, образуя с ней единое зданіе. О таком универсализмѣ в качествѣ явленія сколько-нибудь типическаго вести рѣчь пока не приходится: переплыть рѣку патріотизма на другой берег рѣдко кому удавалось, и, слѣдовательно, с огромною житейскою вѣроятностью можно утверждать, что тѣ, кто не в лонѣ патріотизма, находятся или еще на этом или уже опять на этом берегу, то есть на берегу мелкаго переулочничества, «патріотизма своей колокольни». Если народ в массѣ не дошел до патріотизма, то нельзя отчаиваться: он может дойти потом. А если началось попятное движеніе от патріотизма, то становится страшно: это или опасная болѣзнь, или прямое умираніе. Вот почему 1612 год так смущал меня, пока я не додумался, что тогда русскій народ поднялся за православіе против латынников в Кремлѣ и люторцев в Новгородѣ, а не за Русь против поляков и шведов. Вѣдь и патріарх Гермоген, возбудившій народное движеніе, не был в силах согласиться на царя Владислава — католика, а не на царя Владислава — поляка. То, что русскій народ неотчетливо сознавал свое племенное единство и рѣдко над ним задумывался, лучше всего доказывается словом «русскій». Оно появилось (каково бы ни было его происхожденіе) довольно поздно и несразу об'единило всѣх руских: латыши до сих пор называют нас «кревес», то есть кривичами; очевидно, соприкасаясь с землею Смоленскою и Новгородскою, они имени «русскій» долго не слышали. Но этого мало. Геній русскаго языка для всего обиходнаго, ходового, часто встрѣчающагося, требует не прилагательнаго, а существительнаго: человѣк, дом, рѣка, плотник, каменщик, водовоз и т. п. А вот ученые, мировые (судьи), земскіе (начальники) — этим достаточно и прилагательнаго: когда еще их увидишь и когда еще к ним обратишься. Встрѣ-

чаясь с другими народами, русскіе каждому из них дали названіе в формѣ существительнаго: нѣмец, поляк, зырянин, даже цыган. И только себя называли прилагательным: русскіе. Родились было существитеьныя: «русич» и «русин», да не удержались, — большой потребности, видно, в них и было. Если и уцѣлѣли «русин» и «руснак», так в под'яремной Руси, гдѣ больнѣе ощущалась своя національность под чужим игом. Мало и этого, — слушайте дальше. Русское слово «Русь» мы замѣнили греческим «Россія» без всякой надобности; до сих пор есть углы даже в Великороссіи, гдѣ крестьяне на вопрос, кто они, отвѣчают: православные, вологодскіе, тутошніе, только не русскіе; а малороссы в интеллигентных кругах усвоили себѣ ничего не говорящее имя украинцев, не пожалѣв исконнаго имени русских. Право, мы стоим, как и всегда стояли, на этом берегу патріотизма, и поток народной стихіи окатывал нас своими волнами или, по крайней мѣрѣ, кропил брызгами лишь изрѣдка, в годы великих потрясеній.

Равнодушіе наше к своему, родному и народному, обнаруживается и в другом явленіи русскаго языка: в засореніи его чужеземными словами. Без заимствованія чужих слов не обходится ни искуственная письменность, ни живая рѣчь, но заимствованіе заимствованію рознь. Есть три прискорбных вида заимствованій, показывающих, что заимствующіе пренебрегают своим. Во-первых, иностранное слово берут без нужды, хотя есть русское слово, не менѣе выразительное, а то и прямо лучшее. Так, напр., мы пишем «фиктивный» вмѣсто «вымышленный», «симулированная» (или «симулирующая») и «диссимулированная» сдѣлка, хотя можно писать «притворная» и «прикрытая»; разговор наш пестрит варваризмами: «водомет» мы замѣнили «фонтаном», то есть исковеркали французское слово, вовсе неозначающее водомета; словом «оригинал» вытѣснили слова «чудак» и «подлинник», а словом «оригинальный» слова — «своеобразный» и «подлинный»; вмѣсто того, чтобы сказать «я передаю, как было», мы восклицаем: «я констатирую факт» и т. д. Большевики в этом отношеніи выказали особую ретивость, замѣнив «суд» — «трибуналом» и «закон» (или «указ») «декретом». Во-вторых, в наших устах русское слово обрастает иноземными приставками и примѣтами: контрразвѣдка, анти-общественный, большевизм, большевистскій, бронировать, будировать (в значеніи возбуждать); и я наперед знаю, что большинство читателей признают, быть может, допустимость слова «противуобщественный» и развѣ еще (послѣ статьи кн. С. М. Волконскаго в «Современных Записках») «большевицкій», а «противуразвѣдка», «броневать» покажется им дикостью: тако-

ва сила невниманія к своему, к русскому. Наконец, в третьих, многія иностранныя слова для нас звучат значительнѣе русских: секретарь не чета писарю, президент — предсѣдателю, директор — управителю, инспектор — смотрителю или надзирателю и т. п. Всего этого не об'яснить иначе, как недостатком уваженія к родному, домашнему, незаморскому. Лишь услышу что-нибудь в таком родѣ, невольно и вспомнится вывѣска портного в Кашинѣ: «проѣздом из Парижа в Лондон».

Недостаточное уваженіе к себѣ в настоящем неотдѣлимо от невниманія к своему прошлому. Русское прошлое мы знаем смутно, — это извѣстно из ежедневнаго опыта. Много ли новгородцев знакомы с исторіей Новгорода? Кто из рядовых москвичей отвѣтит, при каких обстоятельствах был воздвигнут собор, называемый в просторѣчіи церковью Василія Блаженнаго, и как его дѣйствительное наименованіе, соотвѣтствующее престольному празднику? Вѣдома ли даже харьковцам судьба города Царева-Борисова, построеннаго Борисом Годуновым? И таких вопросов без надежды получить на них удовлетворительные отвѣты можно ставить сколько угодно.

Чѣм должен быть для нас извѣстен Василій Петров, профессор медико-хирургической академіи при Александрѣ I? Что мы помним о Н. С. Мордвиновѣ, П. Д. Киселевѣ? Можем ли мы разсказать толково о государственных замыслах Сперанскаго? Уже бѣженцем я принял участіе в испытательной комиссіи, перед которой наша молодежь отчитывалась в своих знаніях по курсу средней школы, и мнѣ с горечью пришлось убѣдиться, что хуже всего испытуемые знают русскую исторію и исторію русской словесности. Что же это, — случайное явленіе, кратковременная болѣзнь духа, или затяжной недуг, требующій тщательнаго и долгаго лѣченія? Я отвѣчаю, что это застарѣлая немочь, и отвѣт свой основываю опять таки на русском языкѣ, на явных слѣдах нашего небрежнаго к нему отношенія.

Вот нѣсколько примѣров. Под Москвою крестьяне еще недавно говорили (а быть может, говорят и до сей поры): «с'ѣздить в город обыдёнкою» т. е. без ночевки, с возвратом в деревню к ночи; в Москвѣ есть церковь, по имени Илья Обыдённый, то есть построенная в один день; бабочки — обыдёнки свидѣтельствуют своим именем, что онѣ эфемериды, жизнь которых не превышает одного дня. Этимологія ясна: об+(ед)ин+день. И тѣм не менѣе в литературном языкѣ упрочилось слово «обыденный» (с перенесеніем ударенія на «ы») в значеніи «обычный», «обыкновенный», «повседневный». И виновником этого, повидимому, был ни кто

иной, как сам Тургенев. Возьмем другое слово: глагол «довлѣть». В евангеліи сказано: довлѣет дневи злоба его. Что это значит? И тут отвѣчает ясная этимологія: довольно каждому дню своей злобы, своих забот. И тѣм не менѣе у А. К. Толстого встрѣчается:

И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣют маестату.

Здѣсь уже в глагол «довлѣть» вкладывается совсѣм иной смысл: приличествовать, соотвѣтствовать. Но и на этом не остановилось небрежное искаженіе слова: «довлѣть» стали сближать с «давить», и «довлѣет» в смыслѣ «тяготит» употребляет в своих воспоминаніях даже такой русскій человѣк, как Деникин, в общем хорошо владѣющій пером.

Не возражайте мнѣ, что значенія слов постоянно мѣняются. Я и не думаю это отрицать. Как ни коробит меня «обязательно» в смыслѣ «непремѣнно», но я отдаю себѣ отчет, что «обязательно», имѣвшее прежде активное значеніе («обязательный человѣк», «он обязательно вызвался мнѣ помочь») могло, без искаженія смысла своего корня, принять значеніе страдательное («я обязательно исполню вашу просьбу»). Вполнѣ пріемлем и переход значенія по сходству: напр., «дьяк» стал «письмоводителем», «секретарем», без отношенія к церкви, потому что в «дьяконѣ» болѣе всего поражало наших предков умѣнье писать. Совсѣм иная судьба постигла слова «обыдённый» и «довлѣть». Это уже из области «мараль пустить», «променаж сдѣлать» и т. п. Такое наивное сближеніе по звуку недостойно образованных людей, любовно относящихся к своему, и недопустимость его мнѣ хочется показать на предположительном примѣрѣ: почему бы петлю не назвать подушкой? Вѣдь «подушку» так же легко произвести от «душить», как «обыденный» от «обыкновеніе» и «довлѣет» от «давить».

Мы не ограничиваемся извращеніем смысла слов, — мы ломаем слова в спряженіи и в склоненіи. И здѣсь я примиряюсь с тѣм, что по внѣшнему сходству глаголов сдать (с+дать) и (со)здать получилась форма «(со) здам», как бы в параллель с формою «сдам»; примиряюсь и с тѣм, что от «доля» родительный падеж множественнаго числа звучит не «доль», а «долей» по образцу «частей»: окончанія уподобляются друг другу, уменьшая свое разнообразіе. Но опять таки совсѣм другое образовывать глаголы «жаждать» и «зиждить», «зыбить» и «стелить». «Жажду» и «зижду» являются таким же настоящим временем, как «стражду»: стражду (современное: страдаю) от страдать, жажду от

жадать и зижду от здать (сравни отглагольное существительное «зданіе»). Производить неопредѣленную форму от настоящаго времени значит утерять чутье языка, значит отвернуться от языка своего народа. Также «зыблю» и «стелю»: их нужно сопоставить с «колеблю» и «сыплю»; как колеблю от колебать, сыплю от сыпать, так зыблю от зыбать и стелю от стлать.

Склоняем мы тоже «со взломом», как легко видѣть на примѣрѣ слов «полтора» и «полутора». Постоянно слышишь и читаешь: «болѣе полутора верст», «полтора суток». Что такое «полтора»? Пол+(в)тора = полвторого. Можно ли сказать: «болѣе полувторого верст»? Нѣт, мы бы сказали: «болѣе полуторы версты». Равным образом, и перенос ударенія с «а» на «о» в сочетаніи слов «полтора суток» только скрадывает от слуха рѣзкую несогласованность «полтора» и «суток», но не дѣлает самаго сочетанія этих слов грамотным: «сутки» — plurale tantum, и, как нельзя сказать: «одна ножницы», «половина второго суток», так же точно недопустимо говорить «полтора суток»; «пол(овина) вторых суток» могло бы дать сокращеніе «полторых суток», но такого сокращенія не образовалось, и остается ограничиваться сочетаніем: «сутки с половиною». И что же тут страннаго? Вѣдь говорим же мы: «два ведра с половиною» (вмѣсто «полтретья ведра»)?

Я бы мог длить со своими примѣрами до безконечности: я коснулся больного мѣста в моей любви к русскому языку. Но и приведеннаго довольно для подтвержденія мысли о невнимательности нашей к тому, что завѣщало нам наше вчера: ошибки, которыя мы дѣлаем в нашей рѣчи, слишком грубы и вскрывают слишком большую безпечность нашу в отношеніи к наслѣдственным сокровищам.

3.

Русскій народ создал великую самодержавную монархію, и до самаго послѣдняго времени в Россіи оставалось дѣленіе граждан на сословія. Однако, русских считают демократами и упрекают в излишнем индивидуализмѣ, даже анархизмѣ. Так ли это?

Мнѣ кажется, что самый точный отвѣт даст на поставленный вопрос русскій язык. Начать с того, что русскій язык не выработал дворянской частицы (de, von, of); это гораздо важнѣе того, образовались ли в данном государствѣ сословія и долго ли они в нем удержались: возникнуть и существовать сословія могли по множеству причин, лежащих внѣ народнаго характера, а отсутствіе звуковых отличій дворянскаго имени от недворянскаго вскрыва-

ет самую сущность народных воззрѣній на сословныя перегородки. К тому, что у нас дѣло обошлось без дворянской частицы, нужно прибавить, что и титулов у нас не было: лѣстницы титулованнаго дворянства, как, напр., в Англіи (от герцога до найта) и во Франціи (от принца и герцога до видама и шевалье), мы так и не позаимствовали, удовольствовавшись двумя заемными титулами графа и барона всего с XVIII вѣка; да и русскій титул князя до петербургскаго періода значил только, что носящій его нисходит от властителей, но не расцѣнивался сколько-нибудь высоко, и чин боярина звучал, видимо, внушительнѣе. Самое названіе «дворянин» в сравненіи хотя бы с французским «noble» показывает, что русскій народ отличал «благородство» от «рожденія во дворянствѣ» и видѣл в дворянах лишь состоящих при дворѣ царя (великаго князя), как в дворовых — состоящих при дворѣ помѣщика.

Что же касается индивидуализма, то тут язык указывает на два типа народов. В древнем мірѣ представителями этих типов были римляне и греки. У римлян главным именем являлось родовое (Анатолій, Октавій, Клавдій), иногда два (Юлій Цезарь, Туллій Цицерон, Клавдій Нерон), иногда даже три (Корнелій Сципіон Эмиліан, Юлій Цезарь Октавіан), то есть прозвище наслѣдственное и потомственное, общій ярлык для всѣх членов даннаго рода. Личныя же имена у римлян влачили жалкое существованіе: их было мало, они были слишком просты (напр., Квинт, то есть пятый, Секст, то есть шестой, Маній, то есть родившійся утром), к ним прибѣгали рѣдко (так что личное имя Корнелія Непота неизвѣстно, а личное имя Плавта спорно). Напротив, у греков вовсе не было родовых имен, а личныя за то звучали величественно: Аристокл (Вячеслав), Ѳемистокл (Судислав), Ѳеопомп (Божій посол) и т. п. Послѣдователями римлян явились народы запада Европы: фамилія у англичан, французов, нѣмцев — все; можно быть знакомым с французом нѣсколько лѣт и не знать его личнаго имени. За романо-германскими народами пошли и западные славяне, но невполнѣ, что также вскрывает язык: сравните, напр., французское nom (фамилію) и prénom = пред+имя (личное имя) с чешским jméno (личное имя) и příjmení =при+имя (фамилія), и вы поймете, что основным именем для француза оказывается родовое, а для чеха все-таки личное, хотя он, вслѣд за романогерманцами, и привык в сношеніях с людьми выдвигать вперед не личное имя, а фамилію. С греками наравнѣ довольствовались личными именами древніе евреи, арабы, финикіяне, довольствуются турки, довольствуемся и мы, русскіе. Правда, у нас давно есть

фамиліи, но мы по прежнему зовем друг друга по личным именам, и бывает иногда так, что мы, зная имя и отчество человѣка, не увѣрены в точном знаніи его фамиліи.

Что же это значит? Если довольствоваться одним свидѣтельством языка, то вывод несомнѣнен: русскіе болѣе индивидуалисты, чѣм, напр., французы. Но как же такой вывод совмѣстить с самодержавіем и безправіем? Я полагаю, что язык не обманывает, а кажущееся противорѣчіе легко устранимо. Римляне потому и разработали частное право, что этим путем спасали себя от опасности быть поглощенными коллективом, к чему имѣли врожденную наклонность. Русскіе потому и оказались в самодержавном государствѣ (царском и потом совѣтском), что иначе индивидуализм их, близкій к анархизму, мог бы их распылить. Мнѣ часто кажется, что народы должны быть воспитываемы, как отдѣльные люди: если мой воспитанник склонен к скупости, я буду развивать в нем щедрость, а если он впадает в расточительность, я стану пріучать его к бережливости. Так и народы: склонные к возвеличенію общаго за счет частнаго должны выучиться цѣнить частное, а готовые ставить на первый план частное, личное обязаны привить себѣ навыки общественности. Иногда пріемы такой прививки оказываются плохими, но діагноз не опорачивается неудачным лѣченіем.

4.

Каково положеніе русской женщины? Как относится к ней русскій народ в его цѣлом или, говоря у́же, мужская его часть? Впрочем, я предпочитаю говорить и тут обо всем народѣ, потому что положеніе женщин в народѣ зависит не только от мужчин, но и от самих женщин.

И здѣсь лучше всего отвѣчает язык.

Прежде всего, меня останавливали два явленія в русской грамматикѣ. В склоненіи имен существительных возобладали окончанія женскаго рода (напр., домами, окнами, как водами, руками), а уменьшаясь, слово женскаго рода часто переходит в слово мужского рода: шуба, полушубок; станція, полустанок: лодка, полулодок; свинья, подсвинок; (весенняя большая) вода, паводок. Мнѣ представляется, что высокомѣрное отношеніе к женскому, если бы оно было, сдѣлало бы психически невозможными такія грамматическія явленія.

Но это присказка, а сказка еще впереди. Думали ли вы над тѣм, что муж и жена в Россіи носят, я бы сказал, равноправныя фамиліи? Веселовскій, Веселовская; Петров, Петрова; Григорович, Григорович; Кочубей, Кочубей; Пастернак, Пастернак. Иными словами, если муж именуется прилагательным, то и жена так же, только в женском родѣ, а если муж именуется существительным, то жена пользуется таким же именем без измѣненія. А на Западѣ Европы? Madame Paul Adam, Frau Docktor Schmidt, Nováková (а муж Новак), Witosowa (а муж Витос). За ними потянулись и украинцы: Шевченко, Шевченкова. Вы чувствуете разницу: Петрова, когда муж Петров и когда муж Петр, далеко не одно и то же: в первом случаѣ у супругов общая вывѣска, во втором — у жены вывѣска мужа, или, вѣрнѣе, на женѣ мужнее тавро, гласящее о ея принадлежности мужу.

Когда я развивал это противуположеніе в присутствіи западных европейцев, мнѣ приходилось не раз слышать возраженіе — невозраженіе, а словесное обходное движеніе: указывали на отчество, как на доказательство преимущества, если не мужа перед женою, то отца перед матерью. Я принимал бой и на этом полѣ. Во-первых, я утверждал, что русскій язык не выработал термина «отцовская власть» (ср., французское »la puissame paternelle«), а пользуется термином «родительская власть», чего достаточно для вывода, что преимущества русскаго отца перед русскою матерью очень сомнительны, поскольку их ищут в нравах. Во-вторых, я настаивал на том, что отчество есть знак одинаковаго уваженія и к отцу и к матери: в самом дѣлѣ, что может быть почетнѣе для замужней женщины, чѣм увѣренность окружающих в том, что ея ребенок есть сын или дочь именно ея мужа?

Таково свидѣтельство о положеніи русской женщины, даваемое русским языком. Перехожу теперь к неумышленному свидѣтельству русской словесности. Из этого безбрежнаго моря я позволю себѣ взять одного лишь Пушкина. Остановите ваше вниманіе на том, что Татьяна умнѣе Евгенія Онѣгина и Марья Ивановна умнѣе Петра Гринева. Это вышло у Пушкина, конечно, ненамѣренно, и тѣм оно цѣннѣе. Возьмите для сравненія двух героинь западной литературы, к которым авторы относились с несомнѣнною любовью: героиня романа Мопассана »Une vie« и Маргарита Гете. Обѣ очень ограничены, можно сказать — глупы. Со всѣм уваженіем к генію Гете я рѣшаюсь замѣтить, что роман Фауста с Маргаритою не может не возбуждать в русской душѣ величайшаго недоумѣнія: как Фауст, этот исключительный по уму, дарованіям

и учености человѣк, мог пожелать, да еще цѣной своей души, стать снова молодым для того только, чтобы влюбиться в хорошенькую, но безсодержательную мѣщаночку? И как он мог потом устраивать счастье человѣчества, перешагнув через ея труп и труп своего ребенка от нея? И мнѣ с гордостью хочется подчеркнуть иное отношеніе к женщинѣ нашего Пушкина. В своей «Сценѣ из Фауста» он не только устами Мефистофеля произнес над Фаустом первой части трагедіи суровый приговор:

Так безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзав нищаго в лѣсу,
Бранит ободранное тѣло.

Он еще и усумнился в самой возможности Фауста второй части, с безпощадною убѣдительностью показав, что человѣк, так относящійся к женщинѣ, будет скорѣе, оставаясь послѣдовательным, не человѣчество спасать, а напр., топить по своей прихоти

Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать к Голландіи готовый.

Пушкин, разумѣется, ошибался: не сломается же человѣк от того только, что погубит кролика в неудачно поставленном опытѣ; но есть ошибки, дѣлающія честь сердцу ошибившагося: русскій поэт не постиг возможности вивисекціи над человѣком, хотя бы «только» над женщиною.

С величайшею увѣренностью я утверждаю, что в русском языкѣ и в русской словесности выявляется с непререкаемостью равноправность русской женщины в наших правах. Пусть грубость низов вызывает пѣсни Некрасова о бабьих стонах и губит Катерину из «Грозы», — это наносное. А существенно то, что русская жена имущественно независима от мужа, что русская мать не нуждается в соопекунѣ над своими дѣтьми, что русская царевна, кинув терем и встав во главѣ правленія, не удивила тѣм нисколько населеніе Москвы, что никто не удивлялся женщинѣ — президенту академіи в XVIII и кандидатурѣ женщины на пост предсѣдателя учредительнаго собранія в XX вѣкѣ и что у крестьян вдова-домохозяйка является безспорно полноправным членом сельскаго схода, а жена сотскаго, надѣв бляху мужа, спокойно сопровождает арестанта, и тот видит в ней с неменьшим спокойствіем должностное лицо, естественнаго замѣстителя мужа.

5.

Извѣстный эллинист, проф. О. Ф. Зелинскій, в одном из своих сочиненій как-то выхвалял древних римлян за слово »concordia«. По его мысли, римляне смотрѣли в существо вещей: для них было важно не согласіе (единеніе голосов), а «сосердіе» (единеніе сердец). К тому времени, когда я натолкнулся на это сужденіе знаменитаго ученаго, я уже был готов признать за русским языком исключительную совѣстливость, боязнь всякаго рода преувеличеній. И думается мнѣ, что примѣр проф. Зѣлинскаго — на мою мельницу вода. Кто может знать, есть ли единеніе сердец? Достаточно, что присутствующіе высказались единогласно. Если в рѣдких случаях и удается установить единство помыслов, а не только слов, то на это есть особое выраженіе: «единодушіе», а расхожим является все-таки «согласіе», скупое и совѣстливое в своей скупости.

Я взял один примѣр. Кажется, что на нем можно и покончить. Прибавлю развѣ еще, что русскій язык мало приспособлен для игры слов и чужд оп'янѣнію словами. Сравните его в этом отношеніи с французским. Многіе восхищаются тою легкостью, с какою рождаются во французском разговорѣ двоесмыслія, и тѣм изяществом, с каким по французски подаются рискованныя словесныя блюда. Но безспорная в этом неповоротливость русскаго языка только свидѣтельствует о честности мысли, о том, что русскіе люди настойчиво ищут разнозвучных слов для разнствующих оттѣнков, предносящихся умственному взору говорящаго. Как тут играть словами, когда одно и то же слово принимает разныя ударенія и разныя окончанія с видоизмѣненіем своего смысла? Заговóр против правительства, но зȁговор на кровь; сажень дров слóжена в углу двора, но эта женщина хорошо сложенȁ; вся комната пропахла духȁми, но на послѣднем сеансѣ мы бесѣдовали с дýхами; цвѣты и цвѣта; хлѣбы и хлѣба; корни и коренья; листы и листья; кóзлы и козлы. Что же касается, как я выразился, «опьянѣнія словами», то вспомните по этому поводу гонгоризмы Кальдерона и Шекспира, напыщенность Расина и Корнеля, Виктора Гюго; вспомните, что тѣм же грѣшил и Шиллер. Великіе писатели во множествѣ впадали на западѣ в громкія слова, становились на словесныя ходули, а у нас из великих в этом повинен один Гоголь.

6.

Всѣм, вѣроятно, со школьной скамьу памятен гипербат. Так называется оборот рѣчи, позволяющій выдвинуть главныя слова на самое видное мѣсто, а именно — в началѣ и в концѣ фразы, вклинив между ними всѣ остальныя, имѣющія второстепенное (сравнительно с ними) значеніе. Гипербату нас, проходивших еще строгую классическую школу, учили примѣнительно к древним языкам. Помню латинскій примѣр: Magna dis immortalibus habenda est gratia. О чем здѣсь говорится? О magna gratia, т. е. о великой благодарности; эти два слова — главныя во всем предложеніи. А что говорится по поводу великой благодарности? Говорится, что ее нужно воздать безсмертным богам: dis immortalibus habenda est. И вот эти дополнительныя слова вставлены между двумя главными: главныя их как бы обволакивают, служат им оболочкой, скорлупою, футляром. По французски совершенно недопустимо разставлять так слова. А по русски можно: великую безсмертным богам надлежит воздать благодарность.

Чего же свидѣтельством является гипербат? Он свидѣтельствует о широтѣ мышленія: мыслится вся фраза разом, а не слово за словом. Француз думает узко, корридорно: сначала поставит слово, означающее долженствованіе, потом глагол воздать, потом отвѣтит на вопрос «что?» и, наконец, на вопрос «кому?» Если даже он захочет, напр., выдѣлить слова: aux dieux immortels то он поставит их вперед с помощью добавочных слов: c'est — que, но поставит не разрывая, а опять вмѣстѣ, так что и в этом случаѣ мышленіе окажется узкою тропинкою. Напротив, русскій думает широкою полосою: слова ему являются не гуськом, а развернутым фронтом.

Твоей ознаменую дѣла мои печатью.

Этот старый, еще из XVIII вѣка, стих мог быть написан и без гипербата:

Ознаменуй дѣла мои твоей печатью.

А с половинным гипербатом он нисколько не потерял бы в своей легкости:

Мои ознаменуй дѣла твоей печатью.

И все-таки он написан с полным гипербатом: значит, была в том внутренняя, а не внѣшняя потребность.

И если в письменном языкѣ нашем гипербаты стали рѣдкостью,

то причина этому в желаніи соблюсти мнимую правильность при разстановкѣ слов. Разговорная же рѣчь и до сих пор пестрит у нас гипербатами. Вот бѣглые примѣры: «Сегодня куда ты так рано ѣхал?» «И плохую же вы себѣ купили матерію!» «Голова не от безсоницы, а от сна непробуднаго болит».

Но в таком случаѣ самым широким мышленіем обладают нѣмцы, а не русскіе. Вѣдь они могут в главном предложеніи втискивать длинныя придаточныя, чего по русски нельзя.

. . . Француз убогій,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя . . .

Дальше таких очень коротких придаточных предложеній мы, в гипербатах, не идем: не пріемлет душа. А вот нѣмцы длиннотою вставочных предложеній куда меньше нас стѣсняются.

Ну, так что же? Во-первых, отмѣчая особенности душевнаго уклада русских людей, я не питал намѣренія ставить их непремѣнно впереди всѣх. А во-вторых, такая широта мышленія, которая заставляет слушателя томиться долгим ожиданіем, чѣм завершена будет произносимая фраза, как то незамѣтно сплетается с медлительностью воспріятія: только неторопливо воспринимающій смысл слов собесѣдника в силах ждать, чѣм же кончится злоупотребленіе гипербатом. И недопустимость длинных гипербатов в русском языкѣ, я полагаю, доказывает не ограниченность широты мышленія, а лишь быстроту воспріятія слушателями слов говорящаго. Насколько быстрѣе мы в этом отношеніи, чѣм нѣмцы, легко видѣть и из того, что они отрицаніе приберегают к концу, тогда как мы ставим их в началѣ, да еще по нѣскольку раз.

7.

«Не откладывай на завтра того, что можешь сдѣлать сегодня», говорят прилежные нѣмцы. «Не откладывай на завтра того, что можешь отложить на послѣзавтра», могли бы мы откликнуться русскою поговоркою на нѣмецкое нравоученіе. Способностями мы не обижены, а вот усидчивостью в работѣ не отличаемся. Это, повидимому, общеизвѣстно, и язык сам об этом свидѣтельствует.

«Работу» мы произвели от «раба», а со словом «труд» сочетаем такія неожиданныя представленія, как тяжесть («Ты любишь горестно и трудно») и боль («натрудил ногу»).

Любимый герой народных сказок у нас — Иванушка Дурачек — вовсе не дурак: очень смышленный, совсѣм себѣ на умѣ человѣк; но лѣнив он ужасно, во всяком случаѣ не меньше своих незадачливых старших братьев. За него все дѣлают другіе: и люди, и звѣри, и птицы. А он милостиво присваивает плоды их работы и выдает за свой труд и за свое искусство. Спит он, а за него Лягушка-Царевна дворец строит; в одну ночь выстроила, а награда — Ивану, который даже и не морщится, принимая ее.

В сочувствіи бездѣльникам, лишь ба они были находчивы и оборотисты, сказки наши идут поистинѣ далеко. Извѣстная сказка про Шемякин суд напрасно выставляется как сатира на неправедных судей. То обстоятельство, что большевистская замѣна суда расправою прошла у нас совершенно гладко и почти незамѣтно, лучше всяких доводов показывает полную безнадежность поисков за сказкою, в которой бы звучала тоска по правосудію. И дѣйствительно, — упомянутая мною сказка чрезвычайно довольна Шемякиным судом, хотя он и оказался кривым, как и всегда. А почему довольна? Потому что обѣлен по существу человѣк, предпочитающій изворотливость работѣ. Припомните: бѣдный мужик оторвал хвост у лошади богатаго мужика, потому что пахал на ней с возмутительной небрежностью, привязав ее к сохѣ за хвост, и убил ѣхавшаго под мостом крестьянина, потому что прыгнул с моста не глядя, смаху. Поступки — нельзя сказать, чтобы похвальные, да и поведеніе мужика перед лицом судьи прямо-таки зазорное: смѣсь обмана с угрозами. И все-таки сказка на сторонѣ этого безсовѣстнаго бездѣльника: труд не важен, была бы удаль, хотя бы и низкопробная.

Говоря по правдѣ, мнѣ еще далеко до конца. Но я кончил: кончил, потому что сжал до послѣдняго то, что изложено выше, и потому что я умолчал обо многом, что просилось на язык и под перо. Шопенгауэр учил, что не слѣдует отвѣчать на все сегодня, а нужно оставить что-нибудь и на завтра.

Я смотрю на свою статью, как на первоначальные наброски, как на часть каталога, лишь указывающаго, что есть в хранилищѣ. Сокровища в архивѣ русскаго языка и в русской словесности накопились несмѣтныя; разобраться в них не под силу отдѣльному человѣку: нужны совокупныя усилія многих.

Тургенев, восторгаясь русским языком, как то обмолвился, что положительных качеств языка нѣт в создавшем его народѣ, и вы-

вел отсюда, что они будут лишь современем. Я смѣю думать, что Тургенев ошибся. Каждый народ заслуживает своего языка и, прибавлю, своей словесности. И если правда, что видимое лицо русскаго народа хуже русскаго языка и русской словесности, то отсюда только слѣдует, что видимое лицо народа не является его подлинным лицом: дѣйствительность — безпощадна, и часто не позволяет развернуться природным свойствам во всю, в настоящій их рост.

Как и Тургеневу, так и всѣм нам в часы печальных раздумій над судьбами русскаго народа маяком свѣтил русскій язык, но отсюда, из высоких качеств языка, по моему, нужно заключить, что в народѣ уже теперь заложено все выступившее наружу в языкѣ, как выступают на чувствительной фотографической пластинкѣ незамѣтныя простому глазу пятна и морщины.

Я иду далѣе и, гордясь русским языком и русской словесностью, вижу в них все-таки указанія и на недостатки русскаго народа. Вижу и смѣло говорю о них. Если я ошибаюсь, то от этого вреда не будет никому, кромѣ развѣ меня; а если я прав, то первый шаг к освобожденію от недостатков — безтрепетное указаніе на них. Только неувѣренность в себѣ вызывает потребность в замалчиваніи своих минусов. А я вѣрю в будущее величіе русскаго народа, помня о его прошлом величіи, и знаю, что достоинства русской души перевѣшивают ея недочеты. Так зачѣм же молчать о недочетах?

Правды, только правды и всей правды, — в мѣру, конечно, своего разумѣнія и умѣнія, — надобно требовать от себя на каждом жизненном шагу.

Сергѣй Завадскій.

КРЕСТЬЯНСТВО В РУССКОЙ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Научный интерес к историческим судьбам русскаго крестьянства возник у нас в 50-х годах XIX столѣтія, отчасти в связи с идейной борьбой славянофилов и западников, отчасти в связи с поставленной уже тогда на ближайшую очередь отмѣной крѣпостного права. Два вопроса, относящіеся до исторіи крестьян, сдѣлались тогда предметом оживленной научной полемики; то были — вопрос о происхожденіи крестьянской общины и вопрос о происхожденіи крѣпостного права.

Как зародилась в Россіи крестьянская земельная община — сверху или снизу, по приказу власти, в связи с фискальной политикой правительства или в результатѣ самопроизвольнаго народнаго творчества, как естественный плод народнаго духа. Западники рѣшительно выдвинули тогда теорію правительственнаго насажденія общиннаго землевладѣнія. Славянофилы видѣли в крестьянской общинѣ исконный факт народной жизни. И между представителями этих двух противоположных воззрѣній разгорѣлась горячая полемика.

Застрѣльщиком ученаго спора явился западник — Б. Н. Чичерин. В 1854 г. в «Русском Вѣстникѣ» появилась его статья: «Обзор историческаго развитія сельской общины в Россіи». Славянофилы тотчас же подняли перчатку. Славянофил — И. Д. Бѣляев отвѣтил Чичерину на страницах славянофильской «Русской Бесѣды». Чичерин немедленно напечатал антикритику в «Русском Вѣстникѣ», Бѣляев с своей стороны дважды отвѣчал Чичерину. Сторону Бѣляева приняли Никита Крылов и Юрій Самарин. С. М. Соловьев старался намѣтить примирительную линію. В этой интересной научной полемикѣ 50-х годов можно найти зародыши и всѣх дальнѣйших сужденій по исторіи крестьянской общины, высказанных в болѣе поздних работах, авторы которых и хронологически и по существу своих воззрѣній были уже совершенно неприкосновенны к былым спорам славянофилов и западников.

Чичерин не находил в древнѣйшей Руси слѣдов земельной общины. На зарѣ своей исторіи русскіе славяне — по его мнѣнію

— жили в формах патріархальнаго родового быта, через который прошли всѣ племена арійскаго корня. Одною из принадлежностей кровнаго родового союза была и общность родового имущества, которым распоряжался родовладыка вмѣстѣ с совѣтом старших родичей. Но эта архаическая родовая община была быстро разрушена с появленіем на Руси варяжских князей с их дружинами. Завоеватели присвоили себѣ часть родовой общинной собственности; родовые союзы были разстроены и вмѣсто них установились общины владѣльческія, представлявшія собою союз людей, об'единенных исключительно совмѣстным нахожденіем на землѣ одного и того же владѣльца. У этих владѣльческих общин не было тогда ни устойчиваго личнаго состава, ни общиннаго землепользованія. Земледѣльцы безпрерывно переходили от одного землевладѣльца к другому и при этом каждый садился отдѣльно на своем жеребьи, больших сел не возникало и не село, а волость становилась единицей общиннаго устройства. Но эта волостная община отнюдь не была поземельной. Каждый распоряжался своим земельным участком совершенно индивидуально и свободно отчуждал его в различных формах без всякаго участія общины. Общинная организація исчерпывалась лишь тѣм, что выборные органы общины — старосты, сотскіе — раскладывали между жителями волости повинности, слѣдовавшія землевладѣльцу и слѣдили за правильным отбываніем этих повинностей. Отношеніе общинной организаціи к землѣ ограничивалось лишь тѣм, что община приглашала новых поселенцев на опустѣвшія мѣста, но еще не существовало ни общаго владѣнія землей, ни ограниченія права наслѣдованія отдѣльных членов, ни земельных передѣлов, ни общинных хозяйственных учрежденій.

Только в XVIII ст. устанавливается у государственных крестьян общинное пользованіе землей в прямой связи с введеніем подушной подати, когда для уравнительнаго распредѣленія налоговой тягости пришлось и земельные участки распредѣлять по числу душ. Активная направляющая роль принадлежала в этом дѣлѣ правительственной власти и только межевая инструкція Елизаветы и Екатерины окончательно опредѣлили и закрѣпили общинный порядок поземельнаго владѣнія.

Против этой-то схемы Чичерина и выступил Бѣляев. В противоположность Чичерину Бѣляев не придавал появленію варягов среди русских славян никакого значенія в процессѣ сформированія общественнаго порядка на Руси. Еще задолго до появленія варягов русскіе славяне вышли из состоянія архаическаго родового быта и кровные патріархальные союзы замѣнились у них территоріальными, сосѣдскими общинами, в которых весь жизненный распорядок подчинялся не патріархальной власти родовладыки, а власти міра, общиннаго схода. В таком видѣ община перешла и в историческую эпоху. Задолго до появленія подушной подати, еще во времена русскаго средневѣковья, она уже жила полною жизнью на основѣ общинных начал, вытекавших из духа народа. Бѣляев не согласен с тѣм положеніем, что вся земля была захвачена князьями. «Черныя» земли — говорил он —

принадлежали общинам и функціи общины вовсе не ограничивались тогда раздачей пустых участков и разверсткой податей и повинностей. В то время существовали уже и земельные передѣлы, в доказательство чего Бѣляев привел один документальный примѣр, впрочем относящійся уже к XVI ст.*). Конечно, Бѣляев не мог обойти того факта, что в документах русскаго средневѣковья зарегистрированы многочисленнѣйшие случаи свободнаго отчужденія отдѣльными крестьянами принадлежавших им земельных участков. Бѣляев выходил из этого затрудненія при помощи того предположенія, что помимо участія в общинных землях крестьяне имѣли еще свои отдѣльныя земли, к которым и надлежит относить вышеупомянутыя индивидуальныя сдѣлки. Итак, — введеніе подушной подати и связанныя с этой реформой послѣдующія правительственныя мѣропріятія XVIII столѣтія не создали впервые общиннаго владѣнія, а только видоизмѣнили его форму, введя распредѣленіе земли *по душам* вмѣсто прежняго гораздо болѣе раціональнаго распредѣленія *по силѣ*.

Теорію Бѣляева вполнѣ воспринял Лешков, также принадлежавшій к славянофильскому направленію. В своей книгѣ «Русскій народ и государство» Лешков набросал широкую картину общественнаго строя древней Руси, в основѣ котораго, по его мнѣнію, лежала большая многолюдная территоріальная община. Такую общину Лешков хотѣл видѣть в упоминаемой в «Русской Правдѣ» *верьви*, члены которой — по мнѣнію Лешкова — получали от общины земельныя жеребья и за пользованіе таким надѣлом несли в пользу общины извѣстныя повинности.

Чичерину не трудно было отпарировать эти выступленія славянофильских историков. Построенія Бѣляева и Лешкова страдали тѣм существенным недостатком, что они опирались не столько на документальныя данныя, сколько на положенія, дедуктивно выводимыя из нѣкоторых отвлеченных предпосылок. В самом дѣлѣ, в доказательство распространенности в древней Руси общиннаго землевладѣнія Бѣляев мог привести всего один случай земельнаго передѣла и то уже от XVI ст. Соловьев и Калачев добавили еще два случая от конца XVII столѣтія. Всего три факта, и всѣ три сравнительно очень поздние. Чичерин, отвѣчая оппонентам, имѣл полное основаніе замѣтить, что этого слишком недостаточно для подкрѣпленія теоріи о том, что общинное землевладѣніе было в древней Руси общераспространенным явленіем и служило основной стихіей всего общественнаго быта того времени. И этим трем фактам Чичерин противопоставлял многочисленные акты по индивидуальным сдѣлкам на земельные участки, совершавшимися отдѣльными крестьянами без участія общины. Не находило себѣ подтвержденія в статьях «Русской Правды» и теорія верьви Лешкова. «Русская Правда» знает вервь, лишь как союз административно-полицейскій, связанный круговою отвѣт-

*) В добавленіе к этому примѣру Соловьев в разборѣ той-же статьи Чичерина привел еще случай передѣла земли в Шуѣ в концѣ XVII ст., а Калачев отмѣтил один случай передѣла земли в дворцовом селѣ тоже в концѣ XVII в.

ственностью своих членов перед властью за совершаемыя ими правонарушенія и никакого указанія на поземельный и вообще хозяйственный характер этого союза из «Русской Правды» выжать невозможно.

Но если славянофилам не удалось доказать общераспространенности общиннаго землепользованія в древней Руси, то и Чичерину не удалось отстоять той мысли, что самая идея поземельной общины, была чужда народу в до-Петровскую эпоху и впервые зародилась на почвѣ правительственных финансовых преобразованій XVIII столѣтія. Как никак, проявленіе этой идеи отыскались и в до-Петровской эпохѣ. Отыскалось их весьма мало. Это подрывало широкія славянофильскія построенія. Но и тезис, выставленный Чичериным, все же был поколеблен. Ибо вопрос шел не об арифметическом подсчетѣ случаев земельнаго передѣла, предшествовавших введенію подушной подати, а о том, что самая мысль о таких передѣлах не зародилась впервые в петербургских канцеляріях XVIII столѣтія.

Послѣдующая разработка вопроса отчасти дала болѣе подробное развитіе схемам, намѣчавшимся в спорѣ 50-х годов, отчасти внесла в содержаніе спора новые и интересные моменты.

Теорія Лешкова была воспроизведена в дополненном видѣ в работах Кейслера и Соколовскаго. В своем сочиненіи »Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeinde-besitzes in Russland«. Кейслер вполнѣ отождествлял вервь с древнегерманской маркой. До появленія варяжских князей в веревных союзах, по его мнѣнію, сосредоточивалась вся общественная власть, суд и управленіе и в то же время вервь была союзом поземельным, распредѣляла землю между своими членами и установляла порядок землепользованія. Появленіе варяжских князей не разрушило этой организаціи, а только ограничило сферу ея примѣненія по мѣрѣ того, как с развитіем частной земельной собственности часть земли вышла из общины и поступила в частное обладаніе. Соколовскій (см. его труды: «Очерк исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи» и «Экономическій быт земледѣльческаго населенія и колонизація юго-восточных степей перед крѣпостным правом») пошел еще дальше в том же направленіи. Отождествляя подобно Кейслеру вервь с маркой, он старается доказать, что преемницей верьви в качествѣ крупной поземельной общины явилась у нас *волость*, которая только в XV-XVI в. в. превратилась из поземельной общины в административный округ, уступив свое прежнее значеніе поземельнаго союза болѣе мелким деревенским общинам.

Теорія крупной волостной земельной общины аргументирована у Соколовскаго весьма слабо. В сущности его аргументы исчерпываются указаніем на то, что: 1) волости раздавали желающим пустые участки и 2) в документах встрѣчаются упоминанія о «волостных лѣсах». Критикам Соколовскаго не трудно было показать сколь мало эти факты доказывают, что волость была поземельной общиной.

Новое своеобразное освѣщеніе вопроса было дано затѣм в работѣ Александры Ефименко. В распоряженіе этой талантливой

изслѣдовательницы попало большое количество сѣверных «веревных книг», которыя писались самими крестьянами для распредѣленія земельных участков в связи с распредѣленіем податей. Изученіе названных книг дало возможность Ефименко выступить с новой схемой эволюціи крестьянскаго землевладѣнія.

Ефименко не усматривает в Московской Руси признаков ни крупной волостной, ни мелкой деревенской поземельной общины. К этому отрицательному выводу приводит ее разбор трудов Соколовскаго. Соколовскій приложил всѣ старанія к тому, чтобы извлечь из источников малѣйшіе намеки на поземельную общину в Московской Руси. И все, что он мог извлечь, оказывается не имѣющим отношенія к общинному землепользованію.

Но если поземельный строй тогдашней деревни не был общинным, то это еще не значит, что он был подворно-участковым. Из веревных книг Ефименко извлекает картину третьяго смѣшаннаго порядка землепользованія, который она называет *долевым* и в котором она находит своеобразное сочетаніе нѣкоторых элементов и общиннаго, и подворно-участковаго землепользованія. Долевое землепользованіе заключалось в слѣдующем. Деревня представляла собой поземельное цѣлое. Ея пашня была разбита на смѣны, смѣны — на поля или коны. Каждый двор деревни имѣл свой участок в каждом кону каждой смѣны, точно так же как и в каждой пожнѣ, в каждом переложкѣ, в каждой закраинѣ. Количество земли одного двора или было равно количеству земли другого двора, или стояло к нему в каком либо кратном отношеніи, повторявшемся для каждаго куска.

Такой порядок, по мнѣнію Ефименко, установился в результатѣ раздѣла земли, нѣкогда принадлежащей одной большой семьѣ — *задругѣ*, носившей на сѣверѣ Россіи названіе *печище*. Когда разлагающееся печище приступало к раздѣлу, каждый участник дѣлежа получал право на извѣстную идеальную долю из прежняго общаго земельнаго имущества. Ему отводилась часть в каждом сортѣ угодій. Если эта реальная часть оказывалась несоотвѣтствующей идеальной долѣ, на которую имѣл право данный участник, он мог требовать уравненія в формѣ передѣла. Ясно, что перед нами — порядок, который никак не может быть признан подворно-участковым владѣніем. Однако, это и не общинное владѣніе, ибо каждый, получившій «по дѣлу» свой участок, мог его свободно продать, заложить, отдать в приданое и т. п. кому угодно. Благодаря таким сдѣлкам в состав былого печищнаго союза, нѣкогда связаннаго кровным родством, вводились сторонніе элементы, и союз родственников вытѣснялся союзом *складников*.

Итак, долевое владѣніе не было ни общинным, ни подворно-участковым, но из него с теченіем времени, при тѣх или иных условіях, могло развиваться либо то, либо другое. Что же получилось в дѣйствительности? На черносошном сѣверѣ долевое владѣніе в XVI-XVII в. в. довольно быстро стало переходить в подворно-участковое, тогда как на владѣльческих землях других районов Россіи под вліяніем помѣщичьей власти, в связи с уста-

новленіем уравнительной разверстки господских повинностей, нарождалась община с передѣлами. В XVIII столѣтіи государственная власть вводит общинное землевладѣніе и на черносошном сѣверѣ ради фискальных соображеній, дѣйствуя в этом случаѣ рѣшительно и стремительно и не принимая во вниманіе протестов мѣстнаго населенія.

Таким образом, Ефименко приходит к заключенію, что поземельная община не была исконным, изстаринным явленіем русской жизни. В этом отношеніи она как будто сближается с Чичериным. Однако, она не находит возможным согласиться с тѣм утвержденіем Чичерина, что общинное начало было внесено в русскую жизнь сверху и возникло исключительно из фискальных потребностей государства. Если на сѣверѣ община была насажена велѣніями государственной власти, то в других районах она могла народиться путем естественной эволюціи долевого владѣнія, в котором были уже на лицо всѣ элементы общиннаго землепользованія. При установленіи равных повинностей долевая деревня непремѣнно сама перешла бы в общинную, так что воздѣйствіе помѣщичьей и правительственной власти могло лишь ускорять темп этого процесса и закрѣплять его результаты.

II.

Тогда же, в 50-х годах, было положено начало научной полемикѣ и по другому важному вопросу по исторіи крестьянства. Я разумѣю вопрос о происхожденіи крѣпостного права на крестьян. Долгое время господствовал тот взгляд, что крѣпостная зависимость крестьян была установлена правительственным указом 1592 года, изданным в царствованіе Федора Ивановича по иниціативѣ Бориса Годунова. Никто нигдѣ не мог найти этого указа. Но убѣжденіе в его существованіи опиралось на толкованіе дошедшаго до нас указа 1597 года. Указ 1597 года касался вопроса о бѣглых крестьянах. Крестьяне, садившіеся на участки владѣльческой земли, снимавшіе эти участки на арендных началах, сохраняли право свободнаго ухода по миновеніи срока аренды при условіи выполненія означенных в арендном договорѣ обязательств. Однако, громадное большинство этих крестьян-арендаторов брало у землевладѣльца ссуду на хозяйственное обзаведеніе с обязательством проценты по долгу погашать работой на кредитора. Эти долговыя отношенія лишали крестьянина возможности воспользоваться правом перехода. На этой почвѣ к концу XVI вѣка и получили чрезвычайное развитіе тайные побѣги крестьян от землевладѣльцев. Указ 1597 года и был посвящен урегулированію порядка сыска бѣглых крестьян. В указѣ было сказано, что землевладѣльцы могут принудительно возвращать к себѣ отысканных бѣглецов только в том случаѣ, если крестьянин бѣжал не ранѣе, как за пять лѣт до 1597 года, т .е. не ранѣе 1592 года, тогда как крестьяне, бѣжавшіе ранѣе этого срока, возвращенію уже не подлежали. Такое законодательное распоряженіе и

внушило историкам мысль о том, что в 1592 году должен был состояться не дошедшій до нас указ с общим воспрещеніем крестьянам уходить от владѣльцев земель, на которых они сидѣли т. е. обращавшій крестьян в безвыходную крѣпостную зависимость от землевладѣльцев. Такое толкованіе указа 1597 года еще подкрѣплялось ссылкою на указ 1607 года, дошедшій до нас не в подлинникѣ, а в изложеніи Татищева. Этому указу, установлявшему пятнадцатилѣтнюю давность для сыска бѣглых, предшествует вводный доклад с обозрѣніем всѣх прежних законов о крестьянах и в этом докладѣ прямо сказано, что в 1592 году крестьяне были лишены права ухода от землевладѣльцев.

Изложенное мнѣніе твердо держалось в литературѣ до 1858 года, когда ему нанесен был первый удар в статьѣ Погодина: «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крѣпостного права». Погодин защищал тот тезис, что неотысканный указ 1592 года о прикрѣпленіи крестьян только потому и не отыскан, что он никогда не был издан. Прежде всего Погодин отмѣтил важное обстоятельство: мы не только не имѣем указа 1592 года, но ни в одном дошедшем до нас законѣ тѣх времен не находится ссылки на этот указ или его воспроизведенія. Упоминаніе о нем во введеніе к указу 1607 года не может имѣть значенія по той причинѣ, что это введеніе к указу 1607 года не может быть признано подлинным, оно изложено в таких выраженіях, с такими оборотами рѣчи, какими никогда не писались правительственные акты того времени. Погодин полагал поэтому, что введеніе к указу 1607 года представляет собой позднѣйшую литературную подделку. Позднѣе Ключевскій дал болѣе вѣроятное об'ясненіе, указав, что введеніе к указу 1607 года — не поддѣлка, а подлинный приказный доклад, предшествовавшій указу 1607 года, но только переданный Татищевым не в подлинном текстѣ, а в пересказѣ его своими словами с присоединеніем своих домыслов и комментаріев. В Московской Руси каждому указу предшествовал доклад, в котором воспроизводились всѣ предшествующія узаконенія по данному вопросу. Татищеву не захотѣлось переписывать этого длиннаго доклада и он изложил его в сокращенном видѣ, своими словами, причем вставил в это изложеніе и свое собственное добавленіе об указѣ 1592 года, основанное на предразсудкѣ, будто за пять лѣт до указа 1597 года, по внушенію Бориса Годунова, издан был закон, прикрѣпившій крестьян к землѣ.

Как бы то ни было, переданное Татищевым введеніе к указу 1607 года не представляет собою подлиннаго текста XVII столѣтія, а между тѣм, за исключеніем этого введенія, ни в одном законодательном текстѣ XVI-XVII в. в. не находится ни ссылок на предполагаемый указ 1592 года, ни выписок из него. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Указ 1592 года конечно мог исчезнуть: мало ли старинных документов погибло от пожаров и других случайностей. Но если бы указ этот дѣйствительно был издан, его непремѣнно должны были бы цитировать безчисленное число раз при составленіи разных других узаконеній, ибо, как уж сказано выше, такова была обязательная в то время фор-

ма: всякому новому указу всегда предшествовало подробное перечисленіе всѣх предшествующих узаконеній. Дружное молчаніе всѣх правительственных актов и всѣх судебных производств XVI-XVII в. в. об указѣ 1592 года и является, таким образом, вѣским доказательством того, что этого указа вовсе и не существовало.

Но Погодин идет далѣе и настаивает на том, что и из указа 1597 года при внимательном чтеніи его нельзя выводить предположенія, что в 1592 году совершилось законодательное прикрѣпленіе крестьян. Погодин обратил вниманіе на то, что упускалось из виду предшествующими писателями: вѣдь указ 1597 года говорит не о всяких вообще крестьянах, а о крестьянах *бѣглых*, т. е. незаконно и тайно покинувших своих господ, не выполнив тѣх условій, на которых они к этим господам порядились в крестьяне. Каким же образом распоряженіе о возвращеніи *бѣглых* крестьян могло быть связано с участью крестьян, уходивших от владѣльцев явно и законно, по выполненіи всѣх условій своего контракта с землевладѣльцем. Вѣдь побѣг и уход были явленіями двух совершенно различных порядков. Потому то и послѣ 1597 года можно наблюдать случаи свободнаго перехода крестьян, отнюдь не преслѣдуемаго властью.

Из всего этого Погодин и дѣлал тот вывод, что указ 1597 года не имѣл никакого отношенія к праву крестьян на свободный переход от землевладѣльца к землевладѣльцу с соблюденіем законных условій, и находящееся в указѣ 1597 года ограниченіе для сыска бѣглых сроком побѣга не ранѣе, как за пять лѣт до указа 1597 года, отнюдь не может означать того, что в 1592 году всѣ крестьяне были прикрѣплены к землѣ. По об'ясненію Погодина указ 1597 года есть не болѣе, как указ об установленіи пятилѣтней давности для сыска бѣглых крестьян. Не умѣя формулировать установленіе пятилѣтней давности для сыска бѣглых крестьян в видѣ общей юридической нормы, составители указа, согласно обычным пріемам того времени, прибѣгнули к описательному выраженію, хотя при этом имѣлось в виду не только обратное установленіе пятилѣтней давности для иска о бѣглых крестьянах, бѣжавших не раньше 1592 года, но вообще устанавливалась для таких исков давность в пять лѣт также и на будущее время, так что ничего особеннаго именно в 1592 году нельзя предполагать в судьбѣ русскаго крестьянства на основаніи текста указа 1597 года. Итак, закона 1592 года о введеніи крѣпостного права не было издано. Придя к такому выводу, Погодин высказал при этом мысль о том, что крѣпостное право возникло у нас не по предписанію правительственной власти, не юридически, а ходом самой жизни, фактически, само собою.

Но в чем именно состоял этот процесс фактическаго самозарожденія крѣпостного права, какими жизненными условіями он был вызван и направлен, — этого вопроса Погодин уже не касался, оставляя его открытым.

Бѣляев согласился с Погодиным в том, что указ 1597 года говорит лишь о бѣглых крестьянах и что из текста этого указа нельзя

дѣлать вывода о законодательном прикрѣпленіи крестьян в 1592 году. Указав на один акт еще от 1590 года, в котором заключалось признаніе за крестьянами права перехода, Бѣляев, однако, допускал, что не ранѣе 1590 г. и может быть в самом этом 1590 г., состоялось правительственное распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выход.

Но с рѣшительной защитой традиціоннаго взгляда на возникновеніе крѣпостного права выступил Костомаров. В противоположность Погодину, Костомаров настаивал на законодательном прикрѣпленіи крестьян в 1952 году. Он обращал вниманіе на то, что именно в 90 г. г. XVI в. сразу прекращаются упоминанія о Юрьевом днѣ (по прежним законам крестьянин мог свободно покидать землевладѣльца за недѣлю до Юрьева дня, т. е. до 26 ноября) и появляется вереница указов о бѣглых крестьянах и о срокѣ давности для их возвращенія. Костомаров и полагал, что самое развитіе крестьянских побѣгов стояло в связи с послѣдовавшим в 1592 г. законодательным прикрѣпленіем крестьян. Отмѣченные Бѣляевым, Погодиным и Аксаковым случаи переходов в XVII столѣтіи, Костомаров относил также к бѣглым. Костомаров упускал из виду, что и у свободнаго, не прикрѣпленнаго к землѣ крестьянина, могли явиться серьезныя основанія к тайному побѣгу от землевладѣльца, ибо, сохраняя права на свободный переход, он мог лишиться возможности воспользоваться этим правом в силу невыполненія различных обязательств, принятых им на себя при заключеніи договора с землевладѣльцем.

На полемическом обмѣнѣ мнѣніями между Погодиным и Костомаровым вопрос о происхожденіи крѣпостного права и замер без малаго на тридцать лѣт. Он был поднят вновь в исторической литературѣ в 80-х годах минувшаго вѣка, и получил тогда гораздо болѣе углубленную разработку. — В 1884 году появилось сочиненіе Энгельмана: »Die Leibeigenschaft in Russland« (впослѣдствіи оно было переведено на русскій язык под моей редакціей). Энгельман примкнул к тому мнѣнію, что закона 1592 г. не существовало. Вмѣстѣ с тѣм он высказал неожиданную мысль, что крестьяне могли быть прикрѣплены к землѣ самим указом 1597 г. Московское правительство, по мнѣнію Энгельмана, в 1597 году рѣшило задним числом аннулировать всѣ договорныя сдѣлки, заключенныя с 1592 г. между землевладѣльцами и крестьянами-порядчиками, выговаривавшими себѣ право перехода, вслѣдствіи чего всѣ крестьяне-порядчики на будущее время и превращались в крѣпостных. Прямо эта мысль в законѣ 1597 г. выражена не была, но Энгельман находил возможным придать содержанію этого указа именно такое истолкованіе.

Конечно, толкованіе Энгельмана было уже слишком искусственным и натянутым, слишком уже произвольно и независимо от прямых выраженій указа 1597 г. приписывал он этому закону то, чего в нем не было сказано; — и потому Энгельман остался со своей гипотезой одиноким в исторической литературѣ. Но за то высказанное Энгельманом мнѣніе дало толчек к новому пересмотру всего вопроса. В 1885 г. в «Русской Мысли» появилось из-

слѣдованіе Ключевскаго: «Происхожденіе крѣпостного права», составившее эпоху в исторіи разработки этого вопроса. Ключевскій, подобно Погодину, рѣшительно отверг гипотезу о законодательном прикрѣпленіи крестьян каким бы то ни было указом XVI столѣтія. Но в противоположность Погодину, Ключевскій — не ограничился указаніем на то, как *не слѣдует* об'яснять возникновеніе крѣпостного права, а вмѣстѣ с тѣм предложил и свою новую теорію внѣуказнаго происхожденія крестьянской крѣпостной зависимости.

В своем построеніи Ключевскій — исходил из той мысли, что крестьянское закрѣпощеніе в Московском государствѣ состояло в прикрѣпленіи крестьян не к землѣ, как думало большинство изслѣдователей, а к лицу землевладѣльца и что прикрѣпленіе это явилось результатом распространенія на крестьян тѣх форм зависимости, которыя к концу XVI столѣтія выработались в сферѣ *холопскаго* права. Постановленіе указа 1597 г. о бѣглых крестьянах Ключевскій, подобно Погодину, признал не имѣющим отношенія к вопросу о происхожденіи крестьянской крѣпостной зависимости. Ключевскій, правда, не раздѣлил мнѣнія Погодина о том, что указ 1597 г. устанавливал пятилѣтнюю давность для сыска бѣглых и на будущее время. В толкованіи указа 1597 г. Ключевскій примкнул к мнѣнію, которое было высказано М. М. Сперанским в одной из его записок, посвященной историческому обзору правительственных мѣропріятій о крестьянах. Согласно этому мнѣнію, указ 1597 г. устанавливал лишь *временную* и *обратную* пятилѣтнюю давность для сыска бѣглых крестьян, причем имѣлась в виду лишь одна цѣль: прекратить затрудненія и безпорядки, возникшіе в судопроизводствѣ вслѣдствіи множества и запоздалости исков о бѣглых крестьянах. Срок именно в пять лѣт был избран при этом в силу того, что именно за пять лѣт до 1597 г., в 1592—93 г. г., составлены были писцовыя книги, в которых заключались поименные перечни крестьянских дворов, и на этих то перечнях и было всего удобнѣе основываться при судебных рѣшеніях дѣл о бѣглых крестьянах.

Итак, всѣ эти узаконенія относительно бѣглых крестьян не дают нам ничего для выясненія происхожденія крѣпостной крестьянской зависимости. Они интересны лишь в смыслѣ указанія на то, что крестьянскіе побѣги к концу XVI столѣтія стали явленіем столь распространенным, можно сказать, эпидемическим, что на них приходилось смотрѣть, как на самый острый и больной вопрос текущей жизни, чѣм и вызывалось усиленное к ним вниманіе со стороны законодательства. Указы о бѣглых одновременно вскрывают перед нами два факта: 1) из них видно, что в концѣ XVI вѣка у крестьян не было еще отнято законом право свободнаго перехода, но, 2) несмотря на то явилось множество крестьян, утратившиx возможность пользоваться этим правом и вынужденных прибѣгать вмѣсто этого к тайным побѣгам от землевладѣльцев. Сопоставленіе этих двух фактов — по выраженію Ключевскаго — и «ставит нас при самой колыбели крѣпостного права на крестьян».

Утрата фактической возможности пользоваться правом свободнаго перехода вытекала для крестьян из их неоплатной задолженности у землевладѣльцев. Громадное большинство крестьян снимало у помѣщиков, вотчинников и монастырей земельные участки в аренду и в качествѣ свободных арендаторов имѣло право, по истеченіи срока арендного договора и при условіи выполненія всѣх означенных в договорѣ обязательств, уйти от землевладѣльца. Но эти арендныя отношенія почти у всѣх крестьян были осложнены тѣм, что, садясь на снятый им участок, крестьянин-арендатор брал у землевладѣльца ссуду на хозяйственное обзаведеніе. Ссуда выдавалась деньгами, скотом, земледѣльческими орудіями, чаще всего хлѣбом *на сѣмена и ѣмена* (т. е. на прокорм до жатвы). Сверх того, крестьянину давалась льгота от податей и от господских платежей и повинностей на опредѣленное число лѣт. Уходя от землевладѣльца, крестьянин должен был за все это вознаградить его, возвратить ссуду, заплатить «пожилое» за пользованіе двором по узаконенной таксѣ. Ссуда носила названіе «серебра» (все равно, выдавалась ли она деньгами или вещами), а крестьяне, получившіе ссуду, именовались «серебренниками». «Серебро» было двоякое: ростовое и издѣльное. Первое было обыкновенным займом с уплатою процентов. Второе составляло долг, с котораго рост оплачивался «издѣліем», т. е. работою крестьянина. Первоначально серебро издѣльное ничѣм юридически не отличалось от серебра ростоваго, было таким же имущественным обязательством, не простиравшимся на личную свободу должника, пока должник не объявлял себя несостоятельным. Но с теченіем времени характер этих отношеній стал существенно измѣняться под непосредственным воздѣйствіем тѣх явленій, которыя назрѣли за XVI столѣтіе в сферѣ холопьяго права. Юридическое положеніе крестьянина-серебренника стало воспринимать черты, заимствованныя из близкаго крестьянину-серебреннику, хотя и не тождественнаго с ним, положенія *кабальнаго холопа.*

Рабовладѣніе существовало на Руси с глубокой древности. Но древнѣйшая Русь знала только один вид холопства: холопство полное или *обѣльное,* как оно называется в древнѣйшем юридическом сборникѣ — «Русской Правдѣ». Встрѣчаем в «Русской Правдѣ» еще и другой разряд зависимых людей — *закупов,* состоявших не в полной, а в условной зависимости от своих господ, но закупы и не признавались тогда холопами, а составляли особый разряд людей *полусвободных.* Но, начиная с XV вѣка, рядом с полным холопством возникают различные виды смягченной холопской зависимости. В силу различных явленій, обозначавшихся к тому времени в состояніи народнаго хозяйства, накопилось значительное количество людей, которые не хотѣли продаваться в полное холопство, безповоротно и всецѣло лишаясь своей свободы, но не были в состояніи поддержать своего хозяйства без помощи чужого капитала. И вот они начали входить в долги с обязательством уплачивать рост с занятаго капитала личной обязательной работой на кредитора. Такая временная и условная

личная зависимость должника от кредитора получила наименованіе кабальнаго холопства. В теченіи XVI вѣка кабальное холопство постепенно пережило разнообразныя модификаціи, за которыми мы здѣсь слѣдить уже не будем. Скажем только, что к концу столѣтія кабальное холопство приняло такую форму, при которой кабальный холоп уже не имѣл возможности вернуть себѣ свободу уплатой долга, если господин не давал на то своего согласія; кабальный холоп оказывался теперь прикрѣпленным к своей неволѣ по смерть господина. Вот эта, выработавшаяся в сферѣ кабальнаго холопства, идея о том, что долг ставит должника в личную зависимость от заимодавца, оказала затѣм рѣшительное вліяніе и на положеніе издѣльнаго крестьянина-серебренника. Вѣдь издѣльный крестьянин был также должником, отрабатывавшим рост на занятый капитал работой кредитору.

Аналогичность этих двух состояній была так значительна, что перенесеніе понятій, возникших на почвѣ одного из этих состояній на другое, становилась как нельзя болѣе естественным. Ключевскій и утверждает, что к началу XVII ст. крестьянскія порядныя все болѣе проникаются началами тогдашняго кабальнаго права. Издѣльный крестьянин — по выраженію Ключевскаго — «повлекся в сторону кабальнаго холопа». Развитіе кабальнаго холопства породило среди землевладѣльцев мысль, что крестьянское издѣліе за подмогу создает такую же личную крѣпостную зависимость крестьянина от владѣльца, в какую ставит кабальнаго холопа служба за рост. И под вліяніем этой мысли, приблизительно со второй четверти XVII ст., в крестьянскіе договоры стало вноситься условіе, по которому крестьянин, нанимая землю с подмогой владѣльца, закрѣплял свои поземельныя и долговыя обязательства отказом от права прекратить основанную на этих обязательствах зависимость. Это новое условіе, которое с тѣх пор стало включаться в крестьянскія порядныя, и сообщило крестьянскому земельному договору значеніе личной крѣпости. Так узел крестьянской крѣпостной зависимости был завязан не законодательными мѣропріятіями государственной власти, а практикою ссудных договоров по мѣрѣ воздѣйствія кабальных договоров на измѣненіе содержанія крестьянских порядных.

Это не значит, что государство осталось совершенно в сторонѣ от процесса образованія крѣпостного права. Но участіе государства в этом процессѣ состояло не в созданіи основаній этого права, а в установленіи для него извѣстных границ. Государство принимало свои мѣры к тому, чтобы сближеніе крѣпостного крестьянства с кабальным холопом не дошло до полнаго слитія этих состояній. Интерес государства состоял здѣсь в том, чтобы крестьянин, становясь крѣпостным, не переставал быть государственным тяглецом. В этом смыслѣ и в этих цѣлях государственное законодательство и ставило извѣстные предѣлы владѣльческим правам на крестьянина. Эти ограниченія выразились 1) в том, что владѣлец получал право только на часть крестьянскаго труда и имущества и 2) в том, что всѣ владѣльческія права на кре-

стьянина были обусловлены государственными обязанностями. В силу этихъ ограниченій — крестьянская крѣпость, развившаяся из кабальной, все же не сдѣлалась холопьей.

Так — говорит Ключевскій — крѣпостное право в Россіи было создано не государством, а только с участіем государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы.

Такова теорія, предложенная Ключевским. Она произвела сильное впечатлѣніе на ученый мір, чему не мало способствовало то богатство актоваго матеріала, которое Ключевскій положил в основу своего построенія. Но, как в свое время Погодин в лицѣ Костомарова, так теперь Ключевскій в лицѣ Сергѣевича нашел рѣзкаго оппонента. В своем трудѣ: «Юридическія древности» (т. I.) Сергѣевич подвергнул критикѣ все построеніе Ключевскаго, обвиняя послѣдняго в произвольном смѣшеніи юридических понятій. Сергѣевич отказывался признать за крестьянской задолженностью какую бы то ни было роль в процессѣ крестьянскаго закрѣпощенія. Ссуда, которую получали крестьяне от землевладѣльцев, представляла собою, по его мнѣнію, простой заем, не сопровождавшійся установленіем какой бы то ни было личной зависимости должника от кредитора. Задолженность не препятствовала уходу крестьянина со снятаго им участка. Пока не было издано закона о воспрещеніи переходов, всякій крестьянин мог свободно переходить, несмотря на полученную ссуду, ибо кредитор мог только искать убытки с ушедшаго от него без расплаты крестьянина, а вовсе не мог насильственно возвращать к себѣ ушедшаго должника. Развитіе кабальнаго холопства не могло оказать никакого вліянія на содержаніе договоров между крестьянами и землевладѣльцами, ибо закон всегда различал кабальных холопов от крестьян и ни в чем не допускал смѣшеній между этими двумя состояніями. И потому установленіе крѣпостного права нельзя понять без допущенія мысли о том, что Московским правительством был издан спеціальный закон о воспрещеніи переходов. И Сергѣевич возвращается к старому предположенію об изданіи такого закона в 1592 г. И послѣ того, как этот закон был издан — говорит Сергѣевич, — уже всякій ушедшій от господина крестьянин был *бѣглым* независимо от того—выполнил ли он или не выполнил своих обязательств перед землевладѣльцем. Всю свою критику Сергѣевич строил на обвиненіи Ключевскаго в произвольном отступленіи от строгаго разграниченія юридических понятій, намекая на то, что историк — не юрист не должен браться за исторію юридических институтов древности.

Но вскорѣ на защиту соображеній Ключевскаго и с указаніями на несостоятельность критики Сергѣевича выступил никто иной, как ближайшій ученик самого Сергѣевича, историк-юрист М. А. Дьяконов.

В своей докторской диссертаціи и в рядѣ послѣдующих статей и брошюр Дьяконов существенно продвинул вперед разработку вопроса о крестьянском закрѣпощеніи, впервые освѣтив важные моменты в процессѣ этого закрѣпощенія. Он пошел по той же дорогѣ, что и Ключевскій. Не довольствуясь формальным юриди-

ческим анализом правительственных указов, он окунулся в море архивнаго актоваго матеріала, стремясь схватить существо изучаемаго процесса в подлинных чертах исторической дѣйствительности. Вопреки Сергѣевичу, он вслѣд за Ключевским придавал важнѣйшее значеніе в процессѣ формированія крѣпостного права крестьянским порядным и постепенной трансформаціи тѣх условій, которыя в эти порядныя включились. Постепенное взаимовліяніе различных видов несвободных состояній — которое Сергѣевич отвергал, как какую то юридическую ересь, — принималось и Дьяконовым за один из важнѣйших факторов нарожденія крестьянской неволи.

Но при этом Дьяконов — что и составляло его самостоятельный вклад в разработку вопроса — с одной стороны, отодвигал нарожденіе отдѣльных элементов слагавшейся крестьянской неволи к болѣе ранним моментам, нежели это дѣлал Ключевскій — а именно с начала XVII ст. отодвигал их в XVI ст., а с другой стороны, он указал на неотмѣченныя раньше источники и формы прикрѣпленія, примѣнявшіеся к нѣкоторым отдѣльным группам крестьянства.

Наряду с задолженностью крестьян Дьяконов сильно подчеркнул и выдвинул, как самостоятельный фактор прикрѣпленія, *крестьянскую старину*, т. е. застарѣлость сидѣнія крестьянина на данном участкѣ, за данным землевладѣльцем. Дьяконов особенно рельефно указал на различіе в составѣ крестьянской массы XV—XVI в. в. двух групп: крестьян новоприходцев или новопорядчиков и крестьян-*старожильцев*. Старожилец, — это тот, кто или сам сидит уже нѣсколько лѣт на одном и том же участкѣ, за одним и тѣм же землевладѣльцем, или чей отец уже сидѣл там же, гдѣ сидит он сам. И Дьяконов доказывает, что уже к концу XVI в. *старожильцы* по закону лишаются права перехода. В одной из своих послѣдних статей, вышедших незадолго до его кончины, Дьяконов обратил вниманіе еще на то, что общему прикрѣпленію крестьян предшествовали не раз правительственныя распоряженія, в видѣ частной и временной мѣры устанавливавшія прекращеніе крестьянскаго перехода для извѣстных районов и на извѣстное число лѣт.

Таким образом в литературѣ вопроса о происхожденіи крѣпостного права конкурировали два теченія: 1) теорія, видѣвшая в крѣпостном правѣ созданіе государственной власти и 2) теорія, усматривавшая в нем результат постепенной эволюціи соціальных отношеній. Первоначально долгое время царил первый взгляд в чистом безпримѣсном видѣ. Затѣм Погодин и Ключевскій выдвинули другой взгляд. Сергѣевич с его попыткой реставрировать первоначальную теорію остался одиноким. И, наконец, Дьяконов, осторожно провѣряя высказанныя воззрѣнія на обильном документальном матеріалѣ и стремясь отвести свое мѣсто каждой мельчайшей детали вопроса, установил тот факт, что роль государственной власти в установленіи крѣпостного права была безмѣрно скромнѣе, нежели полагали сторонники первона-

чальной теоріи, но все же нѣсколько шире, чѣм допускал Ключевскій с точки зрѣнія своей гипотезы.

Если вопрос о возникновеніи крѣпостного права вызвал в научной литературѣ столь обильные контроверзы, то этого нельзя сказать про изученіе той эволюціи, через которую прошло крѣпостное право в теченіи XVIII ст. по мѣрѣ успѣхов дворянскаго раскрѣпощенія, по мѣрѣ превращенія закрѣпощенно-полицейской монархіи Петра Великаго в сословно-дворянскую монархію его преемниц.

Здѣсь изслѣдователи не столько спорили, сколько продолжали и дополняли друг друга. В статьях Ключевскаго: «Подушная подать и отмѣна холопства в Россіи» с замѣчательной ясностью был показан тот процесс взаимнаго сближенія двух видов душевладѣнія — холопства и крѣпостного крестьянства, — который прошел через все XVII столѣтіе и который имѣл не мало аналогій с параллельно развивавшимся за то же время сближеніем двух типов служилаго землевладѣнія — помѣстнаго и вотчиннаго. Оба эти процесса завершаются при Петрѣ Великом. Указ 1714 г. о единонаслѣдіи создает смѣшанный тип землевладѣнія, в котором сочетались нѣкоторые элементы помѣстнаго права с нѣкоторыми элементами вотчиннаго права. Указы о первой ревизіи создали смѣшанный тип душевладѣнія. Холопство, как особое состояніе, было уничтожено, но крѣпостная крестьянская неволя восприняла нѣкоторыя черты рабской зависимости. В теченіе послѣдующих десятилѣтій XVIII вѣка, по мѣрѣ превращенія дворянина из служилаго человѣка в необязаннаго службой привиллегированнаго земле- и душевладѣльца, крѣпостной крестьянин все болѣе приближается к положенію раба, хотя все-же юридическая грань между крѣпостной неволей и рабством никогда не была стерта совершенно за все время существованія крѣпостного права. Послѣдовательные моменты этой эволюціи хорошо прослѣжены в книгѣ Побѣдоносцева — «Историческія изслѣдованія и статьи» и в упомянутой уже выше книгѣ Энгельмана «Крѣпостное право в Россіи», в которой наибольшую цѣнность имѣют именно главы, посвященныя XVIII вѣку.

III.

До сих пор мы еще не имѣем монографіи с подробным изображеніем быта крѣпостной вотчины в XVII вѣкѣ. Не мало данных по этому предмету разсѣяно в различных изслѣдованіях по исторіи народнаго хозяйства в Московском государствѣ, основанных на изученіи писцовых и переписных книг. В работах Миклашевскаго, Багалѣя, Готье, Гнѣвушева, Яницкаго, Грекова и др. использовано то, что может быть извлечено из писцовых книг для характеристики хозяйственнаго положенія крѣпостного населенія. Надо, однако, сказать, что по свойству самаго источника хозяйственный быт деревни затрагивается в этих сочиненіях только попутно, а на первый план выступают вопросы по финансо-

вой исторіи Московскаго государства. А поскольку изслѣдователи писцовых книг вступают в область исторіи народнаго хозяйства, постольку их выводы нуждаются в существенных ограниченіях по той причинѣ, что писцовая книга, согласно своему назначенію, дает нам не столько картину фактической хозяйственной дѣйствительности того времени, сколько картину финансовых предположеній органов фиска.

Это обстоятельство становится особенно ясным при сопоставленіи названных трудов с имѣющимися в литературѣ немногими работами, основанными на документах частных хозяйственных архивов. Таковы работы по хозяйственной исторіи нѣкоторых монастырей — напр., обширный труд Никольскаго по исторіи Кирилло-Бѣлозерскаго моностыря, — такова извѣстная работа Забѣлина — «Большой боярин в своем хозяйствѣ»: очерки хозяйственной исторіи вотчины боярина Морозова.

Гораздо подробнѣе изучено за послѣднее время положеніе свободнаго, черносошнаго крестьянства русскаго сѣвера в XVII ст. Обширныя документальныя изслѣдованія г-жи Островской и М. М. Богословскаго широко раздвинули наши свѣдѣнія по этому предмету.

Для первой половины XVIII ст. мы пока совсѣм еще не имѣем монографических изслѣдованій по исторіи внутренняго быта деревни. Зато для второй половины XVIII в. имѣется монументальный, можно сказать, классическій труд В. И. Семевскаго — «Крестьяне при Екатеринѣ II». С наивозможной полнотой здѣсь использованы и законодательный матеріал, и мемуарная литература, и многообразныя архивныя данныя и на основаніи всѣх этих источников нарисована детальная картина всего жизненнаго обихода крѣпостной вотчины в эпоху наибольшаго разцвѣта крѣпостного права. Семевскій начинает со статистики крѣпостного населенія в Екатерининскую эпоху, устанавливая тот факт, что крѣпостная масса в наибольшей мѣрѣ скучивалась в центральном районѣ Европейской Россіи и затѣм послѣдовательными полосами рѣдѣла по направленію от центра к смежных переферіи. Затѣм Семевскій удѣляет много вниманія территоріальному распредѣленію двух систем крѣпостного хозяйства — оброчнаго и барщиннаго — и устанавливает, что уже во второй половинѣ XVIII в. оброчная система преимущественно укоренялась в полосѣ центральнаго суглинка, а барщинная система преимущественно в полосѣ чернозема. Переходя к разсмотрѣнію крѣпостных повинностей, Семевскій показывает, что крѣпостной оброк уже тогда не был платой за пользованіе надѣлом, а представлял собою доход помѣщика, вытекавшій из его прав на личность крестьянина, в том числѣ и таких, которые не имѣли ничего общаго с пользованіем надѣлом. Барщинныя повинности в XVIII ст. были еще сравнительно необременительны, не считая, конечно, отдѣльных исключеній. Помѣщики еще не вступали в роль поставщиков на рынок хлѣбнаго товара и довольствовались требованіем с крестьян лишь такой барщины, которая была необходима для удовлетворенія непосредственных нужд господской усадьбы. Наи-

болѣе распространенной была барщина трехдневная и самая земля в большинствѣ имѣній дѣлилась между помѣщиками и крестьянами пополам. Но эта сравнительная легкость тогдашних барщинных повинностей вовсе не означала того, что барщинным крестьянам жилось легко и спокойно. Гнет помѣщичьей власти над личностью крестьянина достигал чрезвычайных размѣров, и в книгѣ Семевскаго собран богатый матеріал, выразительно рисующій эту сторону крѣпостного быта. Сопоставленные Семевским факты чудовищных злоупотребленій помѣщичьей власти производят потрясающее впечатлѣніе даже на полуторавѣковом разстояніи от той эпохи. Эти факты приводят к двум обобщающим заключеніям. Помѣщики нерѣдко доводили господскій произвол до таких предѣлов, что он существенно вредил их же собственным хозяйственным интересам. И во-вторых, практика душевладѣнія вырабатывала из помѣщика не столько хозяина, сколько носителя власти. Помѣщик привыкал к роли царька, перед которым пресмыкались его подданные. И его энергія уходила не столько на хозяйственную дѣятельность, сколько на усердное копированіе правительственнаго бюрократическаго аппарата. Обиліе «контор», безконечная бумажная переписка между ними заслоняли от помѣщика подвластную ему деревню с ея реальными потребностями и жизненными условіями.

Во втором томѣ своего труда Семевскій с такой же полнотой и подробностью изучает положеніе различных разрядов незакрѣпощеннаго крестьянства во вторую половину XVIII ст. Тут перед нами проходят крестьяне черносошные, дворцовые, ямщики, сокольи помытчики, крестьяне экономическіе. Положеніе каждаго из этих разрядов очерчено с исчерпывающей полнотой. И через весь этот лабиринт многочисленных фактов проходит та общая идея, что крѣпостной уклад эпохи накладывал свою печать на положеніе и всѣх разрядов свободнаго крестьянства. Их свобода была весьма относительна. Крѣпостныя начала в той или иной мѣрѣ пронизывали также и их существованіе.

В частности, по отношенію к черносошным крестьянам Семевскій дает подробный очерк принудительнаго введенія среди них общиннаго землепользованія по предписаніям центральной власти, значительно пополняя новыми архивными данными очерк Ефименко. В главѣ о крестьянах экономических дан очерк осуществленной в XVIII ст. секуляризаціи. Исторіи секуляризаціи посвящен в нашей литературѣ ряд монографій (см. работы Завьялова, Верховскаго, большой труд Попова об Арсеніи Мацѣевичѣ). Одни историки склонны разсматривать секуляризацію, произведенную при Екатеринѣ II, как своего рода освободительный акт, вызванный тяжелым положеніем монастырских крестьян. Другіе настаивают на том, что секуляризація была произведена по чисто фискальным соображеніям. Семевскій не раздѣляет воззрѣній писателей, оптимистически смотрѣвших на положеніе монастырских крестьян, которые не даром, вѣдь, то и дѣло поднимали бунты против монастырских управителей. Но это нисколько не мѣшает ему признать, что в основѣ секуляризаціонных

мѣропріятій правительства XVIII ст. лежали именно фискальныя соображенія.

В обоих томах своего труда Семевскій отводит много мѣста разсмотрѣнію крестьянских бунтов и волненій. Обобщающей монографіи по исторіи крестьянских волненій за все XVIII ст. мы еще пока не имѣем. Кульминаціонному пункту в развитіи этих волненій — пугачевщинѣ — историки не раз посвящали спеціальное вниманіе. Самым крупным обобщающим трудом по исторіи Пугачевщины надлежит признать трехтомное изслѣдованіе Дубровина: «Пугачев и его сообщники», основанное на обильном архивном матеріалѣ. Большая заслуга Дубровина состоит в отчетливом указаніи соціальной сложности тѣх движеній, совокупность которых получил наименованіе «пугачевщины». Имѣется спеціальная монографія Трефильева о крестьянских волненіях в царствованіе Павла. Автор пользовался документами Государственнаго Архива. Это очень слабая работа. Она была подвергнута подробному разбору Павловым-Сильванским, и этот разбор имѣет гораздо большее научное значеніе, нежели книга самого Трефильева.

Только в 90-х годах минувшаго столѣтія начали появляться изслѣдованія, посвященныя положенію крѣпостного крестьянства в первой половинѣ XIX вѣка в связи с вопросом о причинах паденія крѣпостного права. До этого в научной литературѣ имѣлась лишь одна серьезная работа, бросавшая нѣкоторый свѣт на состояніе крѣпостного крестьянства перед освобожденіем. Я разумѣю изслѣдованіе Тройницкаго о крѣпостном населеніи Россіи по данным X-ой ревизіи. Это изслѣдованіе устанавливало точную картину топографіи крѣпостного населенія по различным районам Россіи и распредѣленія крѣпостных душ по различным категоріям душевладѣнія. Но затѣм предстояло облечь этот статистическій скелет в плоть и кровь, предстояло возстановить картину реальных условій жизни крѣпостной вотчины предреформеннаго періода. Первый шаг на этом пути составила работа кн. Волконскаго, появившаяся в трудах Рязанской ученой архивной комиссіи. По документам своего фамильнаго вотчиннаго архива автор нарисовал довольно отчетливую картину эволюціи крѣпостного хозяйства за первую половину XIX ст. На фактах и цифрах здѣсь был обрисован процесс превращенія крѣпостной вотчины черноземнаго района в рабовладѣльческую плантацію вмѣстѣ с обезземеленіем барщиннаго крестьянства и переводом значительнаго процента барщинных крестьян на положеніе безземельных батраков при господском хозяйствѣ. Для оброчных крѣпостных хозяйств был констатирован для того же періода усиленный рост оброчных повинностей. Оба эти процесса были поставлены в связь с развитіем в странѣ мѣнового, денежнаго хозяйства в теченіи второй четверти XIX ст. Рост крѣпостных повинностей, усиленіе хозяйственной эксплоатаціи крѣпостных крестьян их владѣльцами, стремившимися поднять производительность своих хозяйств, вызывали в крѣпостной массѣ все болѣе острое недовольство своим положеніем, так, что к концу

второй четверти XIX ст., в воздухѣ уже носились зловѣщіе признаки приближенія соціальной грозы.

Работа Волконскаго дала толчек к болѣе подробным изученіям крѣпостного хозяйства в первой половинѣ XIX ст. Подробный итог всему сдѣланному в этом направленіи был подведен в содержательной книгѣ Игнатович: «Крестьяне перед освобожденіем и в изслѣдованіи Лященко — «Очерки аграрной эволюціи». В связи с изученіем крѣпостного хозяйства, в первой половинѣ XIX ст. в литературѣ был поставлен вопрос и о причинах паденія крѣпостного права. Разсмотрѣніе этого вопроса привело к научному контроверзу. Н. А. Рожков в рядѣ статей проводил тот взгляд, что паденіе крѣпостного права явилось неизбѣжным слѣдствіем эволюціи крѣпостного хозяйства. Крѣпостная вотчина в серединѣ XIX ст. представляла собою уже экономическій пережиток, не согласованный с развивавшимися успѣхами мѣнового хозяйства в странѣ. Напротив того П. Б. Струве в своем изслѣдованіи о крѣпостном хозяйствѣ в Россіи выдвинул то положеніе, что крѣпостная вотчина в 50-х годах XIX вѣка, как хозяйственный организм, обнаруживала признаки дальнѣйшаго жизнеспособнаго развитія и паденіе крѣпостного права было вызвано тогда не экономической несостоятельностью крѣпостной вотчины, как таковой, а потребностями хозяйства государственнаго и политической конъюнктурой.

IV.

Литература по исторіи освобожденія крестьян также получила существенное обогащеніе к концу XIX и в началѣ XX в. в. Ранѣе наиболѣе крупными трудами в этой области были слѣдующіе. Исторія *подготовки* отмѣны крѣпостного права — законодательныя мѣропріятія правительства; проекты освобожденія, исходившіе из правительственных кругов и от частных лиц; движеніе общественной мысли, выражавшейся в литературѣ — были разсмотрѣны с исчерпывающей полнотой в двухтомном трудѣ В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопрос в Россіи в XVIII и XIX ст. Исторія самой реформы освѣщалась печатными трудами Редакціонных Комиссій и существенно дополнявшим их трудом Скребицкаго: «Крестьянское дѣло при Александрѣ II»; в сущности труд Скребицкаго содержит в себѣ систематически расположенное изложеніе докладов Редакціонных Комиссій. Эти самые матеріалы и легли в основаніе книги Иванюкова: «Паденіе крѣпостного права в Россіи». В зависимости от этих матеріалов Иванюков сосредоточил все свое изложеніе на работах губернских комитетов и Редакціонных Комиссій. Начальный и конечный моменты в ходѣ реформы (работы Секретнаго Комитета и Государственнаго Совѣта) остались внѣ рамок изложенія Иванюкова, а дѣятельность губернских комитетов и Редакціонных Комиссій излагалась в книгѣ Иванюкова лишь постольку, поскольку она была освѣщена в докладах Редакціонных Комиссій. Таким образом,

исторія реформы долгое время была представлена в литературѣ очень неполно, отрывочно, односторонне. Сравнительно немного новаго было прибавлено к извѣстным ранѣе данным трудом Семенова-Тяньшанскаго: «Освобожденіе крестьян при Александрѣ II», в котором были напечатаны протоколы общаго собранія Редакціонных Комиссій. Но с конца XIX вѣка и потом в XX ст. — в связи с сорокалѣтіем и, особенно, с пятидесятилѣтіем реформы — изученіе исторіи реформы было существенно расширено в различных направленіях. Во-первых, за это время была изучена исторія цѣлаго ряда отдѣльных губернских комитетов по крестьянскому дѣлу. Калужскій комитет был изучен Корниловым, Тульскій — кн. Трубецкой, Ярославскій — Ширяевым, Нижегородскій — Снѣжинским, Оренбургскій и Уфимскій — Кречетовичем и т. д.

Наряду с расширеніем матеріалов по исторіи губернских комитетов по крестьянскому дѣлу, изученіе дѣятельности этих комитетов было переведено на новую почву. Здѣсь большая заслуга должна быть признана за А. А. Корниловым. В своей спеціальной работѣ о губернских комитетах Корнилов значительно углубил вопрос сравнительно с его постановкой в книгѣ Иванюкова. Борьбу противоположных теченій в губернских комитетах Иванюков представлял себѣ довольно просто: в каждом комитетѣ было большинство и меньшинство, большинство было крѣпостническое, меньшинство отстаивало дѣло реформы на возможно болѣе широких основаніях. Корнилов показал, что на самом дѣлѣ группировка боровшихся элементов была в комитетах гораздо болѣе сложной и дробной. Члены комитетов дробились на группы не по одному только признаку: за реформу или против реформы. Сами сторонники реформы раздѣлялись на враждебные лагери по различному пониманію существа реформы. И Корнилов отчетливо и убѣдительно показал зависимость этой группировки от различія хозяйственных условій различных полос Россіи. Помѣщики нечерноземной полосы стояли за принудительный выкуп крестянских надѣлов, за увеличеніе размѣра полевых надѣлов и за вздутіе выкупных цѣн. Помѣщики черноземной полосы стояли за возможное уменьшеніе размѣра надѣлов и противились принудительному выкупу. Помѣщики степной полосы стояли за увеличеніе надѣлов, но противились принудительному выкупу. Если в одном и том же губернском комитетѣ оказывались приверженцы различных планов освобожденія, вступавшіе во взаимную борьбу, то всего чаще это объяснялось именно тѣм, что отдѣльные уѣзды данной губерніи принадлежали к различным экономическим полосам. Если, таким образом, мы обязаны Корнилову болѣе правильным освѣщеніем работ губернских комитетов при подготовкѣ крестьянской реформы, то благодаря трудам Попельницкаго мы получили документальную исторію секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу и прохожденія проекта реформы через государственный совѣт. До работы Попельницкаго о том и о другом писалось лишь на основаніи показаній нѣкоторых мемуаров.

Мнѣ остается отмѣтить наиболѣе цѣнныя работы по исторіи примѣненій положенія 19 февраля 1861 года. Прекрасный юридическій анализ этих Положеній находим в статьѣ Вормса в послѣднем изданіи «Великая реформа» (изд. Сытина под ред. Мельгунова) *).

Анализ экономических результатов реформы дан в трудѣ Ходскаго «Земля и земледѣлец». Исторія выкупной операціи обстоятельно разсмотрѣна в интересном этюдѣ кн. Шаховского в упомянутом изданіи «Великая реформа» и затѣм в спеціальном изслѣдованіи Кованько «Выкупная операція». Пореформенное законодательство о крестьянах прослѣжено в книгѣ Тернера.

Я не касаюсь здѣсь многочисленной литературы, посвященной хозяйственному положенію пореформенной деревни. Думаю, что характеристику этой литературы правильнѣе будет представить писателям-экономистам.

Заканчивая настоящую статью, считаю нужным замѣтить, что библіографическая полнота не входила в мою задачу. Я поставил себѣ цѣлью лишь перечислить тѣ основныя, фундаментальныя историческія работы, на которых отразились послѣдовательные этапы в движеніи русской исторической мысли, примѣнительно к изученію исторических судеб русскаго крестьянства.

Ал. Кизеветтер.

---

*) Это юбилейное изданіе, выпущенное в Москвѣ к 50-лѣтію «Крестьянской реформы», представляет собою как бы сводный компендіум вообще по исторіи русскаго крестьянства с древнѣйших времен и до новѣйшаго времени. В изданіи приняли участіе многіе спеціалисты и среди помѣщенных там статей есть весьма цѣнные очерки. Помимо этого коллективнаго труда, мы можем назвать лишь двѣ работы, содержащія общій очерк исторіи крестьянства на пространствѣ всей русской исторіи: это старая работа Бѣляева: «Крестьяне на Руси» и очерк Лаппо-Данилевскаго — в сборникѣ «Крестьянскій строй».

ЦЕНТР И МѢСТА В ПОСЛѢРЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ.

(К проблемѣ федеративнаго устройства Россіи).

I.

В государственной жизни дореволюціонной Россіи соотношеніе между центром и мѣстами носило явные слѣды болѣзненности. Огромность территоріи, усугублявшаяся периферическим положеніем столицы; быстрый рост населенія, сопровождавшійся фактическим привлеченіем к государственной и общественной жизни все новых и новых, недавно безлюдных пространств; неудержимо шедшее вперед осложненіе жизни в связи с поступательным прогрессом в экономической и культурной сферах — все это дѣлало исторически сложившуюся систему централизаціи не отвѣчающей болѣе об'ективным условіям, но старая власть, в силу самой своей структуры, от централизма отказаться не могла. Развивать мѣстное самоуправленіе, в особенности допустить созданіе крупных областных единиц, потребность в которых несомнѣнно чувствовалась — это означало передать часть власти врагам, ибо трагедія старой власти к концу ея бытія заключалось в том, что врагом ей было все то, что стояло внѣ ея. Но не могла рѣшиться эта власть и на суррогатное рѣшеніе — на далеко идущую административную децентрализацію: не умѣла она больше воспитывать в своих нѣдрах достаточнаго кадра людей, способных к самостоятельности рѣшеній и боялась она, повидимому, что дѣйствующіе на мѣстах администраторы, освобожденные от неусыпнаго руководства из центра, подпадут вліянію враждебной общественной стихіи. Как бы то ни было, но всплывавшіе от времени до времени в этом направленіи проэкты хронически ни к чему не приводили.

Итак, по вопросу, по которому жизнь властно требовала движенія вперед, на самом дѣлѣ имѣл мѣсто застой. Это положеніе вещей с неизбѣжностью приводило к извѣстному напряженію, которое, конечно, выступало лишь в качествѣ частнаго звена в основном напряженіи русской дореволюціонной жизни — разлада между властью и всѣм тѣм, что внѣ власти стояло. Как частное, это напряженіе ясно сознавалось лишь немногими. Но это частное неудовольствіе, про-

винціи против центра, существовало несомнѣнно. Люди, совершенно далекіе от политики, желавшіе заниматься «дѣлом» в самом специфическом смыслѣ слова, наталкивались на неодолимое препятствіе, которым был всеоб'емлющій и потому все задерживающій государственный центр, и, натолкнувшись, начинали роптать и требовать перемѣн.

К этому неудовольствію чисто дѣлового характера присоединялось другое, которое несомнѣнно носило гораздо болѣе серіозный характер.

19-й вѣк есть эпоха повсемѣстнаго національнаго пробужденія. Народности, котрыя вѣками жили в тѣни и иногда как будто склонны были к утратѣ національнаго лика, одна за другой оказывались охваченными движеніем, направленным на его выявленіе и утвержденіе. Старая власть не отдавала себѣ отчета в стихійности движеній, и в фактической невозможности их подавленія. (Общій под'ем культурнаго уровня исключил примѣнимость методов ассимиляціи, с успѣхом использованных на болѣе ранних стадіях развитія). Власть принялась за борьбу с ними адекватными себѣ (но не движенію!) пріемами: запретом книгопечатанья на соотвѣтствующих языках и преподаванія на них, упорным непризнаніем их в присутственных мѣстах, отдаленіем всякаго «инородца» от участія во властном аппаратѣ, и т. д. Власть не понимала, что она этими пріемами только загоняет движеніе вглубь и усиливает его внутреннюю напряженность. В результатѣ к концу стараго порядка назрѣвал цѣлый ряд національных вопросов, что с новой силой ставило на очередь проблему взаимоотношеній между центром и мѣстами.

Революціонныя событія, со свойственной им тенденціей заострять всѣ наболѣвшіе вопросы, весьма рѣзко поставили и вопрос національнаго самоопредѣленія. Настроенія в пользу переустройства государства на федеративных началах, дальше которых в общем не шли національныя движенія, вдруг заострились в сепаратистическія стремленія, которыя, на фонѣ борьбы с большевистской диктатурой, в рядѣ случаев сумѣли претвориться в дѣйствительность. Не слѣдует преувеличивать значенія этих фактов. Не случайностью было, конечно, политическое об'единеніе народов, проживающих на великой восточно-европейской равнинѣ и в тяготѣющих к ней частях Азіи. Тѣ факторы, которые привели к этому об'единенію, остаются в силѣ и несомнѣнно облегчат процесс возстановленія единства Россіи (за исключеніем таких, географически и культурно мало связаннных с Россіей земель, как Польша и Финляндія). Но тот факт, что это возстановленіе политическаго единства будет имѣть мѣсто на стадіи буржуазно-демократическаго уклада как для возстановленія областей, так и для группирующаго их центра, заставляет предполагать, что оно произойдет не в прежней формѣ простого подчиненія, формѣ, которая противорѣчит сущности демократіи и которая таит в себѣ, именно в условіях демократіи, великія опасности, а в такой формѣ, которая гарантировала бы органическое развитіе как цѣлому, так и частям. Политическая практика новаго времени знает формы, которыя такія гарантіи дают в полной мѣрѣ. Это суть формы, об'единяе-

мыя понятіем сложнаго государства. Можно, слѣдовательно, ожидать, что таковым окажется послѣреволюціонная Россія.

К такому же выводу ведет еще слѣдующее соображеніе. Совѣтская Конституція, как извѣстно, провозглашает Россію федеративной республикой. Нѣт надобности доказывать, что политическій строй, сводящійся к диктатурѣ своеобразнаго соціальнаго образованія, именуемаго коммунистической партіей, весьма далек от осуществленія федеративнаго начала. Но показательно самое его провозглашеніе : большевики являются чуткими «политиками» (в специфическом смыслѣ слова) и стараются словесными уступками и представленіями прикрыть, гдѣ возможно, рѣзко расходящуюся с потребностями и пожеланіями населенія дѣйствительность. Нѣт сомнѣній, что постоянное подчеркиваніе федеративнаго начала соотвѣтствует какому-то происходящему на мѣстах процессу, который оно умѣряет и направляет по желательному центральной власти руслу. К этому нужно прибавить, что если «независимыя» и «автономныя» республики в дѣйствительности лишены даже тѣни самостоятельности, будучи управляемы не людьми, опирающимися на мѣстныя силы, а ставленниками из центра, то нѣкоторыя, наиболѣе элементарныя требованія національностей в извѣстной степени оказываются удовлетворенными : не ставится препятствій к преподаванію на мѣстных языках ; на этих языках печатаются книги и газеты ; люди с національной тенденціей привлекаются к работѣ в государственном аппаратѣ, конечно, поскольку они удовлетворяют «политической благонадежности».

Вывод ясен : к тому времени, когда освободится Россія от большевистскаго ига, на ея территоріи окажется проживающим цѣлый ряд національностей, располагающих извѣстным минимумом культурной самобытности и опредѣленным стремленіем к его расширенію в силу раздразниванья многократно повторенными, но не исполненными обѣщаніями. Представить себѣ, что будущая демократическая Россія пройдет мимо этого факта, рѣшительно невозможно. Итак всѣ соображенія приводят к одному и тому же выводу : в противоположность строго централизованной «единой» Россіи стараго порядка, *Россія послѣреволюціонная* в силу об'ективных потребностей, вытекающих из факта усложненной жизнедѣятельности населенія на огромной территоріи и в силу національных стремленій отдѣльных, входящих в ее состав народностей, *будет построена по типу сложнаго государства.*

II.

До сих пор изложенное являлось попыткой построенія прогноза. Позволительно на этом не остановиться и, считаясь с необычностью (хотя и далеко не новизной) представленій о будущей Россіи, как сложном государствѣ, перейти к анализу нѣкоторых частностей, анализу уже не в плоскости прогноза, а в плоскости выставленія нѣкоторых пожеланій и оцѣнок.

Сложное государство может выступать в формѣ унитарнаго государства с автономными провинціями (каковой тип осуществлен в

британской Имперіи и явно намѣчался составителями первоначальнаго проэкта нынѣ дѣйствующей веймарской конституціи), в формѣ союзнаго государства (наиболѣе ярким образцом коего являются современные С. Штаты, Швейцарія с 1848 г. и Германія с 1866 по 1918 г.), и в формѣ союза государств (каковыми были С. Штаты до 1789 г., Швейцарія до 1848 г. и германскій союз с 1815 - 1848 г.). Союз государств имѣет против себя опыт исторіи : всѣ образованія этого типа или распались или перешли в унитарное государство, или превратились в союзное государство. Что касается остальных двух типов, то поскольку автономныя провинціи покрывают всю (или почти всю) территорію сложнаго цѣлаго, теоретическое разграниченіе между ними весьма трудно проводимо, так что нѣкоторые ученые (у нас проф. Тарановскій) отрицает самую его возможность. С этим крайним воззрѣніем можно не соглашаться и придерживаться хотя бы классическаго ученія Г. Еллинека, выдвигающаго в качествѣ критерія между не суверенным государством и автономной провинціей властвованіе по собственному праву, как необходимый признак перваго ; наличность или отсутствіе этого признака устанавливается *мысленным* устраненіем центральнаго правопорядка ; в одних случаях перед нами не только фактически, но и *юридически,* останутся организованныя единицы ; в других случаях мы окажемся стоящими перед анархіей (ибо мѣстная организація юридически покоилась на центральной). Различію между осложненным унитарным государством и государственным союзом принадлежит и нѣкоторое практическое значеніе : если не к essentiale, то к naturele союзнаго государства принадлежит участіе государств - членов, *как таковых* (а не только их населенія) в формированіи нѣкоторых центральных органов, тогда как в осложненном унитарном государствѣ нерѣдко имѣет мѣсто обратное положеніе вещей ; пересмотр общегосударственной конституціи, в особенности взаимоотношенія между центром и мѣстами, в союзном государствѣ становится обыкновенно в нѣкоторую зависимость от (простого или квалифицированнаго) большинства государств - членов, как таковых, тогда как в осложненном унитарном государствѣ юридическая роль провинцій в этом отношеніи может приближаться к нулю. Но по тому вопросу, который является основным предметом дальнѣйшаго изложенія, по вопросу о разграниченіи компетенцій между центром и мѣстами, противоположеніе это оказывается фактически несущественным : автономныя колоніи Великобританіи располагают гораздо большей степенью самостоятельности, нежели почитаемые государствами Кантоны современной Швейцаріи или «земли» дореволюціонной или в особенности послѣреволюціонной Германіи. Вопрос об унитарном государствѣ с автономными провинціями или союзном государствѣ на нашей почвѣ рѣшится, вѣроятно, в связи со способом возсозданія новой Россіи : если оно пойдет от центра к переферіи, то больше шансов за осложненное унитарное государство, а если от периферіи к центру — то вѣроятнѣе возникновеніе союзнаго государства. Обстановка, в которой будет складываться новая Россія заставляет, однако, предполагать, что и при первом рѣшеніи особенности унитарнаго государства не будут проведены слишком прямолинейно ; так наприм. нужно думать, что

нельзя будет обойтись без такого отклоненія от чистаго типа, которое заключалось бы в образованіи нѣкоторых центральных органов по принципу представительства провинцій, как таковых.

Итак, вопрос не имѣет особаго практическаго значенія. Возможность мирнаго существованія и органическаго развитія будущей Россіи зависит не столько от подробностей юридических форм, в которыя выльется взаимоотношеніе между центром и мѣстами (предполагая, конечно, осуществленіе принципа сложнаго государства), сколько от распредѣленія компетенцій между общегосударственной и мѣстными властями. Разсмотрѣніе этой проблемы предполагает предварительное разрѣшеніе двух вопросов.

1. Первый вопрос гласит : что будет выступать в качествѣ составных частей сложнаго цѣлаго—будем называть их в дальнѣйшем областями, подразумѣвая под ними, в зависимости от обстоятельств, автономныя провинціи или частныя государства. В связи с націоналистическими основами нашего будущаго федерализма многим представляется, что этими областями должны быть территоріи, совпадающія с районами разселенія отдѣльных національностей. Необходимо, однако, отдать себѣ отчет в том, что такое рѣшеніе вопроса оказалось бы по многим соображеніям неудовлетворительным. Я не говорю уже о том, что многія національности живут как бы этнографическими пятнами, что устраняет возможность выдѣленія их территоріи. Рѣшающее значеніе принадлежит, однако, тому обстоятельству, что при построеніи Россіи в качествѣ сочетанія національно - территоріальных единиц отдѣльные члены цѣлаго оказались бы величинами между собой несоизмѣримыми : нельзя представить себѣ соподчиненными Великороссію, простирающуюся от Петрограда до Владивостока и от Мурмана до Владикавказа, и область калмыков или чувашей. Эта невозможность соподчиненія выступает в двух главных направленіях : 1) при формированіи нѣкоторых общегосударственных органов, в которых в таком случаѣ должно наступить или подавленіе одним членом всѣх остальных (при конструированіи их по принципу пропорціональности) или несоотвѣтствующее реальному соотношенію личных и матеріальных сил распредѣленіе власти (при конструированіи их по принципу паритета); во вторых, при распредѣленіи компетенцій между центром и мѣстами : то, что может быть с полным основаніем передано областям, охватывающим обширныя территоріи с десятками милліонов жителей, не может быть предоставлено мелким единицам, влачащим существованіе на масштабѣ уѣзда. Эта своеобразная трудность соподчиненія слишком разнородных единиц хорошо извѣстна государственному строю Германіи, в особенности Германіи современной, освободившейся от имѣвшей мѣсто в императорскую эпоху гегемоніи Пруссіи. Прусско - германская проблема является там предметом внимательнаго изученія, не приводящаго, правда, к практическим результатам в виду опредѣлившейся политической невозможности прибѣгнуть к единственно рѣшающему вопрос раздробленію Пруссіи.

С точки зрѣнія размежеванія функцій между центром и мѣстами трудность как будто возможно обойти : для этого слѣдует, повиди-

мому, прибѣгнуть к системѣ неравномѣрнаго распредѣленія компетенцій, иными словами, к предоставленію нѣкоторым областям большей самостоятельности, нежели остальным. Пріем этот, однако, не только не рѣшает вопроса, но приводит, в свою очередь, к новым трудностям. Он не рѣшает вопроса потому, что, по соображеніям политической цѣлесообразности, пришлось бы предоставить наибольшую долю самостоятельности тѣм областям, которыя образуются из возсоединившихся лимитрофов. Единицы эти, однако, окажутся сравнительно мелкими, так что надѣленіе их сверхнормальными функціями окажется нарушеніем отмѣченнаго выше техническаго принципа их распредѣленія. — Пріем этот приводит к новым затрудненіям потому, что он связан с нѣкоторыми ненормальностями в функціонированіи общегосударственных органов. Если представители привиллегированных мѣстностей будут участвовать в голосованіях по вопросам, отнесенным к спеціальной компетенціи пославших их земель, то они будут принимать участіе в формированіи рѣшеній по дѣлам их не касающимся. Если эти представители будут по соотвѣтствующим вопросам выдѣляться из состава коллегій, в этих послѣдних по различным вопросам окажутся разно составленныя большинства, что поставит в опасность правильное соотношеніе между законодательной и исполнительной властью.

Как уже было отмѣчено, к неравенству компетенцій, по чисто оппортюнистическим соображеніям, быть может, все же придется прибѣгнуть. Но в силу изложеннаго, допускать этот пріем слѣдует лишь в случаях крайней необходимости и в возможно узких предѣлах. Не в нем, таким образом, лежит рѣшеніе поставленной проблемы. *Рѣшеніе заключается в признаніи этнографическаго принципа лишь за основное, но не единственное основаніе дѣленія страны на области.* Наиболѣе сильная національность должна сформировать не одну, а нѣсколько областей, отграниченных преимущественно на основаніи исторически сложившихся особенностей, и экономических тяготѣній к крупным центрам. Наиболѣе мелкія національности должны быть соединяемы по нѣсколько в одну область, или присединяемы к сосѣдней области иной національности, с принятіем в обоих случаях многоплеменного состава области во вниманіе при построеніи их конституцій. В послѣдних можно было бы использовать навѣваемую структурой британской имперіи идею двухстепеннаго федерализма; этой идеѣ будет отвѣчать *построеніе* соотвѣтствующих *областей,* т. е. *частей федераціи* (хотя бы не в точном смыслѣ слова, если они будут только автономными провинціями) *на федеративном же принципѣ;* при этом тѣ функціи, которыя предполагают осуществленіе крупными единицами (наприм. содержаніе высших школ) или единство территоріи (наприм., полиція безопасности или сооруженіе и эксплоатація болѣе важных путей сообщенія), должны были бы остаться за областными центрами, а остальныя функціи (в том числѣ большая часть функцій культурнаго характера) перенестись на их подраздѣленія.

При принятіи выдвигаемаго принципа области окажутся соизмѣримыми величинами, что автоматически устраняет всѣ трудности по вопросам о разграниченіи компетенцій и о построеніи общегосудар-

ственных органов. Думается, что в силу этого, намѣчаемое рѣшеніе, вполнѣ охраняющее интересы національностей, дающее исход областническим стремленіем Сибири и крупных казачьих войск и открывающее возможность совмѣстнаго существованія таких центров, как Москва и Петроград, или Кіев и Харьков, будет отвѣчать реальным потребностям. Нельзя не отмѣтить, что там, гдѣ союзныя образованія многонаціональны, схема, тождественная с оспариваемой, рѣшительно отсутствует : четырехязычная Швейцарія распадается на 22 кантона, из которых многіе в свою очередь двухязычны ; в Канадѣ французской провинціи Квебек противостоит не одна, а цѣлый ряд провинцій с англійским населеніем ; британская Южная Африка состоит из сочетанія двух англійских и двух голландских (бурских) земель.

Само собой разумѣется, что рекомендація равномѣрности областей отнюдь не должна быть понимаема в качествѣ жесткаго правила. О полном равенствѣ размѣров областей не может быть и рѣчи ; должны быть только избѣгнуты такія крайности, как соподчиненіе центру областей, являющихся по величинѣ великими державами с присущими таковым возможностями, и областей, равноцѣнных уѣздам с их неотвратимой духовной и матеріальной бѣдностью. При отступленіи от правила слѣдует, между прочим, принимать во вниманіе достигнутый мѣстностью культурный уровень : чѣм он выше, тѣм размѣр области может быть меньшим, ибо культурная область сумѣет легче справиться с падающими на нее задачами.

2. Второй вопрос стоит так : что именно придется распредѣлить между центром и мѣстами ? Вопрос этот нужно понимать в самом общем смыслѣ слова. Надо представить себѣ, будет ли грядущая Россія государством склонным к глубоко идущей регламентаціи жизни или же государством, по возможности ограничивающим свои функціи. Цѣлый ряд соображеній заставляет высказаться во втором смыслѣ : в пользу такого рѣшенія говорит и неизбѣжность развитія контрастных представленій послѣ пережитой страной эпохи безмѣрнаго напряженія властного начала, и неизбѣжность сокращенія государственнаго аппарата в видах экономіи, которую десятилѣтіями придется соблюдать, пока не удастся возстановить производительныя силы страны и избавиться от тягостных, но неизбѣжных платежей, связанных с причиненными революціей убытками иностранному капиталу, и, наконец, общій строй русскаго національнаго духа, который в этом направленіи несомнѣнно ближе к англо - американскому, нежели к континентально - европейскому, которому мы через чур подражали. Итак, *основным принципом государственной жизни послѣреволюціонной Россіи по всѣм вѣроятіям будет принцип дезэтатизаціи, отказа от огосударствленія.* В силу этого дальнѣйшее изложеніе сможет сосредоточиться на изученіи распредѣленія между центром и мѣстами основных государственных функцій, тѣх функцій, без которых в наше время немыслимо организованное политическое бытіе, а не тѣх безчисленных разростаній, которыя характеризуют западно - европейское право конца 19 и начала 20 вѣка.

III.

Правильное и спокойное функціонированіе государств сложнаго типа мыслимо лишь при условіи весьма точнаго распредѣленія компетенцій между центром и мѣстами. *Чтобы быть точной, законодательная формула распредѣленія должна быть односторонней,* т. е. устанавливающей положительными признаками компетенцію только одной стороны и предоставляющей другой общим образом все то, что не предоставлено первой. Это законодательно-техническое правило, отвѣчающее логическму принципу чистаго дѣленія, является особенно необходимым в виду неопредѣленности и подвижности функцій государства вообще. Единственная извѣстная практикѣ попытка двойного перечня, заключающаяся в Канадской конституціи, привела к сильному осложненію государственнаго быта страны, не имѣющаго роковых послѣдствій только в виду общеизвѣстной политической выдержки англо - саксов.

Чья же компетенція должна быть опредѣлена положительными признаками ? Вопрос этот имѣет преимущественно техническое значеніе. Только содержаніе формулы опредѣляет, остается ли большинство государственных функцій за центром или передается на мѣста, и это независимо от того чья компетенція ею положительно обрисована. Вопрос несомнѣнно рѣшается *в пользу положительнаго установленія компетенціи общегосударственных органов.* Дѣло в том, что к этой компетенціи по существу вещей отходят наиболѣе важныя и наименѣе измѣнчивыя государственныя функціи. Ясно, что их гораздо легче предусмотрѣть и формулировать, нежели чрезвычайно разнообразныя и сильно измѣнчивыя по времени и по мѣсту функціи, естественным образом передаваемыя в мѣстную компетенцію. Положеніе это вполнѣ подтверждается практикой сложных государств : практика эта не знает случая оставленія без опредѣленія компетенціи центральной власти *).

IV.

При намѣчаніи круга функцій, которыя в будущей Россіи желательно отнести к вѣдѣнію общегосударственнаго центра, нужно, прежде всего, представить себѣ тѣ основные интересы, ради которых слагается сложное государство, замѣняющее исторически данную или логически мыслимую совокупность независимых политически образованій. Таких основных интересов может быть указано три. Это, во - первых, *предоставленіе каждой составной части преимуществ великодержавнаго положенія,* которых онѣ в отдѣльности были бы лишены и которыя, как показывает опыт минувшаго десятилѣтія с его вопіющими нарушеніями прав мелких единиц, не могут быть, достаточно оцѣнены. Это, во - вторых, *предоставленіе каждой составной части благ относительной умиротворенности,* достигаемое

---

*) При этом, конечно, не имѣется в виду практика унитарных государств с едиными автономными провинціями.

устраненіем тѣх вооруженных столкновеній, которыя без об'единенія между ними от времени до времени неминуемо должны возникать (pax romana!). Это, *в-третьих, предоставленіе каждой составной части благ, связанных с обширностью территоріальной основы хозяйственнаго процесса* — одна и та же мѣстность имѣет перед собой совершено различныя экономическія перспективы в зависимости от того, окружена ли она тѣсными политическими границами, или входит в состав почти самодовлѣющаго цѣлаго, каким было, наприм., дореволюціонная Россія. Выводы из этих положеній таковы.

1. Предоставленіе каждой из составных частей будущей Россіи преимуществ великодержавнаго положенія предполагает, прежде всего, что во внѣшних сношеніях послѣреволюціонная Россія будет выступать в качествѣ такого же единства, каким была Россія дореволюціонная. Всѣ международно-правовыя функціи страны: аккредитованіе дипломатических и консульских представительств за границей и принятіе таковых внутри страны, веденіе дипломатических и иных переговоров, и, как их слѣдствіе, заключеніе международных договоров, об'явленіе войны и заключеніе мира — должны быть в полном об'емѣ и без всяких оговорок отнесены к компетенціи центральной власти. Право заключенія пограничных соглашеній, совершенія отдѣльных актов общенія с органами иностранных государств может быть предоставлено органам областей исключительно в тѣх предѣлах, в каких это имѣет мѣсто и в государствах унитарнаго типа. Сложная внутри будущая Россія во внѣшних своих сношеніях должна быть едина.

Великодержавное положеніе, однако, дается обширной странѣ не только единством ея международно-правовых выступленій. За этими выступленіями должна чувствоваться опредѣленная сила, приблизительно равноцѣнная силѣ других великих держав. Это положеніе заставляет требовать централизаціи всей внѣшней оборонительной функціи государства и сосредоточенія в руках центральной власти всей вооруженной силы об'единенной страны. И это об'единеніе должно быть полным, а не ограниченным какими либо распорядительными или инспектирующими функціями. В странѣ должна быть единая армія и единый флот — армія и флот Россійскаго государства, а не союзныя арміи или союзные контингенты. Центральной государственной власти без всякой конкуренціи со стороны властей мѣстных, должно принадлежать военное законодательство, военное командованіе и военное управленіе, в частности военное снабженіе. — Эта до конца проведенная централизація военнаго дѣла лежит в концѣ концов в интересах самих областей: реальная мощь, которой придется располагать будущей Россіи, есть величина, которая будет опредѣлена предстоящей международной кон'юнктурой; а так как мощь до конца централизованной вооруженной силы значительно превосходит мощь равновеликой арміи союзнаго характера, то эта централизація создаст возможность весьма значительной экономіи в личных и матеріальных силах.

2. Предоставленіе областям преимуществ относительной умиротворенности стоит *в связи с замѣной международноправовых отношеній между частями сложнаго государства, государственно-правовыми.*

Такая замѣна, представляющаяся для областей, как всякій переход от неорганизованнаго состоянія к организованному, значительным улучшеніем, предполагает со стороны общегосударственнаго центра опредѣленную дѣятельность. Дѣятельность эта должна, во - первых, заключаться в нормированіи многочисленных отношеній между областями, могущих, по указаніям опыта, явиться источниками столкновеній. Таковы, напримѣр, вопросы о правах граждан одной области в предѣлах другой ; о призрѣніи уроженцев одной области, впавших в нужду, по переселеніи в другую ; о способах избѣжанія двойного обложенія одних и тѣх же об'ектов ; о силѣ актов органов одной области на территоріи других, и т. д. — Этим умиротворяющая функція центра, конечно, не может ограничиваться. Несмотря на отмѣченное нормированіе, недоразуменія и столкновенія между областями остаются возможными. Государственный центр должен дать своим частям возможность разрѣшенія таких споров в организованном порядкѣ, причем таковым может быть только осуществляемый тѣм или иным центральным органом арбитраж. Исполненіе соотвѣтствующих рѣшеній, а равно предупрежденіе попыток самоуправнаго разрѣшенія междуобластных споров должно быть гарантировано всей принадлежащею центру военной мощью.

3. Экономическое единство общегосударственной территоріи предполагает, прежде всего, единство таможенное. Это означает, вопервых, единство внѣшней таможенной границы и таможеннаго тарифа ; учрежденія, примѣняющія послѣдній, могли бы, по примѣру дореволюціонной Германіи, состоять в вѣденіи мѣстной власти; из существа вещей это, однако, не вытекает и, в виду отмѣченной нежелательности немотивированных осложненій в распредѣленіи компетенцій, должно быть отвергнуто. Таможенное единство означает, вовторых, отсутствіе каких либо внутренних таможенных границ : товары должны передвигаться внутри сложнаго государства также, как это имѣет мѣсто в современном унитарном государствѣ ; само собой разумѣется, что, при этих условіях, законодательство о внутренней торговлѣ должно принадлежать к числу функцій центра (с допущеніем, правда, дополнительнаго нормированія мѣстами). По связи с товарным оборотом слѣдует отнести к вѣденію центральной власти и всю область косвеннаго обложенія или замѣняющих его фискальных монополій ; и здѣсь слѣдует высказаться за отнесеніе к компетенціи центра не только законодательства, но и исполненія.

Экономическое единство территоріи предполагает, далѣе, единство денежной системы. К исключительной компетенціи центральной власти должна потому принадлежать чеканка монеты, выпуск бумажных денег и регулированіе дѣятельности эмиссіонных банков. Наряду с деньгами конституціи всѣх сложных государств относят к вѣденію центра законодательство о мѣрах и вѣсах. Тѣ неудобства, которыя давно уже чувствовались в нашей внѣшней торговлѣ в связи с бытіем у нас національной системы таковых, являются достаточным предостереженіем против мысли о распыленіи этого дѣла между нѣсколькими десятками областей.

Экономическое единство территоріи предполагает, в третьих, единство, обслуживающаго территорію аппарата сообщеній и сно-

шенiй. Единство это допускает разныя формы. По отношенiю к почтѣ, телеграфу и телефону (за исключенiем, может быть, мѣстнаго) опыт выяснил желательность единства, доведеннаго до конца, т. е. не только единство нормированiя, но и единство управленiя. То же самое слѣдует принципiально сказать о желѣзных дорогах. Но так как в силу принципа дезэтатизацiи (см. гл. II), сомнительно бытiе в будущей Россiи казенной сѣти, то единство выльется здѣсь, вѣроятно, в единство законодательнаго нормированiя, устраняющее послѣдовательное прохожденiе грузом нѣскольких отличных друг от друга комбинацiй коммерческих и технических условiй. Единство нормированiя необходимо и по отношенiю к водным и грунтовым путям, морским путям, торговому мореплаванiю и воздухоплаванiю; центральное нормированiе должно, однако, пониматься здѣсь не в качествѣ исключительнаго, а в качествѣ допускающаго восполненiе в связи с мѣстными особеностями. Поскольку сооруженiе и поддержак водных и грунтовых путей и торговых портов останется государственной функцiей (опыт показывает трудность привлеченiя в эти сферы частной инициативы), центр, быть может, сохранит в своих руках имѣющiя наибольшее общее значенiе единицы.

Экономическое единство территорiи предполагает, наконец, единство регулирующаго гражданскiй оборот права. Опыт Германiи и Швейцарiи показывает, что партикуляризм в этом отношенiи обречен на умиранiе. Сѣверо - американскiй партикуляризм не является достаточным противопоказанiем в виду близости отдѣльных правопорядков, покоющихся на единой основѣ англiйскаго common law. Единство гражданскаго права слѣдует, как принцип, признать желательным и для будущей Россiи. Из принципа, вѣроятно, придется допустить из'ятiе по отношенiю к правам на внѣгородскiя недвижимыя имущества: разнообразiе земельнаго строя в различных частях Россiи настолько велико, что не так скоро сгладится и в условiях буржуазно - демократическаго уклада. Но распоряженiе свободным земельным фондом, в предупрежденiе опасностей, вытекающих из прямолинейнаго проявленiя мѣстных эгоизмов, должно оставаться в руках центральной власти; отмѣтим, что так же стоит дѣло в С. Штатах.

V.

Таковы главныя черты компетенцiи общегосударственнаго центра в будущей Россiи, поскольку они вытекают из основных интересов, осуществленiю коих призвано служить об'единенiе областей в высшее единство. Этим центральная компетенцiя вряд ли ограничится. Из самаго бытiя центра естественно вытекает восполненiе компетенцiи в двух направленiях. Во первых, чтобы существовать и функцiонировать, центр нуждается в органах и матерiальных средствах. Он может, конечно, получать то и другое от областей, но может озаботиться и созданiем себѣ самостоятельнаго базиса. Во - вторых, наличность об'единяющаго области центра создает возможность осуществить по многим вопросам значительную экономiю усилiй; есть

предметы, которыя принципіально не требуют непремѣнно центральнаго урегулированія, но которыя сравнительно мало связанны с мѣстными особенностями и потому, при разрѣшеніи их на мѣстах, все же отливаются в весьма близкія друг другу формы. Такое положеніе вещей служит мотивом к перенесенію соотвѣтствующих функцій на центр, это приводит к замѣнѣ многочисленных параллельно производимых работ единой работой.

1. Разсмотрѣніе только что охарактеризованной производной компетенціи общегосударственнаго центра можно начать с вопроса, тѣсно примыкающаго к пункту, на котором закончился просмотр компетенціи основной: рядом с гражданским правом в нашем представленіи стоит право уголовное. По существу вещей нельзя доказать, что уголовное законодательство должно быть непремѣнно отнесено к компетенціи центральной власти. Можно было бы поэтому пойти по слѣдам Соединенных Штатов и предоставить это дѣло областям. Но нѣт никаких сомнѣній в том, что параллельная разработка вопросов уголовнаго права в нѣскольких десятках областных центров представилась бы совершенно безцѣльным расточеніем сил. Поскольку дѣло идет о бунтѣ или измѣнѣ, об убійствѣ или тѣлесном поврежденіи, о воровствѣ или мошенничествѣ, о поддѣлкѣ монеты или подлогѣ документов—законодательство культурных стран к настоящему времени в высокой степени друг к другу приблизились; расхожденія замѣчаются скорѣе по техническим вопросам, нежели по существу дѣла; то же самое имѣет мѣсто по ряду вопросов, т. наз. общей части уголовнаго кадекса—устанавливающей общія условія преступности и наказуемости дѣяній. Это опредѣленно говорит за перенесеніе работы на центр, который, располагая большими техническими силами, технически лучше сможет ее выполнить. Само собой разумѣтся, что компетенція центра не может быть исключительной: поскольку жизненныя отношенія будут регулированы мѣстным правом, к областной компетенціи должны быть отнесены и санкціонирующія послѣднее карательныя нормы.

Принцип экономіи сил, который заставляет высказываться за централизацію уголовнаго законодательства, приводит к такому же выводу по отношенію к праву процессуальному. Но как стоит дѣло с организаціей суда? Тут возможна цѣлая серія систем. Можно отнести, как судоустройственное законодательство, так и судебное управленіе к компетенціи центра. Можно пойти по примѣру С. Штатов и учредить двѣ серіи судов—мѣстных и федеральных, разсматривающих дѣла в зависимости от характера подлежащаго примѣненію права и от участвующих в процессѣ лиц. Можно ограничить компетенцію центра законодательством и перенести все судебное управленіе на области. Из названных рѣшеній сѣверо - американское отпадает, т. к. оно покоится на отвергнутом партикуляристическом построеніи гражданскаго и уголовнаго права. Остаются первое и третье. При сравнительной оцѣнкѣ их нужно имѣть в виду, что первое имѣет смысл только в том случаѣ, когда удастся свести всѣ суды в систему, возглавляемую единым кассаціонным судом, призванным блюсти единство в судебном толкованіи права.

Это единство кассаціи, в виду размѣров россійскаго государства

и количества возникаемых в нем дѣл, фактически неосуществимо. Уже в дореволюцiонной Россiи видимость его поддерживалась исключительно существованiем цѣлых категорiй судов, рѣшенiя которых не могли доходить до Сената (волостные суды, земскiе начальники). Проведенiе по всей территорiи страны закона о пробразованiи мѣстнаго суда от 15. VI. 1912 г., упразднившего юрисдикцiю земских начальников и послѣдовавшее затѣм отпаденiе систем волостных судов в эпоху временнаго правительства несомнѣнно заставило бы отказаться даже от видимости. — Итак, построить организацiонно-единую судебную систему будет невозможно. Ясно, что в этом обстоятельствѣ заключается вѣское показанiе в пользу перенесенiя судебнаго управленiя в компетенцiю областей, конечно, с сохраненiем за государственным центром права контроля в смыслѣ исполненiя норм общегосударственнаго закона. Для поддержки единства в судебной практикѣ можно было бы, по примѣру Францiи, установить институт кассацiи в интересах закона. Для разсмотрѣнiя соотвѣтствующих дѣл, а равно для разрѣшенiя пререканiй о подсудности между судами различных областей, слѣдовало бы, учредить центральный суд.

Уже дважды использованный принцип экономiи сил может быть выдвинут в пользу отнесенiя к центральной компетенцiи вопросов, связанных с т. н. суб'ективными публичными правами. Законодательства о печати, о собранiях, о союзах и т. д., по существу вещей не могут слишком отличаться в предѣлах территорiи, живущей единой государственой жизнью. Итак, установленiе принципов во всяком случаѣ принадлежит центральной власти. Если же предоставить развитiе этих принципов областному законодательству, то соотвѣтствующiя постановленiя окажутся похожими друг на друга как двѣ капли воды. Ясно, что это предоставленiе является совершенно излишним.

2. Вторая вѣтвь производной компетенцiи государственнаго центра — это вопрос организацiи послѣдним своих личных и матерiальных средств. Свои жизненные органы он, конечно, будет строить сам. В разных частях изложенiя мы установили необходимость, по ряду вопросов, непосредственно исполнительной дѣятельности общегосударственной власти. Ясно, что центральным законодательством будет регулироваться и структура подлежащих органов.

Что касается общегосударственных финансов, то тут мыслимы три основныя системы: система единаго общегосударственнаго обложенiя с дотацiей областей из центра (таковы практически системы Р. С. Ф. С. Р. и современной Германiи); система исключительно мѣстнаго обложенiя с покрытiем общегосударственных расходов матрикулярными взносами (такая система преобладает в т. н. союзах государств) и, наконец, система параллельнаго обложенiя — центральнаго и мѣстнаго. Предпочтительной представляется третья система при условiи установленiя порядка исправленiя могущаго получиться несоотвѣтствiя между потребностями и поступленiем (дотацiя областей при излишках в центральной кассѣ и матрикулярные взносы при недохваткѣ в ней). Почтово - телеграфный доход и косвенное

обложеніе со включеніем таможенных пошлин и, по мѣрѣ надобности, фискальных монополій — вот основа на которой должен покоиться будущій центральный бюджет. Такой же основой для мѣстных бюджетов явится прямое обложеніе.

VI.

Нельзя достаточно подчеркнуть, что изложенная в предыдущих главах схема распредѣленія функцій между центром и мѣстами носит характер не прогноза, а проэкта программы, по необходимости бѣглой и по многим пунктам несомнѣнно не безспорной. Эту программу могут оспаривать как централисты, которые признают в ней попытку недопустимаго распыленія государственнаго единства, так и крайніе федералисты, которые, пожалуй, скажут, что программа переносит в вѣденіе центра все существенное, что на долю областей она оставляет лишь второстепенныя дѣла, «мѣстное хозяйство» в широком смыслѣ слова, и, в особенности, что предлагая созданіе самостоятельнаго, развѣтвленнаго по всей странѣ центральнаго аппарата (в особенности в сферах военной, финансовой, и почтово - телеграфной), она приводит к недопустимому перевѣсу центра над мѣстами. Такой взгляд был бы глубоко ошибочен. Отношеніе государства к церкви (правда, в развитіе центральнаго нормированія свободы совѣсти), народное образованіе, народное здравіе, внутренніе водные пути и грунтовыя дороги (за единичным исключеніем), земельный строй, поощреніе земледѣлія, промышленности и торговли, урегулированіе отношеній между капиталом и трудом, банки (за исключеніем эмиссіонных) и страховое дѣло, мѣстное самоуправленіе, полиція. судебное управленіе, мѣстные финансы — вот далеко не исчерпывающій перечень задач, остающихся, согласно схемѣ, в вѣденіи областей. Что касается развитія мѣстнаго аппарата центральной власти, то во избѣжаніе технических несовершенств стараго аппарата и во имя установленія весьма желательной связи его с обслуживаемыми мѣстностями, необходимо требовать построенія его на началах административной децентрализаціи со включеніем в мѣстные коллегіальные органы достаточнаго количества представителей от областей.

Возраженія со стороны централистов могут быть направлены, прежде всего, на недостаточное использваніе принципа экономіи сил. Они укажут, наприм., на дѣло народнаго образованія, которое во всѣх русских областях, очевидно, будет поставленно приблизительно одинаково. Это вѣрно. Но обратное рѣшеніе вопроса пошло бы в разрѣз с минимальными требованіями національностей, что было бы связано с превращеніем совмѣстнаго бытія их в едином политическом образованіи из добровольнаго в принудительное и лишило бы смысла все намѣченное переустройство страны по схемѣ сложнаго государства. Во избѣжаніе параллельной работы областей по указанному или любому иному вопросу можно намѣтить образованіе междуобластных цѣлевых союзов, т. е. таких договорных об'единеній, которым группы областей передавали бы осуществленіе нѣкоторых из возложенных на них функцій. Нѣкоторые союзы, быть может, по-

степенно разрастутся до предѣлов, почти совпадающих с территоріей государственнаго цѣлаго. Это будет означать, что назрѣло перенесеніе соотвѣтствующих функцій с мѣст на центр. В других случаях эволюція остановится на болѣе ранних стадіях; тут цѣлевые союзы окажутся наиболѣе практичным выходом из трудной проблемы неровномѣрнаго распредѣленія компетенцій. (см. выше глава III. I.). Но принципіально централисты найдут особенно непріемлимой мысль о перенесеніи на области полицейскаго дѣла, мысль лишающую на их взгляд, центральный аппарат всякой мощи. На это можно возразить, что иногда даже страны унитарнаго типа (наприм. Великобританія в тѣсном смыслѣ слова) не знают общегосударственной организаціи полиціи и передают это дѣло мѣстам, и что в руках центра остается достаточно средств для того, что бы сдѣлать сопротивленіе *отдѣльной* области немыслимым.

Нужно отмѣтить, что опасенія вообще возникают лишь при недостаточном проникновеніи схемой сложнаго государства. В будущей Россіи — если она найдет свой путь — не будет не только угнетенных провинцій, но и провинцій, почитеющих себя угнетенными. Всѣ ея составныя части будут таковыми не по принужденію, а потому, что в союзном цѣлом они легче всего осуществят свой собственный интерес. Такая Россія не будет больше колоссом на глиняных ногах. Ея сила будет силой подлинной.

Проф. *Н. С. Тимашев.*

ВОПРОСЫ ЗДРАВООХРАНЕНІЯ В БУДУЩЕЙ РОССІИ.

На страницах эмигрантской прессы оживленно трактуется вопрос о «возрожденіи» Россіи. Цѣлый поток соображеній и проектов о «кредитѣ, экономической политикѣ, интервенціи иностраннаго капитала и формѣ правленія» — вплоть до порядка перемѣны шпал на желѣзных дорогах, — предоставляется вниманію читателей. И лишь один только раз в доступной мнѣ литературѣ я встрѣтилъ указаніе, что «люди, люди самое главное». Как врачу, мнѣ представляется несомнѣнным, что первым условіем «возрожденія» по любому рецепту должно быть возрожденіе способности к труду. При этом количество труда, его продуктивность, напряженность должны настолько превышать потребности самих трудящихся, чтобы результатами этого труда могла прожить и остающаяся — нетрудоспособная — часть населенія : дѣти, престарѣлые, инвалиды, больные.

Изученіе, біологических особенностей и соотношеній, как между отдѣльными видами, так и внутри одного и того же вида, указывает нам на два типа процессов, направленных к сохраненію вида. Измѣненія внѣшней среды, борьба за добываніе необходимаго количества «жизненных благ» открывает дорогу индивидуумам болѣе сильным, обладающим всѣми свойствами, характерными для даннаго вида, в полном развитіи, — «взрослым» особям. Однако, эти же постоянно мѣняющіяся внѣшнія условія побуждают вид к пріобрѣтенію новых свойств, к выработкѣ иных, чѣм раньше, защитных приспособленій. Зачатки таких «новых» свойств могут пріобрѣтаться в зрѣлом состояніи взрослыми особями, во время «борьбы за жизнь»; но дѣйствительное закрѣпленіе их, развитіе во всей полнотѣ совершается лишь в рядѣ нисходящих поколѣній. Первые из этих «молодых» поколѣний с вновь пріобрѣтенными усовершенствованіями для борьбы за сохраненіе вида не становятся сразу болѣе стойкими, нежели взрослые особи того же вида, не имѣющіе этих приспособленій. Процесс пріобрѣтенія новых свойств требует больших усилій и временно быть может создает «пониженную сопротивляемость «молодых особей» по отношенію (в особенности) к тѣм вредным факторам, которых не касаются вновь пріобрѣтенныя приспособленія.

Таким образом, сохраненіе вида возможно лишь при условіях, обезпечивающих существованіе не только наиболѣе крѣпких — взрослых — особей, но и молодых форм с «пониженной жизнестойкостью».

Если этих условій нѣт, гибнут сначала молодые, находящіяся в періодѣ «приспосабливанія» особи; поступательное движеніе вида, его совершенствованіе прекращается и наступает болѣе или менѣе скорое вымираніе. Нѣт сомнѣнія в том, что интенсивность выполненія той или иной функціи, присущей данному виду, будут выше при выполненіи ея лишь «взрослыми» особями, либо при выполненіи ея всей массой «силы» даннаго вида, чѣм в том случаѣ, когда часть этой силы затрачивается на сохраненіе, поддержку жизни нетрудоспособных особей, — молодых, незрѣлых форм и т. д. Но длительность этой интенсивности невелика и затрата сил на поддержаніе отклоняющихся от средней — типичной для вида — линіи особей (часто получающих названіе «вырождающихся») с цѣлью использованія их варіаціонных способностей оправдывается длительностью и стойкостью существованія вида. Примѣром могут служить эпидеміи холеры и гриппа. Холера распространяется с колоссельной быстротой, охватывает сразу большіе территоріи, дает молніеносные случаи заболѣваній и смерти и, пронесшись грозой, исчезает на болѣе или менѣе долгій період (я не говорю, конечно, про исходные пункты, в которых возбудитель имѣется всегда; к числу таких «очагов» приходится причислить в настоящее время и Россію). Грипп, послѣ первых, с значительной, но все же уступающей холерѣ смертностью, эпидемій затихает, но не уходит. То здѣсь то там, то с большей то с меньшей силой эпидеміи повторяются и тянутся годами; возбудитель его как бы измѣняется, входит в симбіоз с другими бактеріями и живет, приспособляясь к новым условіям, именно благодаря большей гибкости основных качеств вида, благодаря надлежащему использованію варіаціонных способностей молодых поколѣній.

В Россіи за послѣдніе годы мы видим примѣненіе принципов совершенно противоположных принципам сохраненія вида. Право на существованіе признается лишь за одной — весьма малочисленной частью, сгруппированной по случайному признаку (политич. воззрѣніям). Все остальное населеніе должно служить лишь субстратом для существованія первой — привиллегированной — части.

Неизбѣжность приспособленія к этим ненормальным и насильственным условіям настолько увеличивает борьбу за существованіе, что сознаніе необходимости забот о слабых, больных, малолѣтних отпадает и они предоставляются самим себѣ, и в результатѣ эта борьба, не освѣщаемая никакой идеей высшей, чѣм комфорт личнаго существованія, приводит к культивированію эгоизма в его наиболѣе грубых и низменных формах, к удовлетворенію потребностей лишь сегодняшняго дня. Инстинкт сохраненія вида безсознательно заставляет наиболѣе здоровых — т. е. именно сохранивших этот инстинкт — не отказывать в помощи нетрудоспособной части населенія, в первую очередь своей семьѣ. Вслѣдствіе этого им приходится пользоваться самим лишь частью своего труда, и лишаться при этом необходимаго минимума «жизненных благ». Тогда как индивидуумы с дефектом психики в этом отношеніи пользуются всей суммой добываемаго ими и естественно болѣе обезпечены в борьбѣ. Каждый старается перегнать сосѣда в этой скачкѣ к наиболѣе экстравагантным формам озвѣренія; и измѣненія психики значительных слоев населенія на-

ступает, как мы видим, поразительно быстро. Примѣром такого быстраго движенія в сторону одичанія, регресса и утраты понятія цѣнности коллектива, как формы общежитія, может служить измѣненія психики инвалидов и калѣк. Если такого калѣку, в особенности работавшаго ранѣе в качествѣ квалифицированнаго работника в какой либо технической области, удается с помощью протезов вернуть к его привычной работѣ, его настроеніе, его самочувствіе часто не оставляет желать лучшаго; болѣе того—сознаніе своего несчастья дѣлает его иногда болѣе чутким, болѣе осторожным по отношенію к окружающим, болѣе спокойным в личной жизни. С другой стороны спокойный, уравновѣшенный человѣк, чистоплотный во всѣх отношеніях психики, лишенный возможности работать, вынужденный жить подаяніем, натыкающійся, как это обычно теперь случается, на равнодушно враждебное отношеніе окружающих, чрезвычайно быстро перерождается в индивидуума стоящаго по ту сторону какой бы то ни было морали, теряет всякіе культурные навыки — не только внѣшніе, но в волевой и психической областях—и становится вредным сочленом для любого общества. И надо признать — из опыта послѣдних лѣт — что понятіе «инвалидности» — не только физической, но именно психической и волевой, ведущее к указанным измѣненіям приходится расширить в весьма значительных предѣлах. (Смѣновѣховство всѣх видов).

Причины же, вызвавшія увеличеніе количества лиц нетрудоспособных, нуждающихся в заботах и помощи, продолжают дѣйствовать и в настоящее время. Войны за період 1914 - 1921 по подсчетам совѣтской прессы дали около 2.000.000 инвалидов, заразными болѣзнями, по подсчетам Проф. Тарасевича, приводимым ниже, болѣло около трети всего населенія; число страдающих от голода превосходит и эту колоссальную цифру, ибо кромѣ «ффиціальных» голодающих округов, вся сов. Россія — это знает большинство из нас по личному опыту — недоѣдает в той или иной степени. И если даже в лучшем случаѣ отдѣльные категоріи временно могут говорить о «сытости«, то это обстоятельство указывает только на достаточное количество пищи, но отнюдь не на наличность в ней всѣх необходимых элементов. Опыт Германіи, проводившей за время блокады распредѣленіе продуктов по калорійной их цѣнности, не считаясь с выработанными самой жизнью пищевыми смѣсями, дал не только пониженную общую трудоспособность и сопротивляемость внѣшним вредным факторам, но вызвал появленіе новых болѣзней исключительно на почвѣ «качественнаго» недоѣданія (напр., неправильностей минеральнаго обмѣна, отсутствія витаминов, отсутствія вкусовых раздражителей). Этот массовый опыт подтвердил еще раз, что потеря нѣкоторых, минимальных по количеству, но необходимых веществ влечет за собой пониженіе жизненнаго тонуса организма, потерю требуемаго напряженія — тургора составляющих его клѣток и тканей, вянущих и вялых, как колос во время засухи,—потерю активности, воли к жизни, стойкости в борьбѣ с окружающими бѣдствіями.

При царящей в сов. Россіи всеобщей разрухѣ трудно получить достовѣрныя данныя о движеніи в ней населенія. Приходится руководствоваться не только цифрами, но и «впечатлѣніями», создающимися

у лиц, соприкасающихся с сов. дѣйствительностью. Из этих впечатлѣній, естественно, приходится выбирать лишь немногія, дающія наибольшую гарантію об'ективности, как напр. доклад лигѣ націй Проф. Тарасевича. Данныя эти рисуют весьма печальную дѣйствительность и нерадостное будущее.

Послѣдніе 50 лѣт были для стран, причастных к современной западно - европейской культурѣ временем быстраго движенія по пути здравоохраненія. Открытіе причины заразных болѣзней в видѣ микробов и простѣйших, изученіе их образа жизни и распространенія в корнѣ измѣнило большинство отдѣлов медицины, открыло широкую дорогу в области хирургіи, создало цѣлый ряд новых принципов в борьбѣ с «прилипчивыми» заразными болѣзнями (дезинфекція, вакцинація, серотерапія) создало почти заново гигіену, расширив, распространив примѣненіе ея принципов на всѣ стороны человѣческаго бытія. Заболѣваемость и смертность во многих случаях понизились. Так, смертность в Англіи на 1.000.000 (ст. Питта, Корол. Вѣст. Соц. Мед.) :

	в 1880	1920
Общая смертность	19.400	12.100
Оспа	25.	0
Сыпной тиф.	21.	0
Брюшной тиф.	261.	14.
Скарлатина.	675.	38.
Коклюшь.	530.	117.
Туберкулез,	1.875.	872.

Эти цифры показательны уже сами по себѣ ; но еще болѣе онѣ заслуживают вниманія, если вспомнить, что только по отношенію к двум из болѣзней (оспѣ и брюшному тифу) мы имѣем средства для предупрежденія развитія эпидемій в видѣ массовых предохранительных прививок. По отношенію же к прочим улучшеніе приходится отнести на счет общаго измѣненія гигіенических условій жизни, внѣдренія в массы основных гигіенических навыков, воспрепятствовавших распространенію заразных заболѣваній несмотря на развитіе именно в Англіи промышленных и городских центров, способствовавших, благодаря скученности, передачѣ инфекціи.

Россія и в прежніе годы занимала одно из первых мѣст по количеству заразных заболѣваній ; в частности по сыпному тифу (данныя Новосельскаго. Журнал «Научная Медицина» № 1. 1919 г.) она занимала в період 1909 - 1913 г. 2 - ое мѣсто в мірѣ : на 1.000.000 населенія Европейской Россіи приходилось 90,5 умерших от сыпного тифа ; первое мѣсто занимал Египет со смертностью в 126,9 ; третье мѣсто — Испанія — 14,8 — т. е., в 6 раз меньше Россіи, а Франція, Германія, Италія и др. меньше 1,0.

Свѣдѣнія о Россіи очень неполны, так как статистика заболѣваемости, приводимая медицинским персоналом, осуществлялась лишь частично, в тѣх мѣстах, гдѣ достаточно было такого персонала, а статистка смертности, основанная на метрических записях, часто была недотаточно обоснована правильным діагнозом. Статистика послѣдних лѣт еще болѣе недостаточ-

на; даже в городах, благодаря рѣзкому измѣненію количества их обитателей, цифры ниже нормы; в сельских мѣстностях — в большинствѣ случаев, вообще за період 1918 - 1922 не было никакой статистики; вслѣдствіе этого к полученной на основаніи оффиціальной статистики картинѣ приходится добавлять соотвѣтствующіе коэфиціэнты, получающіеся при сравненіи этой статистики с статистикой воинских частей и двух центров — Петрограда и Москвы, гдѣ положеніе зачительно ближе к дѣйствительности. Но и без коэфиціентов общія цифры сыпно - тифозных ужасны.

Заболѣваемость на 10.000 дает слѣдующія цифры:

1915	6,5	1918	12,3
1916	8,3	1919	196,7
1917	7,1	1920	264,9

Цифры, полученныя с помощью множителей, дают слѣдующіе результаты: Число заболѣвших по годам:

1918	700.000	1921	1.200.000
1919	6.600.000	Сибирь	1.750.000
1920	6.500.000	Украина	3.200.000
Мѣстности, не вошедшія в указан. статистику			5.000.000
		Итого	24.950.000

Для того, чтобы сравнить эти цифры с цифрами до военными, приходится взять среднюю за всѣ 5 лѣт, так как 1918 и 1919 год болѣе неправдоподобны по статистическим данным, чѣм 1921 и 22. В 1922 году за первые 5 мѣсяцев было уже болѣе 1.000.000 заболѣвших; в 1920 году за тот же період — около 2.000.000 (по оффиціальным данным), слѣдовательно, фактически по всей вѣроятности за весь 1922 г. (цифры этой в докладѣ Проф. Тарасевича нѣт), было около 3.000.000; таким образом за 6 лѣт (1918 - 1922) всего было 28 —30.000.000 больных сыпным тифом, в среднем в год около 5 — 6.000.000, что составляет (принимая для Сов. Россіи наибольшую цифру населенія — 150.000.000) около 40.000 на 1.000.000 жителей. Цифры эти не требуют каких либо коментарій; они превосходят всѣ когда либо зарегистрированныя. Смертность от сыпного тифа была в общем невелика — около 10—12%; по мнѣнію Д - ра Сысина зав. статистикой Наркомздрава, общее число смертных случаев — около 2 — 3.000.000. Наблюдались однако мѣстности с значительно большей смертностью; для нѣкоторых категорій населенія (заключенныя в тюрьмах), она доходила до 60 — 80% заболѣвших. По Мурчинсону (Сыпной Тиф, Венсан и Мюратэ, 1917, изданіе Массон) смертность от сыпного тифа составляет для дѣтскаго возраста 3 — 5% и наростает в дальнѣйшем так, что для лиц

в	возрастѣ	выше	35	лѣт	смертность	35%
»	»	»	40	»	»	45%
»	»	»	50	»	»	53%
»	»	»	60	»	»	67%

при средней смертности в 15 — 20%. Таким образом приходится сдѣлать заключеніе, что погибшіе от сыпного тифа в значительной

части относятся к наиболѣе производительным слоям населенія. Это подтверждается отчасти и цифрой смертности врачей — доходившей до 31% ; отчасти эта цифра об'ясняется болѣе близким соприкосновеніем врачей с инфекціей, хотя в обычных условіях больничные врачи заразных отдѣленій заражались рѣдко ; отчасти же повышеніе коэфиціента об'ясняется возрастным составом группы врачей.

Второй по размѣрам распространенія инфекціей был возвратный тиф. За XX столѣтіе максимум заболѣваній до войны приходился на 1908 год, когда по всей Россіи было зарегистрировано 128.494 случая, минимум на 1900 г. — 10.544. Война способствовала увеличенію болѣзни : так в арміи было зарегистрировано :

с августа	по	декабрь		1914	35	случаев
»	»	»	»	1915	4.333	»
»	»	»	»	1916	27.958	»
»	»	»	»	непол. 1917	43.193	»

Но дальнѣйшія цифры оставили далеко за собой эти данныя :

Так в Европ. Россіи с 1 окт. 1918 по 1 ноября 1920 было	1.609.233
в Украинѣ с 1 янв. 1920 по 1 окт. 1920 было	163.866
В Сибири (весьма неполная статистика) было	230.047
Туркестан	1.063
	2.004.209

При разсчетѣ на 10.000 населенія заболѣваемость возвратным тифом для 1920 года—97,9, тогда как средняя для перваго десятилѣтія XX столѣтія не превышает 4,0. И эти ужасающія данныя все же ниже дѣйствительности, если сравнить их с данными по отдѣльным городам с болѣе правильной статистикой: так, в Харьковѣ (по данным др. Игумнова) за період 1897 - 1917 максимум заболѣваній возвратным тифом был 2.479, а минимум — 67 случаев, тогда как в 1920 году их было 54.371. По отношенію к смертности при возвратном тифѣ (инфекціонной болѣзни, относящейся к тѣм болѣзням, в отношеніи которых медицина обладает в настоящее время значительным оружіем в лицѣ мышьяковистых препаратов) — мы имѣем чрезвычайно рѣзкое увеличеніе. Так, если принять за 100 цифру смертности от этой блѣзни в Россіи в період 1911 - 1913, смертность в 1919 году выразится цифрой 50.000. Обзор Тарасевича касается лишь первых мѣсяцев 1922 года, но на основаніи этих цифр приходится думать, что эпидемія возвратнаго тифа (равно как и тифа сыпного) не идет замѣтно на убыль. Так, період январь — май дает слѣдующія цифры :

1920	1921	1922
616.521	394.679	859.098

Холера была постоянной гостьей Россіи во время великих нашествій ея в Европу за прошлое столѣтіе. В Россіи в этом столѣтіи заболѣло 5.000.000 и умерло 2.200.000. С начала XX столѣтія холера не прекращается в Россіи, давая, то здѣсь, то там, вспышки эпидемій. Общее увеличеніе заразных заболѣваній сказывается и на ней так число случаев в 1920 году для Евр. Россіи было : 113.913, тогда

как максимальная цифра по этой инфекціи на всю Россію в XX столѣтіи была 109.560 (в 1910 году), а по большей части не превышала 10 — 15.000. Однако, районы захваченные эпидеміей были широки, она повторялась нѣсколько лѣт подряд в одних и тѣх же мѣстностях (по Волгѣ, по Дону) и давала по временам весьма значительную смертность. Так, по данным 1919 года, смертность у больных с установленным бактеріологически діагнозом холеры была 93,2% ; для больных с отрицательным результатом бактеріологич. изслѣдованія 54,7. По данным Др. Минервина, смертность среди привитых предохр. вакциной составляла 20,6 при общей смертности в 43,5, тогда как напр., в греческой арміи за послѣднюю балканскую войну (т. е. среди условій далеких от современных гигіенических требованій) среди привитых было всего 6,7 заболѣваній при 82,5 заболѣваніях не привитых (Венсан и Мюратэ. Холера. Изданіе Массон 1917). Наконец число распространителей вибріонов, т. е. число лиц, содержащих вибріоны в своем кишечникѣ послѣ заболѣванія либо без заболѣванія значительно увеличилось — мѣстами свыше 15% ; тогде как в 1910 году число их по данным др. Поттевина не превышало 6,6% для взрослых. Все это говорит, как указывает Проф. Тарасевич и другіе эпидеміологи Россіи, за измѣненіе свойств холернаго вибріона, за приспосабливаніе его к условіям длительнаго существованія в Россіи и обѣщает нам в дальнѣйшем опасность холерных эпидемій на многіе годы, несмотря на то, что истекшіе пять лѣт дали по сравненію с иными инфекціями цифры для холеры пропорціонально немного меньше, чѣм это можно было ожидать при существующих общих гигіенических условіях Россіи.

В отношеніи брюшного тифа и дезинтеріи также указывается пр. Тарасевичем увеличеніе коэфиціентов заболѣваній за послѣдніе годы .

Так заболѣваемость за період 1900 - 1910 в среднем 20,0 на 10.000, а в 1919 — 32,1; в 1920 — 34,3 для тифа. Для дезинтеріи : средній коэфиціент за період 1910 - 1900 около 19, в 1920 — 34,1. Эти цифры не производят впечатлѣнія послѣ колоссальных цифр сыпного тифа , хотя они отбрасывают нас по сравненію с заболѣваемостью во Франціи, Германіи и других странах назад болѣе чѣм на столѣтіе. На 10.000 человѣк населенія зарегистрированы слѣдующія цифры (1896 - 1900гг.):

Италія	4,97	Англія	1,75
Венгрія	3,44	Данія	1,11
Франція	2,76	Германія	1,03
Бельгія	2,58	Швеція	1,5
Австрія	2,46	Швейцарія	0,84
Ирландія	2,07	Норвегія	0,75

К 1910 году цифры еще болѣе понизились — максимум приходился на ИталІю, имѣвшую 2,2. Даже для стран, пограничных с Россіей, составлявших ея окраины и потому находившихя в сходных гигіенических условіях (за исключеніем конечно полѣдних лѣт) и соприкасающихся с нею, как напр. Эстонія, цифры указанныя в докладѣ Тарасевича непомѣрно высоки. В 1919 году в Эстоніи было

около 600 случаев брюшного тифа, в 1920 — 1.000, что в видѣ коэфиціента на 10.000 дает: для 1919 г. — 3,0, для 1920 — 5,0. Для оцѣнки эпидемическаго неблагополучія имѣют в данном случаѣ значеніе не только абсолютныя цифры заболѣваній, но еще и указанія на ослабленіе защитных приспособленій организма, в видѣ появленія клинически выраженных заболѣваній, схожих с холерой, дезинтеріей, тифом, возбудителями которых являются новые микробы, не имѣвшіе до того времени вредноснаго патологическаго значенія.

Благодаря общему воздѣйствію вызывающих такое ослабленіе причин, большинство заболѣваній — болѣзни сердца, почек, язвы слизистых оболочек и кожи — принимают так сказать «эпидемическое» распространеніе. Такое же «массовое» распространеніе имѣют и дегенеративные процессы в психической сферѣ. Наблюдается по данным Проф. Тарасевича значительное увеличеніе психических заболѣваній и частота самоубійств.

Наконец, необходимо отмѣтить, еще одну область заболѣваній, цифр по которым Проф. Тарасевич не приводит, но которыя, по мнѣнію большинства врачей, получили поистинѣ «планетарное» развитіе — это область венерических заболѣваній. Врачи «оптимисты» считают, как говорит Проф. Тарасевич, что *10 — 15%* всѣх обращающихся к ним больных заражены этими болѣзнями; врачи «пессимисты» настаивают на цифрѣ в *50%*. Нѣт нужды входит в обсужденіе правильности того или другого мнѣнія: нѣт сомнѣнія в том, что заболѣваніе этими инфекціями превзошло всякія обычныя цифры и нормы. Возможность столь разной оцѣнки говорит лишь за отсутствіе достаточных средств діагноза и лѣченія, иначе и в этих случаях имѣлись бы болѣе твердыя цифры. По отношенію к этой части инфекцій печальные выводы, являющіяся в результатѣ знакомства с данными доклада, приходится дополнить еще одним. Заболѣваемость инфекціонной болѣзнью влечет за собой нѣкоторую потерю трудоспособности, но все же это не сказывается на дальнѣйших поколѣніях с такой силой, как это имѣет мѣсто при венерических болѣзнях.

В заключеніе приведем нѣсколько данных относительно движенія населенія за описываемые годы.

По переписи 28 авг. 1920 года в 58 губ. было перед войной 102.793.000 жителей (по данным Центральнаго Статис. Комитета 106.222.000), а к моменту переписи их оказалось 90.708.969 — т. е. населеніе уменьшилось на 12 — 16 милліонов, иначе говоря на 12%. По данным д-ра Михайловскаго это об'ясняется паденіем рождаемости и увеличеніем смертности. Цифры для 1920 года: рождаемость 2,5% и смертность 3,8%. Считаясь с неправильностью общей по Россіи статистики Проф. Тaресевич приводит в качествѣ примѣра отдѣльные города.

В Петроградѣ населеніе пало с 2.319.000 (в 1913) до 706.000 (в 1920); паденіе это об'ясняется эмиграціей городских жителей в деревню. Рождаемость пала с 25 на 1.000 до 15 (данныя 1913 и 1920 г.).

Смертность равнялась :	1909 - 1913 — 23,2	1917 — 28,0
	1914 — 21,5	1918 — 43,0
	1915 — 22,8	1919 — 80,0
	1916 — 23,2	1920 — 90,0

Таким образом уменьшеніе населенія превалированіем смертности по данным Новосельскаго для 1919 года достигло 6,62%. Смертность от различных болѣзней по сравненію с данными 1911 - 1913, принятыми за 100, дает таблицу :

Оспа	3.066	Брюшной тиф	51
Грипп	1.173	Дизентерія	3.476
Сыпной тиф	27.300	Туберкулез	136
Возврат.	50.000	Гастроэнтериты	220

Тѣ же процессы отмѣчаются и в других городах и губерніях. Так, д - р Игумнов указывает : населеніе Харьковской губер. увеличивалось за 20 лѣт, предшествовавших войнѣ, на 18% ежегодно. В 1920 уменьшеніе населеніе было 5,8, мѣстами доходя до 9%, в самом Харьковѣ оно достигло 22%. В Омскѣ Др. Гречищев указывает, что увеличеніе заболѣваемости по Сибири, глав. обр. по ея городам, дало цифры в 1914 — 0,27% — в 1920 — 7,99%. Резюмируя полученныя им данныя, указывая, что в существующих условіях не всегда есть возможность базироваться только на статистических данных, в виду их неполноты, Проф. Тарасевич приходит к выводу, что Россіи придется потерять не меньше *20 — 25%* населенія. Число же лиц, сохранивших жизнь, но потерявших силы, здоровье в современном «смутном времени», не поддается учету, ибо нѣт ни одного русскаго, не испытавшаго на себѣ печальных особенностей послѣдняго пятилѣтія.

Подводя итоги современному положенію здравоохраненія в Россіи, приходится указать, во первых, на колоссальное вымираніе населенія вслѣдствіе эпидемій ; во вторых, на значительное ослабленіе физическаго и психическаго здоровья остающихся в живых, вслѣдствіе бѣдствій послѣдняго десятилѣтія . Слѣдствіем этих измѣненій явилась утрата инстинкта сохраненія вида, общая пассивность и крайній эгоизм, как массовое явленіе. Перед русскими врачами лежит поэтому задача не только оздоровленія общей обстановки, созданія нормальных условій существованія, не только возстановленія физическаго здоровья населенія, но и широкой планомѣрной борьбы с дефектами психики, оздоровленія духа — гигіены народнаго быта во всѣх его частях.

Русская медицина всегда отличалась от западно - европейской тѣм, что в круг вопросов, подлежавших ея вѣдѣнію, включала не только чисто лечебныя функціи, но заботы о соціальном строительствѣ в самом широком смыслѣ. Русскіе врачи и в эти страшные годы не оставили своей работы и гибли как от профессіональных причин, так и причин, общих всей интеллигенціи. Тѣм не менѣе до сих пор не прекратились в их средѣ попытки к об'единенію, к коллективной выработкѣ путей и выходов из создавшагося положенія ; не прекратились научныя изслѣдованія, изысканія новых средств и методов борьбы с болѣзнями, продолжается организаціонная работа. Тѣм болѣе

на нас, заброшанных в эмиграцію и находящихся в условіях весьма печальных матеріально, но болѣе покойных, болѣе располагающих к критической оцѣнкѣ прошлаго и менѣе экстренной разработкѣ вопросов организаціи будущаго, лежит обязанность разобраться в поднимающихся вопросах. Необходимо намѣтить основы будущей работы, хтя бы в предѣлах своего личнаго участія и мѣста в ея схемѣ, приняв во вниманіе и опыты чуждой нам ранѣе западно - европейской медицины, в которой за послѣднее время всплыли также вопросы общественной санитаріи, санитарнаго строительства и законодательства.

* * *

Если попытаться изобразить графически медицинскія организаціи прежняго времени, то их наиболѣе правильно отразила бы система паралельно поставленных углов, центры которых находились в различных министерствах (врачеб. отдѣленія мин. путей сообщенія, военнаго, нар. просвѣщенія и т. д.), а периферія состояла из разбросанных по Россіи учрежденій и отдѣльных врачей. На мѣстах врачи отдѣльных вѣдомств не были ничѣм связаны и подчинялись в сущности только веленіям центров, часто дававших діаметрально противоположныя указанія.

В противоположность «вѣдомственной» медицинѣ «земская» медицина строилась с периферіи, шла вперед путем коллективной выработки организаціонных задач и планов, но подняться на долгое время выше по - губернскаго б'единенія ей не удавалось, вслѣдствіе запретительных мѣр государственной власти.

Наличность цѣлаго ряда параллельных организацій, кромѣ недочетов на периферіи, и межвѣдомственных треній, требовала и излишних расходов на содержаніе многочисленных «центральных управленій» и лазаретов, больниц и пунктов, заполненіе и работа которых при невозможности переходить границы вѣдомств была во многих случаях неправильной и неполной. Основным требованіем для грядущей организаціи медицинскаго дѣла должна быть естественно экономія в средствах и силах и с этой точки зрѣнія приходится намѣчать основы будущих схем и построеній.

В практикѣ земской работы создалось три основных стороны медико - санитарной организаціи :

1. Лечебная, требующая кадра спеціалистов по отдѣльным вѣтвям медицинских знаній, работающих в больницах, амбулаторіях и т. д.;

2. Административно санитарная с исполнительными — выборными — органами на периферіи и в центрах ;

3. Организаціонно - санитарная, занимавшаяся на с'ѣздах выработкой общих организаціонных принципов, разработкой вопросов текущаго санитарнаго строительства и законодательства.

Начало всякой организаціонной дѣятельности лежит естественно в медицинском участкѣ и поэтому насущной задачей перваго времени будет возстановленіе сѣти участков, почти повсемѣстно разрушенной в большей или меньшей степени и обезпеченіе их квалифицированным персоналом. Но здѣсь — в отношніи мелких центров — встрѣчаются значительныя затрудненія. Вопрос о врачах спеціали-

стах в земствах — вопрос давнишній и сложный. Тяготѣніе к специализаціи — естественный результат развитія медицинских знаній и медицинской техники; одному человѣку охватить всѣ области медицины не только в отношеніи общих принципов, как это обычно бывает, но и в деталях невозможно. А между тѣм вопросы охраны здоровья представляются настолько важными, что каждый больной требует от врача самаго лучшаго, самаго дѣйствительнаго, самаго «послѣдняго» способа леченія. Эта погоня за послѣдним словом создает увлеченіе «модными» средствами и необходимость разбираться во всей массѣ рекламируемых препаратов и методов еще больше замыкает врача в предѣлы постояно суживающіеся.

Можно оспаривать необходимость мелких дробленій; можно сожалѣть о потерѣ врачем спеціалистом извѣстной широты кругозора, невозможности комбинировать свои заключенія в зависимости от свойств индивидуума в цѣлом, а не в отношеніи отдѣльных органов или их систем; можно сочувствовать больному, который переходит от одного спеціалиста к другому, причем каждый находит у него нелады в своей области, примѣняет свое леченіе, а осмыслить всѣ измѣненія, координировать заключенія некому, ибо спеціальности «синтезистов», если можно так выразится, не существует и мнѣнія отдѣльных врачей часто так и остаются не приведенными в порядок, взаимно противорѣчащими. Тѣм не менѣе тягу к спеціализаціи не остановить. При настоящем уровнѣ наших знаній всякій врач, работающій во всѣх областях одновременно, впадает неминуемо в фельдшеризм, понижает качество и глубину своих познаній. С другой стороны, если ранѣе прохожденіе стажа земской работы считалось обязательным для большинства врачей уже в силу идеологических побужденій, если масса студенчества, за исключеніем немногих, послѣдніе годы студенчества и первые годы своей врачебной работы проводила в земствах (это было отзвуком общеинтеллигентской тяги в народ), то нынче идеологія молодых врачей другая и разсчитывать на былое самопожертвованіе трудно. Если, далѣе, раньше земство привлекало плодотворностью работы в сравнительно хороших условіях и было настоящей школой практических знаній, из которых вышли многія выдающіеся русскіе хирурги, эпидеміологи и пр., то теперь лишь в немногих оазисах сохранились больницы, а участки погибли почти повсемѣстно. Если раньше, наконец, универсальность медицинскаго образованія, рѣзко отличившая характер работы в русских университетах от заграницы, гдѣ спеціализація начиналась с 3—4 курса, давала возможность молодым врачам оріентироваться в их работѣ, и приспособиться к ея универсальности, то ускоренные выпуски из современных русских (работающих в весьма печальных условіях) университетов не стоят на былой высотѣ и в этом отношеніи.

Между тѣм именно в мелких центрах (крупных селах, уѣздных городах) необходимо сосредоточить работу квалифицированных врачей, ибо основа Россіи — ея крестьянство — требует спеціальных забот и познаній. Дѣйствительная работа в деревнѣ возможна лишь при довѣріи ея обитателей к врачу, довѣріи не сразу и не легко пріобрѣтаемому и основанному не только на врачебных познаніях, но и

на всем поведеніи врача. Это довѣріе дает в руки врача могучее оружіе борьбы за оздоровленіе деревни, но одновременно налагает обязанность быть вооруженным всѣми средствами борьбы с ея болѣзнями и горестями.

Естественной представляется мысль, что первой и насущной задачей возстановленія здравоохраненія будет возстановленіе разрушенной сѣти участков. Для привлеченія врачей в них придется по всей вѣроятности измѣнить былыя условія оплаты труда врачей; несоотвѣтствіе между платой врача в видѣ жалованія (хотя бы и весьма повышеннаго по сравненію с прежними земскими нормами) и заработком частной практики будет причиной отказа от принципа полной безплатности медицинской помощи; весьма возможен будет корректив в видѣ повизитной платы, уплачиваемой паціентом, но возмѣщаемой ему соотвѣтствующими органами самоуправленія или организаціями типа больничных касс или страховых обществ, как это мы видим напр. в городских центрах на западѣ. Вторым условіем будет удовлетвореніе наклонности к спеціализаціи ввидѣ длительных командировок в крупные центры. Третьим — обязательность земскаго стажа для студентов старших курсов, в видѣ лѣтних семестров с прикомандированіем в земскіе больницы. Наконец — обязательная служба в участках для лиц, получавших в теченіи студенческой жизни пособія и стипендіи, которыя несомнѣнно придется учредить органам самоуправленія и государству.

Естественным слѣдствіем примѣненія принципа децентрализаціи будет учрежденіе на мѣстах спеціальных институтов (физіо - терапевтических, біологических и пр.), дѣйствующих в губернском, приблизительно, масштабѣ, диспансеров и здравниц, как способа дальнѣйшаго продвиженія по пути обезпеченія населенія спеціальными видами помощи. Разрѣшеніе этих вопросов не может носить однообразнаго характера, так как зависит от весьма различных мѣстных условій.

Общая схема может быть намѣчена в слѣдующем видѣ. Организація медицинскаго дѣла должна строиться внѣ вѣдомственных рамок и не в видѣ параллельных организацій. Она должна идти от периферіи к центру ввидѣ организацій однотипных, но охватывающих все большіе районы дѣйствія. Ея основой явится коллектив всѣх врачей, находящихся в опредѣленной административно - территоріальной единицѣ (уѣзд, волость, город). Исполнительным органом явится санитарное бюро — выборный орган. Принцип выборности сохраняется и в дальнѣйшем — губернское санитарное бюро, избираемое и утверждаемое погубернскими с'ѣздами, общегосударственное— конгрессами, аналогичными Пироговским, намѣчающими текущіе задачи общественнаго здравоохраненія и дающими директивы исполнительным органам. Выполненіе отдѣльных санитарно - административных функцій в наиболѣе мелких центрах возлагается непосредственно на санитарнаго врача, в болѣе крупных отдѣльныя спеціальности могут быть переданы членам коллектива, обладающим спеціальными познаніями в данной области (врачи школьные, фабричные, желѣзнодорожные, полицейскіе и т. д.). Эти занятія не препятствуют, однако,

им выполненію чисто лечебных функцій опять таки в предѣлах опредѣленной специальности.

Создается, таким образом, слѣдующее положеніе : в каждом центрѣ, начиная с уѣзднаго города, имѣется ряд должностей (указанных выше); замѣщеніе этих должностей совершается путем избранія свободно конкуррирующих кандидатов коллективом всѣх врачей района. В условія для занятія должностей вводится не только познанія по должности, которая должна быть замѣщена, но и наличность специальных познаній в той области лечебной медицины, представителей которой в районѣ в данный момент не хватает. Существованіе такого совмѣстительства, как показывает, напр., опыт Эстоніи, не отражается на качествѣ работы, но дает значительную экономію в средствах и силах и возможность распредѣленія специалистов по мелким центрам. Об'единеніе дѣятельности представителей отдѣльных вѣтвей санитаріи совершается посредством санитарнаго бюро (путем періоди еских совѣщаній), а общее руководство и контроль лежит, с одной стороны, на общем собраніи врачей, с другой—на соотвѣтствующих органах слѣдующей, болѣе крупной инстанціи (напр. губерн. бюро). Нѣкоторыя должности не подлежат совмѣстительству с частной работой, таковы : завѣдующіе сан. бюро, старшіе врачи больниц и т. д. В болѣе крупных центрах число специальных санитарных врачей, не совмѣщающих должностей, возрастает. На их обязанности лежит об'единеніе санитарно - административных функцій по отдѣльным областям, общее руководство дѣлом в коллективѣ бюро. Тот же принцип выборности, отвѣтствености перед коллективом и дальнѣйшей специализаціи сохраняется в послѣдующих болѣе крупных об'единеніях — вплоть до министерства здравоохраненія.

Осуществленіе этих принципов, встрѣчает наибольшее препятствіе в одиночных сельских пунктах, в особенности при значительных радіусах участков. Однако, опыт московской губерніи показал, что при 6 - верстном радіусѣ возможно распредѣленіе сосѣдних участков между отдѣльными специальностями ; для нѣкоторых специальностей возможна раз'ѣздная система, т. е. 2 — 3 мѣсяца пребыванія специалиста во всѣх участках даннаго районе в добавленіе к его обычному персоналу (напр., психіатры, глазники - операторы и т. д.). Возможен, наконец, и вызов врачей с сосѣдних участков на индивидуальные случаи, как это практиковалось и ранѣе. Единство организаціи, устраненіе вѣдомственности будет способствовать развитію специальных видов помощи и повышенію ея квалификаціи.

При современном положени Россіи, неизбѣжности колоссальной работы по накопленію утраченных культурных цѣнностей и навыков, мы должны признать за врачами роль не только специалистов отдѣльных отраслей техники, но роль носителей опредѣленной идеологіи, сознательнаго анализа окружающей дѣйствительности и строительства жизни на основѣ біологических особенностей народа. Неизбѣжность экономіи при необ'ятной территоріи Россіи и массѣ ея населенія не позволит нам роскоши — созданія по примѣру Америки — специалистов по «евгеникѣ», ибо недостаточно будет наличности даже самых продуманных систем, созданных специалистами, нужен будет личный примѣр. Поэтому каждый врач, должен пройти зем-

скій стаж, обезпечивающій дѣйствительное знакомство с основою Россіи — с жизнью ея деревни, каждый врач должен взять себѣ на дальнѣйшую дорогу воспоминаніе о ея болѣзнях, нуждах, стремленіях, и, проводя в жизнь тѣ или иныя идеи, намѣчая новые методы и пути, должен руководствоваться мыслью о возможности примѣненія их во всей массѣ населенія. Тогда врачи не окажутся чуждыми этой массѣ, тогда создастся необходимая связь между ними и та вѣра в пользу и дѣйствительность медицины, при которой, как мы знаем из практики «крестьянских» земств, не будет недостатка ни в средствах, ни в силах для того, чтобы забыть о кошмарных годах теперешняго лихолѣтья и наладить не только участки, больницы, здравницы, но и достичь тѣх условій жизни, которых достойно населеніе Россіи.

Коппель (Эстонія).

Др. *Б. Цитович.*

ВОЗВРАТ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ К КРЕСТЬЯНСТВУ.

В рядѣ схематическихъ очерков, являющимися выводами из моих предыдущих изслѣдованій, я пытался в послѣдніе годы намѣтить в общих линіях смысл переживаемаго историческаго момента, основы представшей перед человѣчеством великой соціальной реформаціи и, в частности, пути в ней Россіи и ту роль, которую должны сыграть столь сильные и своеобразные два ея класса — крестьянство и интеллигенція *). Отсылая читателя к этим очеркам и изслѣдованіям, здѣсь я хочу продолжить их болѣе *конкретной* и *практической* схемой: срезюмировав кратчайше смысл и причины отрыва русской интеллигенціи от крестьянства, намѣтить существо и формы возврата к нему.

I. РАЗРЫВ.

Россія татарским нашествіем была на пять вѣков оторвана от Европы. И не просто на пять вѣков, а на пять вѣков возрожденія и расцвѣта: и не только расцвѣта наук, искусств и техники, но и глубоких соціальных и религіозных революцій, но и коренного интегральнаго, духовнаго обновленія — в гуманизмѣ. Всѣ эти огромныя исканія и достиженія, все это сложеніе современной цивилизаціи прошло мимо Россіи, невѣдомо для нея. Она в это время жила только *своей собственной особой жизнью:* от-

*) В напечатанной по итальянски лѣтом 1919 года брошюрѣ «Пути открыты» (Le vie sono aperte, Roma, 1919), я намѣтил общій смысл связаннаго с міровой войной историческаго поворота и, в частности, пути Россіи и Италіи, указав, что эпоха «урбанизма» смѣняется эпохой «руризма» — сельской культуры, — и что Россія тѣм самым выдвигается на первый план. В статьѣ «Крестьянство и интеллигенція» («Современныя записки», іюнь 1921 года) я представил параллель развитія в Россіи этих двух классов. Программный очерк «Трудовая демократія» в сборникѣ «Современныя проблемы» 1922 г. резюмирует мою историко-соціологическую схему, намѣчает общія основы предстоящей соціальной реформаціи и дает характеристику трех трудовых классов и их творчества. В очеркѣ «Подходы к мужику» («Дни», 22 марта, 1923 г.) срезюмированы три смѣнявшіяся в этой проблемѣ позиціи: этическая, экономическая и культурная (в широком смыслѣ). Читатель, желающій серьезно ознакомиться с итогами моих изслѣдованій крестьянства, должен прочитать «Народное Право» (1906 г.), а для точнаго пониманія моей историко-соціологической схемы необходимо обратиться к моему очерку «Народничество, как соціологическое направленіе» («Завѣты», 1913 г., кн. 3, 4, 5 и 6).

бивалась со всѣх сторон от иноземцев, разрасталось ея крестьянство, слагалась ея «бытовая» сельская культура в нѣкоторой внутренней автономіи под все выше вздымавшимся огромным куполом царской автократіи. И вот, когда из этого купола — не из народа — было прорублено окно в Европу, то пред Россіей встала гигантская задача: догнать Европу, *наверстать эти пять вѣков . . .*

При разрѣшеніи этой задачи тотчас сказалось глубокое своеобразіе ея соціальнаго строя. В то время как на Западѣ соціальная трансформація складывалась из соціальнаго отбора, борьбы и скрещенія цѣлаго ряда соціальных сил — 1) автократіи, 2) аристократіи, 3) теократіи, 4) плутократіи и 5) демократіи, — из коих каждая обладала мощным творчеством, — в Россіи три среднія силы — дворянство, церковь и буржуазія — были сдавлены и полураздавлены между царской автократіей и сельской демократіей и были, — как впрочем и послѣднія, — крайне бѣдны собственной культурной техникой. Поэтому ни одна из этих пяти сил — и ни всѣ вмѣстѣ взятыя — не оказались способными стать непосредственно воспріемниками и лабораторіями новой западной культуры, вобрать прямо в себя огромныя ея достиженія и зажить новой жизнью (и дать новую жизнь Россіи) в такт с Европой. Крестьянство оставалось под спудом, лишь медленно впитывая новыя вліянія, а дворянство, церковь и буржуазія, — а затѣм и самодержавіе — именно от этих вліяній не крѣпли, не расцвѣтали, а хирѣли, обезличивались, теряли свою собственную завоевательную активност, как бы от медленнаго, но вѣрнаго самоотравленія.

Глубоко оригинальный соціальный отбор выдѣлил из пор всѣх этих сил — сначала из дворянства, потом из «разночинцев» и т. д. — особую своеобразную культурную силу, в таком чистом видѣ неизвѣстную Западу: интеллигенцію, т. е. группу людей образованных, людей умственнаго труда. Именно в них сосредоточился цвѣт людей мысли, идеи, идеала. Именно только эта своеобразная группа смогла увидѣть во всю величину огромную проблему обновленія Россіи. Именно она, русская интеллигенція, взялась за разрѣшеніе великаго вопроса о путях Россіи.

Ясно, что вопрос этот неизбѣжно сводился к проблемѣ: *Россія и Запад*. Ясно, какія двѣ огромныя опасности тут представлялись: ея разрѣшеніе могло быть *абсолютным, элементным*, т. е. могло состоять в выборѣ *одного из этих элементов* — *либо* Россіи, *либо* Запада — и в объявленіи именно его *абсолютом, самоцѣлью.* И дѣйствительно, оба эти элементарно-абсолютныя рѣшенія и явились в Россіи. Явилось славянофильство, которое отрицало «гнилой» Запад и поставило задачей утвержденіе той Россіи, того своеобразнаго сплетенія царской автократіи с сельской демократіей, которое сложилось в пять вѣков отрыва от Европы. Явилось западничество, поставившее, наоборот, крест над этим періодом, как над над каким то пустым, мертвым провалом и призывавшее Россію начать жить сначала, поступив в ученичество к Западу.

К великому счастью Россіи, основная соціальная мысль интеллигенціи не пошла за этими элементными абсолютными теченіями. Соціальная мысль русской интеллигенціи рождалась в період, когда на Западѣ послѣ Великой Французской Революціи явились широкія интегральныя и тѣм самым релятивистическія соціальныя ученія. С другой стороны и сама русская психика, сложившаяся в скрещеніях культур, во взаимодѣйствіях Востока и Запада, является в самых глубоких корнях своих сложной, синтетичной и потому релятивистичной: ищет *не элементов-абсолютов, а цѣльных соотношеній.*

Такое интегральное и релятивистическое рѣшеніе проблемы Россіи и Запада явилось в ученіи и дѣйствіи народничества от Герцена и до Михайловскаго. Народничество пріяло Запад радостно и полно, но поэтому самому цѣльно и зорко: не застряло ученически на нѣмецких соціальных элементах-абсолютах, но усвоило и синтетизм французов, англичан и других, а потому обрѣло свой собственный синтез элементов Запада, т. е. стало не под его начало, а рядом с ним. Народничество пріяло и Россію, но не слѣпо, не абсолютно, а условно, релятивно, не догматически, а критически, а именно — не поверхность ея пяти-вѣкового творческаго «прозябанія», а глубины его: не снѣжный покров самодержавія, в свое время защитившій Россію от чужеземных вихрей, а сельскую крестьянскую демократію, как великій «озимый посѣв» исторіи, зрѣвшій под этим покровом, чтобы, когда солнце свободы растопит снѣга, дать могучій прекрасный расцвѣт.

Таким образом, народническая интеллигенція органически выростала из исторіи Россіи, чтобы органически сростись с исторіей Запада. Русская интеллигенція именно в народничествѣ нашла мост через пять вѣков — пять великих вѣков — отдѣлившіх Россію от Запада.

Поход русской интеллигенціи в народ — в крестьянство — имѣл именно этот величайшій историческій смысл: тут смыкались два соціальных тока — высшія завоеванія Запада с лучшими достиженіями Россіи за пять вѣков. Интеллигенція, погружаясь в стихію крестьянства, прививалась органически к коренному стволу россійской исторіи, пріобщалась к первоисточникам національной культуры Россіи, прикрѣплялась к кормилу русскаго демократическаго государства. А сама вносила в эту стихію ферменты великаго творческаго соціальнаго броженія и обновленія: послѣдніе плоды современнаго знанія и критико-активной мысли, идеи автономизма — религіозной, политической и соціальной свободы — и гуманизма — творческой личности. Токи эти были родственны и готовы были сомкнуться.

Но царской автократіи удалось не допустить смертельнаго для нее соединенія этих двух токов революціи и реформаціи. Народническая интеллигенція была разбита, придавлена, надорвана. Интеллигентскій ток был ослаблен, с'ужен, искажен: на смѣну народничеству и явился марксизм — идея, ученически взятая с Запада, абсолютно-элементная догма западничества. Исторія

Россіи объявлена была пустой и бездарной, основная ея соціальная сила — крестьянство — силой реакціонной, сама интеллигенція — безсильной, противорѣчивой в своем существѣ. Всѣ надежды на прогресс и на революцію в Россіи были возложены на приход революціонно-прогрессивных сил Запада — на механическую европеизацію Россіи через капитализм и пролетаріат. И вот, когда в развалѣ міровой войны «озимые всходы» крестьянской демократіи проломили лед самодержавія и потянулись к солнцу свободы, то эта искаженная, выродившаяся часть русской интеллигенціи, развратив солдатско-рабочія толпы, захватила власть — и разрушила до тла Россію.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Страшный опыт разрыва с крестьянством велит интеллигенціи возврат к нему. Он же неумолимо указывает единственный возможный путь для этого возврата: *как разрыв состоял в смѣнѣ идеологіи интеллигенціей, так и возврат совершится лишь через идеологическое обновленіе. Интеллигенція найдет пути к крестьянству когда найдет пути Россіи, а их найдет только в общих путях человѣчества.* Только через разрѣшеніе великих теоретических задач разрѣшатся затѣм и задачи практическія.

Интеллигенція стоит теперь перед крестьянством — перед основной соціальной стихіей Россіи, — как стояла шестьдесят лѣт назад, когда распалась первая цѣпь рабства. Если уже тогда она искала путей к крестьянству в свѣтѣ всей исторіи человѣчества и Россіи, то тѣм болѣе необходимо и неизбѣжно это общее идеологическое освѣщеніе теперь, когда распалась вторая и послѣдняя цѣпь рабства и когда именно отсутствіе позитивной созидательной идеологіи разбило и опустошило и соціальную жизнь, и соціальную мысль Россіи.

Гдѣ же искать необходимые синтезы?

Несомнѣнно много внутренней правоты в стремленіи молодежи к совсѣм «новому слову». Ибо вчерашнее «слово» оказалось дѣйствительно либо ложно, либо безсильно. «Отцы» этих «дѣтей» — говорю это с глубокой болью, ибо сам принадлежу к этому без вины виноватому, павшему жертвой безвременья поколѣнію, — дѣйствительно в массѣ своей отжили. Но совсѣм новаго на свѣтѣ нѣт: «ново то, что хорошо забыто». И вот нельзя лучше забыть, чѣм забыла русская интеллигенція, свою основную національную мысль, уже давшую плодотворный синтез Запада и Россіи и вмѣстѣ с тѣм синтез — интеллигенціи и крестьянства: народничество. Дѣйствительный, творческій пересмотр должен вернуться не к верхушкам, а к первоистокам своей національной (как и общечеловѣческой) мысли. Нынѣшнее поколѣніе, минуя отцов, должно обратиться к дѣдам своим — к подлинному, цѣльному народничеству.

Сокращенно и упрощенно говоря, теоретическая задача, теоретическая программа возвращенія интеллигенціи к крестьянству сводится в существѣ своем к пересмотру и обновленію народни-

чества в свѣтѣ переживаній и достиженій послѣдняго полувѣка.

Чтобы выразить мой *личный* идеологическій подход к крестьянству, кратко и в упрощенном видѣ резюмирую здѣсь в нѣскольких тезисах итоги моего пересмотра народничества.

1) Общее философское умонастроеніе народничества можно выразить в терминѣ *критико-активизм*. Но оно не доразвилось, впало отчасти в агностицизм, а в пресловутом «субъективном методѣ» впало в прямую ошибку. Оно, с одной стороны, переоцѣнило «объективизм» естествознанія, которое тоже вѣдь только ищет, но не достигает полнаго «релитивизма», а, с другой стороны, не дооцѣнило тот «объективизм», тот «релятивизм», который отчасти достигается и в обществовѣденіи. А именно, оно приняло за общественную «*науку*» тот фазис обществовѣдѣнія, когда, с одной стороны, шло еще только эмпирическое накопленіе фактов и первоначальное, описательно-классификаціонное изученіе соціальных явленій, а с другой — воздвигались абстрактныя, апріорныя, дѣйствительно «суб'ективныя», метафизическія соціальныя схемы (как марксизм). Между тѣм обществовѣдѣніе вступает в научный фазис только теперь лишь со сравнительно-историческим и статистическим методом, т. е. схватывая соціальныя явленія в их движеніи, чередованіи, причинной связи, в их размѣрах, пропорціях, соотношеніях: только в статистикѣ обществовѣдѣніе находит свой «точный метод», свой микроскоп и телескоп, свой количественный анализ, словом свой «релятивизм». И как раз русская, рожденная народничеством, статистика явилась первой в мірѣ по богатству и точности.

Если русская интеллигенція дѣйствительно теперь хочет *«отрезвѣть» и в трезвом видѣ подойти к крестьянству*, то она должна прежде всего отбросить грубѣйшие старые фетишизмы — типичнѣйшій из них — марксизм — называющіе себя общественной наукой и понять простую истину: нѣт науки без точнаго изученія, нѣт точнаго изученія без измѣренія явленій и их соотношеній, а статистика именно и есть это измѣреніе. И значит первой задачей интеллигенціи сейчас является — преодолѣть свое чудовищное, невѣроятное невѣжество по отношенію к реальным соціальным явленіям и изучить точно, — т. е. «об'ективно», «релятивно», т. е. статистически свою собственную родину — Россію и свой собственный народ — крестьянство. Только так она избавится от худших суб'ективных фетишей, утопій, а также и от агностицизмов и отрицаній, которые ничем не лучше утопизма. Только в точном — статистическом — изученіи может быть первый подход интеллигенціи к крестьянству и к строенію Россіи.

2) Исходным принципом соціальной философіи народничества является несомнѣнно *интегрализм*. Народничество рѣшительно отвергает ученіе так называемаго «*монизма*», который правильнѣе назвать *элементизмом*: ученія, выводящія цѣлое общество и об'ясняющія всю исторію из одного какого либо соціальнаго *элемента-абсолюта* и потому не дающія и не могущія дать никакой *общей* формулы историческаго процесса (так напр., марксизм, выво-

дя исторію общества из развитія производительных сил, даже не пытается указать общую формулу этой исторіи и потому даже и не задается вопросом, почему же самыя производительныя силы развиваются). Народничество принимает и изучает соціальный мір в его *цѣлом*, во *взаимоотношеніи* и *взаимодѣйствіи его элементов* и пытается найти *общую закономѣрность*, охватывающую весь исторический процесс и, в разных своих варіаціях, об'ясняющую всѣ отдѣльные его элементы. Самая формула *интегрализма* с наибольшей ясностью дана Михайловским и Лавровым — в творческих цѣлестремленіях личностей намѣчена *общая движущая сила исторіи*. Михайловским — в идеалѣ интегральной личности — дана практическая цѣль борьбы за прогресс. Наконец, всей мыслью и всѣм дѣйствием народничества выработана интегральная классовая формула *трудового народа*.

Это — очень много, но этим еще далеко не закончена система интегрализма.

Пред нами — пред критико-активной интеллигенціей, желающей строить Россію, т. е. участвовать, рядом с народом-крестьянством, во всенародном, цѣлостном ее строеніи, — встают слѣдующія главныя проблемы. Во-первых, Лавровым указаны в критико-активных (по его терминологіи «критически мыслящих») личностях — лишь как бы главныя искры, зажигающія творческое горѣніе исторіи, но предстоит установить закономѣрности *массовых людских цѣлестремленій*, их *историческаго отбора*, их «молекулярнаго» творчества. Во-вторых, народничество далеко не дало законченной системы дѣйствія и взаимодѣйствія всѣх главных коллективов, — а разработало преимущественно лишь два из них, — общину и класс, — и потому теперь русской интеллигенціи предстоит осмыслить и согласовать остальныя цѣлестремленія, причем в строеніи Россіи особенно важно гармонически связать с классовыми цѣлестремленіями государственныя, національныя и религіозныя, а *подходя к крестьянству принять его интегрально, т. е. видѣть в нем не только трудовой класс, но и первоисточник національной жизни, и основной механизм государственнаго дѣйствія, и главный очаг религіознаго творчества*. В третьих, наконец, представляется сейчас же интеллигенціи — именно в самом подходѣ к крестьянству — спеціальная частная задача: интегрализировать классовый коллектив трудового народа включеніем в него, наряду с крестьянством и пролетаріатом, и себя — трудовой интеллигенціи.

3) Теорія прогресса, конечный идеал и соціально-политическая программа народничества или должна быть опредѣлена как соціализм особаго рода, или, скорѣе, требуют особаго опредѣленія, которое я лично нахожу в терминѣ *автономизм*. Для народничества и двигателем прогресса, и конечною цѣлью является человѣческая *личность*, ея *самоопредѣленіе*, ея творчество. С другой стороны его практическая программа строилась на самодѣятельности народа-крестьянства, преимущественно в общинѣ и коопераціи, т. е. собственно на *самоопредѣленіи трудового класса*. Отсюда можно вывести, что если не прямая формула, то основная тенден-

ція народничества заключается *в полном самоопредѣленіи человѣческих личностей через самоопредѣленіе их коллективов,* — а это именно и выражается всего ближе в словѣ *автономизм.*

Сейчас русской интеллигенціи и предстоит развить зародившійся в народничествѣ автономизм в законченную теорію и практику.

Задача эта сводится главным образом к слѣдующим пунктам.

Выступая против историческаго фатализма, подавляющаго роль личности, народничество (подобно нѣкоторым нѣмецким «финалистам») впало в обратную крайность — в нѣкоторый агностицизм, провозглашающій лишь свободную иниціативу личности и не видящій твердых закономѣрностей в исторіи, а потому как бы предоставляющій ее случаю и произволу. Предстоит (слѣдуя за одним из самых глубоких и трезвых «финалистов» Іерингом) выйти раз навсегда из обѣих метафизических крайностей: увидѣть и осмыслить в историческом процессѣ не фатум внѣ человѣческих цѣлестремленій и не непостижимую игру их, а *закономѣрности в самой этой борьбѣ цѣлестремленій — личных и групповых, — нѣкоторыя тенденціи в развитіи и сложеніи цѣлей-сил, вырастающих — как смѣна в организмѣ, — в соціальныя организаціи, нѣкоторый соціальный цѣлевой отбор, словом нѣкоторую опредѣленную соціальную трансформацію.* И предстоит внести дух этой творческой цѣлевой закономѣрности и в строеніе Россіи, и в дѣйствіе среди крестьянства.

Затѣм (это может показаться странным, но это об'ясняется интеллигентско-идеалистическим происхожденіем ученія), народническая *теорія* дает скорѣе индивидуалистическую и аристократическую, чѣм демократическо-коллективистическую формулу автономизма: она выдвигает *творческій автономизм иниціативнаго меньшинства, а не автономное творчество народных масс,* — это в сущности *скорѣе «интеллигентчество», чѣм «народничество».* Отсюда перед нами ясная и плодотворная задача: *раздвинуть понятіе автономизма с личности на коллектив, построить систему самоопредѣленія личностей в разных их цѣлестремленіях чрез самоопредѣленіе соотвѣтственных коллективов — націй, классов, государств, религій и культур.* Мы должны увидѣть рядом с автономным творчеством интеллигенціи — еще *органическое, молекулярное массовое* автономное творчество народа — в языкѣ, поэзіи, в хозяйствѣ, бытѣ, правѣ и т. д. Мы должны не только признать этот органическій автономизм в самодѣятельности русскаго крестьянства, как историческій факт, — что дѣлало и старое народничество, — но возвести его в теорію и в основной принцип всей народнической практики.

Наконец, народничество страдает неясностью и незаконченностью и в самом основном понятіи, в самой терминологіи: самое слово «народничество» слишком эмпирично и неопредѣленно и далеко не выражает всего глубокаго содержанія «автономизма», к которому лишь стремится. Поэтому мнѣ кажется необходимым, чтобы было принято самое слово «*автономизм*». «Народничество» обозначает лишь как бы высшую степень демократизма, но поня-

тіе «автономизма» гораздо опредѣленнѣе, и шире, и глубже, и духовнѣе, чѣм понятіе демократіи: оно дает не конкретную, упрощенную, даже грубую, даже отчасти насильственную формулу «народовластія» (остается под вопросом: в чем и почему «власть» и что такое «народ»), а заключает в себѣ точное высшее обобщеніе: *всеобщее самоопредѣленіе личностей через коллективы.* Таким образом, понятіе автономизма включает в себя и либерализм, ибо является высшим выраженіем свободы и индивидуализма, и соціализм, если под соціализмом понимать не деспотію одного коллектива над другими и над личностями, а цѣльную, гармоническую систему коллективов, самоопредѣляющихся и служащих для самоопредѣленія всѣх личностей.

Каждый историческій момент, — если он творческій — выдвигает, вычеканивает выражающія его понятія. Я не рѣшусь сказать, что вычеканенныя предыдущими эпохами понятія демократіи, соціализма, народничества совсѣм изжиты и отмирают, но несомнѣнно, что они значительно истратились, стерлись, выдохлись, утратили свой первый «пафос» и могут вновь ожить, если в них вольется «живая вода» обновляющей идеологіи, новаго их осмысленія, — болѣе глубокаго и тонкаго, болѣе, сказал бы я, внутренняго и интимнаго, болѣе удовлетворяющаго, радующаго и освящающаго самого живого человѣка, самую личность его.

Таким и представляется мнѣ понятіе автономизма.

И это понятіе не только выведено мною логически: оно уже всюду теперь «носится в воздухѣ». Здоровое устроеніе націй уже так и называется «*національным самоопредѣленіем*». И что такое представляет все огромное движеніе синдикализма и коопераціи, как не *экономическое самоопредѣленіе*, как не стремленіе *экономическаго автономизма* трудового класса? И именно в крестьянской Руси, — с ея почти сплошь «самовольным» и «самодѣльным» хозяйством, бытом, правом, пѣсней, религіозными исканіями, — уже являются перед нами могучіе всходы автономизма . . . В переживаемом нами великом историческом переломѣ из всѣх раскрывшихся соціальных трещин, из всѣх ростков соціальной новой жизни пробивается *всеобщее устремленіе к самоопредѣленію, как синтезу личности и общества.* Мнѣ кажется, что слово *автономизм* и выражает ближе всего этот голос эпохи.

3. ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Если идеологія русской интеллигенціи обновится в духѣ «автономизма», то этим самым ясно установится и план ея практическаго дѣйствія. Это дѣйствіе будет состоять *в реальном интегральном самоопредѣленіи. В реальном самоопредѣленіи,* — т. е. не в порханіи, подобно бабочкѣ, с цвѣтка на цвѣток «послѣдних слов» Западной культуры, а в укорененіи и разростаніи в своей собственной исторической, органической средѣ, в прививкѣ к своей странѣ, к своему народу, т. е. главным образом в возвратѣ к крестьянству. *В интегральном самоопредѣленіи,* — т. е. не в замыканіи в отдѣльном соціальном элементѣ-абсолютѣ, не в служеніи

догмѣ и фетишу какого нибудь новаго «монизма», а в дѣйственном выявленіи всѣх своих сторон, всѣх своих качеств и сил, в цѣльной и стройной отчеканкѣ всей своей многогранности.

Это интегральное проявленіе русской интеллигенціи в исторической реальности можно выразить в слѣдующей схемѣ самоопредѣленія ея в *классѣ*, в *націи*, в *государствѣ*, в *культурѣ*.

А) Классовое самоопредѣленіе. С великим историческим переломом міровой войны совпало окончательное самоопредѣленіе русской интеллигенціи, как трудового класса. Первоначально она была не классовой, а культурной и идеологической группой, образовавшейся в дворянствѣ, потом расширилась и спустилась в переходный пестрый слой «разночинцев», затѣм уже к первой революціи (как я указал тогда же) она сложилась в многочисленную экономическую группу — в класс трудовой интеллигенціи, — наконец, большевистская катастрофа, раззорив дворянско-буржуазные верхи интеллигенціи, окончательно обратила ее в один из отрядов трудового класса.

Эта новая позиція должна быть прежде всего ясно осознана, и на ней должна основаться вся программа практическаго дѣйствія интеллигенціи. Она сводится к слѣдующему.

Соотвѣтственно с духом больной эпохи перелома и кризиса, у нас все еще возникают рѣшенія в духѣ изжитаго періода конца 19 вѣка, в духѣ элементов-абсолютов, в духѣ новаго самоопредѣленія интеллигенціи *только как класса*. Одни его понимают узко и приниженно, отводя впредь русской интеллигенціи лишь роль культурно-техническаго обслуживанія страны и, значит, крестьянства, другіе, наоборот, проникаются голой классовой борьбой и злобой, собираются своих предполагаемых противников «в случаѣ нужды даже за горло схватить и ударить о землю», мечтают о классовой диктатурѣ интеллигенціи. Такой классовый абсолютизм обѣдняет, обезличивает и развращает русскую трудовую интеллигенцію и если бы возобладал, был бы гибелен не только для культуры, для Россіи, для крестьянства, но и для нея же самой, ибо если дѣло дойдет до свалки, то не она других, а другіе ее «схватят за горло и ударят об землю».

Цѣлесообразное рѣшеніе может быть только *релятивистическим* и *интегральным*.

Во-первых, необходимы релятивизм и интегральность в самом классовом самоопредѣленіи. Оно состоит не в выдѣленіи и противоположеніи себя другим, как абсолюта, как фетиша особаго новаго класса, а в нахожденіи себѣ мѣста скорѣе как *под-класса в общем классѣ трудящихся*, как *одного из равноправных членов тройственнаго трудового союза — крестьянства-интеллигенціи-пролетаріата*)*. И задача стоит не столько *негативно* — не столько заключается в *борьбѣ* за свои специальные интересы против дру-

*) Наша позиція здѣсь иная. Читателю она извѣстна: в единый «класс трудящихся» крестьянство и пролетаріат не вмѣщаются. Общественное положеніе и общественное поведеніе различны. Они — разноклассовы.

Редакція.

гих классов и под-классов, — сколько *позитивно:* состоит в классовом *творчествѣ*, идущем на благо всего общества и в классовом *сотрудничествѣ* для блага народа и государства, как с другими братьями по труду, так равно и с лучшими конструктивными элементами буржуазіи. Чѣм богаче одарит интеллигенція цѣлое — Россію, — тѣм болѣе выиграет сама, как часть ея.

Во-вторых, трудовая интеллигенція не может и не должна стать только классом. Она заключает в себѣ огромное культурное и идеологическое содержаніе, она может и должна его сохранить и пріумножить. Было бы вредной утопіей ей пытаться перескочить с чисто культурно-идеологической на чисто классовую позицію. Она самоопредѣляется необходимо и неизбѣжно, как *сложная, интегральная классово-культурно-идеологическая группа.*

Такое самоопредѣленіе русской интеллигенціи и составит прочный окончательный возврат ея к крестьянству. Она придет к нему теперь не сверху вниз, а как равный к равному. Придет не для того, чтобы «водительствовать», воображая себя, как ученика Запада, учителем, а мужика своим «меньшим братом», но помня, что по историческому опыту, по хозяйственности и строительству, именно мужик является старшим братом интеллигента; придет, чтобы в братском сотрудничествѣ с ним строить Россію и работать для человѣчества. Из этого сотрудничества и выростет обновленный соціальный строй трудовой демократіи.

В) Національное самоопредѣленіе. Ясно, что вся судьба Россіи зависит от ея національнаго самоопредѣленія и что в нем интеллигенція сыграет первенствующую роль. Таким образом, начинающееся нынѣ національное самоопредѣленіе интеллигенціи имѣет огромное значеніе.

Однако, и оно не абсолютно, а релятивно. Правда, из остальных соціальных сил пролетаріат и буржуазія представляются слабыми величинами в этом случаѣ: их отрицательная сторона та, что они національно обезличены индустріально-городским бытом, положительная же их сторона состоит в тенденціи к интернаціональным связям, а не к національному самоутвержденію. Но крестьянство представляет собою *первоисточник національной жизни.* Поэтому *національное самоопредѣленіе Россіи* сложится только как *синтез двух сил: крестьянства,* несущаго в себѣ *органически* данныя исторіей національныя переживанія Россіи и интеллигенціи, как силы спиритуальной, привносящей національныя и интернаціональныя переживанія других стран и обобщающей их воедино со всѣми элементами національнаго самосознанія Россіи.

В послѣднія десятилѣтія русская интеллигенція, утратив критико-активное отношеніе к Западу и оторвавшись от національной народной стихіи, почти потеряла свою національную функцію. Только с возвратом к крестьянству она снова обрѣтет ее. Задачи ея будут слѣдующія.

Во-первых, *внутреннее самопознаніе.* Углубившись в исторію и в современную жизнь народа, изучив и осмыслив «самодѣльное» хозяйство и «самовольное» право крестьянства, его быт и мысль,

знанія и религію, этику и эстетику, интеллигенція впервые глубоко постигнет и оцѣнит національную стихію Россіи. Только такое «этнографическое» — в широком смыслѣ — познаніе Россіи, блестяще начатое народничеством, но потом заброшенное, выявит существо с одной стороны, собственно русской — в лицѣ всѣх трех русских вѣтвей—культуры, а с другой — всего сложнаго комплекса иных входящих в нее народностей и, наконец, всего, так сказать, россійскаго интернаціонала в цѣлом и только оно приведет к единенію національных автономій в сложно-національной Россіи.

Во-вторых, *внѣшнее самоутвержденіе.* Познав и осмыслив особенности, силы, дух и цѣли Россіи, интеллигенція в единеніи с крестьянством впервые найдет то, чего еще никогда не имѣла Россія: независимое духовное самоутвержденіе народа пред лицом других стран, твердую и независимую народную интернаціональную политику на основах мира и автономизма.

С) Государственное самоопредѣленіе. Новое собираніе земли русской и строеніе государства россійскаго начнется и совершится — точнѣе уже начинается — не сверху, не с крыш, не с тѣх или иных «водителей», а снизу, с фундамента и со стѣн, с народа. Для кого это не общее мѣсто и не демагогическая фраза, для тѣх, у кого открыты глаза на дѣйствительность, это может означать одно: *русское государство построится крестьянством* и будет *крестьянским государством,* интеллигенція же займет в нем второе мѣсто.

Это предопредѣляется слѣдующими историческими фактами. С одной стороны, буржуазія, «водительствующая» в западных демократіях, является слабой, отсталой и неспособной к этому в Россіи. Не может замѣнить ее в Россіи и трудовая интеллигенція, которая не главенствует политически нигдѣ и которая только что,— как в безсиліи и безпрограммности ея демократических теченій, так и в большевистской деспотіи, — потерпѣла полный крах в Россіи. С другой стороны, ни в какой культурной странѣ нѣт такого подавляющаго большинства у крестьянства, — составляющаго до 9/10 населенія Россіи, — нигдѣ крестьянство не является таким однородным и сплоченным и нигдѣ оно настолько фактически не воспитано для демократіи, как в автономной самодѣятельности сельских міров и кооперацій Россіи.

Поэтому, если русская интеллигенція не стремится к утопическим самодавлѣющим захватам политической власти, если она искренно признает демократію для Россіи, то ея политическое самоопредѣленіе может состоять лишь в одном: *в сліяніи с крестьянским демократическим государством.*

Соотношеніе и сотрудничество интеллигенціи и крестьянства в государственном строительствѣ исторически предопредѣлено слѣдующим образом. Крестьянство, которое исторически воспитано, как положительный хозяин и строитель в своей работѣ и в своей вѣчевой самодѣятельности, станет *устоем государственной самодѣятельности* Россіи и *воспитает* в этом конкретно-созидательном государственном духѣ оторвавшуюся от реальности интеллиген-

цію. Интеллигенція же внесет *знанія и обобщенія* в это строительство.

Д) Культурное самоопредѣленіе. Основой соціальнаго самоопредѣленія русской интеллигенціи является культурное самоопредѣленіе. Когда то она устремилась к крестьянству по этическим мотивам, как чисто идеологическая сила. Затѣм, захваченная чисто политической борьбой, она оторвалась от крестьянства. Нынѣ ей предстоит обратиться к самому своему существу — к культурной функціи — и тѣм самым возвратиться к народу, к крестьянству.

До сих пор русская интеллигенція — сознательно или безсознательно — пыталась *сама дѣлать исторію Россіи.* Лучшія свои силы, лучшее вдохновеніе она отдавала соціально-политической борьбѣ. Надрываясь в этих порывах, в этих героических под'емах, она падала, впадала в ремесленный спеціализм, забывалась, как в винѣ, в болѣзненном эстетизмѣ. Для прямой же основной ея миссіи — культурных дрожжей в народном тѣстѣ — удѣлялся минимум ея силы.

Теперь настало время интеллигенціи *творить исторію Россіи вмѣстѣ с народом, болѣе того — через народ, т. е. главным образом через крестьянство.* Когда то в 80-е годы призывы Толстого к «недѣланію» и Абрамова к «малым дѣлам», — т. е. собственно к культурной работѣ в народѣ вмѣсто политической борьбы, — казались, да отчасти и были, — реакціонными, ибо политическое препятствіе самодержавія сводило ее к слишком малой величинѣ. Но вот самодержавіе было ранено «Народной Волей», надломлено в 1905 году и уничтожено в 1917 году — интеллигенціей вмѣстѣ с народом. Правда, возникло новое политическое препятствіе в видѣ большевистской деспотіи, но его преодоленіе уже совсѣм не по силам надорвавшейся интеллигенціи; главную роль сыграет тут крестьянство. Интеллигенція же может приложить к этому свои усилія лишь рядом, лишь через крестьянство и не столько для самаго разрушенія, сколько для подготовки послѣдующаго великаго государственно-общественнаго строенія. Основная же ея роль теперь — *огромное культурное творчество внутри крестьянства: созданіе в равноправном сотрудничествѣ с ним новой великой сельской культуры Россіи.*

Конечно, эта «культурная работа» будет не только собственно культурным, но и политическим, и экономическим, и идеологическим творчеством. Она будет состоять не только в технических культурных службах, не только во внѣшнем культурном обслуживаніи крестьянства, а в высшем культурном служеніи Россіи в лицѣ ея народа, в созданіи особаго, согласнаго с условіями и силами Россіи цѣльнаго соціальнаго типа, в котором культура прольется из узких чаш городов на деревню, на всю великую страну и даст великій самопроизвольный разцвѣт, великій порыв творчества и прогресса.

В сущности уже таков был общій смысл той «культурной работы», как она уже ранѣе понималась, как она по мѣрѣ возможности уже велась в Россіи (и почти только в Россіи). Когда интеллигент шел в деревню на культурную работу, то агроном превра-

щался в «*общественнаго агронома*», как и педагог, врач, инженер, юрист, экономист, театральный работник, дѣятель земства, особенно в лицѣ «третьяго элемента» и т. д. обращались в соотвѣтственных «*общественных культурных дѣятелей*». Это означало, что они не только выполняют механически за плату свои культурныя функціи, но идейно, автономно, творчески претворяют их в соціальное творчество народной среды. Особенно ярко и сильно это проявилось в народнической культурной работѣ.

Эти то здоровые и живучіе ростки, уже давшіе Россіи ряд крупных культурно-общественных цѣнностей, почти невѣдомых в других странах, мощно разрастутся и расцвѣтут в новую «сельскую культуру», когда интеллигенція возвратится к крестьянству.

Основной смысл этого возврата интеллигенціи к крестьянству состоит в перенесеніи соціально-культурнаго творчества с узких верхов соціальной пирамиды в самые глубокіе народные ея низы. Там, в низах, с помощью науки и техники, возродится и могуче на несокрушимых базах разростется народное хозяйство. Туда — на сельскія вѣча — перенесутся основы государственаго строительства. Там, в тысячах и тысячах школ и народных домов, расцвѣтет не только всеобщее и быстро повышающееся народное образованіе, но и собственное творчество в наукѣ и искусствѣ. Там, на мѣстѣ отживших «дворянских гнѣзд», явятся из сліянія интеллигенціи и крестьянства «культурныя гнѣзда» новаго соціальнаго міра: великой сельской культуры Россіи, великаго откровенія молодой Россіи старому Западу. Там из обновленія старых религій и из новых откровеній духа человѣческаго, сложится новый свободный соціальный культ, который объединит людей в дружества и воспитает, поведет личность к вершинам человѣческаго, божественнаго.

До сих пор русская интеллигенція не страдала недостатком смѣлости. Грудью прокладывала она новые пути. Неужели же покажется ей чрезмѣрным дерзновеніем — ни от чего не отказываясь, во всеоруженіи своих завоеваній, в ясном сознаніи своих сил и цѣлей, пуститься в безбрежную народную стихію — к природѣ и народу, к здоровью и жизнерадости, к свободѣ и любви?

Cavi di Lavagna.
(Италія).

К. Кочаровскій.

НАСЕЛЕНІЕ, КЛАСС, ПАРТІЯ.

В связи с грядущими судьбами Россіи, в частности, в связи с организаціей новых политических партій и консолидаціей соціальных классов, вопросы о природѣ соціальнаго класса, его мѣстѣ в ряду других общественных групп, его взаимоотношеніях с политической партіей должны были выплыть на поверхность русской общественной мысли, как «вопросы дня», поставленные на очередь. Так и случилось. Повод к обсужденію их был дан появленіем «Крестьянской Россіи». Заданія послѣдней: всемѣрное содѣйствіе поднятію экономическаго и духовнаго уровня крестьянства Россіи, возрожденіе послѣдней — через возрожденіе этого класса, через его экономическую, культурную и политическую организацію — вызвали ряд откликов в русской печати. Часть этих откликов, напр., статьи А. К. и А. В. Пѣшехонова в «Днях» свои возраженія против позиціи «Крестьянской Россіи» поставили именно в плоскость обсужденія проблемы класса, политической партіи и их взаимоотношеній.

В виду этих общих и частных причин не безполезно, хотя бы сжато, коснуться этих проблем и разсмотрѣть их объективно. Эту задачу и преслѣдуют дальнѣйшія строки данной статьи.

Населеніе любого государства не представляет чего то однороднаго, а распадается на множество различных соціальных групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Примѣрами таких групп могут служить: группы языковыя, состоящія из лиц, говорящих на одном и том же языкѣ (великороссы, украинцы, татары, башкиры, грузины и т. д.), группы профессіональныя (земледѣльцы, плотники, рабочіе-металлисты, печатники, инженеры, врачи и т. д.), группы имущественныя (богатые и бѣдные), группы объемно-правовыя («привилегированные» и «обдѣленные»), группы религіозныя (православные, католики, магометане, будисты и т. д.) и т. д. Таких групп очень много в современном обществѣ. Иными словами, линіи соціальной дифференціаціи послѣдняго чрезвычайно сложны и запутаны.

Обратной стороной этого явленія служит факт принадлежности каждаго индивида не к одной, а к множеству групп, друг с другом не совпадающих. Каждый из нас — вольно или невольно — является как бы «абонентом» множества разнородных — по объе-

му и характеру — объединеній. По подданству — я принадлежу к Русскому государству, по религіи — к православной церкви (новая группа, отличная от государственной, ибо не всѣ русскіе граждане — православные и не всѣ православные — русскіе подданые), по профессіи — к новой группѣ, отличной от церкви и государства, по языку — к новой и т. д.

Этот факт сложной соціальной дифференціаціи имѣет огромное значеніе в дѣлѣ солидарности членов общества друг с другом и в дѣлѣ обусловленія их поведенія и взаимоотношеній.

При равенствѣ прочих условій члены одной и той же группы болѣе солидарны друг с другом, чѣм с членами иных рѣзко отличных групп. Сходство лиц по вѣрѣ или профессіи, имущественному положенію или языку влечет сходство их интересов в цѣлом рядѣ отношеній, скрѣпляет их в одно цѣлое, накладывает опредѣленную печать на их воззрѣнія и убѣжденія, вѣрованія и вкусы, желанія и стремленія, короче — на все их поведеніе. Отсюда — их солидарность и ряд сходств в психикѣ и поведеніи.

В ряду многочисленных групп, на которыя распадается населеніе государства, находятся и тѣ группы, которыя называются: *соціальным классом* и *политической партіей*. Если соціальное значеніе второй из этих групп не так велико, то соціальный класс представлял и представляет исключительно важную, пожалуй, наиболѣе вліятельную соціальную группу.

2.

Что такое соціальный класс? Опредѣленій его существует великое множество *). Я не буду здѣсь приводить их. Наиболѣе правильным представляется мнѣ слѣдующее опредѣленіе: *соціальным классом будет совокупность лиц, сходных между собой по профессіи, имущественному положенію, и по объему прав, слѣдовательно, имѣющих тождественные или близкіе профессіональные + имущественные + соціально-правовые интересы.*

К этим признакам класса слѣдует прибавить дальнѣйшіе, а именно: 1) класс-группа в извѣстной мѣрѣ открытая, вход и выход из него не воспрещен юридически, 2) к этим трем сходствам: по профессіи, имущественному положенію и объему прав присоединяется и на них наростает цѣлый ряд сходств в области поведенія, нравов, психики и идеологіи, еще тѣснѣе скрѣпляющих членов одного и того же класса.

В итогѣ этих сходств члены послѣдняго становятся в массѣ отношеній солидарными друг с другом, в массѣ отношеній сходными один с другим, наконец, в массѣ жизненных взаимоотношеній имѣющими одни и тѣ же желанія, стремленія и интересы, одних и тѣх же классовых противников, одну и ту же идеологію. Почему? Потому, что *профессія, имущественное положеніе и об'ем прав лица представляют условія, колоссальным образом опредѣ-*

*) См. мой II т. «Системы», 283—306 стр.

ляющія поведеніе и интересы человѣка, его убѣжденія и взгляды, вѣрованія и вкусы. Каждое из этих условій накладывает опредѣленную печать на физическую и духовную природу человѣка, на все его поведеніе, и міроощущеніе.

Профессія «штампует» человѣка по «своему образу и подобію». В своем изслѣдованіи «Вліяніе профессіи на поведеніе людей» *) я на основаніи чужих и своих изслѣдованій показал, что профессія деформирует физическое или соматическое строеніе организма, наши акты, наш внѣшній вид, наши поступки, наши интересы, нашу психику: процессы воспріятія, память, представленія, характер ассоціацій, наши убѣжденія, идеологію, наши вкусы и оцѣнки. — словом — все наше поведеніе.

От этого рикошетнаго вліянія профессіи, представляющаго частный случай Ламарковскаго положенія: «функція создает орган», не свободен никто. Перефразируя Марксовское положеніе можно сказать: «профессіональное бытіе опредѣляет наше сознаніе».

В силу этого вполнѣ понятным становится факт сходства — в рядѣ физических и психических черт — лиц одной и той же профессіи и факт различія лиц разных и далеких друг от друга профессій. В силу того же сходства профессіи интересы однопрофессіональных лиц неизбѣжно будут сходными во многих отношеніях. Сходными будут их желанія и стремленія. Иначе говоря, в той или иной мѣрѣ, они неизбѣжно будут солидарными. И обратно, лица разных и рѣзко различных профессій во многом будут друг для друга жителями «разных планет», говорящими на разных языках.

Сказанное о вліяніи профессіи может быть сказано и *об имущественном положеніи лица.* Оно также сильнѣйшим образом детерминирует поведеніе человѣка, деформирует его духовную и физическую природу, прививает ему интересы, взгляды и образ жизни соотвѣтственно степени бѣдности и богатства. Изслѣдованія Шмоллера, Bauer'a, Descamps, D'Aeth'a и др.**) об образѣ жизни, манерах, вкусах, обстановкѣ, одеждѣ, привычках, умственном уровнѣ лиц, принадлежащих к одному и тому же имущественному слою, показали поразительное сходство их во всѣх этих отношеніях. Это сходство неизбѣжно порождает сходство интересов и солидарность в рядѣ отношеній лиц одинаково богатых или одинаково бѣдных. И обратно, неизбѣжно выплывают антогонизмы между рѣзко различными имущественными слоями. Не сказано ли: «сытый голоднаго (богатый бѣднаго) не разумѣет». И обратно.

Наконец, то же, в извѣстной мѣрѣ, может быть сказано и *об объемно-правовом положеніи индивида.* Возьмите самую разношерстную группу лиц, надѣлите ее какими нибудь привиллегіями или обдѣлите ее в каких нибудь правах, и . . . вы сдѣлаете их солидарными в размѣрѣ этих прав или правовых лишеній. Вы свя-

*) Вопросы изученія и воспитанія личности. № 3. СПБ. 1922.
**) См. II т. «Системы соціологіи». 161 и сл.

жете их этой об'емно-правовой связью в одно цѣлое. Привиллегированные будут цѣпляться за свои привиллегіи, обдѣленные бороться за свое равноправіе *). Отсюда — солидарность лиц одного соціальнаго ранга и вѣчная борьба, вѣчный антогонизм «привиллегированных» и «обдѣленных», «аристократіи» и «демоса», «патриціев» и «плебеев», «господ» и «рабов», «властвующих» и «подвластных».

Если каждое из этих порознь взятых условій оказывает столь сильное вліяніе на душу и тѣло, на поведеніе, интересы и солидарность человѣка, то легко понять всю огромность вліянія всѣх этих трех условій — профессіи, имущественнаго уровня и объема прав — вмѣстѣ взятых.

Индивиды, поставленные под сходное «давленіе этих трех атмосфер», неизбѣжно «сплавляются в единую гомогенную массу», внутренно солидарную, внутренно-сходную в массѣ психических и физических отношеній. Имя этой массѣ — класс. Не агитація, не пропаганда сплачивают членов одного класса в подобіе единаго коллективнаго тѣла, а прежде всего эти три условія. Агитація и пропаганда лишь поясняют и отшлифовывают то, что носит названіе «классового сознанія», существующаго до них и без них, хотя и в болѣе смутной формѣ.

Сказанное уясняет всю прочность классовых связей, их органическій характер, их нерасторжимость внѣ и без измѣненія этих трех условій.

Нравится ли это или не нравится, но факт таков и его приходится констатировать. Связи множества других групп — не классовых, — гораздо легче разрываются, чѣм связи класса.

Учитывая это, плюс тот факт, что *соціальные классы обычно представляют не маленькія группы, в 100 или в 1000 человѣк, а группы многочисленныя, насчитывающія милліоны членов, легко понять огромнѣйшій удѣльный вѣс классовой группировки в ряду других — не классовых — соціальных группировках.*

Когда эти «соціальныя глыбы» начинают ворочаться и приходят в движеніе, поистинѣ начинается настоящій ледоход всей соціальной жизни. Ряд других соціальных групп (но не всѣ), взятых по одиночкѣ, при столкновеніи с классовой группой разлетаются вдребезги, другіе — дают трещины, третьи — получают поврежденія.

Отсюда понятно почему в соціальной жизни класс часто выступает как нѣкое единство даже тогда, когда нѣт нарочитой организованности. Тождество условій и положенія ведет за собой сходство реакцій членов одного класса на сходныя явленія. Этим объясняется стихійно-эпидемическій характер классовых движеній, проявляющійся в стихійных стачках и других выступленіях, совершающихся сплошь и рядом без спеціальных агитаторов или организаторов.

---

*) См. факты во II т. «Системы», стр. 173 и сл.

Если бы не было других групп, помимо классов, участниками которых члены класса являются (религіозныя, государственныя, языковыя и др. группы), то эта солидарность и сходство членов одного и того же класса были бы еще большими.

Это основное единство класса ничуть не исключает, конечно, дальнѣйших его подраздѣленій и в связи с этим ряда внутриклассовых антагонизмов. Дѣло в том, что сходство, — и по профессіи, и по экономическому положенію, и по объему прав — в предѣлах одного класса имѣет градаціи. Есть слои лучше обезпеченные, чѣм другіе слои того же класса, наборщики по профессіи поэтому гораздо ближе друг к другу, чѣм к рабочим — ткачам. Объем прав рабочих одной отрасли может быть большим, чѣм рабочих других отраслей промышленности. Эти относительныя различія по тѣм же трем признакам дѣлают понятным дальнѣйшее дробленіе класса на подклассы, на виды и болѣе детальныя группы, с одной стороны, с другой, объясняют существованіе внутриклассовых антагонизмов. Но, в общем и цѣлом, наличіе этих явленій не уничтожает существованіе класса, как соціальнаго единства, ибо контраст по линіям профессіи, имущества и объема прав между огромным большинством членов даннаго класса и другими классами является несравненно большим, чѣм между отдѣльными слоями одного и того же класса.

Иллюстрируем сказанное. Возьмем для примѣра соціальную группу, называемую *пролетаріатом*, в ея реальных, а не фиктивных проявленіях. Какими признаками она характеризуется? Во-первых, это группа лиц, близких или сходных по профессіи. Ядро ея составляется из лиц, занятых главным образом физическим трудом на фабриках и заводах, продающих свою мускульную энергію и живущих заработной платой. С боку с этим ядром соприкасается слой «интеллигентнаго пролетаріата», подобно первому продающаго свой труд и частично с ним сходнаго в этом отношеніи.

Второй признак пролетаріата — это сравнительная *экономическая бѣдность*. Заработок его относительно не велик. Значительной собственности и капиталов нѣт. Лица, хотя и сходныя с ним по профессіи, но получающіе несравненно большій доход (напр., инженер, директор предпріятія и т. п.), по своему поведенію и интересам уже отличны от настоящаго пролетаріата, они чаще солидаризируются с «буржуазіей», а не с послѣдним.

Третій признак пролетаріата — *юридическая или фактическая обдѣленность в правах* (кромѣ стран с «диктатурой пролетаріата», ведущей неизбѣжно к исчезновенію и деклассированію его) *по сравненію с рядом привилегированных классов.*

Правда, на бумагѣ как будто уже давно признано равенство всѣх перед законом. Но и то не вездѣ. Имущественные цензы в скрытой и явной формѣ, необходимые для занятія ряда должностей, ряд фактических изъятій в правах пролетарія, невозможность фактическаго пользованія многими формальными правами и благами в силу бѣдности и т. д. — все это дѣлает этот класс об-

дѣленным по сравненію с другими — богатыми и аристократическими группами.

Лица, удовлетворяющія этим трем признакам, и составляют класс настоящаго пролетаріата. Отнимите от отдѣльнаго пролетарія один из основных признаков этого класса (напр., сдѣлайте его из бѣднаго богатым, или из обдѣленнаго — диктатором, из рабочаго — министром), и данный человѣк автоматически перестанет быть пролетаріем.

Сообразно со сказанным выше о разных слоях в предѣлах одного и того же класса, и класс пролетаріата распадется на ряд внутриклассовых групп и дѣленій с неизбѣжными внутриклассовыми антагонизмами, не уничтожающими, однако, антагонизмов даннаго класса с другими классами, с одной стороны, и с внѣклассовыми группами, напр., государством, церковью и т. д., с другой.

Сказанное о пролетаріатѣ с соотвѣтственными измѣненіями примѣнимо и к классу крестьян. Он состоит из совокупности лиц, *по профессіи* принадлежащих к земледѣльцам, добывающим средства к жизни путем личной обработки своей земли, *по имущественному положенію* — к слоям, относительно бѣдным (по сравненію с классами крупных землевладѣльцев и капиталистов), по об'ему прав — подобно пролетаріату, обдѣленных в рядѣ отношеній юридически и фактически.

Профессіональный признак рѣзко отдѣляет крестьянство от пролетаріата, имущественное положеніе и об'ем прав — от класса представителей финансоваго, промышленнаго и торговаго капитала, с одной стороны, с другой — от класса крупных землевладѣльцев былой Россіи.

Как и любой класс, крестьянство по градаціи этих трех признаков распадалось на ряд подклассов и внутриклассовых групп. (Напр., многоземельные и малоземельные, «кулаки», «середняки» и «деревенская бѣднота»), с соотвѣтственными внутриклассовыми антагонизмами. Революція в первые годы уменьшила дифференціацію крестьянства во всѣх этих отношеніях. Но с 1921 года послѣдняя стала снова рости и нѣт сомнѣнія, что в послѣреволюціонной Россіи мы встрѣтимся с классом земледѣльцев-крестьян, с значительной внутриклассовой дифференціацией и с значительными внутриклассовыми антагонизмами.

Перейдем теперь к *политической партіи.*

Под послѣдней слѣдует разумѣть совокупность лиц, об'единенных в одну группу, главным образом, идеологической связью — сходством воззрѣній и задач в области основных проблем соціальной и государственной жизни. Конечно, как увидим, чаще под этой идеологической связью скрываются другіе, болѣе осязательные связи и интересы, но не у всѣх партій и не всегда*).

Из этого опредѣленія вытекает, что класс и партія — группы существенно различныя.

Каково же их взаимоотношеніе?

---

*) См. подробно в II т. моей «Системы соціологіи». 205—225, 435—437.

3.

В соотвѣтственной литературѣ мы встрѣчаем три основных рѣшенія этой проблемы.

Первое пытается, если не формально, то по существу, провести знак равенства между классом и партіей, считая, что партія есть орган защиты интересов соотвѣтствующаго класса. «Трем большим классам общества, читаем мы, напр., у Каутскаго, соотвѣтствуют и три большія политическія партіи, выступающія в политикѣ современных государств: либералы, консерваторы и соціалисты *).

Второе теченіе пытается отрицать связь классоваго и партійнаго дѣленія. Согласно ему партійное и классовое дѣленіе ни в малой мѣрѣ не соотвѣтствуют друг другу. «Я попстинѣ изумлен, говорит напр., Лягарделль, как могут люди, сохранившіе чутье к экономическим реальностям, сближать с классами конгломераты людей, принадлежащих к самым различным классам, сошедшихся со всѣх пунктов соціальнаго горизонта и об'единенных единственно лишь идеологической связью, каковыми являются политическія партіи» **).

Третье теченіе занимает промежуточную позицію между этими крайними рѣшеніями. В отличіе от перваго оно отрицает прямое и адэкватное соотвѣтствіе партій соціальным классам, в отличіе от второго оно не отрицает начисто извѣстнаго соотвѣтствія первых вторым.

Спрашивается, которое из этих рѣшеній является правильным?

Несомнѣнно третье. Доказать это очень не трудно. Достаточно привести небольшое число фактов, чтобы картина реальных взаимоотношеній класса и партіи была ясной. Против перваго рѣшенія говорят слѣдующіе факты. *Во-первых, в составѣ одной и той же партіи имѣются члены различных классов, и обратно, члены одного и того же класса входят в состав различных политических партій.*

Неоднократно изслѣдованный классовый состав членов ряда политических партій, вплоть до наиболѣе однородных, в разных странах ясно говорит об этом. Что в Англіи в состав либералов и консерваторов, а в болѣе новое время, и в состав Labour Party входили и входят лица разных классов — это не подлежит сомнѣнію. То же имѣло и имѣет мѣсто в партіях демократов и республиканцев в С. А. С. Штатах ***).

Даже в наиболѣе однородной соціал-демократической партіи Германіи, как раньше, так и в недавнее время, и теперь, членами состояли и состоят лица разных классов. В 1903 году в состав

*) Каутскій: Очередныя проблемы международнаго соціализма. Рус. пер., 15.
**) Лягарделль: »La Cnfederation du Travail et le parti socalist«.
***) См. об этом Ostrogorski: «La démocratie et les partis politiques, 1912.

ея членов и лиц, голосовавших за нее, входило не менѣе 500.000 человѣк, не принадлежащих к рабочему классу. И обратно, не менѣе 1/3 пролетаріата входило в состав буржуазных партій *). То же было и в 1913—1914 г. Из *5.391* тысяч рабочих, объединенных в союзы (не говоря уже о 10 милліонах не входивших в них), только 2. 573 тысячи входили в партію соціал-демократов, из остальных — 626 тыс. — в партію центра, 355 тыс. — в партію консерваторов и національ-либералов, 107 тыс. — в партію прогрессистов, 7 тыс. — в объединеніе анархо-синдикалистов, остальные в разныя мелкія партіи **).

То же и в других странах. По подсчетам Р. Михельса только одиннадцатая часть мірового пролетаріата входит в соціалистическія и синдикальныя объединенія ***). И обратно, тот же Михельс показывал, что в состав соціалистических партій входит не мало богачей, капиталистов и лиц, не принадлежащих к рабочему классу †). Больше того, основателями, теоретиками и лидерами «рабочих» партій (С. Симон, Фурье, Оуен, Л. Блан, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жорес и др., в Россіи — Бакунин, Герцен, Крапоткин, Михайловскій, Лавров, Плеханов, в наше время лидеры: Мартов, Дан, Ленин, Троцкій, Красин, Чернов, Керенскій, Гоц, Зензинов и др.) были и останутся лица, никогда на фабрикѣ не работавшіе, за сохой — не ходившіе, вышедшіе из других — сплошь и рядом «буржуазно-аристократических» классов и групп.

Даже в Р. К. П. по ея оффиціальной статистикѣ только 81.5% членов были в прошлом рабочими и крестьянами.

То же в еще большей степени может быть сказано о других партіях и классах. Далѣе, как правильно указывал еще М. И. Туган-Барановскій, *тот же факт свидѣтельствуется и быстротой партійных перегруппировок.* Обычно в один-два-три года побѣды партій рѣзко мѣняются. Сегодня побѣдили «либералы», через год, смотришь, они оказались разбитыми. Сегодня граждане валом валят в такую то партію, сотнями тысяч голосуют за нее, записываются в ея члены; завтра с такой же стихійностью выходят из нее и переходят к другой партіи. Иногда такія явленія происходят в нѣсколько мѣсяцев. Необычайный рост партіи соц.- революціонеров весной 1917 года, ее побѣда на выборах в органы самоуправленія лѣтом 1917 г. и огромная потеря голосов и членов к концу 1917 года; успѣх лѣвых соціалистов и коммунистов в Италіи 1920-21 г.г. и внезапная потеря голосов и членов, отбитых фашистами в 1922 г., — примѣры сказаннаго.

Очевидно, классовое строеніе общества не может так быстро мѣняться. Этот факт снова говорит об отсутствіи прямой и тѣсной связи между классами и партіей.

---

*) См. Blank: Die Sociale Zusammensetzung и т. д. b. Arch. f. Sozialwissenschaft 1905 кн. III.

**) См. Лурье: Состав пролетаріата. СПБ. 1918. 10.

***) См. R. Michels. Le partie politiques, 186—88 и др.

†) Его-же. La crisi psychologia del socialismo. Rivista ital. di sociologia, 1910.

Наконец, *о том же говорит и различіе профессіонально-классового движенія и профессіонально-классовых организацій от организацій партійных.* Первые строились и в значительной мѣрѣ шли под флагом безпартійным. Это относится и к англійским тредюніонам, и к нѣмецким и к американским профессіональным объединеніям, и к Всеобщей Конфедераціи Труда во Франціи.

Все сказанное дѣлает совершенно безспорным невѣрность критикуемаго перваго рѣшенія. Прямого и непосредственнаго соотвѣтствія между классом и партіей нѣт.

Значит ли это, что вѣрно второе рѣшеніе, отрицающее всякое соотвѣтствіе класса и партіи и признающее внѣклассовый и всѣклассовый состав партіи.

Нѣт, не вѣрно, по крайней мѣрѣ, в примѣненіи к основным, а не чисто эфемерным партіям. Почему? Потому что, несмотря на разноклассный состав партій, в каждой из них основной пласт членов вербуется из того класса, интересы котораго всего сильнѣй защищаются данной партіей. Несмотря на всѣ партійныя махинаціи, партіи рабовладѣльцев трудно навербовать в состав своих членов большое количество рабов. И обратно, партіи, ставящей своей задачей уничтоженіе привиллегій капиталистов или землевладѣльцев, трудно вовлечь в свои ряды огромное число представителей этих классов. Это мы видим и на приведенных выше примѣрах. Хотя не вся масса организованных рабочих в Германіи входит в состав соціал-демократической партіи, все же сюда входит основной пласт их. Хотя сюда же примыкают многіе члены буржуазных классов, но не большинство, а меньшинство. Большинство их принадлежит к другим — «буржуазным» — партіям, гдѣ они и образуют основной пласт их членов. То же может быть сказано и о других партіях, вплоть до крестьянских. Крестьяне отдают и могут отдавать свои голоса в пользу различных партій, но раз образовалась партія или партіи, наилучше защищающія интересы крестьянства и защищающія их объективно — умѣло, а не фиктивно и не на словах только, то, конечно, крестьянство отдавало и отдает большинство своих голосов этой или этим, а не другим партіям. Это мы видим в наше время в рядѣ стран.

Вот почему второе рѣшеніе, столь энергично заявленное Лагарделлем, не вѣрно.

Истина, как указано выше, лежит по срединѣ между этими крайними отвѣтами.

Отсюда же вытекает и *ложность взглядов, пытающихся доказать возможность существованія единой или общенародной или всѣклассовой партіи.* Такая партія была бы возможна, если бы ... не было классовой (да и не только классовой) дифференціаціи общества. Если же послѣдняя существует, если все выше сказанное о громадном деформирующем вліяніи класса на душу и тѣло, на поведеніе и интересы членов класса, на взаимную солидарность лиц одного класса, на антагонизм — невольный и неизбѣжный —членов разных классов—увы!—неопровержимый и несомнѣнный факт, то отсюда понятна вся невозможность реальнаго существованія таких «общенародных» или «всѣклассовых» партій. Со-

зданіе и существованіе их столь же возможно, как возможна «квадратура круга». Партіи, так себя именующія, или представляют штаб без арміи, или взаимно-парализующих друг друга индивидов, ничем не объединенных, кромѣ вывѣски, и фактически идущих «кто в лѣс, кто по дрова, кто из лѣсу», или — что чаще бывает — классовую партію, сознательно или безсознательно маскирующую свою классовость «общенародной» вывѣской. Только в рѣдкіе историческіе моменты, когда грозит ряду классов общій враг, или огромная опасность (напр., во время войны) возможно объединеніе разных классов на общей задачѣ, но оно не представляет созданія «общенародной» партіи, а простое временное ограниченіе интересов ея участников, вызванное исключительными условіями. Проходят эти условія — классовые антагонизмы вновь вспыхивают еще с большой силой и временное самообузданіе классов исчезнет. Это печально, но это — факт.

4.

Сказанным, однако, вопрос еще не разрѣшается. Раз нѣкоторое соотвѣтствіе между классом и партіей есть, то спрашивается: от каких условій зависит большая или меньшая степень этого соотвѣтствія? Почему нельзя было бы думать о созданіи абсолютно-адэкватной данному классу партіи? Что мѣшает этому? И, наконец, слѣдует ли расцѣнивать созданіе такой партіи (если оно возможно), как соціальный плюс или как соціальный минус?

Причины, опредѣляющія степень соотвѣтствія партіи классу, многочисленны, и лежат, помимо характера партіи, как в природѣ самого даннаго класса, так и в природѣ всей соціально-морфологической структуры населенія. *Чѣм сильнѣе дифференціація на разные слои внутри даннаго класса и внутриклассовый антагонизм разных групп послѣдняго, тѣм труднѣе созданіе единой, адэкватной данному классу, партіи.* Удовлетворяя одни слои (напр., «кулаков» или рабочую аристократію), она не будет адэкватной интересам других слоев того же класса. Результатом этого явится или созданіе, на ряду с первой, новых партій того же класса, призванных защищать интересы неудовлетворенных слоев, или . . . отрыв послѣдних от единой существующей партіи, переход и передача голосов партіям других классов, наилучше обезпечивающих интересы этих слоев. Это объясняет почему нерѣдко для защиты интересов одного и того же класса существуют не одна, а двѣ или три разных партіи, вербующія основную массу своих членов из одного и того же класса. Это мы видим, как в отношеніи «рабочих» партій, так и «буржуазных», как в отношеніи «рабочаго класса, так и «буржуазнаго». Возьмите современную коллекцію основных партій Франціи, начиная с коммунистов и кончая роялистами, партіи Германіи, Италіи, Чехословакіи и др. стран — вездѣ мы видим не одну, а двѣ или три «рабочих», двѣ или три «капиталистических», двѣ или три «землевладѣльческих» партій, выступающих под разными именами. Такое дроб-

леніе партій одного и того же класса неизбѣжно, раз дифференціація внутри послѣдняго сильна и значительна.

То же условіе объясняет в извѣстной степени почему члены даннаго класса нерѣдко оказываются членами партій иного класса: «буржуй» — соціал-демократом, «рабочій» — членом католической партіи, многоземельный крестьянин — членом «партіи октябристов».

Такая аномалія означает прежде всего, что интересы таких «перебѣжчиков» не адэкватны политикѣ и программѣ соотвѣтствующей партіи их класса. Вот почему при наличіи класса с значительной внутриклассовой дифференціацiей созданіе *единой* адэкватной классовой партіи, которая собирала бы *всѣ или почти всѣ голоса даннаго класса,* невозможно.

Вторым основным условіем, опредѣляющим степень адэкватности класса и партіи, является *сложность и глубина общей* (а не только классовой) *соціальной дифференціаціи.*

Чѣм больше число разнородных групп, на которыя распадается данное населеніе (религіозных, языковых, профессіональных, имущественных, объемно-правовых, территоріальных, идеологических и т. д.) *и чѣм грань между ними легче проходима, иначе — чѣм легче совершается и интенсивнѣе происходит циркуляція индивидов из группы в группу, из слоя в слой, тѣм труднѣе созданіе единой, адэкватной классовой партіи.*

Мы видѣли, что обратной стороной соціальной дифференціаціи служит факт принадлежности индивида к ряду различных, друг друга не покрывающих и друг с другом не совпадающих групп. Чѣм сложнѣе дифференціація, тѣм к большему числу разнородных групп оказывается принадлежащим индивид. Каждая из них берет «частичку его души» и его интересов и тѣм самым мѣшает одной партійной группѣ цѣликом забрать его «душу» и «тѣло», сдѣлать его полной своей добычей. С другой стороны, подвижность и проницаемость соціальных барьеров, иными словами интенсивное перемѣщеніе индивида из группы в группу, из слоя в слой, мѣшает каждой из групп «штамповать» его исчлючительно по своему образцу и подобію, накладывать на него печать «одногрупповой идіосинкразіи», своих узко-групповых, эгоистических интересов. Если бы индивид оказался на всю жизнь прикованным к данной группѣ, это неизбѣжно случилось бы, как это имѣет мѣсто в кастѣ. Когда же индивид сегодня рабочій-печатник, завтра — рудокоп, послѣзавтра — коммерсант, а позже — писатель или предприниматель, когда он сегодня живет в Колумбіи, завтра переѣхал в Сан-Франциско, а послѣзавтра поселился в Техасѣ, когда и профессія, и экономическое положеніе, и объем прав, и мѣсто жительства, и религія, и вкусы его часто мѣняются — тогда он неизбѣжно становится «многогранным», свободным от печати «единой, узко-групповой индіосинкразіи», тѣм самым перемѣнчивым в своих политических симпатіях и антипатіях, а потому не «по гроб жизни» преданным той или иной партіи.

Сказанное объясняет, почему, в таких странах, как, напр., С. А. С. Штаты, мы находим гораздо менѣе выраженными классо-

вый характер основных политических партій, чѣм в странах отсталых. Вопреки распространенному мнѣнію, особенно с легкой руки марксистской догмы, в таких странах гораздо меньше шансов на классовый характер партій, чѣм в странах отсталых, с менѣе сложной соціальной дифференціацией и с меньшей интенсивностью соціальной циркуляціи. В Россіи или в Болгаріи адэкватныя классовыя партіи легче могут имѣть мѣсто, чѣм в странах, подобных Соединенным Штатам Америки.

Но и в первых странах, помимо указанных выше причин, есть ряд других обстоятельств, мѣшающих прочному созданію единой адэкватной классовой партіи. Во первых, и здѣсь соціальная дифференціація ушла настолько далеко, что ни одна партія не может взять на себя обслуживаніе *всѣх* потребностей даннаго класса, начиная с эстетических, религіозных, языковых и кончая экономическими. Созданіе такой «партіи-касты» или «партіи-средневѣковаго цеха» сейчас невозможно. Ряд «частичек души и тѣла» членов класса захвачены другими внѣпартійными группами, разными для разных членов даннаго класса, ибо их религія, язык, вкусы, уровень развитія — неодинаковы; послѣдніе оказывают свое давленіе на партійныя тяготѣнія индивидов и, в силу своего различія, вызывают большее или меньшее распыленіе их по партіям. Примѣром такого партійнаго распыленія членов одного и того же класса под вліяніем различія внѣпартійных, в частности, религіозных групп, может служить партійное и даже профессіональное распыленіе рабочаго класса Германіи или Бельгіи. Мы видим, как католики-рабочіе отдают голоса не соціал-демократіи, а партіи центра, и образуют особые конфессіональные рабочіе союзы. Такую роль может сыграть момент языковый (національный) или расовый. Достаточно четко это мы видѣли в Австріи, видим сейчас в Чехіи и в других странах; роль расовых групп великолѣпно рисуется положеніем дѣл в С. А. С. Штатах (негры—рабочіе часто болѣе солидарны с неграми предпринимателями, чѣм с бѣлыми рабочими. То же может быть сказано и о послѣдних, не допускающих негров-рабочих в свои тред-юніоны и т. д.).

Во-вторых, когда такая относительно монопольно-классовая партія создается — она неизбѣжно «зарывается». Увлекаясь преслѣдованіем исключительно классовых интересов, она, в случаѣ побѣды, начинает душить не только другіе классы, но и массу внѣклассовых и внѣпартійных групп; не только аннулирует их привиллегіи, но и жизненные интересы, необходимые не только для существованія этих групп, но и всего населенія, вплоть до самого властвующаго класса. Итогом является рост разстройства всей соціальной жизни, рост общественнаго недовольства в широких массах населенія, вплоть до слоев самого «властвующаго класса», паденіе кредита монопольной партіи и соціальный кризис, разрѣшающійся мирным или кровавым низверженіем такой «зарвавшейся» партіи.

Из сказаннаго вытекает вся утопичность и в то же время вся ретроградность не только таких «монопольно-классовых» партій, но

и многих модных теперь планов реконструкціи общества, выдаваемых за «послѣднее слово» quasi-демократической и революціонной мысли. Под ними я разумѣю ряд проектов довольно разнородных по формѣ и пропагандируемых лицами и группами, часто принадлежащими к самым полярным соціальным кругам, но, несмотря на это разнообразіе проектов, тождественных в своей сущности. «Гильдейскій соціализм» — одно названіе этих проектов, «назад к средне-вѣковым цехам и гильдіям» — другое, «универсальный синдикализм» — третье. Теоретики гильдейскаго соціализма, ряд демократов и соціалистов, революціонные синдикалисты типа Сореля и Лягарделля, Гриффюэльса и Лабріолы, «реакціонеры» Бердяев и Франк, юрист Л. Дюги, россійскіе апологеты крѣпостничества — такова пестрая смѣсь лиц и групп, казалось бы самых противоположных и враждебных, и, вмѣстѣ с тѣм, в данном отношеніи весьма сходных по существу. Отбрасывая шумиху слов и всякія несущественныя детали в их репертуарѣ, мы получаем у всѣх у них один и тот же рецепт лѣченія общественных зол и реконструкціи общества: *нужно замѣнить современное пестрое и сложное соціальное раздѣленіе общества одним основным: профессіонально-классовой дифференціацией и объединеніями.*

Мѣсто современной многолинейной дифференціаціи человѣчества по государствам, религіям, національностям, расѣ, партіям и т. д. — должно быть занято одним основным дѣленіем населенія на профессіонально-классовыя гильдіи или цехи, синдикаты или объединенія. Пусть каждый такой синдикат или гильдія, напр., желѣзнодорожников, будет для его членов «универсальным государством», которое удовлетворяло бы всѣ потребности послѣдних, дѣлало бы ненужными всѣ другія группы, владѣло бы своими членами от рожденія до смерти, монопольно и безраздѣльно *). Тогда, увѣряют нас наиболѣе пылкіе апологеты этих планов, на землѣ будет «тишь, да гладь, да Божья благодать».

Такова в схематизированном и логизированном видѣ сущность этих спасительных планов**). Как видно отсюда — эта сущность недалека от разсмотрѣнных «монопольно-классовых партій».

Поистинѣ надо довольно серьезное «смятеніе умов», чтобы такіе рецепты могли получить серьезную популярность и кадры многочисленных адептов. «Отче мой! прости им, не вѣдают бо, что творят!» хочется сказать при видѣ многих демократов и соціалистов, распинающихся за такіе проекты.

Реализація их означала бы не возврат даже к средним вѣкам, а ни больше не меньше, как . . . возстановленіе *настоящаго кастоваго строя.*

К кастѣ индивид прикован навсегда, к грядущему синдикату или гильдіи — тоже.

*) «Синдикат должен стать цѣлостным и синтетическим органом, охватывающим всю личность рабочаго, как гражданина, как экономическаго человѣка, как индивидуума, имѣющаго собственную личность», вот в формулировкѣ Лабріолы, чѣм должен быть синдикат.

**) См. ряд теорій в книгѣ *П. И. Новгородцева:* «Об общественном идеалѣ», см мой Т. II «Системы». 149-161, 189-193, 393-406.

Каста цѣликом поглощает личность и становится ее монопольным обладателем. Тѣм же должен быть и синдикат.

Каста регулирует почти все его поведеніе. Тоже будет дѣлать и универсальная гильдія.

Каждый из синдикатов, подобно кастѣ, будет штамповать индивида по своему образу и подобію, фабриковать «узколобых» и однобоких синдикальных манекенов. «Синдикальная идіосинкразія» и «узко-групповой эгоистическій моноидеизм» достигнут небывалых размѣров. Члены разных синдикатов будут жителями разных планет. В итогѣ, вмѣсто «равенства, братства и свободы» получится такой «рай», такое неравенство, такой разгул гильдейско-синдикальнаго эгоизма и между-синдикальной борьбы, что современная общественная организація будет поистинѣ недосягаемым идеалом по сравненію с этим кастово-синдикальным казематом.

На мѣстѣ крѣпостника я бы первый подписался и стал пропагандировать такіе проекты. Но на мѣстѣ многих «освободителей» я бы благоразумно воздержался от славословія таких планов.

Они настолько «радикальны», что в случаѣ их реализаціи, они сразу отбросили бы человѣчество на много, много вѣков назад.

Но, «страшен сон, да милостив Бог». К нашему счастью, в такой радикальной формѣ всѣ эти проекты абсолютно утопичны. Они еще болѣе нереализуемы, чѣм «монопольныя классовыя партіи». И в силу тѣх же основаній, что и послѣднія.

Частичная же реализація нѣкоторых черт синдикализма, как и реализація относительно-классовых партій, явленіе совсѣм иного рода. С точки зрѣнія их осуществимости — и относительный или релятивистическій синдикализм, и относительно классовыя партіи — вполнѣ возможны. Абсолютный же синдикализм или абсолютно-классовая партія — чистая утопія.

С точки зрѣнія желательности, реализація первых, при достаточной осторожности, моральности и умѣлости в рядѣ стран может быть не только не вредной, но, напротив, может быть хорошим коррективом многих явленій современнаго строя и сослужит соціально-полезную службу не только данному классу, но и всему населенію.

Питирим Сорокин.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНСТВА.

Тремя основными руслами шла русская общественная мысль и три различных рѣшенія давала она вопросу об общественном положеніи крестьянства.

Мысль *либеральная* в своем рѣшеніи отправлялась от міровоззрѣнія, по которому современное сложно-расчлененное общество представлялось внутренно столь же связанным и единым, как организм высших животных с его многочисленными и разнообразными органами. По этому воззрѣнію, в обществѣ, как в высшем организмѣ, нѣт ни непримиримых интересов, ни враждебных частей, ибо жизнь и работа каждой части обусловлена жизнью и дѣятельностью всѣх остальных. Общество покоится, как на своей глубинной и твердой основѣ, на гармоніи общих интересов. Фактическія столкновенія различных соціальных групп представлялись с этой точки зрѣнія или поверхностной соціальной рябью, под которой спокойно катились глубокія тихія воды, или глубоким извращеніем нормальных общественных отношеній, вызванным ложными взглядами.

Крестьянство представлялось этому направленію мысли невыдѣлимою частью общественнаго цѣлаго. Глубокое своеобразіе крестьянства в его разселеніи, занятіях, бытѣ и т. д. отрицать было, конечно, нельзя и оно не отрицалось, но мало ли подобных своеобразій существует в современном разслоенном обществѣ! Они не дают еще основаній выдѣлять стойкія общественныя группы, четко отмежованныя от других в их «политикѣ и экономикѣ», в их интересах и дѣйствіях......

Народническая мысль послѣдних десятилѣтій давала иное рѣшеніе. Современное общество представлялось ей разслоенным на классы с непримиримо враждебными интересами и с неустранимой взаимной борьбой. Современное общество все «рѣзче распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую долю созидаемых их трудом благ, и класс эксплуататоров, сосредотачивающих в своих руках владѣніе естественными силами природы, средствами производства и обмѣна *).

Большинство крестьянства, которое называлось трудовым, относилось вмѣстѣ с наемными рабочими к классу «эксплуатируемых

*) Программа партіи с.-р., стр. 356-357.

тружеников». Вмѣстѣ с пролетаріатом оно составляло «единый рабочій класс» — единый вначалѣ только по своему об'ективному положенію, а потом, по мѣрѣ того как идеи «международнаго революціоннаго соціализма все болѣе проникают в массы», этот класс становится единым и по суб'ективному сознанію рабочих и трудовых крестьян . . . Приведенныя строки взяты мною из программы партіи с. р. Другая, далекая от идей соціализма *революціоннаго* и *международнаго,* вѣтвь русской народнической мысли, давшая идейную почву для появленія партіи народных соціалистов, также утверждала и общую для рабочих и крестьян далекую цѣль — соціализм, и общую дорогу к нему. Свой путь к «желаной странѣ», писал отвѣтственный представитель этого теченія мысли, «крестьяне и рабочіе совершат, конечно, вмѣстѣ» *).

Если либеральной мысли крестьянство представлялось невыдѣлимым слоем *всего* общества, то для народнической мысли оно в своей большей части являлось таким же невыдѣлимым слагаемым «трудового народа» («рабочаго класса», «класса эксплуатируемых тружеников» и т. п.).

Третье направленіе нашей общественной мысли—*марксистское*—сходилось с народниками и в признаніи классового строенія современнаго общества, и в отрицаніи за крестьянством *своего* особаго мѣста между существующими классами. Было, однако, и существенное расхожденіе: марксисты рѣшительно возражали против зачисленія крестьян, хотя бы и трудовых, в один класс с наемными рабочими. По их мнѣнію, крестьяне относились к буржуазіи — «пусть мелкой, пусть мельчайшей, но все же к буржуазіи».

Есть важная роднящая черта во всѣх трех приведенных взглядах. Она в том, что крестьянство всѣми ими представляется соціальным слоем, сливающимся с другими — или со всѣм народом, или с наемными рабочими, или с владѣльцами капитала — с буржуазіей. Крестьянство по этим взглядам не имѣет в своем общественном положеніи признаков и особенностей настолько значительных, чтобы они дѣлали его самостоятельной общественной группой, четко обособленной от других . . . Как общественный фактор, крестьянство по всѣм трем взглядам, могло и должно быть проявить себя или в составѣ всего народа, или вмѣстѣ с соціально-политическим Мессіей — пролетаріатом, или плечо-к плечу с первоисточником современных общественных бѣдствій — с буржуазіей. Ни *своего* мѣста в современном обществѣ, ни *собственных* дорог у крестьянства нѣт. Нѣт и *собственных* цѣлей — вмѣстѣ со всѣм народом или только с буржуазіей оно поддерживает современный строй народно-хозяйственных отношеній или вмѣстѣ с наемными рабочими стремится к «великой задачѣ соціально-революціоннаго переворота», программой котораго «является обобществленіе труда, собственности, хозяйства» **).

Каждый из трех взглядов долгое время мог опираться на факты жизни, ибо в своем общественном поведеніи крестьянство не имѣло

---

*) А. В. Пѣшехонов — «Крестьяне и рабочіе в их взаимных отношеніях», стр. 64.

**) Мѣста в кавычках взяты из программы партіи с.-р.

собственной «линіи». В разных странах и в различные періоды оно шло за буржуазіей, помѣщиками, рабочими. При политических выборах оно подавало голоса за так называемыя «общенародныя партіи», за которыми крылись интересы, то крупнаго землевладѣнія, то конфессіональных групп, то буржуазіи; в меньшинствѣ голосовало оно и за соціалистическія партіи рабочих, порой вмѣстѣ с рабочими оно образовывало и общія соціалистическія группировки.

Картина политическаго поведенія крестьянства пестрой и сложной остается и теперь. В ея сложной пестротѣ недавно появилась, однако, крупная по размѣрам и важная по значенію *новость,* отсутствовавшая прежде — это самостоятельныя политическія группировки крестьянства. Онѣ не единичное явленіе, по отношенію к которому легко отдѣлаться указаніем на случайность, ибо образовались онѣ не менѣе чѣм в семнадцати странах *), а первые их зародыши появились уже два десятилѣтія назад. Не маловажны онѣ и по своему современному удѣльному вѣсу: в пяти государствах **) онѣ выдвигали глав правительств, причем в трех из них уже не по одному разу. Политическія организаціи крестьянства стали распространенным фактом и вліятельным фактором современной общественной жизни.

Эта новость — пробный камень для истинности приведенных взглядов. Милліонныя массы, да еще такія разобщенныя, в таком количествѣ государств, так дружно и в каждом государствѣ самостоятельно, не сдвигаются на новые пути, если для этого нѣт каких то общих, весьма побудительных и глубоких причин. А послѣднія, очевидно, могут лежать только в общих для крестьянства и для него важных особенностях его общественнаго положенія.

Широкое и вліятельное политическое движеніе крестьянства снова ставит на очередь старый вопрос о мѣстѣ крестьянства в современном сложно - расчлененном обществѣ и о его отношеніи к другим соціальным группам, лежащим в одной плоскости с ним.

Не трудно замѣтить, что новое явленіе не укладывается ни в один из приведенных взглядов. Если крестьянство так близко, даже однородно с другими соціальными группами, почему же оно отдѣляется от них и организует свои собственныя, новыя политическія партіи, выходя из прежних и считая их, очевидно, себѣ чуждыми? Почему оно такое разобщенное, общественно мало подвижное, с низкой духовной культурой и слабой самодѣятельностью — на самых различных пунктах земного шара милліонами стекается под новыя знамена и покидает знамена, к которым десятилѣтіями привыкало и, несомнѣнно, привыкло?

Приведенныя старыя теоріи отвѣтить на эти вопросы не могут. Необходимо искать новыя точки зрѣнія, способныя одновременно удовлетворить двум потребностям: дать пониманіе и, слѣдовательно, об'ясненіе совершившимся и идущим сдвигам крестьянства — это

*) Эстонія, Латвія, Литва, Польша, Румынія, Венгрія, Болгарія, Югославія, Чехословакія, Баварія, Россія, С. А. Соед. Штаты, Швеція, Финляндія, Австралія, Канада, Ирландія.

**) Болгарія, Чехословакія, Польша, Эстонія, Латвія.

во первых, дать оріентировку для общественаго дѣйствія среди русскаго крестьянства, во вторых.

Из двух соотвѣтственных частей, логически раздѣльных, должна сложиться и эта статья: одна должна дать попытку опредѣлить соціальное положеніе крестьянства в общественной обстановкѣ современности, другая, исходя из общих очертаній русской общественной дѣйствительности и соціальнаго положенія крестьянства, должна намѣтить основныя задачи, столбовыя дороги и важнѣйших попутчиков, а также и наиболѣе угрожающаго врага для крестьянства Россіи.

I.

Опредѣлим об'ект, о котором идет рѣчь Назовем основные признаки, совокупность которых отмежевывает крестьянство от остальных соціальных групп. Признаки можно искать в одной из двух областей общественой жизни — в правовой или экономической. В первом случаѣ крестьянство будет сословною группой, во втором соціально-экономическою. Как сословная группа, крестьянство характеризуется особым об'емом и своеобразным содержаніем прав и обязанностей, признанных за ним формальным законом или обычным правом. Как соціально-экономическая группа, крестьянство опредѣлится своим особым мѣстом во всей народно-хозяйственной жизни и своим особым участіем в процессах производства, обмѣна и распредѣленія. В настоящей статьѣ крестьянство понимается во втором смыслѣ. Он важнѣе перваго: как сословная группа крестьянство исчезает и в правовых государствах современности давно исчезло; как юридически-своеобразная группа оно умерло (и уже не воскреснет) и в Россіи. В качествѣ соціально-экономической группы крестьянство сохранилось вездѣ, а в Россіи оно играет и будет играть совершенно исключительную по своей важности роль.

Признаков характерных для крестьянства три. Первый опредѣляет *область народнаго хозяйства,* в которой протекает хозяйственная дѣятельность крестьянина. Ею является хозяйство сельское во всѣх его видах. Второй и третій признаки устанавливают *характер участія* крестьянства в сельском хозяйствѣ, а через него и во всей народно-хозяйственной жизни. В противоположность умственному и физическому пролетаріату, работающему в *чужих* хозяйствах, крестьянство участвует в народно-экономической жизни при посредствѣ *собственных* предпріятій. Оно является *хозяйствующей* группой в современном обществѣ. Его экономическая дѣятельность направляется не чужим разумом и волей, а своими собственными. Крестьянство самостоятельно и независимо, как в организаціи своего хозяйства, так и в повседневном руководствѣ им. Общіе законы, управляющіе народно-хозяйственной жизнью, и общее состояніе послѣдней кладут, конечно, границы этой свободѣ, но и пониманіе этих границ, и способ поведенія внутри их принадлежит только крестьянину. Чужая и обязательная указка над его хозяйственными дѣйствіями не тяготѣет.

Этот второй признак сближает крестьянство с другими хозяйствующими классами современнаго общества и отдѣляет его от нехозяйствующаго пролетаріата всѣх видов. Третій признак дѣйствует наоборот: он приближает крестьянство к классу наемных рабочих и служащих и удаляет от остальных хозяйствующих групп, исключая ремесленников. Эта третья особенность заключается в том, что в своем хозяйствѣ крестьянин выступает не только в качествѣ его владѣльца, но и в роли исполнительно - рабочей силы. Труд, затрачиваемый непосредственно на производство новых матеріальных благ, на их переработку и их перемѣщеніе (внутри хозяйства и при отчужденіи на сторону), в крестьянском хозяйствѣ, полностью или в большей части, поступает не со стороны, как в капиталистических предпріятіях, а от самого владѣльца и его ближайших родственников. Крестьянин, по опредѣленію поэта, одновременно — «слуга и хозяин».

Итак, крестьянство соціально - экономическая группа, работающая исключительно или преимущественно в сельском хозяйствѣ, обладающая собственными хозяйствами и ведущая их исключительно или преимущественно при посредствѣ исполнительнаго труда владѣльцев и членов их семей. Можно дать и другое, болѣе точное опредѣленіе, положив в его основаніе источник основного дохода: крестьянство — это соціально - экономическая группа, доход которой — весь или в большей части — получается в результатѣ веденія собственных трудовых земледѣльческих хозяйств.

Приведенныя опредѣленія раздѣляют судьбу огромнаго большинства опредѣленій: они не дают возможности вполнѣ четко отдѣлить их об'ект в его пограничных проявленіях от других, с ним смежных. Так же нельзя, напримѣр, установить рѣзкую границу, раздѣляющую царства животных и растеній. Она отчетлива, когда сравниваются высшіе организмы, и она дѣлается расплывчатой и затѣм теряется вовсе, когда спускаются в среду низших организмов. Вездѣ существуют переходныя группы. Онѣ становятся все многочисленнѣй и неуловимѣй по мѣрѣ того, как мы движемся из міра мертвых тѣл в мір тѣл органических и затѣм над - органических или соціальных.

Человѣк, занимаясь сельским хозяйством, одновременно может принимать участіе в других областях народнаго хозяйства — он может торговать, работать на заводѣ или в шахтѣ, быть ремесленником, служить на желѣзной дорогѣ и т. д. Здѣсь создаются переходныя группы между крестьянином с одной стороны и рабочим, ремесленником, торговцем и т. п. — с другой.

Так, в Германіи при переписи 1907 года, земледѣліе, в качествѣ второстепеннаго занятія, показало слѣдующее количество лиц, занятых как главным дѣлом: в промышленности 1.735.152 человѣка, в торговлѣ 335.327 ч., в гостинничном дѣлѣ 83.090 ч., всего 2.153.569 человѣк. В Россіи по данным обслѣдованія крестьянских бюджетов выяснилось, что доход от внѣземледѣльческих промыслов у разных групп крестьянства и в различных районах колеблется от 6% до 92,9%, равняясь даже при 2½ десятинах посѣва на двор до 45—50%. Группа сельскаго населенія с доходом свыше 50% от занятій внѣ сельскаго хозяйства к крестьянству относиться уже не будет, но

сколько здѣсь неуловимо - тонких границ, отдѣляющих крестьян от не - крестьян !

Стоит внѣ крестьянства или создает переходную группу между ним и с. - х. пролетаріатом и та часть сельскаго населенія, которая, занимаясь исключительно в сельском хозяйствѣ и обладая собственными хозяйствами, работает в то же время по найму в чужих хозяйствах и в видѣ заработной платы получает основную часть своего годичнаго дохода. По разсчетам С. Короленко («С. - х. отхожіе промыслы», 1896 г.) в 21 губерніи Европейской Россіи было около 5 милліонов человѣк излишняго сельско - хозяйственнаго населенія, причем 2½ милліона могли найти себѣ занятіе лишь в качествѣ отхожих с. - х. рабочих. До великой войны из губерній Центральной Россіи только в восемь многоземельных губерній юга и востока ежегодно передвигалось на с. - х. работы свыше милліона крестьян. Гораздо большее количество их работало в качествѣ сроковых, поденных и сдѣльных рабочих на мѣстах в крупных крестьянских хозяйствах и помѣщичьих имѣніях, добывая таким образом, основную или второстепенную часть своего годичнаго дохода.

Незамѣтныя переходныя группы образуются и в связи с третьим признаком. Работая исключительно в собственном земледѣльческом хозяйствѣ, человѣк может вести его при помощи не одного только собственнаго и членов своей семьи исполнительнаго труда, но и при помощи наемнаго труда со стороны. Создается мост между крестьянином и помѣщиком. По данным, собранным Секретаріатом Крестьянскаго Союза в Швейцаріи, собственный труд владѣльцев и членов их семей в швейцарских земледѣльческих хозяйствах покрывает такую часть потребности в трудѣ :

При площади земли	3—5 г.,	5—10 г.,	10—15 г.,	15—30 г.,	30—70 г.
	90%	80%	71%	54%	39%

Каждый из трех признаков, характеризующих крестьянина и крестьянство, создает, таким образом, свои отклоненія от «чистаго» типа. Каждый из них расплывается и дѣлается неуловимым в переходных группах. Крестьянство, как и всякая другая общественная группа, остается поэтому обведенным своего рода нейтральным поясом, соціальная принадлежность обитателей котораго остатся спорной.

Нейтральная зона включает в себя, однако, только сравнительно небольшую часть крестьянства. Огромное большинство его вполнѣ охватывается и отграничивается от других групп совокупностью приведенных признаков.

При обычном словоупотребленіи, крестьянство является болѣе широкой группой, чѣм это вытекает из опредѣленій, данных выше. Она охватывает всѣх, кто работает в сельском хозяйствѣ, имѣет в нем собственное хозяйство и самолично выполняет работы в нем. Относительный размѣр дохода, который создается в связи с каждым из этих трех признаков, при обычном употребленіи слова «крестьянин» не учитывается. С этой точки зрѣнія крестьянином будет и тот, кто в результатѣ веденія собственнаго земледѣльческаго хозяйства

получит лишь 10 —20% своего годичнаго дохода, и тот, кто получит из этого источника всѣ 100% дохода. При обычном словоупотребленіи, крестьянином является, как удовлетворяющій собственным трудом только 10 — 20% потребности своего хозяйства в человѣческой работѣ, так и заполняющій эту потребность полностью. При таких условіях крестьянство утрачивает всякую четкость в своих соціальных границах. Оно незаконно расширяется в направленіи каждаго из трех признаков и перестает быть группой однородной. Фабричный рабочій и конторскій служащій, вскапывающіе в свободные от основной работы часы, нѣсколько десятков квадратных метров под домашній огородик, типичный помѣщик, самолично работающій на паровом плугѣ или другой сложной машинѣ, с.-х. батрак, работающій огромную часть года по найму в чужих хозяйствах и лишь нѣсколько дней в году отдающій своему клочку земли и своей коровѣ — всѣ они должно быть отнесены к крестьянству...

При неучетѣ количественной стороны в каждом из трех признаков можно впасть в такія же ошибки, как при отнесеніи утки-нырка на том основаніи, что она может сравнительно долго пробыть под водой, к подводной фаунѣ, а летающих рыб — к фаунѣ надводной.

К крестьянству в нашем опредѣленіи относится только *часть* той соціальной группы, которая называется этим именем при обычном словоупотребленіи. Она совпадает с «трудовым крестьянством» русской народнической литературы, когда это понятіе употреблялось правильно и в него не втискивали и ту часть сельскаго населенія, которая относится к с.-х. пролетаріату.

*

Приведенные выше признаки, совокупностью которых крестьянство отграничивается от других соцальных групп, одновременно являются и особенностями в общественном положеніи крестьянства. Они не только отмежевывают крестьянство, но и характеризуют его. Названные признаки — хозяйственные, ибо мы условились трактовать крестьянство так, как оно существует в дѣйствительности, т. е. в качествѣ группы соціально-экономической. Не слѣдует, конечно, думать, что приведенные признаки покрывают *всѣ* особенности в общественном положеніи крестьянства. Они являются важнѣйшими и исходными, но *не исчерпывающими:* приходя во взаимодѣйствіе с окружающей общественной средой, основные признаки порождают длинный ряд новых и добавочных особенностей в общественном положеніи крестьянства. Только назвав и охарактеризовав *всѣ* производные признаки, можно было бы полно опредѣлить общественное положеніе крестьянства. Эта задача явно превышает предѣлы журнальной статьи. В послѣдней возможно прослѣдить только за *важнѣйшими* сочетаніями, составляющимися из основных признаков и окружающей среды. Их я постараюсь назвать.

II.

Первый признак, характеризующій крестьянство, относится к области народнаго хозяйства, в которой оно экономически дѣйствует. Эта область — сельское хозяйство.

Цѣли человѣка, работающаго в сельском хозяйствѣ, достигаются в конечном счетѣ при посредствѣ освоенія болѣе или менѣе значительной земельной площади. Послѣдняя является тут не только мѣстом, на котором организуется производство, как в промышленности, но и дѣятельным участником самых процессов производства. Всякое расширеніе с.-х. производства при неизмѣнности прочих условій требует соотвѣтственнаго увеличенія обрабатываемой площади земли. Сельско-хозяйственный труд отличается поэтому сильным територіальным разсѣяніем. Отраженіем этой особенности являются и ограниченный размѣр земледѣльческих хозяйств, и распыленность людей, хозяйствующих на землѣ, при их разселеніи. Остановимся на втором явленіи.

Для с.-х. населенія невозможно разселеніе такими огромными группами, какими живет городское населеніе, работающее в промышленности, торговлѣ, кредитных учрежденіях, при паровом транспортѣ и т. д. Села с сотнями тысяч жителей, не говоря уже о милліонах, невозможны и они не существуют. Безсмысленными являются и села с десятками тысяч жителей и потому они не многочисленны *). Сохраняя земледѣльчскій характер и не дѣлаясь промышленными и торговыми, они всегда проявляют напряженное стремленіе к разселенію. Работающіе на землѣ селятся обычно небольшими поселками в десятки, рѣдко в сотни дворов, часто они живут в поселеніях с нѣсколькими дворами и даже одинокими хуторами, теряющимися в просторах полей или степи. Перепись 1897 года показала в Европейской Россіи такое количество мелких поселеній:

	Абсолютн. число:	В %% ко всѣм поселеніям:	
с населеніем до десяти душ обоего пола	186.933	32%	99,8%%
,, от 10 до 100 ,,	251.901	42%	
,, от 100 до 500 ,,	117.455	20%	
,, от 500 до 5000 ,,	34.050	6%	

Поселенія с числом жителей выше 5.000 совершенно терялись среди поселеній болѣе мелких — первые составляли около 0,18% или 1/540 часть вторых.

Такова разсѣяность сельскаго населенія даже в Россіи с ея общиной, создававшей сильные добавочные стимулы к жизни в разросшихся поселеніях, с ея исторіей, дѣлавшей в степных просторах обязатель-

*) Не надо преувеличивать роли огромных сел с десятками тысяч населенія, имѣющихся в нѣкоторых районах Россіи. Они поражают воображеніе, но число их не велико. По переписи 1897 года среди 592.406 населенных пунктов Европейской Россіи, крупных поселеній (включая сюда и города) всего-на-всего было:

с 5.000—20.000 душ обоего пола — 975.
с населеніем болѣе 20.000 — 122.

нымъ разселеніе крупными группами по мотивамъ безопасности, с ея экстенсивнымъ хозяйствомъ, допускающимъ гораздо большее дальнеземелье, чѣмъ интенсивное хозяйство западно - европейскаго крестьянина. Интенсификація хозяйства и индивидуализація земледѣлія неминуемо приведутъ сельское населеніе Россіи и к дальнѣйшей пульверизаціи. В замѣтныхъ размѣрахъ она началась уже послѣ первой революціи 1905 - 07 гг. и шла до великой войны. Идетъ она в современной Россіи, несмотря на всѣ исключительныя трудности ея осуществленія.

Разсѣянность сельскаго населенія ведетъ к его общественной обдѣленности, отъ которой выигрываетъ городъ и городское населеніе. Города, какъ узлы общественной жизни, какъ своего рода силовые центры административно - политическаго и народно - хозяйственнаго значенія, стягивая в себя матеріальныя средства страны, ея духовныя силы, огромныя массы населенія и заключая в своихъ границахъ верховную государственную власть и ея высшіе подчиненные органы,—обезкровливаютъ деревню матеріально, обездушиваютъ духовно и ставятъ ее в низшее положеніе в смыслѣ ея реальныхъ правъ. Сельское населеніе и в особенности его большинство — крестьянство — далеко не равноправно с горожанами, какъ в пользованіи благами духовной и матеріальной культуры современности, такъ в осуществленіи правъ и отправленіи обязанностей, которыя у него формально одинаковы с городскимъ населеніемъ.

Духовная и матеріальная культура прежнихъ временъ, вплоть до самыхъ древнихъ, является преимущественно, в нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти исключительно, культурой городовъ—в городахъ она появляется, растетъ и в нихъ осѣдаетъ, распространяясь в остальной странѣ лишь рѣдкими тонкими нитями. По преувеличенной характеристикѣ ирландскаго поэта и публициста Ресселя, извѣстная намъ культура всегда ограничивалась нѣсколькими квадратными милями извести и камня.

В городахъ сосредоточены высшія и среднія учебныя заведенія, ученыя учрежденія, театры, картинныя галлереи, публичныя книгохранилища, музеи, в нихъ создаются произведенія печати и кинематографическія ленты, тамъ живетъ и такъ работаетъ умственный цвѣтъ населенія, творящій новыя духовныя цѣнности. Доступность всѣхъ этихъ благъ духовной культуры неизмѣримо различна для жителя города и жителя села, деревни или хутора. У перваго все подъ рукой, отъ второго все отдѣленно десятками и сотнями верстъ. Для одареннаго горожанина, если онъ принадлежитъ даже к бѣднѣйшимъ слоямъ, возможно выбиться «в люди» и стать писателемъ, ученымъ, художникомъ, артистомъ и т. д., а для такого же одареннаго жителя села, пусть онъ принадлежитъ даже к среднимъ по достатку кругамъ, на такомъ же пути стоятъ неодолимыя трудности.

Даже низшая школа, дающая умѣніе чтенія, письма и счета и тѣмъ закладывающая «техническое основаніе» современной духовной культуры, даже она в деревнѣ многихъ странъ меньше распространена и гораздо хуже поставлена — в странахъ земледѣльческихъ и полуземледѣльческихъ это обычное явленіе. Исключеніемъ тутъ не являются даже С. А. С. Штаты при всемъ вниманіи в нихъ к дѣлу образованія.

Культура современности недоступна деревнѣ не только в силу ея территоріальной удаленности, но часто и по причинѣ ея содержанія. Родящаяся и ростущая в городѣ, имѣющая своими творцами и ремесленниками горожан, она обычно проникнута интересами и психологіей города. Зачастую только послѣднему она близка по мотивам и доступна по выполненію. Сравните — сколько написано статей, книг, театральных пьес, снято кинематографических фильм, сколько высѣчено произведеній скульптуры, сколько разработано проектов зданій и сдѣлано технических открытій и изобрѣтеній, исходящих из потребностей и интересов города, и сколько потрачено таких же усилій в разсчетѣ на интересы и нужды деревни! Количества получатся несравнимыя... В такой странѣ сравнительно богатой духовной культуры, как Россія, странѣ со сто милліонами крестьянства и «народнической интеллигенціи», не было ни *одного* пособія для внѣшкольной работы среди взрослаго сельскаго населенія. Жалко-ограниченными были и круг пьес, которыя можно было рекомендовать крестьянскому театральному кружку, и круг книг, пригодных для сельской библіотеки, разсчитанной на взрослаго читателя-крестьянина.

Когда перед войной в русской деревнѣ началось движеніе в сторону созданія народных домов, в русской литературѣ не оказалось ни одной книги о них, хотя народные дома десятилѣтія существовали среди сельскаго населенія других государств. В 1915 году в рядѣ мѣст Россіи родились проекты созданія высших крестьянских школ, также десятилѣтія существующих в Даніи и Швеціи. Были найдены деньги, намѣчены усадьбы, выдѣлены работники и опять оказалось, что в богатой русской литературѣ нѣт ни одной статьи или книги, которыя давали бы возможность воспользваться указаніями чужого богатаго опыта *).

А какое вниманіе проявлял город к огромным явленіям деревенской жизни, весьма небезразличным для него самого! Так, напримѣр, появленіе в русской деревнѣ послѣ революціи 1905-07 годов замѣтнаго слоя новых «мірских людей», дѣятельной крестьянской интеллигенціи прошло совершенно незамѣченным. А сельское кооперативное движеніе... В высших учебных заведеніях Россіи зубрили термины и опредѣленія римскаго права, знали греческую мифологію, требовалось знаніе тонкостей философских систем, создавали кружки, просеминаріи и даже семинаріи для изученія отдѣльных писателей, а для познанія движенія, безконечно важнаго для десятков милліонов людей и плодотворнаго для всего народнаго хозяйства страны не находили и — что важнѣе! — не считали нужным искать нѣскольких десятков часов.

Если от духовной культуры перейти к культурѣ матеріальной, картина та же. Желѣзо-бетонные дома-небоскребы в городах и неизмѣненный в теченіи столѣтій примитивный тип построек в деревнях, послѣднее слово техники — в городских промышленных предпріятіях, сохи и рала, цѣпы и овины — в селах, радіотелеграф на

*) Перевод брошюры Хольмана о высших крестьянских школах появился позднѣе.

одной сторонѣ и отсутствіе почталіона на другой, автомобили в городах и телѣги на деревянном ходу—в деревнѣ, рентгеновскіе кабинеты в первых и отсутствіе всякой медицинской помощи во вторых, развитая чековая система и отсутствіе простой ссудо - сберегательной кассы, клиники для комнатных животных — у горожан и отсутствіе ветеринарной помощи для животных, на которых держится хозяйство — у крестьян, городскіе артезіанскіе колодцы, вода которых безпрерывно анализируется, и деревенская питьевая вода из стоячих прудов и т. д. и т. д.

Россія с ея многочисленными дворцами в столицах и курными избами в подстоличной Тульской губерніи, с ея міровой художественной литературой, міровым балетом и образованнѣйшею интеллигенціей с одной стороны и безграмотным мужиком с другой, с увлеченіем ея городов самыми послѣдними «измами», шедшими с Запада, и отсутствіем исполнимаго проэкта улучшенія ея примитивнаго овина, в котором добрая треть Россіи сушила и портила свой хлѣб и через которые выгорали деревни—Россія найболѣе яркій образец этой неравноправности деревни и города в отношеніи к духовной и матеріальной культурѣ современности.

Яркій образец, но не исключеніе. Вот один примѣр из газет послѣдних дней. Он относится к Франціи. На пятом земледѣльческом конгрессѣ *) здѣсь бывшій министр земледѣлія Рикар сообщал такія цыфры об *обслуженности* французской деревни почтовыми сношеніями : 16 тысяч современных общин не имѣет не только почтовых отдѣленій, но даже почталіонов, приносящих и уносящих корреспонденцію, 23.692 общины не могли получать у себя на мѣстѣ почтовых посылок. А между тѣм, добавил Рикар, *каждый* земледѣлец вынужден нести свою долю налогов на покрытіе дефицита почты и желѣзных дорог.

«Таким образом, в нѣдрах западно - европейских обществ, накопивших такія сокровища науки, искусства и матеріальных богатств, растет слой, устраненный от пользованія всѣм этим. Для него издаются газеты и книжки, писанныя тѣм языком, которым мы вбиваем премудрость в голову дѣтям; печатаются лубочныя произведенія, являющіяся насмѣшкой над искусством . . . Правда, и там возникают новыя теченія жизни, вносящія движеніе и прогресс, но они укрѣпляются не с такой силой и быстротой, с какой скопляются в обществѣ элементы дальнѣйшаго прогресса. Пропасть между передовыми постами общественнаго развитія и мелким крестьянством растет» **)

В основѣ этого неравенства лежит другое — неравенство в матеріальном положеніи, разница в количествѣ средств, сосредотачивающихся в городах и деревнях. Города, как гигантская губка, впитывали искони и впитывают до сих пор достатки деревни. Процесс идет двумя способами — в порядкѣ частно - хозяйственнаго оборота и в результатѣ дѣятельности государства.

Какой бы источник образованія первоначальных крупных средств у частных лиц мы не приняли — торговую ли прибыль, земельную

---

*) Происходил в маѣ текущаго года.

**) Л. Крживицкій «Аграрный вопрос», СПБ., 1906 г., стр. 302.

ли ренту, — все равно — источником была в концѣ концов деревня и крестьянство. Других родников не было. Первыя крупныя средства появлялись или прямо у горожан, или они скоплялись первоначально у сельских жителей, но послѣдніе рано или поздно со своими цѣнностями переселялись в тот же город. Этот отток деревенских средств, начавшійся с появленія городов, как народно - хозяйственных центров, идет и теперь. Значительная часть чистых прибылей, получающихся при торговлѣ с деревней, при ея кредитованіи, при веденіи крупных помѣщичьих хозяйств и предпріятій с. - х. промышленности, расположенных в сельских мѣстностях и ведущихся наемным трудом крестьян, наконец выручка за проданную или арендованную землю, за лѣс на сруб и т. д. — всѣ эти доходы частных лиц в своей большей части уходят из деревни, идут в города и там поступают в городской оборот. Владѣльцы на них отстраиваются, мостят улицы, учатся, покупают картины и книги, ходят в театр, лѣчатся и т. д. — словом используют всѣ тѣ блага, которыя дает матеріальная и духовная культура. Тѣм послѣдняя питается и поддерживается. При помощи тѣх же средств, получаемых в порядкѣ обложенія и пожертвованій, города в цѣлом организуют свои муниципальныя предпріятія, создают и усиливают благоустройство, учреждают и содержат больницы, школы, музеи, театры и т. д. Жизнь города покоится, таким образом, не только на прямом трудѣ его жителей, но и на трудѣ деревни, притекающем в овеществленном видѣ прибылей и доходов горожан при их хозяйственных операціях с сельским населеніем.

В том же направленіи, как частно - хозяйственный оборот, дѣйствует и государство. Оно сосредотачивает в своих руках все растущія денежныя средства и развивает все ширящуюся дѣятельность. Вмѣстѣ с ростом средств и работы, растут и кадры государственных служащих всякаго рода. Служащих, живущих в городах, пропорціонально всегда гораздо больше, чѣм это вытекало бы из соотношенія в количествах сельскаго и городского населенія в странѣ. К тому же государственные служащіе — горожане включают в себя всѣ разряды высшаго и лучше оплачиваемаго чиновничества. Средства государства поэтому в гораздо большей степени выбираются из деревни, чѣм тратятся на нее и в ней. Разница остается в городах и она, как и частные доходы купцов, промышленников, банкиров и помѣщиков, идет на поддержаніе и усиленіе городской культуры современности.

В рядѣ стран — особенно земледѣльческих и полуземледѣльческих — культура городов поддерживается и усиливается прямыми ассигнованіями со стороны государства. Так было, напр., в Россіи. По подсчетам Н. Ф. Анненскаго, поддержанным потом Н. П. Огановским, расход государственных средств на культурно - образовательныя цѣли производился здѣсь в прямую невыгоду деревнѣ. По сравненію со своими доходами, получаемыми с деревни и города, государство гораздо больше тратило на свои культурныя мѣропріятія и учрежденія в городах, чѣм в деревнях. Нищая и темная деревня Россіи вынуждена была, таким образом, питать своими скудными средствами культуру относительно богатых и сравнительно с деревней образованных городов.

Повторяю мысль, уже сказанную выше по другому поводу и в иной

формѣ: неравенство города и деревни, в смыслѣ количества накопленнаго и овеществленнаго труда населенія, в Россіи отличалось особенной рѣзкостью, но неравенство остается вездѣ. Оно не может не быть, так как значительная часть прибылей и доходов, получающихся от хозяйственных сношеній с деревней, не может не осѣдать в городѣ, как в центрах народно-хозяйственной дѣятельности. Не может там же не тратиться значительная часть государственных доходов, собираемых с деревень. Роль узлов, которую города играют в экономической и административно-политической жизни народов и стран, прочно предопредѣляет их привиллегированное положеніе.

Накопив при помощи средств, извлекаемых из деревень, большія богатства, создав шумную и яркую, благоустроенную и богатую содержаніем жизнь, захватив в свои руки всѣ достиженія матеріальной и духовной культуры и став даже источником послѣдней, города вступили в новую борьбу с деревней — в борьбу за наиболѣе инціативную и дѣятельную часть ея населенія. Для жителей сел с их однообразною и сѣрую жизнью, с их матеріальным недостатком и ничтожными благами духовной культуры, которые доступны в деревнѣ, города сдѣлались магнитом, который властно притягивал к себѣ из деревень все наиболѣе смѣлое и смѣтливое, ищущее и дѣльное. Лучшіе в смыслѣ одаренности люди покидали деревню и духовный уровень послѣдней становился ниже — явленіе мало замѣтное в аграрных странах и четко выраженное в странах промышленно развитых.

Таков разнообразный и богатый содержаніем смысл, который мы имѣем право вложить в извѣстныя поэтическія опредѣленія Верхарна, говорившаго о «городах — спрутах» и «обезумѣвших деревнях». «Громадные города, порожденіе капитализма, с неудержимой силой притягивают к себѣ и деньги, и продукты, и людей из деревни» (Вандервельде). За счет сельскаго населенія они создают блестящую духовную и матеріальную культуру, лишь крохи которой проникают в деревню.

В очерченном положеніи города и деревни много неизбѣжнаго. В общественной жизни современности должны существовать и силовые центры административно-политическаго характера, и узлы, в которых сходятся нити народно-хозяйственной дѣятельности, и крупные очаги духовной культуры, в которых творятся новыя духовныя цѣнности, идет работа по завоеванію человѣком сил природы и вырабатываются новые пріемы распространенія накопленных человѣчеством благ. Города с этою тройною ролью и неизбѣжны, и полезны.

Неизбѣжными являются и многостороннія общественныя преимущества населенія, сконцентрированнаго в городах, по сравненію с разсѣянным населеніем деревень. Далеко, однако, не неизбѣжность та степень и тѣ формы обдѣленности сельско-хозяйственнаго населенія, которыя мы видим существующими теперь. Есть много средств и пріемов уменьшить современную неравноправность. Эти мѣры и способы, не могут, конечно, ставить своей задачей разрушеніе городов с их тройною важною функціей, они могут лишь стремиться сдѣ-

лать деревню болѣе дѣятельным и равноправным участником в благах и преимуществах, которыми город обладает нынѣ.

Обдѣленность деревни не ограничивается указанными формами. Она существует и в иных проявленіях. Неравно положеніе деревни и города в смыслѣ своевременнаго изданія законов, требующихся жизнью, и «болѣзнь законодательнаго долготерпѣнія», как в свое время выразился в примѣненіе к русскому законодательству М. М. Ковалевскій, гораздо чаще и в болѣе серьезных формах проявляется по отношенію к деревнѣ, чѣм к городу. Государства с самыми демократическими законодательными органами исключеніем тут не являются. Неравен город с деревней в отношеніи обезпеченности личных, имущественных и публичных прав населенія — в деревнѣ границы, в которых может проявляться «административный восторг», связанный с нарушеніем административными органами прав населенія, всегда гораздо шире и вмѣщает в себя больше, чѣм в городѣ. Демократическія республики современности исключенія тут также не составляют.

Есть общія и важныя причины, лежащія в основѣ этих обоих явленій. Они в том, во первых, что важнѣйшіе органы, через которые проявляется общественное мнѣніе в современных государствах, находятся в городѣ. Печать — первый и могущественнѣйшій среди них, а она, обслуживающая город и создаваемая в нем, не может не быть болѣе близкой городу, чѣм деревнѣ. Второй причиной является то, что инстанціи, на которых воздѣйствует общественное мнѣніе, находятся также в городѣ и поэтому городское общественное мнѣніе имѣет и гораздо больше и болѣе дѣйствительных способов для вліянія на них. Сравните общественный эффект, который производит незаконное избіеніе толпы полиціей в деревнѣ и городѣ. В первом случаѣ появится (если еще появится) и безслѣдно забудется короткая замѣтка в какой нибудь газетѣ, во втором случаѣ результат может выразиться даже в правительственном кризисѣ.

Есть и еще одна причина несходной реакціи на нужды и неудовольствія города и деревни. Ее отмѣтил уже упоминавшійся Россель : городскія массы находятся в зловѣщей близости к органам государственной власти и к ея вершинам. Дразнить их и забывать о них нельзя. По отношенію к деревнѣ это безопасно — скорых послѣдствій тут, во всяком случаѣ, не будет.

Роль этой «зловѣщей близости» с особою силой сказывается в критическіе періоды жизни государств, когда разражаются революціи и тянутся смуты. Городскому населенію в них и во время их принадлежит рѣшающая роль. Это они, руководясь свими интересами и взглядами, опрокидывают существующую власть и ставят новую. Распыленная и безсильная в своей неорганизованности деревня вынуждена мириться с этими переворотами в центрах и нести всѣ послѣдствія их. Безправная и безсильная в их совершеніи, она оказывалась отвѣтственной за их результаты.

Неравноправіе и неполноправіе деревни в общественно - политической жизни дѣлает близким к истинѣ утвержденіе А. С. Изгоева в рецензіи на наши сборники — «государство современнаго типа на девять десятых дѣло рук города». До сих пор, по крайней мѣрѣ, оно было таким.

Таковы важнѣйшія послѣдствія в общественном положеніи крестьянства, проистекающія из характера его занятій — в сельском хозяйствѣ и из территоріальной разсѣянности его труда и его разселенія. В своей совокупности они образуют замѣтный фактор, который способен сильно давить на политическую волю и поступки крестьянства, направляя их *против* очерченных особенностей в его общественном положеніи.

III.

Русская народническая мысль послѣдних десятилѣтій важнѣйшим признаком, роднящим крестьян и рабочих, признала их трудовое участіе в народно - хозяйственной жизни и трудовой характер их дохода.

Сходство безспорно и важно. Оно сближает и роднит общественное положеніе обоих слоев. Но существует ли *только* сходство? Наряду с ним не стоят ли огромныя различія, которыя если и не уничтожают родства, то дѣлают его дальним, а не близким? На послѣдній вопрос отвѣтить можно лишь утвердительно.

Широкую и четкую границу, раздѣляющую общественное положеніе обоих слоев, кладет второй признак крестьянства : оно участвует в народно - экономической жизни через посредство своих собственных хозяйств и, в противоположность пролетаріату, является *хозяйствующей* группой. Из этого несходства вытекает ряд важных слѣдствій. Первым среди них слѣдует назвать иное содержаніе хозяйственнаго труда у крестьянина, чѣм у рабочаго.

В дѣятельности «экономическаго человѣка» необходимо отчетливо различать три составныя части : труд иниціативный, организующій и исполнительный. Творец новых идей, открытій и изобрѣтеній в экономической области, равно как и авторы мысли о примѣненіи их в новой отрасли хозяйства или предпріятіи — типическіе носители перваго вида труда. Дѣятельность проводника этих «новшеств» в реальную жизнь, в частности труд по их внѣдренію в отдѣльныя хозяйства, когда «изобрѣтеніе» надо и вѣрно оцѣнить, и умѣло сочетать с прежними элементами и пріемами в хозяйствѣ — тут образцы труда организаціоннаго . . . Труд рабочаго, подбрасывающаго уголь в топку парового котла, киркой добывающаго горную породу или ходящаго за плугом — вот примѣры исполнительной работы . . . Эдиссон и Бурбенк — яркіе примѣры перваго вида труда, Карнеги и Форд — извѣстные представители второго, безымянный рабочій, періодически включающій и выключающій однообразным движеніем руки электрическій ток, — типичный представитель третьяго.

Существуют безчисленные и незамѣтные переходы между тремя видами труда. Они не уничтожают, однако, коренного несходства между типическими группами явленій. *Творчество* характеризует два первых вида труда, *механичность* — третій. Сложна и измѣнчива работа мысли и мускулов в двух первых случаях, она проста и однообразна в третьем.

Глубокія различія в психологіи, общественном положеніи и народно-хозяйственном значеніи сопутствуют этим трем видам труда. Когда послѣдніе расчленены между отдѣльными соціальными группами, обслуживающими крупное производство, несходства выступают рѣзко.

Расширенный кругозор и дальновидный разсчет сопутствует творческому труду — иниціативному и организующему. Тут складывается отвѣтственная психологія *хозяина,* заинтересованнаго в существованіи *всей* суммы разнообразных условій, необходимых для нормальнаго хода хозяйств и предпріятій . . . Исполнительная работа родит узкую мысль и короткій взгляд. Она создает психологію безотвѣтственнаго работника, заинтересованнаго лишь в своей заработной платѣ и коротком рабочем днѣ. Заботы о *производствѣ* занимают много мѣста в психологіи представителей первых двух видов труда, они представлены слабо или — что чаще — отсутствуют вовсе в психологіи людей исполнительной работы . . . К командующему и хорошо оплачиваемому слою с высоким уровнем матеріальной жизни принадлежат обычно представители творческаго труда, слоем подчиненным, с мелким доходом и низким уровнем жизни являются представители механической работы . . . Творцами технических, организаціонных и экономических новшеств в народном хозяйствѣ, «капитанами» предпріятій и руководителями процессов производства и обмѣна в них выступают перед наблюдателем двѣ первых категоріи дѣятелей и чисто-служебною, механически-составною частью входит в эти предпріятія третья группа. От одаренности, знаній и энергіи первых двух групп зависят судьбы народнаго хозяйства, от свойств третьей в этих судьбах зависит очень немногое.

Пусть не указывают, что отмѣченныя несходства зависят от института частной собственности и от его капиталистическаго облика. Обобществленіе средств производства и обмѣна не устранит указанных глубоких различій в психологіи, общественном положеніи и народно-хозяйственном значеніи характеризуемых групп. Различіе, может быть, станет иным, но оно останется. Командующіе и подчиненные, лучше и хуже оплачиваемые, творцы и исполнители будут существовать и тогда. В геніально-провидящем романсѣ Ан. Франса «На бѣлом камнѣ», рисующем общественную жизнь в условіях соціалистическаго строя, мы видим ту же, хорошо знакомую нам из современной жизни, вражду и борьбу руководителей с исполнителями . . . Пусть не ссылаются на существованіе современной буржуазіи, сдѣлавшей средства производства и обмѣна капиталом *), как на причину приведенных несходств. Буржуазія возникла, существовала, живет до сих пор и, можно думать, проживет еще долго, не только и даже не столько потому, что она владѣла капиталами, сколько потому, что она обладала и обладает способностью иниціативы и организаторства. Индивидуальныя исключенія из этого положенія имѣются. Временами и мѣстами они дѣлаются многочисленными. Существуют собственники капиталов, которые ничего не дают народно-хозяйственной жизни и очень много берут от нея. Если бы,

*) Т. е. «цѣнностью, приносящей прибавочную цѣнность».

однако, эти исключенія были фактом преобладающим и типическим, буржуазія давно бы исчезла. Для ея существованія не было бы оправданія и скоро не нашлось бы и поддерживающих сил. Теперь это оправданіе и эти силы имѣются. Поддерживающія силы существуют и в соціалистических рядах, причем их там становится тѣм больше, чѣм в высшій возраст вступает соціалистическое движеніе.

Крестьянство является носителем всѣх трех видов труда. В своих хозяйствах ему принадлежит почин нововведеній всякаго рода, оно воплощает их в жизнь и изо дня в день несет организующій труд по руководству производством и обмѣном в хозяйствѣ, оно выполняет и требующуюся хозяйством исполнительную рабту в нем. Содержаніе труда крестьянина и рабочаго, таким образом, весьма различно. Послѣдствія этого несходства тут, однако, меньше и незамѣтнѣй, чѣм в промышленности. Почему ? Потому, во первых, что всѣ виды труда тут слиты в одних и тѣх же лицах, а это связано с *мелкими* размѣрами крестьянских хозяйств и ничтожным масштабом дѣятельности ; потому, во вторых, что исполнительная работа у крестьянина количественно преобладает — и не может не преобладать — над творческим трудом. Послѣдствія, однако, остаются и они велики.

Соотношеніе между двумя сторонами труда в хозяйственной дѣятельности крестьянина не остается одинаковым. Оно мѣняется. Эволюція идет в сторону усиленія творческаго труда — иниціативнаго и организующаго. Ближайшим двигателем тут являются перемѣны в степени рыночности (или денежности) крестьянскаго хозяйства.

Денежность крестьянскаго хозяйтва увеличивается. Ея рост повсемѣстен и неизбѣжен. Денежность начинается с величины, близкой к нулю при натуральном строѣ и доходит до пяти шестых валового дохода при мѣновом хозяйствѣ. В Вельском уѣздѣ Вологодской губерніи денежность крестьянскаго хозяйства в 1907 году в среднем равнялась только 9,8%, в Швейцаріи она колебалась между 67 и 84 процентами, а в Чехіи между 55,6 и 82,9 процентами. Рост рыночности не останавливается и на этом высоком уровнѣ. Из всей стоимости годичнаго производства в хозяйствѣ швейцарскаго крестьянина в среднем

	1901-03 гг.	1904-06 гг.	1907-09 гг.	1910-16 гг.
потреблялось внутри хозяйства	28%	27%	24%	21%
продавалось на сторону . . .	72%	73%	76%	79%

Процесс втягиванія крестьянскаго хозяйства в рыночныя отношенія означает рост иниціативнаго и организующаго труда крестьянина. *Хозяин* в нем все сильнѣе выбивается из под гнета *работника.* Под вліяніем воздѣйствій рынка в крестьянинѣ — *исполнителѣ* растет руководитель хозяйства. Увеличивающаяся рыночность создает об'ективную и суб'ективную возможности для этого роста и усиливает нужду в нем.

Об'ективная возможность увеличивается потому, что хозяйство становится подвижнѣе и гибче. При натуральном строѣ оно должно было само обслуживать почти всѣ нужды — свои собственныя (производственныя) и нужды хозяина (потребительскія). Производство не

могло не быть разносторонним и сходным во всѣх районах, при всѣх климатах и почвах. Становясь мѣновым, получая возможность пріобрѣсти все необходимое со стороны, хозяйство может специализироваться на тѣх продуктах, производство которых является особенно выгодным — в силу ли почвенных или климатических условій, в силу ли особенностей рынка, навыков и умѣній хозяйствующей семьи и т. д. Простор для иниціативно - организующаго труда становится шире.

Одновременно увеличивается потребность в творческом трудѣ. Она растет под давленіем усиливающейся конкуренціи, которая сопутствует росту рыночности. Крестьянское хозяйтво, в теченіе вѣков почти самодовлѣющее, приходит затѣм в зависимую связь с ограниченным мѣстным рынком, далѣе с широким народным рынком внутри собственной страны и, наконец, с огромным міровым рынком. Растет число ведущих хозяйственное состязаніе и увеличивается пестрота обстановки, в которой живет хозяйство состязающихся. Состязаніе дѣлается все напряженнѣй, все богаче неожиданностями и все грознѣе послѣдствіями. Крестьянин, владѣлец денежно рыночного хозяйства, должен бодрствовать. Руководитель в нем не может стать бездѣятельным. Его иниціативно - организующія способности должны быть в напряженіи и работѣ. Иначе смерть грозит хозяйству и раззореніе — хозяину. Вспомните с. - х. кризис в Европѣ, начавшійся в 70 - х годах под вліяніем дешеваго зерна из за океана, и трепавшій крестьянское хозяйство в теченіи трех десятков лѣт *), вспомните уничтоженіе льноводства в Западной Европѣ под давленіем конкуренціи русскаго льна, ликвидацію культуры красильных растеній послѣ открытія химическаго способа изготовленія красок и т. д.

Рост денежности крестьянскаго хозяйства, увеличивая об'ективную возможность для иниціативно - организующаго труда крестьянина и усиливая потребность в нем, усиливает в то же время и суб'ективныя предпосылки, необходимыя для его обнаруженія **).

Так неизбѣжный и всюду однообразный в своей сущности ход перемѣн в крестьянском хозяйствѣ вызывает усиленіе в трудѣ крестья-

---

*) Если принять среднія цѣны англійскаго рынка за пятилѣтіе 1871—75 гг. за сто, то в дальнѣйшем онѣ равнялись:

	1880—85 гг.	1890—95 гг.	1901—05 гг.
Пшеница	73	51	50
Ячмень	79	64	61
Овес	81	69	68

За 30-лѣтіе цѣны на важнѣйшіе зерновые продукты понизились, таким образом, от одной трети до половины. Европейское сельское хозяйство было вынуждено начать глубокую перестройку в своей организаціи и техникѣ, усиливая молочное и интенсивное мясное скотоводство, вводя широкое примѣненіе новаго земледѣльческаго инвентаря и минеральных удобреній, передѣлывая сѣвообороты и т. д. Со второго пятилѣтія XX вѣка цѣны на зерновые продуктты снова полѣзли вверх и до 1920 года сельское хозяйство міра жило при благопріятных рыночных коньюктурах. С 1920 года появились признаки новаго кризиса, выраженные в отдѣльных странах весьма рѣзко.

**) См. мою статью «Восходящая сила» в № 1 «Крестьянской Россіи», стр. 19.

нина инициативно - организующих элементов *). В зависимой связи с этими перемѣнами в содержаніи хозяйственной дѣятельности крестьянина рѣзче очерчиваются особенности в его психолгіи, общественном поведеніи и народно - хозяйственном значеніи.

По своей психологіи крестьянин - хозяин всегда производственник, ибо от теченія производственных процессов в его хозяйствѣ зависит его судьба. Принудительно суровая «власть земли», непререкаемо требующая из поколѣнія в поколѣніе выполненіе работ в строго - опредѣленное время и в опредѣленном порядкѣ, сообщает этой психологіи необычайную четкость, устойчивость и — порою — суровость. Никакія событія не могут отвлечь крестьянина от вспашки и посѣва, от уборки поля или луга, если для них приспѣло время. На смертном одрѣ могут лежать близкіе, может бушевать революція, в исходѣ которой крестьянин кровно заинтересован, над полем могут летать ядра и пули, как это много раз бывало в минувшую міровую войну, но если пришла пора пахать или сѣять, косить или копать, крестьянин не измѣнит велѣніям своей производственной души. Необходимыя работы он выйдет выполнять. Переломным и бурным был 1905 год в жизни Россіи, широко в его событія было втянуто и крестьянство, однако, на посѣвной площади в Европейской Россіи это не отразилось : она равнялась 74,7 мил. десятин в 1904 г. и 75,5 мил. — в 1905 г. Во всѣх странах из всѣх сил выбивалось крестьянство и в великую войну, стремясь, несмотря на огромный отлив рабочих рук, удержать на прежнем уровнѣ свою запашку и свой скотный двор.

Эта психологія сохраняется и при мѣновом хозяйствѣ, но ея охват становится шире. Широта создается не только тѣм обстоятельством, что производство дѣлается менѣе шаблонным и болѣе измѣнчивым и сложным, но также и потому, что производство теряет свою прежнюю независимость от окружающей общественной среды. Ход производственных процессов начинает зависѣть от новаго фактора, неизвѣстнаго натуральному хозяйству — от обмѣна. Производственные процессы сохраняют для крестьянина свою прежнюю важность ; хотя их результаты реализуются только в процессах обмѣна, но послѣдних не может быть без предварительнаго производства. Если, однако, останавливается или затрудняется обмѣн, то невозможным дѣлается и нормальный ход производства. Создается огромная и все растущая в своем напряженіи заинтересованность крестьянина в ходѣ процессов обмѣна. Между тѣм этот ход зависит от такого количества факторов, лежащих внѣ крестьянскаго хозяйства, общественныя отношенія и организаціи оказывают на него такое могущественное вліяніе, что крестьянину - владѣльцу и руководителю мѣнового хозяйства — оказывается невозможным обойтись без воздѣйствія на них. Он вынужден выйти за узкіе предѣлы своего хозяйства и из своей

*) Труд рабочаго эволюціонирует в обратном направленіи. Он все болѣе механизируется. Растущее примѣненіе машин уменьшает потребность в обученных рабочих. Относительное число послѣдних падает. Так, в Германіи в 1895 году на 100 обученных рабочих приходилось 55 необученных, а в 1907 году — уже 73.

общественной пассивности, характерной для него при натуральном строѣ его хозяйства. Вмѣшаться в общественную жизнь для крестьянина становится необходимостью. И он вмѣшиваетя. Кооперативная и политическая дѣятельность являются формами этого вмѣшательства... Так рост денежности крестьянскаго хозяйства, увеличивая зависимость его от окружающей общественной среды, ведет к усиленію общественной активности крестьянства. Ставка на общественную активность крестьянства не может не сопровождаться поэтому ставкой и на мѣновое крестьянское хозяйство. Внѣ послѣдняго не может быть и первой.

Несходно содержаніе хозяйственнаго труда у рабочаго и крестьянина. Еще болѣе различно их экономическое «лицо», которым они обращены к народно-хозяйственной жизни в цѣлом, форма их участія в послѣдней: крестьянин появляется на народно-хозяйственной сценѣ со своим хозяйством и продуктами, рабочій — с трудом. Первый заинтересован в большой суммѣ условій, необходимых для существованія именно *его* хозяйства и для нормальнаго теченія процессов производства и обмѣна в нем; второй — только в возможности и в условіях продажи своего труда. Забота о ходѣ производства и обмѣна на рабочем не лежит, она — на тѣх, кому он продает свой труд. А кому он продает, как идет хозяйство, лишь бы оно шло, ему безразлично. Это огромное отличие — огромное по своему вліянію на общественно-психологическій уклад, как он образуется у рабочаго и крестьянина в процессѣ их хозяйственной дѣятельности.

В каких же условіях об'ективно нуждается крестьянин-хозяин? Они многочисленны и разнообразны.

Необходима прежде всего свобода — свобода хозяина в веденіи своего хозяйства и свобода гражданина в его передвиженіях, выборѣ мѣстожительства, в установленіи взаимоотношеній с покупателем, кредитором, продавцем, и т. д. Эта потребность мѣняется: свобода необходима тѣм большая, чѣм денежно развитѣй хозяйство и чѣм сильнѣе в крестьянинѣ представлен руководитель хозяйства. Один примѣр: русская передѣльная община, создающая зависимость поведенія каждаго хозяина на его землѣ от поведенія всей общины, не мѣшает владѣльцу натуральнаго и потому шаблонно-примитивнаго хозяйства, она тѣснит хозяина при полунатуральном укладѣ, она становится оковами при развитом денежно-рыночном хозяйствѣ.

Необходима устойчивость законодательных норм и общественных отношеній — «порядок», — ибо только они дают возможность твердаго хозяйственнаго разсчета. Хозяйствующія группы неизбѣжно поэтому консервативнѣе, чѣм нехозяйствующія. Боязнь рѣзких переломов в общественной жизни у первых всегда сильнѣе, чѣм у вторых.

Крестьянскому хозяйству необходима опредѣленная с.-х. политика государства. Она состоит из многих слагаемых: аграрная политика в тѣсном смыслѣ слова, таможенная, налоговая, политика в ж.-д. строительствѣ и в ж.-д. тарифах, агрикультур — техническая, финансовая, школьная и т. д.

Возможность вліять на политику органов власти в интересах хозяйства создает об'ективную заитересованность крестьянства в об-

ладаніи публичными правами и в своем вліятельном участіи в управленіи государством.

Далеко не всѣ связи судеб крестьянскаго хозяйства с названными явленіями доходят до сознанія крестьянина - хозяина. Мѣра этого сознанія, различная при разном состояніи хозяйства и разной культурности хозяев, опредѣляет активность, формы и направленіе политических дѣйствій крестьянства.

Земельныя отношенія, таможенная и налоговая политика власти, покупныя и продажныя цѣны являются наиболѣе обычными факторами, выводящими крестьянство на дорогу общественной дѣятельности и борьбы — политической или кооперативной. Но не они одни: пересмотрите, напримѣр, пункты программы, выдвинутой союзом фермеров в С. А. С. Штатах, и вы увидите в ней наряду с требованіями государственных элеваторов, мельниц, боен, холодильников, каменноугольных копей и кирпичных заводов, также требованія государственнаго страхованія посѣвов и организаціи государством с. - х. кредита. Читайте, помѣщенную в этом сборникѣ статью депутата Юго-Славянской Скупщины М. С. Московлевича и вы найдете, что до крестьянскаго сознанія в этой странѣ, пусть при помощи интеллигенціи, дошел и ряд других зависимостей судеб крестьянскаго хозяйства от поведенія власти и вообще от окружающей среды. Дошло в частности — и это является характерным для *всего* современнаго политическаго движенія крестьянства — сознаніе великой важности для деревни повышеннаго общаго и профессіональнаго образованія и вообще *культуры*.

Перечисленныя выше условія, в которых нуждается крестьянское хозяйство, можно разбить на двѣ группы: одни — общезначимы, в них заинтересованы почти всѣ соціальныя группы современнаго общества, другія — специфичны только для владѣльцев сельских хозяйств. Первыя, обычно, осуществляются еще до того времени, когда крестьянское хозяйство становится денежно - развитым, а крестьянство — общественно - активным. Цѣнность большинства условій из второй группы усиливается и крестьянским сознаніем уясняется в період уже сильнаго проникновенія мѣновых элементов в его хозяйство. Отношеніе к ним почти всѣх остальных соціальных групп — безразличное или прямо враждебное.

Безразличное отношеніе различных соціальных групп к важнѣйшим потребностям крестьянина с его хозяйством имѣет давнюю исторію. Оно ярко обнаруживается уже в равнодушно - спокойном отношеніи свободнаго города к крѣпостному праву, тяготѣвшему над деревней. Оно продолжается в період революцій конца 18 и первой половины 19 вѣка: «*о землѣ* не поминала ни одна из революцій, домогавшаяся *воли,* по крайней мѣрѣ, послѣ крестьянских войн. Ни с горных высот конвента, ни с высот іюньских баррикад мы не слышали слова земля» (Герцен). Больше того: даже вопрос о сеньоральных правах, душивших французскаго крестьянина с его хозяйством перед и во время великой революціи, был поставлен на очередь в Національном Собраніи только под вліяніем крестьянских возстаній. В ночь 4 августа 1789 г. Собраніе декларировало отмѣну сеньоральных прав. Волна крестьянских возстаній упала и снова потребовалось три

года, чтобы декларація превратилась в нормы закона (декрет 28 августа 1792 г.) и цѣлых четыре года, чтобы с сеньоральными правами было покончено радикально и навсегда (декрет Конвента 17 іюля 1793 г.) . . . Безразличіе многих партій и в рядѣ стран в аграрном вопросѣ потом исчезло, но зато оно проявилось в новой формѣ: в безучастном отношеніи к другим слагаемым с.-х. политики государства. А между тѣм с превращеніем крестьянскаго хзяйства в мѣновое значеніе этих других слагаемых сильно увеличивается.

Существует, однако, не только безразличіе к нужной для деревни с.-х. политикѣ. К части ея элементов обнаруживается прямая вражда почти всѣх соціальных групп. Особенно важными здѣсь являются таможенная политика, налоговая и финансовая. Интересы всѣх соціальных групп города здѣсь прямо противоположны интересам крестьянства. Этот антагонизм чувствуется особенно отчетливо, ибо он относится к самой важной борьбѣ современности — к борьбѣ за размѣры дохода. Прибавим, что современное знаніе и факты жизни вытравили из нашего сознанія послѣдніе остатки всяких «желѣзных» законов в этой области распредѣленія народнаго дохода. Предустановленнаго здѣсь нѣт ничего. Участіе в народном доходѣ каждой соціальной группы *сильно* (но, конечно, *не исключительно)* зависит от ея организованности, энергіи, борьбы и т. д. — вообще от ея вліятельности в общественной жизни. Слабые и распыленные в ней будут терять, а сильные и организованные — всегда выигрывать. Крестьянство в этой борьбѣ до сих пор, как правило, проигрывало. Проигрыш был или абсолютным, или относительным. Крестьянскій доход или уменьшался, или оставался без измѣненій, в то же время доход других групп рос, или увеличивался, но медленнѣе, чѣм у других групп, хотя крестьянскій труд почти не уменьшался ни в своей напряженности, ни в своей величинѣ, а труд других групп замѣтно дѣлался короче.

Безразличіе или вражда и борьба — вот *основное* отношеніе различных соціальных групп к крестьянину-хозяину, как оно складывалось фактически в различных странах и почти во всѣ эпохи. Главным исключеніем является аграрный вопрос, в котором в послѣднія десятилѣтія крестьянскія домогательства находили поддержку в других соціальных слоях и это сближало крестьянство с ними на время борьбы за землю.

Только отправляясь от этой общественной изолированности крестьянина-хозяина и этой борьбы с ним можно понять и об'яснить распространенный и поразительный, не только на русскій глаз, факт политическаго руководства крестьян помѣщиками. Класс, бывшій жестоким врагом крестьянства в историческом прошлом, его соціальный антипод и в настоящем, добровольно принимался крестьянством в свои вожди и руководители. На посту крестьянскаго вождя мы видим самого помѣщика или его подставную фигуру — ксендза и пастора — почти во всѣх промышленно-развитых странах Европы, если в них сохранилось и распространено помѣщичье землевладѣніе — в Германіи, Франціи, Бельгіи, Чехіи и Моравіи, когда они входили в состав Австро-Венгерской имперіи, отчасти в Италіи. Этот противоестественный и неравный, но распространенный и довольно проч-

ный помѣщичье - крестьянскій союз можно об'яснить единственно тѣм, что крестьянин состоит не только из работника, но и хозяина, заинтересованнаго в существованіи ряда условій, необходимых для его хозяйства. При опредѣленном состояніи послѣдняго и отсутствіи чисто крестьясских политических организацій, помѣщичья группа, тоже хозяйствующая и дѣйствующая в той же отрасли народнаго хозяйства, в которой экономически дѣйствует и крестьянство, оказывается единственной близкой послѣднему. Довольно длинный ряд условій оказывается одинаково необходимым для обоих типов сельских хозяйств — для мелкаго крестьянскаго и крупнаго помѣщичьяго. Совпаденіе интересов происходило не только в области таможенной и отчасти фискальной политики государства, но также в политикѣ агрикультур - технической, желѣзнодорожно - тарифной, желѣзнодорожно - строительной, отчасти финансовой и т. д.

Помѣха для незаконнаго и неравнаго союза, при котором гораздо полнѣе достигались интересы помѣщика, чѣм крестьянина, и от котораго много проигрывало все общество в цѣлом, могла создаться и создавалась на почвѣ земельных отношеній, но земля в крестьянском мѣновом хозяйствѣ этих стран не находилась в minimum среди элементов и условій производства. Аграрнаго перенаселенія тут не было, так как промышленность, торговля, паровой транспорт и т. д. полностью поглощали прирост сельскаго населенія. Земельная тѣснота, конечно, существовала, но, во первых, она была далеко не у всѣх крестьянских хозяйств, во вторых, она не усиливалась, а к существующей крестьянство со своим гибким мѣновым хозяйством не только успѣвало приспособиться, но интенсификаціей производства даже ослабляло ее. Если тѣснота чувствовалась огромным числом хозяйств, если она даже усиливалась, то все равно — раз заключенный союз крестьян с помѣщиками мѣшал крестьянству поставить радикально вопрос о землѣ.

Иначе создавались отношенія крестьян и помѣщиков в странах аграрных и полуаграрных с натуральнм или полунатуральным хозяйством. Там земля, как фактор с. - х. производства, имѣла гораздо большее значеніе, чѣм в странах с развитым мѣновым хозяйством. А она убывала, так как естественный прирост сельскаго населенія, не поглощаемый городами, вызывал сокращеніе земельной площади на душу населенія и хозяйство. Рано или поздно возникала борьба за землю, при которой крестьяне и помѣщики оказывались, конечно, во враждебных лагерях. Крестьяне обычно шли здѣсь за группами, включившими в свою программу аграрную реформу или, если находились руководители, создавали свои собственныя политическія группировки.

Характерно, что современныя политическія группировки крестьян создавались почти *исключительно* в странах, гдѣ помѣщики по тѣм или иным причинам (обычно вслѣдствіе борьбы за землю или вслѣдствіе отсутствія сколько - нибудь значительной помѣщичьей группы) не стали (или, сдѣлавшись, быть перестали) политическими руководителями крестьянства. Других групп и партій, близких к нуждам и запросам крестьянина - хозяина, значит, не оказалось. Факт знаменательный !

Напряженность в крестьянинѣ начал и свойств *хозяина,* которыя обуславливали возможность его сюза с помѣщичьим классом, станет еще очевиднѣй, если учесть, что крестьянин, как *работник,* не только не имѣл ничего общаго с помѣщиком, но даже находился с ним в состояніи об'ективнаго антагонизма.

* * *

Мы разсмотрѣли — по необходимости бѣгло и не полно - общественное положеніе крестьянства, связанное с его двумя первыми опредѣляющими признаками : с областью народнаго хозяйства, в которой оно экономически живет и дѣйствует, и с его принадлежностью к *хозяйствующим* группам современнаго общества. Но крестьянин не только — земледѣлец и хозяин, он еще и работник, ибо свое хозяйство он ведет не наемным трудом, как помѣщики, а своим собственным. С этим признаком, связан ряд новых общественных послѣдствій. Разсмотрѣніе их я вынужден отложить до слѣдующаго сборника.

К слѣдующей же статьѣ отходят и тѣ основные, дѣйственнаго значенія, выводы, которые на основѣ анализа соціальнаго положенія крестьянства необходимо сдѣлать для общественнаго дѣятеля.

Сергѣй Маслов.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

БОЛГАРСКІЙ ОПЫТ.

1. КРЕСТЬЯНСКАЯ БОЛГАРІЯ.

Появленіе именно в Болгаріи сильной крестьянской партіи понятно, если вспомнить, что перед нами типичная земледѣльческая страна.

По данным болгарской статистики 82,6% населенія живет земледѣльческим трудом. Только $^1/^5$ всѣх жителей населяет города, но и эти города носят преимущественно сельскій характер. Городское населеніе живет в 80 городах, $^2/_3$ которых насчитывают от 2 до 10 тысяч, и только 8 городов насчитывают болѣе 20.000 жителей. Почти $^1/_5$ (18,4%) городского населенія по данным 1905 г. занимается земледѣліем. Сельское населеніе относительно увеличивается: так в 1892 г. оно составляло 74,3%, а в 1905 г. — 77,1% всего числа жителей. Болгарія по преимуществу является страной мелких земельных собственников. Распредѣленіе землевладѣнія по данным 1908 г. видно из слѣдующей таблицы:

Размѣр	Число хозяйств		Количество земли	
	Абсолют. число	%	Число гектаров	%
Меньше 2 гектаров	424,898	45,5	321,568	6,9
От 2 до 10 „	386,728	41,4	1,954,854	42,3
От 10 до 30 „	111,632	12,0	1,689,371	36,5
От 30 до 100 „	9,173	1,0	405,652	8,8
Свыше 100 „	936	0,1	254,342	5,5
Всего	933,367	100	4,625,787	100

Из общаго количества эксплуатируемой земли хозяйства крестьянскаго типа (до 100 гек.) обладали, таким образом, 94,5% всей земельн. площади. Наибольшее число хозяйств владѣло не болѣе, чѣм 5 гектарами, только треть хозяйств владѣло большим количеством земли. При этом естественный процесс передвиженя земли шел в сторону роста мелкаго и средняго землевладѣнія.

Необходимо еще отмѣтить, что по данным до-военной статистики замѣтен был непрерывный рост крестьянскаго земледѣлія. Шло усовершенствованіе обработки земли, возростал живой инвентарь, росла обрабатываемая площадь (в 1904 г. — 3.347.183; в 1908 — 3.693.308; в 1912 г. — 4.077.269), увеличивалось количество обрабатываемой земли на душу населенія*).

*) См. Max Lazard. Le Service obligatoire de travail de Bulgarie. Genève 1922 Н. Малицкій. Кооперація среди земледѣльцев в Болгаріи. Прага. 1922. Основной источник статистических данных по Болгаріи: Kiril G. Popeff. La Bulgarie l'économique 1879 — 1911.

Всѣ эти данныя рисуют Болгарію, как страну мелкаго земельнаго собственника по преимуществу. Болгарскій крестьянин, раньше или позже, должен был выйти на политическую арену и попытаться заявить свое право на участіе в политической жизни страны.

2. ИСТОРІЯ БОЛГАРСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СОЮЗА.

В 1899 году появилось воззваніе от имени *Янка Ст. Забукова*, редактора Плевненской «Земледѣльческой Защиты» и *Цанко Бакалова*, народнаго поэта, с призывом образовать самостоятельный земледѣльческій союз, в противовѣс буржуазным и соціалистическим партіям. В Плевнѣ был созван учредительный земледѣльческій съѣзд, на котором была заложена новая крестьянская организація «Болгарскій Земледѣльческій Народный Союз». Нам не зачем подробно останавливаться на политическом ростѣ земледѣльческаго Союза; исторія его изложена на страницах нашего сборника б. министром кабинета А. Стамболійскаго, Спасом Дупариновым*) Намѣтим лишь нѣкоторыя вѣхи. Уже на выборах 1901 г. Земледѣльческій Союз имѣл в парламентѣ 23 мѣста. С перемѣнным успѣхом Союз принимает непрерывное участіе в парламентской жизни страны. Роль А. Стамболійскаго, впервые вошедшаго в парламент в 1908 г., в жизни партіи безпрерывно усиливалась, и к 1911 году он занял в ней руководящее значеніе. Он возглавлял лѣвое крыло Союза и постепенно оттѣснял Д. Драгіева, лидера его умѣреннаго крыла. Его популярность в населеніи росла в связи с выступленіями против царя Фердинанда. В 1911 году А. Стамболійскій от имени земледѣльческой группы, которая насчитывала в 5-ом Великом Народном Собраніи 51 депутата, выступил с рѣзким заявленіем против нарушенія конституціи, выразившейся в измѣненіи ст. 17-ой, предоставившей (в новой редакціи) королю право заключать тайные договоры. Упорную борьбу вел Земледѣльческій Союз против вовлеченія Болгаріи в войну 1912 г. Но особенно бурно проявилась дѣятельность А. Стамболійскаго во время Великой войны... Он был рѣшительным противником вмѣшательства Болгаріи в войну великих народов и во главѣ своей партіи боролся с царем Фердинандом, который предопредѣлил участіе Болгаріи на сторонѣ Центральных держав. Особую извѣстность получил эпизод во время аудіенціи у царя Фердинанда 4/17 сент. 1915 г. представителей парламентских фракцій. Выступленіе А. Стамболійскаго было чрезвычайно рѣзко по формѣ и закончилось небывалым в исторіи Болгаріи діалогом между царем и депутатом. А. Стамболійскій, вступив в пререканія с царем, сказал ему, между прочим, что вовлеченіе Болгаріи в войну будет ему стоить головы. Царь Фердинанд на это рѣзко отвѣтил: «Не безпокойтесь о моей головѣ, я уже стар; лучше подумайте о своей, вы вѣдь еще молоды». 9 сент. 1915 года был подписан указ о мобилизаціи. Начались преслѣдованія руководителей Земледѣльческаго Союза. А. Стамболійскій был арестован и осужден на вѣчное заключеніе. В связи с крушеніем фронта, 25 сент. 1918 г., А. Стамболійскій был освобожден.

Будучи послан с делегаціей через фронт для заключенія перемирія, он становится во главѣ разложившейся арміи и поворачивает ее против Софіи. 27 сент. 1918 г. в Радомирѣ провозглашается республика, и в особой прокламаціи, подписанной Предсѣдателем Временнаго Правительства А. Стамболійским и Главнокомандующим Райко Даскаловым, доводится об этом до свѣ-

*) *Дупаринов.* Болгарскій Народный Земледѣльческій Союз. Кр. Россія, № 4, стр. 115—120.

дѣнія болгарскаго народа. Наскоро составленная революціонная армія была разбита при помощи частей Макензена под Софіей. Стамболійскій и Даскалов скрылись. Все же царь Фердинанд уже не мог удержать престола, и 3 окт. 1918 г. бѣжал в Германію, отказавшись от престола в пользу своего сына, Бориса III. Только спустя три мѣсяца участникам сентябрьской революціи была дана амнистія. А. Стамболійскій входит в коалиціонный кабинет Тодорова, гдѣ представляет лѣвое крыло Союза, а Драгіев — правое. В августѣ 1919 г. на всеобщих выборах Земледѣльческій Союз получает 83 мѣста из 229. В сентябрѣ т. г. Т. Тодоров принимает условія мира, и, боясь революціонной вспышки, особенно в связи со стихійным ростом коммунистическаго движенія, рѣшается предложить царю довѣрить составленіе кабинета вождю Земледѣльческаго Союза*).

В Земледѣльческом Союзѣ Тодоров видит единственную организованную силу, способную удержать власть и провести в жизнь условія мира. А. Стамболійскій становится предсѣдателем совѣта министров, скрѣпляет мирный договор в Нейи и об'являет новые выборы на март 1920 г. На этих выборах Земледѣльческій Союз получает абсолютное большинство в Народном Собраніи (109 против 107) и становится фактически властью, берущей на себя полную отвѣтственность за судьбы Болгаріи. 20 мая 1920 г. Стамболійскій создает первый чисто земледѣльческій кабинет.

На плечи земледѣльческаго Правительства легло тяжелое наслѣдіе войны. Истощенные финансы, изношенный транспорт, разрушенный земледѣльческій инвентарь, развал торговли и промышленности, убыль скота и т. д., все это особенно сказалось в Болгаріи, уже и без того разоренной предыдущей войной. Мир в Нейи к тому же наложил на Болгарію тяжелыя репараціи**).

Только сильная власть, опирающаяся на довѣріе большинства населенія, могла вывести Болгарію из ея катастрофическаго состоянія. Такой властью в крестьянской Болгаріи могла быть только крестьянская партія. Как ни относиться к внутренней политикѣ А. Стамболійскаго, нельзя отрицать, что ему Болгарія в значительной мѣрѣ обязана выходом из послѣвоенной катастрофы. Во внѣшней политикѣ правительство Стамболійскаго пошло рѣшительно по пути добросовѣстнаго выполненія взятых на себя по мирному договору обязательств. Этим оно сумѣло внушить к себѣ довѣріе держав побѣдительниц. Ему удалось добиться значительнаго сокращенія репарацій***) и установить добрососѣдскія отношенія с Югославіей, своим наиболѣе настороженным сосѣдом †).

---

*) О вліяніи коммунистической партіи дают представленіе слѣд. цыфры: На выборах в 1919 г. партія коммунистов («тѣсняков») имѣла второе мѣсто — 49 мѣст. В декабрѣ 1919 г. на выборах в обществен. самоуправленія коммунисты собрали 140.000 гол. и имѣли большинство почти во всѣх муниципалитетах.

**) § 127 Нейискаго договора обязал Болгарію поставить сосѣдним государствам в возмѣщеніе животных, захваченных ею во время войны: 125 быков, 13.500 молочных коров, 12.500 лошадей, 2.500 мулов, 9.200 волов, 33.000 овец. По этой статьѣ Болгарія, реквизировавшая животных, израсходовала 169 мил. лев. По п. 128 договора Болгарія обязалась доставить Сербіи 50.000 тонн угля в год в продолженіи пяти лѣт. К 31 янв. 1922 г. было доставлено 96.501 тон. По оцѣнкѣ болгарскаго правительства, считая 1600 лев за тонну, это составило 154 мил. лев (См. Lazard, стр. 17).

***) Репараціонныя обязательства Болгаріи были понижены в концѣ концов с 2250 мил. зол франков до 550 мил.

†) Исторію Народнаго Земледѣльческаго Союза см.: Тодор Ив. Гешков «Земледѣлскиятъ Съюзъ противъ войнитѣ» София. 1921 г. Георги Дамянов

3. ИДЕОЛОГІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СОЮЗА.

С какой же идеологіей пришел Земледѣльческій Союз к власти и как эта идеологія измѣнилась с его переходом от оппозиціи к политическому господству?

Прежде всего Земледѣльческій Союз провозгласил себя организаціей *демократической*, стоящей на почвѣ конституціонных методов борьбы. И во внутреннем своем устройствѣ в основу был положен принцип демократизма. Особенностью Союза является его чисто земледѣльческій характер. В этом вопросѣ сразу же намѣчается необычная рѣзкость формулировки. В члены Союза не могут войти представители других групп, особенно опредѣленно это требованіе формулировано в отношеніи к интеллигенціи. В ряды Союза может вступить только интеллигенція, корнями связанная с крестьянством; исключенія допускаются только по постановленію Конгресса Союза. Таким образом уже в самом началѣ в идеологіи Союза намѣтилось отрицательное отношеніе ко внѣсословной интеллигенціи, в частности особенно отрицательно оцѣнивалась роль адвокатов. Союз противопоставляется политической партіи; он является борющимся за интересы крестьянства «политико-экономической общественной организаціей». Участіе в политической борьбѣ является лишь средством достиженія своих групповых цѣлей. Классовый характер организаціи вырисовывается очень четко и проводится с той же послѣдовательностью, как и у рабочих партій. Каждый класс стремится пріобрѣсти наибольшую выгоду при наименьшей затратѣ сил, и из столкновенія интересов отдѣльных классов создается равнодѣйствующая человѣческаго общежитія. Теорія «обще-народных интересов», по мнѣнію земледѣльцев, является для буржуазных партій только прикрытіем узко-классовых капиталистических интересов.

Перенеся принцип частной собственности в основныя положенія своей идеологіи, Земледѣльческій Союз тѣм самым отмежевался от соціалистических партій. Все же в области соціальнаго переустройства программа земледѣльцев идет весьма далеко. Он враждебен капиталистическому строю, хотя и не доходит до принципіальнаго отрицанія его основ *). Один из идеологов земледѣльцев, Сп. Дупаринов, формулирует соціальную программу Союза слѣдующим положеніем: «капитал можно отдать на службу обществу через кооперацію и через узаконеніе положенія, при котором земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает»**). Отсюда большое значеніе с точки зрѣнія идеологіи Союза кооперированія, в котором она видит способ перехода к высшим формам общественнаго строя. Но и в вопросѣ коопераціи идеалистическій момент отодвигается на второй план по сравненію с классовым. В первую голо-

---

«Истината на септемврийската революция в България» Соф. 1921., M. Lazard op. cit. стр. 19—22

*) Вот один из отзывов А. Стамболійскаго о капитализмѣ. При освященіи новой желѣзно-дорожной линіи в Гасково в серединѣ мая 1923 г. А. Стамболійскій произнес рѣчь, в которой сказал: «Я вижу здѣсь банки табачных фабрикантов, вижу новыя зданія частных банков. Будьте увѣрены, граждане Гаскова, что все это будет вашим. Они передадут их кооперативам и синдикатам, если не добровольно, то по принужденію; так или иначе, но это будет. В другой раз, когда я снова пріѣду в Гасково, вы будете свидѣтелями того, как всѣ капиталы и капиталистическія предпріятія будут в руках кооперированнаго народа. Нам не к чему поддерживать капитализм и частно-капиталистическія предпріятія. Мы против капитализма». (См. корреспонденцію Герм. Вендель в »Prager Presse« от 19 іюня 1923 г.).

**) Дупаринов. Кр. Россія № 4, стр. 120.

ву кооперація является средством самозащиты мелкаго и средняго земледѣльца от эксплоатаціи его труда и способом улучшенія его матеріальнаго положенія.

В связи с враждебным отношеніем к капитализму, в программу Союза входят элементы, роднящіе его с коммунистической идеологіей. Выставляя заранѣе положеніе, что «в основѣ всякаго крупнаго частнаго богатства лежит преступный источник» *), идеологія естественно переходит к положенію об экспропріаціи в пользу государства крупных частных имуществ, источник пріобрѣтенія которых порочен». «Земледѣльческій Союз является самым искренним и ревностным сторонником отчужденія в пользу государства таких нечестным путем пріобрѣтенных богатств», говорит А. Стамболійскій в одной из своих брошюр**). Отсюда и другое положеніе — об установленіи предѣльнаго размѣра частнаго капитала. Этим по мнѣнію идеологов земледѣльцев достигается высоко моральное требованіе «отобрать у того, кто имѣет, чтобы передать тому, у кого недостает». Таким путем будет достигнуто коренное соціальное переустройство, которое внесет возможную справедливость и довольство в человѣческое общежитіе.

Земледѣльческій Союз, возникнув на почвѣ осознанія крестьянством своих интересов и стремленія занять подобающее ему мѣсто в общественной и политической жизни страны, уже с самаго начала внес в свою идеологію элементы классовой исключительности, которые должны были еще рѣзче сказаться при переходѣ власти в его руки. На первый план выдвинулись не общія задачи государственаго строительства, а узко понятные интересы крестьянства. Была создана *не крестьянская партія, а союз защиты крестьянства, как класса*, одной из задач котораго было овладѣніе государственной властью с цѣлью наилучшаго обезпеченія своих интересов. В идеологію была внесена острая классовая борьба. В угоду темному инстинкту деревни буржуазія и интеллигенція расцѣнивалась, как враждебная крестьянству сила, возвеличивался чрезмѣрно труд физическій, особенно же труд земледѣльца. В основѣ правильная мысль — обособленія крестьянства в самостоятельную политическую силу — под вліяніем заостренной классовой теоріи марксизма, перелицованной на крестьянскій лад, была искажена и *неизбѣжно привела земледѣльческій союз к идеѣ диктатуры****). Этот переход от демократіи к диктатурѣ был

*) «Всѣко крупно частно богатство има порочень источникъ». А. Стамболійски. «Принципитѣ на българскятъ земледѣлски Съюзъ», Софія. 1919, стр. 47.

**) «Земледѣлскиятъ Съюзъ най-искрения и най-ревностния привърженикъ натова обсебване от страна на държавата на тѣзи придобити чрѣз порочен начин богатства» (то-же, стр. 48).

***) Считаем не лишним оговорить здѣсь наше разногласіе в оцѣнкѣ болгарскаго опыта с г. А. К., посвятившим в «Днях» (20 іюня 1923 г.) этому вопросу спеціальную статью. Он снова пользуется случаем, чтобы упрекнуть в демагогіи тѣх, кто пытается строить самостоятельныя крестьянскія партіи «Болгарскій опыт, кажется нам, — говорит А. К., — должен заставить очень призадуматься тѣх, которые в своем увлеченіи политическими возможностями, таящимися в крестьянствѣ, часто превращают борьбу за демократію в деревнѣ в демагогическую игру деревней». Но, очевидно, жупел демагогіи понадобился г-ну А. К. только как политическій пріем борьбы с идеологіей крестьянской партіи. Вѣдь в демагогіи легко заподозрить не только идеологов крестьянскаго движенія. Упреки «в демагогической игрѣ деревней» не раз уже с большим или меньшим основаніем раздавались по адресу партій, враждебных крестьянской идеологіи. Очевидно, демагогія не может быть заранѣе поставлена в упрек, а должна каждый раз подтверждаться фактами.

Дѣло не в демагогіи, а в осужденіи самой идеи созданія «крестьянской пар-

продѣлан Союзом в період его большинства в Парламентѣ и существованія чисто крестьянскаго правительства *).

4. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ СОЮЗ У ВЛАСТИ

Но прежде чѣм подробнѣе остановиться на переходѣ Земледѣльческаго Союза от демократіи к диктатурѣ необходимо в общих чертах остановиться на главнѣйших реформаторских шагах правительства А. Стамболійскаго.

Наиболѣе существенным актом в законодательной дѣятельности его несомнѣнно является поземельная реформа. В основѣ реформы лежит положеніе — *земля тому, кто ее обрабатывает*. Крупное землевладѣніе ликвидируется путем принудительнаго выкупа земель, превышающих «трудовую норму», т. е. количества земли, которое может быть обработано личным трудом хозяина и его семьи. Норма установлена законом в 30 гектаров и все, что ее превышает, должно быть выкуплено государством и распредѣлено между безземельными и малоземельными крестьянами.

В общем, земельная реформа может быть сведена к слѣдующим положеніям:

1. Владѣніе до 4 гект., если собственник холост, и до 10 гект., если у него

тіи», ибо этот путь таит в себѣ опасность диктатуры; — так слѣдует формулировать вывод г. А. К. из болгарскаго опыта. Но в этой же статьѣ г. А. К. признает необходимость организаціи крестьянства в самостоятельную государственную силу и в этой организаціи видит историческую заслугу А. Стамболійскаго. Слѣдовательно, весь вопрос в том, как его организовать. Автор видит опасность в классовом характерѣ крестьянской партіи и выставляет требованіе построенія партій по принципу учета «общей пользы и общаго блага». Мы полагаем, что это отвлеченное требованіе не является по существу подлинной гарантіей «государственности партіи». Всякая партія утверждает, что ею руководит учет «общаго блага и общей пользы», но это утвержденіе не мѣшает ей преслѣдовать узко-классовыя или групповые интересы. Партія может строиться и по классовому признаку; это значит только, что она опирается на один из классов и стремится выявить свое пониманіе задач государственнаго строительства. В дѣйствительности, явно или скрыто, так строилось большинство политических партій. Но никто не станет, кромѣ политических демагогов, утверждать, что в дѣятельности буржуазных и рабочих парламентских партій был только голый классовый эгоизм, вовсе не считавшійся с интересами государства. Поэтому нельзя заранѣе утверждать, что крестьянская партія неизбѣжно будет антигосударственной. Это может быть, но может и не быть. *Ограничивающим моментом эгоистической дѣятельности партіи в современном правовом государствѣ является ея демократизм, соблюденіе котораго не дает возможности одному классу диктовать свою волю другим.* Даже в том случаѣ, если у власти стоит одна партія, располагающая подавляющим большинством в представительном органѣ правленія, оставаясь на почвѣ демократизма, она не может выродиться в диктатуру. Всякая попытка провести законы в узко-эгоистических интересах одного класа неизбѣжно приведет к открытому столкновенію классов, не укладывающемуся в парламентскіе способы борьбы. Роковая ошибка Стамболійскаго была именно в отказѣ от принципов демократіи. Это неизбѣжно привело его к диктатурѣ. Болгарскій опыт учит нас только одному — *необходимо созданіе крестьянской демократической партіи.*

*) См.: А. Стамболійски «Защо се сдружоватъ земледѣлцитѣ». Соф. 1919.
Его же, «Принципитѣ на българскиятъ земледѣлски Съюзъ», Софія 1919.
Его же, «Власть, безвластие, народовластие», Софія 1919.
Его же, «Интелигентнитѣ сили в Земледѣлкиятъ Съюзъ и партиитѣ», Софія 1919.
См.: Дупарпнов. «Кр. Россія». № 4, стр. 119-120.

есть семья, не подлежит никаким ограниченіям. Собственник имѣет право не только самостоятельно его обрабатывать, но и сдавать в аренду.

2. В предѣлах от 4 гект. для холостых и 10 гект. для семейных:
до 20 гект. — для лѣса или пастбищ на горах,
до 30 гект. — для пахотной земли,
до 50 гект. — для лѣса и пастбищ на горах,
Земля не отчуждается, но может быть обрабатываема только руками ея собственников. Аренда не допускается.

3. Право собственности на землю размѣрами свыше указанных в § 2 не признается. Лица, обладающія землей в высшем размѣрѣ, обязаны предоставить излишек в распоряженіе государства. Послѣднее вознаграждает владѣльца на основѣ до-военных цѣн. Если отчуждаемая земля достигает опредѣленных размѣров, расцѣнка понижается.

4. Если в одном хозяйствѣ живут нѣсколько семей, предѣльный размѣр земельной площади может увеличиваться на 30 гект. на каждую семью.

5. Отчужденныя земли дробятся на мелкіе участки, которые государство распредѣляет между безземельными земледѣльцами. В продолженіи 20 лѣт они находятся под контролем, и новый владѣлец не имѣет права продажи полученной земли.

6. Если требованія на землю окажутся со стороны безземельных выше того фонда, который получится в результатѣ отчужденія, то в распредѣленіе поступают земли коммунальныя, государственныя и монастырскія *).

Вторым существенным актом правительства А. Стамболійскаго является *закон о трудовой повинности*. Этот закон привлек к себѣ особенное вниманіе и вызвал разнообразную оцѣнку. В самой Болгаріи вокруг закона о трудовой повинности велись горячіе и страстные споры. Среди городского населенія закон был встрѣчен враждебно, деревня в массѣ своей, насколько можно судить, приняла закон спокойно. В основѣ своей идея трудовой повинности очень проста. Если государство имѣет право призывать граждан на военную службу, то оно тѣм болѣе может призывать их для выполненія общегосударственной полезной работы. Если оправдывается воинская повинность, то столь же оправдываема и повинность трудовая. Идеологія земледѣльческаго Союза привнесла в эту простую мысль свои особенности

Воинская повинность ложится главной тяжестью на плечи крестьянства, и чаще всего, война ведется не в его интересах. Крестьянина отрывают от земли и вынуждают вести разрушительныя войны. Куда цѣлесообразнѣе замѣнить разрушительный труд войны созидательным трудом на пользу государства. Труд физическій, и в первую очередь труд крестьянина, дает реальныя цѣнности. В физическом трудѣ скрыта моральная цѣнность. Пріобщеніе к физическому общеполезному труду всѣх граждан должно потому их морально поднять. Всякій гражданин обязан отдать часть своего труда на пользу государства. Трудовая повинность укрѣпляет и воспитывает соціальные инстинкты.

К этим общим теоретическим предпосылкам прибавились мѣстныя условія, благопріятствовавшія проведенію закона в жизнь. Во-первых, условія Нейискаго договора, уничтожавшаго постоянную армію и выбросившаго за борт офицерскую и подофицерскую массу, которой надо было найти примѣненіе в жизни страны — это были готовые кадры административнаго аппара-

*) См. Lazard, стр. 24-25.

та; во-вторых — трудное экономическое положеніе, требовавшее от государства возстановленія разоренной страны. Психологически облегчалось проведеніе закона и тѣм, что новый закон пришел на смѣну воинской повинности и как бы автоматически вступил на его мѣсто.

В Народном Собраніи, в февралѣ 1920 года, А. Стамболійскій, так опредѣлил цѣли закона о трудовой повинности:

1. Поддержать и усовершенствовать тот основной вид налога каким является воинская повинность, к которой болгарскій народ уже привык.

2. Улучшить обученіе и подготовить молодежь к практической жизни.

3. Подчинить молодежь дѣятельной и методической выучкѣ.

4. Организовать и интенсифицировать производство государственных и общественных имуществ.

5. Соціализовать источник богатства, человѣческую силу, в період наибольшаго напряженія, но в то же время и ея наибольшаго распыленія.

6. Поддержать чувство общественной обязанности и интереса к національным и общественым богатствам.

7. Вообще интенсифицировать экономическій прогресс Болгаріи.

8. Помочь Болгаріи подняться из под развалин, вызванных войной.

Первоначальный проект А. Стамболійскаго, предусматривавшій обязательную трудовую повинность в теченіи одного года для мужчин и 6 мѣсяцев для женщин, был принят 23 мая 1920 года, но вслѣдствіе вмѣшательства союзников, усмотрѣвших в нем обход договора в Нейи, он был значительно измѣнен. Дѣйствовавшій при Стамболійском закон 22 окт. — 9 ноября 1921 г. в главных чертах заключался в слѣдующем.

Всякій болгарин обязан отбывать трудовую повинность. Трудовая повинность вводится двоякаго рода: 1. *рядовая* («редовна повинность) и *временная* («временна повинность»).

К рядовой повинности привлекаются мужчины от 20 до 40 лѣт, сроком не болѣе 8 мѣсяцев и незамужнія женщины в возрастѣ от 16 до 30 лѣт, на срок не болѣе 4 мѣсяцев. Государство может призвать в один пріем на весь срок сразу, либо в нѣсколько пріемов по своему усмотрѣнію. По требованію союзников был введен пункт о возможности откупа, но число откупившихся не могло превышать 20% общаго числа признанных годными к отбыванію повинности. Введен был также пункт о возможности одновременнаго призыва не болѣе 30% граждан одного и того же возраста.

Временная повинность распространяется на тѣх же лиц, как и рядовая, но «трудоваки» поступают в распоряженіе общинных совѣтов, которые имѣют право призвать всякаго болгарина в теченіе 21 дня в году и распространять эту обязанность на лиц обоего пола в возрастѣ до 50 лѣт.

Мы не имѣем возможности входить в подробности закона о трудовой повинности, нам хотѣлось только сообщить его основы.

Изслѣдователь закона о трудовой повинности, M. Lazard, изучившій вопрос на мѣстѣ по порученію Интернаціональнаго Бюро Труда, оцѣнивает весьма сдержанно результаты примѣненія закона в жизни. Будучи готов признать, что в Болгаріи, странѣ примитивнаго хозяйственнаго уклада, к тому же разоренной войной, закон может дать положительные результаты, он не видит в нем института, который можно перенести в условія болѣе экономически развитой страны.

Обязательная трудовая повинность, по мнѣнію Макса Лазара, заслуживает вниманія, как одно из средств воспитанія чувства солидарности и гражданской отвѣтственности, но в тоже время двѣ черты в законѣ особенно смущают него — исключительное возвеличиваніе физическаго труда и одностороннее направленіе вниманія в сторону накопленія матеріальных благ.

Вопрос о результатах, достигнутых примѣненіем закона, остается спорным, во всяком случаѣ еще нѣт достаточных матеріалов для безусловнаго утвержденія, что трудовая повинность, дала лучшіе результаты и обошлась дешевле странѣ, чѣм примѣненіе свободнаго труда при тѣх же затратах *).

Как мы указывали, Земледѣльческій Союз придавал очень большое значеніе кооперативному движенію среди крестьянства. В дѣло кооперацiи Союз внес рѣзко классовый характер. «Солидная и прочная кооперація есть только там, гдѣ между членами существует полное идейное единомысліе и идентичность профессіональных интересов. Поэтому Болгарскій Земледѣльческій Союз, являющійся горячим сторонником кооперативнаго дѣла, еще издавна провозгласил: сначала земледѣльческая «дружба», а потом кредитное или какое-бы то ни было кооперативное товарищество», пишет один из дѣятелей союза, бывшій министр финансов М. Турлаков**).

Идея независимой кооперацiи об'является изжитой, и кооперація неразрывно связывается с политической властью. Вот напр., что говорит А. Стамболійскій: «Земледѣльческій Союз, придавая кооперативному дѣлу такое же значеніе, какое обязательное образованіе имѣет для просвѣщенія народных масс, не только безоговорочно дает свою поддержку кооперацiи, но стремится, поскольку это возможно, приложить тот же принцип обязательнаго начала к ея распространенію среди сельскаго населенія***).

Этими положеніями опредѣляется и схема кооперативнаго строительства. Вот как ее рисует изслѣдователь болгарской кооперацiи, Н. Малицкій:

«При дружбах в каждом селѣ кооперативы; в мѣстных экономических узлах — районные синдикаты; в центрѣ Союза синдикатов — Земледѣльческій

*) М. Лазар путем детальных вычисленій приходит к выводу, что в 1921 году институт трудовой повинности принес государству убыток свыше 15 мил. лев. О трудовой повинности, кромѣ уже указаннаго изслѣдованія M. Lazard, см. краткое изложеніе выводов этого труда, сдѣланное R. Picard »Le travail obligatoire en Bulgarie« в бюллетенях »Les Documents du Travail« 1923 г. № 69, стр 1-9. Имѣющаяся на русском языкѣ книга о трудовой повинности *В. Лебедева* «Новым путем» (Прага, изд. «Воли Россiи», 1923), дает мало матеріала для объективной оцѣнки результатов трудовой повинности. Автор дает в стилѣ военных корреспонденцій описаніе жизни и работы «трудоваков».

К сожалѣнію, восторженное описаніе почти не сопровождается цифровым матеріалом, а там, гдѣ автор прибѣгает к цифрам, онѣ ничего не говорят. Так, на стр. 50 сообщается, что в Дольном Чифликѣ «веселая орава трудоваков» перегружает ежедневно около двухсот кубических метров одних только шпал», но сколько трудоваков работало, об этом ни слова. Рѣдкія цифры автора порой поразительны. Вл. Лебедев утверждает, например, что 96% населенія болгарскаго села грамотно (см. стр. 59). Очевидно, в Болгаріи города чудовищно безграмотны, ибо процент грамотности во всей Болгаріи несомнѣнно значительно ниже (Н. Малицкій дает для довоенной Болгаріи цифры 33,7%, см. стр. 35).

**) См. у Малицкаго «Кооперація среди земледѣльцев в Болгаріи», стр. 59, «Дружба» — мѣстная организація земледѣльческаго Союза.

***) А. Стамболійскій «Принципитѣ на българскиятъ Земледѣлськи Съюзъ», Софія, 1919 стр. 46...

Кооперативный Банк. Члены товариществ — земледѣльцы и политическіе единомышленники, ибо товарищества при дружбах. Члены синдикатов — только товарищества... Вершина всей постройки — Земледѣльческій Кооперативный Банк — будет об'единять только синдикаты... В процессѣ укрѣпленія земледѣльческой коопераціи громадная роль отводится власти, которая при этом «укрѣпленіи», должна прибѣгать и к «обязательному началу»*).

Этой идеологіей опредѣлилось постоянное вмѣшательство правительства в кооперативное строительство. Шла упорная борьба между сторонниками «независимой коопераціи» и «дружбами», поддерживаемыми всѣм аппаратом государственной власти.

В концѣ 1920 года, вопреки протестам членов Кооперативнаго Банка, союзов, отдѣльных товариществ, был проведен закон, вводящій в кооперацію классовый принцип. По этому закону кооперативныя товарищества дѣлятся на двѣ категоріи — земледѣльческія и неземледѣльческія. К первым отнесены всѣ кооперативы, в которых не менѣе ¾ участников являются земледѣльцами. Земледѣльческія товарищества возглавляются Земледѣльческим Банком, который управляется чисто бюрократическим образом; сами товарищества никакого участія в управленіи банком не принимают.

Особенно печальную извѣстность пріобрѣл, учрежденный в 1920 году, «Консорціум по вывозу зерновых хлѣбов и произведеній из них». Задача этого консорціума — регулированіе хлѣбной торговли. Фактически законом о Консорціумѣ в Болгаріи устанавливалась государственная монополія экспортной хлѣбной торговли, и Консорціум был органом правительства, осуществлявшим эту монополію. И в этом вопросѣ сказалась партійная исключительность правительства. Консорціум был обязан отдавать предпочтеніе земледѣльческим кооперативным организаціям, что давало ему в руки новое сильное оружіе в борьбѣ со сторонниками независимой коопераціи. В концѣ концов независимый «Общій Союз Земледѣльческих Коопераціи», — вначалѣ входившій в Консорціум, был лѣтом 1921 г. особым дополненіем к закону о консорціумѣ лишен права участія в нем. Дѣятельность Консорціума вызывала большія нареканія со стороны оппозиціонной печати. По мнѣнію прессы вся система внѣшней торговли хлѣбом свелась не к поддержкѣ коопераціи, а к кормленію членов господствующей партіи**).

Военное пораженіе привело Земледѣльческій Союз к власти. Это обстоятельство несомнѣнно усилило в Союзѣ элементы, склонные к демагогіи и насилію. Упрощеніе національной катастрофы до преступленія отдѣльных лиц, разжиганіе ненависти против всѣх партій, не ставших на точку зрѣнія пораженчества, огульное обвиненіе всей буржуазіи в корыстном использованіи національнаго бѣдствія в своих личных интересах — таковы в общих чертах знакомые пріемы власти, вышедшей из нѣдр военнаго разгрома. Использовав лозунг отвѣтственности виновников военнаго разгрома в качествѣ одного из наиболѣе сильных предвыборных средств, правительство А. Стамболійскаго должно было платить по этому векселю. 1-го сент. 1921 г. был принят закон о преданіи суду всѣх виновников національной катастрофы. П. 4. этого закона дает возможность самаго широкаго толкованія. Под него подпадают, как частныя лица, так и всѣ, принадлежавшія к арміи и гражданскому управленію. Дѣйствію закона подлежит всякій, кто занимался спекуляціей, совершал дѣянія с цѣлью угнетенія или возбужденія войск или населенія, совершал же-

*) Тоже, стр. 60.
**) Н. Малицкій, стр. 77...

стокости в оккупированных мѣстностях, или содѣйствовал каким нибудь способом, в своекорыстных цѣлях, подготовленію, об'явленію или продолженію войны*).

Закон этот висѣл постоянной угрозой над головами всѣх противников новой власти, и при неопредѣленности своей редакціи давал вѣрное средство для расправы. Слѣдствіем его было эмигрированіе из Болгаріи состоятельных лиц из-за боязни зачисленія в категорію «нажившихся на войнѣ», а политических дѣятелей под угрозой попасть под § 4, как виновников войны.

5. ОТ ДЕМОКРАТІИ К ДИКТАТУРѢ.

Уже из этого краткаго обзора законодательной дѣятельности правительства А. Стамболійскаго вырисовываются типичныя его черты. Земледѣльческій Союз пытаются защищать тѣм, что его законодательная дѣятельность протекала в рамках законности. Союз опирался на большинство и в интересах этого большинства проводил законы. Правительству, опирающемуся на большинство народа, нельзя отказать в демократизмѣ. Таковы доводы в защиту Стамболійскаго.

В дѣйствительности дѣло было не так: за внѣшней видимостью демократическаго образа правленія проглядывал знакомый лик «диктатуры» даже не класса, а группы вождей, говоривших и дѣйствовавших от его имени. Внѣшними атрибутами демократіи прикрывалась подлинная антидемократическая сущность власти**).

Одна особенность, уже знакомая нам в иной обстановкѣ, обнаружилась очень рано. С того момента, когда Стамболійскій оказался во главѣ однороднаго кабинета и располагал в нем послушным партійным большинством, парламент превратился в декорацію, так как фактически управлял Болгаріей «Земледѣльческій Союз». Всѣ главнѣйшія рѣшенія диктовались Земледѣльческим Союзом, и он же фактически обладал властью устраненія неугодных ему почему-либо лиц из правительства. Правительство было отвѣтственно за свои дѣйствія не столько перед парламентом, сколько перед партійной организаціей Земледѣльческаго Союза. Таким образом, наряду с писанной консти-

---

*) См. Lazard, стр. 23.

**) На защиту безусловнаго демократизма правительства А. Стамболійскаго стал, напр., Вл. Лебедев в статьѣ, напечатанной в «Волѣ Россіи» (1923 г., № 12). «А. Стамболійскій, говорит Вл. Лебедев, не пролив ни одной капли крови, превратил три года тому назад Болгарію в фактическую республику. Царь в ней царствовал, но не управлял. Президентом в этой своеобразной республикѣ являлось парламентское большинство, которое, опираясь на большинство населенія (а сельское населеніе в Болгаріи составляет 85%) и было фактически той силой, которая избирала отвѣтственныя министерства» (стр. 49). Для г. Лебедева не возникает никакого сомнѣнія в том, что «А. Стамболійскій опирался только на большинство народа, а не на вооруженную силу», хотя тут же без малѣйшаго смущенія приводит слова Стамболійскаго «в Тырновѣ мы, крестьяне, дѣйствовали привычным нам оружіем — палками». Г. Лебедев, таким образом, для Болгаріи готов признать особую форму правленія — «фактическую республику» (с царем), очевидно уразумѣв на болгарском опытѣ значеніе относительности формы правленія. Не смущает его и своеобразная форма «палочнаго демократизма», которым широко пользовался А. Стамболійскій. Для него он остается «чистым образом крестьянскаго вождя».

Мы знаем, как склонны с.-ры из «Воли Россіи» заподозрѣвать в демагогіи и антидемократизмѣ тѣх, кто стоит за необходимость созданія русской крестьянской партіи. Откуда же такое благодушное отношеніе к восхваленію «своеобразной республики» и палочнаго демократизма А. Стамболійскаго?

туціей государства создавалась конституція неписанная Земледѣльческаго Союза.

Видимость парламентскаго строя сохраняется, его существо отпадает. Ибо в партійных организаціях типа Земледѣльческаго Союза очень быстро вывѣтривается внутреннее демократическое устройство и создается власть сначала группы, а затѣм отдѣльнаго лица. Так легче всего прокладывается путь к диктатурѣ*).

При такой организаціи власти неизбѣжно устраненіе из парламента всякой оппозиціи; здѣсь не может быть рѣчи не только о коалиціи, но даже и оо оппозиціи внутри парламента. Он должен быть так же послушен, как и партія. Начинается преслѣдованіе политических врагов, сначала с соблюденіем видимости конституціонных гарантій, а затѣм примѣненіе упрощенных пріемов расправы. Борьба неизбѣжно переходит за предѣлы законодательнаго органа и направляется на политическія партіи, печать и против всякаго, кто осмѣливается имѣть свое собственное мнѣніе.

Правительство А. Стамболійскаго продѣлало весь этот путь. Начав с закона о преслѣдованіи виновников войны, посадив в тюрьму бывших министров, А. Стамболійскій быстро перешел к методам болѣе прямым — разгрому всѣх политических группировок, закрытію оппозиціонных газет, интернированію редакторов независимой печати, убійству послушными агентами особо непріятных лиц, как напр., редактора Грекова и журналиста Петкова и т. д., и т. д. Одним словом, был установлен режим террора, который напоминает худшія времена Стамбулова.

Неизбѣжный спутник власти, основанной на произволѣ — демагогія. Мы уже отмѣчали, что немало ея было скрыто в самой идеологіи Земледѣльческаго Союза. С переходом к власти демагогическіе пріемы необычайно усилились. Велась игра на непроясненном сознаніи крестьянства, натравливались деревня на город и создавалась дешевая популярность изданіем законов, ущемлявших городское населеніе. Тяжесть налогового бремени, раньше падавшая преимущественно на деревню, теперь в непропорціональной степени перегружалась на город.

Вмѣсто послѣдовательной экономической политики проводились законы, расчитанные на успѣх в темных деревенских массах. Был издан закон, который карал очень высоким штрафом, до 6 мил. лев, всякаго разбогатѣвшаго во время войны. Была об'явлена война буржуазіи, торговцам, промышленникам, банкирам, адвокатам (послѣдних почему то особенно возненавидѣл Стамболійскій), которые были отнесены в разряд «эксплоататоров крестьян». Центр

*) «Г. Стамболійскій и его сотрудники считали себя только делегатами, уполномоченными Земледѣльческаго Союза. Ежегодно, на конгрессѣ Союза, состоявшем из делегатов мѣстных отдѣлов числом до 3.000, крестьянскій союз указывал правительству детальную программу, которой по его желанію оно должно было слѣдовать. Оффиціальный орган Союза слѣдил за исполненіем этой программы и дѣлал предупрежденія министрам, дѣятельностью или недостаточным послушаніем которых он был недоволен. С своей стороны министры были вынуждены направлять в газету союза ежедневно статьи, рисующія политическое положеніе или излагающія принятыя административныя мѣры. В концѣ года правительство представляло свою отставку конгрессу и получало, при условіи выраженнаго довѣрія, новыя полномочія. Наконец, если одному из министров или отвѣтственному чиновнику вмѣнялось нарушеніе устава Союза или иная тяжелая политическая ошибка, особый Верховный Трибунал, избранный Конгрессом, назначал слѣдствіе и, призвав обвиняемаго к отвѣту, выносил безаппеляціонное рѣшеніе». (M. Lazard стр. 22).

культурной жизни Болгаріи — Софія — окрещена Садомом и Гоморрой*). и, очевидно, на нее должен был обрушиться весь гнѣв «трудового» крестьянина. Отношеніе к интеллигенціи было враждебно; мы уже имѣли случай отмѣтить, как это отрицательное отношеніе отразилось в самой идеологіи Союза. На практикѣ Земледѣльческій Союз своей демагогіей оттолкнул от себя всю городскую интеллигенцію и, почувствовав в ней своего врага, стал всячески ее притѣснять. Извѣстна та упорная борьба, которая велась в прошлом году против Софійскаго университета, в концѣ концов закрытаго правительством на шесть мѣсяцев.

Чѣм острѣе становилась борьба, тѣм стѣснительнѣе были даже внѣшнія формы демократизма, которыя прикрывали произвол. Все громче раздавались в средѣ руководителей Союза голоса, требовавшіе перехода к «диктатурѣ» крестьянства. Появились и первыя ласточки новаго курса.

Послѣдніе выборы прошли в обстановкѣ, заранѣе гарантировавшей успѣх правительственной партіи. Уже до выборов А. Стамболійскій жаловался, что пропорціональная система выборов не дает правильнаго отраженія настроенія страны. Были внесены коррективы, приведшіе к блестящим результатам. При 53% полученных голосов, депутатов земледѣльческаго Союза оказалось 93%. Получился необычайно однородный парламент, ставовившійся лишним при законодательном органѣ — Конгрессѣ Земледѣльческаго Союза.

Вопрос о диктатурѣ крестьянской партіи ставился уже в порядок дня. Вот как описывает наблюдатель политическую жизнь Болгаріи в 1922 г.: «Атмосфера политической жизни Софіи насыщена диктатурой. Это слово у всѣх на устах. Разница между правящей партіей и оппозиціей лишь та, что послѣдняя говорит о диктатурѣ, как уже существующей, в то время, как земледѣльцы угрожают ея введеніем»**).

Насколько остро стоял в Болгаріи вопрос о диктатурѣ видно по Конгрессу Союза земледѣльцев 28—31 мая 1922 г. Мы о нем сообщим ниже. Как всегда оправданіе диктатуры обосновывается подготовкой переворота враждебными новому строю группами. Конечно, говорится не о диктатурѣ лица, а партіи, к тому же имѣющей за собой абсолютное большинство населенія. Диктатура же большинства в сущности несовсѣм диктатура, а волеиз'явленіе этого большинства... Такова несложная концепція новой идеологіи руководителей Земледѣльческаго Союза.

Для того, чтобы показать, насколько далеко группа Стамболійскаго ушла от первоначальной программы Земледѣльческаго Союза, я приведу нѣсколько мѣст из рѣчи Стамболійскаго и одной статьи Цанко Бакалова:

Вот каким языком А. Стамболійскій разговаривал со своими политическими противниками: «Столица — наш злѣйшій противник; это центр торгашей и партійных штабов, которые преисполнены к нам непримиримой ненависти. Совы, основавшія черный блок и разрушившія Болгарію, упорхнули. Онѣ боялись быть задушенными или уничтоженными Конгрессом. Нѣт, мы можем их успокоить. Если бы мы желали их уничтожить, мы смогли их добыть, не прибѣгая к Конгрессу. Для этого было достаточно удара кулака. Не слѣдует забывать, что Софія в большинствѣ населена рабочими, людьми труда, которые входят в свои профессіональныя организаціи: не об этом населеніи наша рѣчь. Мы ожесточены против города стяжателей и преступной олигархіи, ко-

*) См. рѣчь А. Стамболійскаго, 28 мая 1922 г. на конгрессѣ Земледѣльческаго Союза.

**) M. Lazard, стр. 22.

торые придают Софіи вид Содома и Гоморры. Партійные штабы стяжателей, замышляющіе переворот, не должны никогда забывать, что мы готовы к защитѣ против них. С этой минуты, крѣпость торгашей и стяжателей подвергнута карантину, ибо она представляет опасность, она впала в безуміе. С этого дня вы должны быть готовы сбѣжаться по первому сигналу, дабы встрѣтить достойно противников. Изо всѣх наших сил мы будем противиться их нападеніям, их угрозам и их покушеніям на перевороты*).

Еще показательнѣй в этом отношеніи одна из статей Цанко Бакалова, поставившаго вопрос о диктатурѣ крестьянства ребром. В ней он, между прочим говорит: «Диктатура крестьян! Она ужасна, как всякій вид диктатуры, ибо она отнимает часть благ, которыя дает современное государство. Но вина ли крестьян земледѣльцев, обладающих этой землей, удобряющих денно и нощно свою почву, если приверженцы «правой» и «лѣвой» не желают признать права этих хозяев земли на преобразованія государства сообразно своим интересам и устроеніе такого порядка и способа управленія, которые соотвѣтствовали бы их представленіям и духу новаго времени.

Если горсточка городских рабочих, не обладая ни одной десятиной земли, ни крышей, под которой можно найти убѣжище, мечтает о пролетарской диктатурѣ, чтобы навязать огромному большинству мелких собственников и ремесленников свои концепции, вытекающія из их экономическаго положенія, и чтобы преобразовать государство согласно своим интересам пролетарія, почему земледѣльцы, обладающіе всѣм и работой своей создающіе все, почему они не имѣют права, за неимѣніем другого выхода, вынудить путем диктатуры крестьян преобразованіе и измѣненіе государства соотвѣтственно своему пониманію и своим интересам? Нѣт! Теперь, когда прежнія соціальныя реформы и старыя идеи об управленіи и строѣ сильно потрясены, когда законы и традиціи колеблются под напором новаго духа времени, было бы преступленіем со стороны организаціи столь могущественной, как Болгарскій Земледѣльческій Союз, пытаться путем палліативов насадить свое пониманіе в пустыя головы политиков и измѣнить при помощи изуродованных послѣдними законов политическую и экономическую жизнь, столь расшатанную неспособными правительствами. Рѣшительная чистка гнойников, оставленных старым режимом и разрыв с устарѣлыми пріемами управленія гарбаджіев и адвокатов, возстановленіе и преобразованіе разрушеннаго механизма управленія не может быть выполнено законными полумѣрами, а это вынуждено дѣлать теперешнее правительство под давленіем «правых» и «лѣвых». Потомство сурово осудит нас, если мы теперь, когда власть в наших руках, не будем ковать желѣзо пока оно горячо и не вырѣжем язвы, раз'ѣдающія тѣло Болгаріи»**).

Послѣ подобнаго рода рѣчей отвѣтственных руководителей Союза не представится неожиданным постановленіе Конгресса 28—31 мая 1922 г., говорящее о диктатурѣ, как об очередном вопросѣ политической жизни.

Это постановленіе гласит:

«Конгресс единогласно постановляет, что в случаѣ покушенія его политических противников на государственный переворот или убійства одного из министров, немедленно вводится диктатура крестьян и в видѣ репрессивной мѣры преступные заговорщики будут казнены***).

---

*) Из рѣчи А. Стамболійскаго при открытіи Конгресса Земледѣльческаго Союза, 28 мая 1922. См. Lazard, стр. 123.

**) Из рѣчи Цанко Бакалова на Конгрессѣ 1921 г. Lazard, 126.

***) См. Lazard, стр. 126.

Мы уже знаем, какое значеніе имѣл в Болгаріи Конгресс Земледѣльческаго Союза. Его постановленіе было равносильно закону. С этого момента угроза диктатуры повисла над страной. Очевидно шла усиленная подготовка к проведенію в жизнь новаго тезиса главарей Союза: кто не работает, тот не участвует в государственной жизни страны, тот лишается избирательных прав. Недурно освѣдомленный корреспондент «Наканунѣ» в статьѣ, писанной до переворота, вскрыл нѣкоторые подготовительные шаги готовящагося переворота. Он сообщал:

В нѣдрах Земледѣльческаго Союза, что тщательно обходится молчаніем в земледѣльческой оффиціальной литературѣ, возникла организація, неразрывно с ним связанная, больше того, рожденная его идеологіей, руководимая наиболѣе популярными и энергичными лидерами земледѣльческаго движенія, *организація «сельской диктатуры»*. Задачи этой организаціи, поскольку можно судить по данным оппозиціонной печати и из разговоров с различными политическими дѣятелями, сводится к тому, чтобы организовать на мѣстах кадры «сдруженых земледѣльцев», т. е. организованных в Земл. Союз, готовых в любую минуту, по указанію из центра, одновременно по всей странѣ смѣнить существующіе «кметства» (мѣстныя власти) и образовать мѣстные совѣты, власть в которых будет принадлежать исключительно трудовым, земледѣльческим организованным массам. Для поддержки этих стремленій к совѣтизаціи мѣстнаго управленія организована т. н. «оранжевая» (цвѣт земледѣльцев) гвардія», состоящая исключительно из «сдруженных земледѣльцев», представляющая из себя, таким образом, зачатки классовой арміи *).

В нашу задачу не входило установленіе непосредственных причин, приведших к перевороту, но в ряду этих причин, думается нам, подготовка диктатуры играла едва ли не главную роль. Для нас было существенным вскрыть процесс перехода Земледѣльческаго Союза под водительством А. Стамболійскаго от парламентаризма к диктатурѣ.

Никто не станет отрицать значенія Земледѣльческаго Союза в жизни Болгаріи. Как бы не сложились дальнѣйшія ея судьбы, организованное крестьянство будет играть в политической жизни Болгаріи большую роль.

Путь, по которому пошло крестьянское движеніе, был ошибочным и привел к катастрофѣ. Но слишком поспѣшно заключают тѣ, кто думает, что паденіе правительства А. Стамболійскаго знаменует и уход с политической арены организованнаго крестьянства.

Оно оправится и учтет происшедшій опыт **).

А. Омельянов.

---

*) Ксандров «Настроенія Земледѣльческой Болгаріи» (Письмо из Софіи). «Наканунѣ», 20 іюня 1923 г. Эти данныя подтверждает отчасти и Евг. Жуков, корреспондент «Руля» (20. VI. 1923).

**) Вопрос о политикѣ современной власти в Болгаріи мы оставим в сторонѣ — в данной статьѣ он нас не интересовал. Считаем нужным, однако, отмѣтить, что критическій анализ идеологіи и тактики Болг. Нар. Зем. Союза, когда он стоял у власти, вовсе не означает пріятія нами политики, которую проводит кабинет Цанкова. Мы весьма далеки от солидаризированія с нею.

„СОЮЗ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВ“ В ЮГОСЛАВІИ.

Союз земледѣльцев или «Савез земљерадника» (по сербски) это классовая крестьянская партія Югославіи, возникшая и имѣющая главную опору в Сербіи. Кромѣ Сербіи, ея вліяніе в различной степени распространяется на всѣ области, за исключеніем Словеніи, гдѣ существует «самостіјна кметійска партія», два года тому назад оторвавшаяся от Союза Земледѣльцев, и кромѣ Хорватіи, гдѣ успѣшному распространенію вліянія Союза Земледѣльцев препятствует «Хорватская Крестьянская Республиканская Партія» Радича.

Югославія — типичная крестьянская страна, особенно в таких ея областях, как Сербія, Черногорія, Боснія-Герцоговина. Крестьянство является главнѣйшим источником ея богатства и силы. До міровой войны у крестьян не было, однако, сознанія своего значенія и они не чувствовали себя отдѣльным классом. Прежнія выступленія крестьянства были выступленіями всей націи, так как почти вся нація состояла из крестьян; даже и теперь можно сказать почти про каждаго горожанина, что он «вышел из опанка» *). Не заходя в далекое прошлое, достаточно напомнить о нѣкоторых событіях, начиная с 19 вѣка.

Революція 1804-1815 года, которая увѣнчалась освобожденіем Сербіи от турецкаго ига, была дѣлом одних крестьян; это была не только національная, но и соціальная, аграрная рволюція. Невыносимое состояніе сербских мужиков под разлагающейся турецкой властью достигло своего апогея, и они, как один человѣк, поднялись против своих поработителей.

Такія же національно-аграрныя возстанія были и в Босніи-Герцоговинѣ в теченіи 19 столѣтія. Послѣдній раз в 1875-78 г. боснійско-герцоговинскій «кмет» пытался стряхнуть турецкое ярмо, чтобы в объединеніи с Сербіей, добиться національно-политическаго и экономическаго освобожденія. Революція 1848 г. дала толчек возстанію сербов-батраков в Южной Венгріи против феодальнаго господства мадьярских «немешей». В болѣе позднюю эпоху, в 1910 г., крестьяне боснійской Крайны возстали под предводительством сербскаго писателя и національнаго борца Петра Кочича, требуя радикальной аграрной реформы, которую провести торжественно обѣщала Австро-Венгрія, получив на Берлинском конгрессѣ мандат на оккупацію Босніи-Герцоговины.

Но всѣ эти крестьянскія возстанія были движеніями стихійнаго характера, без элементов классовой политической организаціи, хотя в послѣднем случаѣ возстаніе кончилось политическим успѣхом — автономным сеймом Босніи-Герцоговины, в который вошла группа (из 5 депутатов) Кочича.

*) Опанок, національная сербская обувь, кожаный лапоть.

Первый случай организаціи крестьян в политическую партію встрѣчаем в Сербіи, гдѣ в 1904 г. была основана «Селячка Слога», т. е. «Крестьянское Согласіе», возникшая в сѣверо-западной части Сербіи, гдѣ крестьяне культурно и политически развиты болѣе других. Эта партія просуществовала очень недолго. Туманныя чаянія крестьян тогда еще не нашли себѣ точнаго выраженія ни в программѣ, ни в лицах, возглавлявших партію. На выборах 1905 года, партія получила одного депутата, деревенскаго кулака, и потом угасла.

ИСТОРІЯ СОЮЗА. Великая міровая война совершила цѣлую духовную революцію в міровоззрѣніи и требованіях крестьянства Югославіи, как и в других странах. В теченіи войны, крестьяне, как бойцы и военноплѣнные, побывали вездѣ — от Индійскаго до Сѣвернаго Ледовитаго и от Атлантическаго до Тихаго океанов. Они познакомились с землями, народами и порядками всѣх континентов. Они сравнивали и дѣлали неизбѣжные выводы. У крестьян расширился горизонт, и они стали сознавать себя как могучую соціальную силу, как особый класс.

Уже на салоникском фронтѣ, сидя без дѣла в окопах и разсуждая об удачах и неудачах войны, солдаты-крестьяне говорили, что по возвращеніи домой придется покинуть всѣ городскія партіи и основать свою, крестьянскую. По окончаніи войны, в теченіи 1919 года, велись переговоры между видными крестьянами отдѣльных округов и нѣкоторыми интеллигентами в Бѣлградѣ, результатом которых была конференція 12 октября 1919 года в селѣ «Великой Планѣ», на которой был основан «Союз земледѣльцев» — классовая политическая партія *).

Немного раньше, в августѣ того же года, возникла крестьянская организація в Босніи-Герцоговинѣ, первоначально аполитическая, единственно с цѣлью ускорить рѣшеніе аграрнаго вопроса. В іюнѣ 1920 года она превратилась в политическую партію и присоединилась к Союзу Земледѣльцев, приняв его программу.

В Далмаціи еще во время войны организовались «Тежачке Слоге», т. е. «Крестьянскія Согласія»; это были потребительскія общества для снабженія крестьян в тяжелую минуту войны хлѣбом и другими предметами, необходимыми для жизни и работы. В 1920 году, благодаря политическому вліянію, которое оказывал Союз земледѣльцев на крестьянскія массы, далматинскій «Тежачки Савез» вступил в С. З., приняв участіе на 1-ом Конгрессѣ в Бѣлградѣ (1-2 августа 1920 г.). Усвоив программу С. З., он превратился в политическую организацію и в качествѣ таковой выступил на выборах в Конституанту, 28 ноября 1920 года.

В Словеніи, нѣсколько раньше С. З. в Сербіи, лѣтом 1919 года основалась «Самостійна Кметска Странка», как политическая партія; она приняла участіе на конгрессѣ объединенія и послала своих депутатов в Земледѣльческій Клуб Скупщины, но окончательнаго объединенія с С. З. не провела. А когда при голосованіи Конституціи словенскіе кметійскіе депутаты вышли из клу-

---

*) Во главѣ этого движенія стоял Михаил Аврамович, иниціатор и организатор коопераціи в Сербіи, управляющій Союзом Сельскохозяйственных Кооперативов в Бѣлградѣ. Осенью 1922 г. он отказался от участія в партіи и вернулся в союз кооперативов на свой прежній пост.

ба, тогда и всѣ связи между С. З. и С. К. С. были прерваны и каждая из этих партій живут нынѣ самостоятельно.

В Хорватіи, рядом с «Хорватской Крестьянской Республиканской Партіей» Радича существовал с 1920 г. «Селячки Савез» д-ра Поляка, управляющаго Хорватско-Словонскаго Хозяйственнаго Общества. Этот Союз только на выборах 1920 г. выступил, как политическая партія с программой, похожей на программу С. З. Он не имѣл успѣха и послѣ выборов раскололся Одна часть его вступила в С. З. В Войводинѣ со Сремом (самой восточной частью Хорватіи). С. З. распространялся непосредственно из Бѣлграда.

1-2 августа 1920 г. состоялся в Бѣлградѣ I Конгресс С. З. Это был конгресс объединенія, так как на нем всѣ отдѣльные крестьянскіе потоки слились в одну мощную рѣку. Объединеніе стимулировалось предстоящей избирательной кампаніей в Конституанту. Эти выборы явились первой генеральной пробой для крестьянских организацій. Проба вышла удачной: хотя выборная компанія не вездѣ была проведена организованно, С. З. получил, однако, 38 мандатов: в Сербіи 14, в Босніи-Герцоговинѣ 12, в Далмаціи 3, в Словеніи 8, в Войводинѣ 1.

Такой неожиданный успѣх без достаточной предшествующей подготовки не мог остаться без послѣдствій: депутатами были избраны люди не совсѣм вѣрные программѣ, а кметійцы из Словеніи были настроены опортунистически и оказались слишком «реальными» политиками. Появились разногласія, а потом раскол. Началось с вопроса о голосованіи конституціи. Словенцы не захотѣли подчиниться воли большинства клуба, подали голоса за Конституцію, послали своего члена в коалиціонное правительство Пашича (кромѣ того д-р Вошняк был назначен послом в Прагу) и покинули Клуб. По этой же причинѣ вышли или были исключены из Клуба еще 5 депутатов. Число членов Клуба с 38 упало до 25. Осенью 1922 г. начался разлад в партіи из-за мѣста очередного Конгресса. Почти весь Клуб и большинство Главнаго Исполнительнаго Комитета, согласно желанію предшествующаго Конгресса, высказались за Бонялуку в Босніи, но главный секретарь партіи М. Комадинич и организація Войводины высказались сначала за одно из мѣст Войводины, а потом за Бѣлград. На сторону Комадинича стал и М. Аврамович с одним депутатом. В концѣ концов огромное большинство организацій было представлено на Конгрессѣ, состоявшемся в Банялукѣ; Комадинич же инсценировал свой конгресс, но не в Бѣлградѣ, а в Великой Планѣ — колыбели партіи *).

Во время послѣдних выборов в Скупщину Союз земледѣльцев выставил кандидатуру в 35 избирательных округах и получил почти 160.000 голосов, но только 10 депутатов, тогда как на выборах в Конституанту число голосов Союза земледѣльцев было 118.000 и число депутатов 30 (без словенских кметійцев). Причина такого уменьшенія депутатов в том, 1. что уменьшено было общее число депутатов Парламента, 2. что новый избирательный закон благопріятствует большим партіям, и 3. в религіозно-національном характерѣ избирательной компаніи. Несправедливость закона лучше всего доказывается тѣм фактом, что С. З. в Сербіи на 60.000 голосов получил только 2 депутатов (на выборах в Конституанту на 46.000 голосов 14 депутатов), тогда как Ра-

---

*) Клуб дѣлал всевозможныя попытки удержать М. Аврамовича в своей средѣ, но без успѣха. Он связал свою судьбу с Комадиничем, превосходным агитатором и журналистом, но плохим организатором, и безвозвратно погиб для политической дѣятельности в рядах крестьянских организацій.

дич в Далмаціи на 27.000 голосов получил 7 депутатов. Непропорціональность представительства видна из слѣдующаго сопоставленія: у радикалов один депутат приходится на 5.000 голосов, у Радича на 6.000, у клерикалов на 5.500, а у Союза земледѣльцев на 16.000.

Хотя С. З. из послѣдних выборов вышел с уменьшенным числом депутатов, все таки это не уменьшило вліянія партіи в крестьянствѣ. Плохая дѣятельность радикальнаго правительства и введеніе новых податей, тяжесть которых падает главным образом на крестьян (повышеніе податей на крестьян до 500%, на всѣ остальныя групы лишь 30%), вызывают недовольство широких масс, углубляя и укрѣпляя классовое самосознаніе крестьян. Организаціи С. З. возникают и там, гдѣ их раньше совсѣм не было. Это особенно относится к Черногоріи и Войводинѣ, гдѣ крестьянское движеніе растет и вглубь и вширь и гдѣ цѣлыя деревни переходят в партію.

Шансы на будущее очень хорошіе и с полной увѣренностью можно сказать, что из слѣдующих выборов С. З. выйдет усилившимся.

ИДЕОЛОГІЯ. Послѣ войны капитализм в Югославіи начал сильно развиваться, особенно в формѣ банков, которые стараются подчинить себѣ всѣ отрасли хозяйственной жизни страны. Никогда до войны капитализм не был столь экспансивен, столь спекулянтски алчен, как в послѣвоенную эпоху. А так как Югославія сельскохозяйственная страна, с небольшим процентом городских рабочих, которые хорошо организованы и сравнительно защищены законами от эксплоатаціи, то капитал бросился со всей силой на самый многочисленный, но самый непросвѣщенный и менѣе всѣх организованный класс, — на крестьян. Крестьянин и раньше был экономически не развит, культурно отстал, соціально забыт, и теперь ему грозит еще большая опасность перед лицом капиталистической эксплоатаціи.

Союз земледѣльцев выдвигает задачу спасенія крестьянства от эксплоатаціи капитала и созданія таких условій, при которых оно, как самый многочисленный, самый продуктивный и самый здоровый слой, организовало бы новое общество без соціальных революцій и диктатур. Задачу эту С. З. думает осуществить, поднимая крестьянина экономически, культурно и соціально, чтобы таким образом сдѣлать его субъектом общественной жизни, которой он до сих пор был только объектом. Главное средство — кооперація, но она же и главная цѣль. Это та идеальная форма соціальнаго строя, которая сдѣлает невозможной и капиталистическую эксплоатацію, и вредные коммунистическіе эксперименты. Ось идеологіи С. З. поэтому *кооперація*: через нее он думает поднять деревню и крестьянина, ее он стремится ввести во всѣ отрасли общественной жизни и дѣятельности, чтобы таким путем осуществить конечную цѣль — *кооперативное государство.*

Этой цѣли можно достигнуть двояким путем: или активной пропагандой кооператизма, который экономически укрѣпит и культурно подымет крестьянство и тѣм приспособит его духовно и матеріально, чтобы он мог в данный момент замѣнить капиталистическій строй кооперативным; или же путем организаціи спеціально крестьянской политической партіи, чтобы крестьянин взял политическую власть в свои руки и с помощью ея содѣйствовал развитію кооперадіи, до полной замѣны ею капитализма. С. З. считает, что для осуществленія своих идеалов надо итти и тѣм и другим путем па-

раллельно, так как опыт соціалистических партій других стран показывает, что экономическія организаціи гораздо успѣшнѣе можно осуществить с помощью политической партіи, а с другой стороны, политическія организаціи не могут итти вперед без экономической базы, без поднятія культурнаго уровня и политическаго воспитанія масс, что возможно осуществить только через кооперацію. Только таким образом будут приготовлены об'ективныя условія для захвата крестьянством экономической и политической власти, так что оно станет настоящим носителем исторической и общественной жизни.

С. З. признает частную собственность, но в ограниченном видѣ: поскольку она не служит цѣлям эксплоатаціи другого. § 100 проекта Конституціи Земледѣльческо Клуба гласит: «собственность признается в принципѣ. Но имѣющій имущество движимое или недвижимое обязан не употреблять его к ущербу общества». Земля считается средством производства, а не средством торговли и спекуляціи, и она должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает. Кооперація служит как корректив капитализма, она должна примирить индивидуализм и коллективизм.

С. З. против нынѣшняго так назыв. парламентаризма, который является поддѣлкой под истинный демократизм, ибо за ним прячется олигархія и даже охлократія. С. З. за полное народовластіе, которое можно осуществить только через профессіональный парламент со связанными мандатами. Только таким образом всѣ профессіи, всѣ слои общества были бы представлены пропорціонально своей силѣ. Конкретнаго проекта профессіональнаго парламента С. З. еще не выреботал.

Что касается формы государства, для С. З. этот вопрос второстепеннаго значенія, ибо он считает, что в общественном и государственном строѣ главное — содержаніе, а не форма. Правда, кооператизм и полное народовластіе, которые ставит С. З., логически ведут к республикѣ, но считаясь с обстоятельствами и настроеніем крестьянских масс, С. З. в Конституантѣ высказался за монархію. § 1 проекта Конституціи С. З. гласит: «Югославянская Держава Сербов, Хорватов и Словенцев — политическое, хозяйственное и культурное единство. Во главѣ ея стоит король. Он правит по волѣ народа, соотвѣтственно предписаніям этой Конституціи, через правительство, народом избранное и перед ним отвѣтственное».

ПРОГРАММА. *Представительство и правительство.* С. З. требует полнаго народовластія, не только политическую, но и хозяйственную демократію, потому что политическое народовластіе может быть прочным, только покоясь на хозяйственном господствѣ народа, и, наоборот, хозяйственное господство народа возможно только при политической власти его.

С. З. требует профессіональный парламент. Избирательное право должно быть общее, равное и тайное; С. З. настаивает, чтобы и женщины получили избирательное право. Депутаты отвѣтственны перед своими избирателями, которыми могут быть отозваны. Парламент однопалатный.

По проекту Конституціи С. З. исполнительную власть несет Народное Правительство, предсѣдателя котораго выбирает парламент на 2 года и который должен быть из числа депутатов. Остальные министры должны быть спеціалистами, но не членами парламента и их отвѣтственность такая же, как и других чиновников.

С. З. сторонник государственнаго унитаризма: он требует один парламент, одно законодательство, но рядом с этим широкое самоуправленіе волостей, уѣздов и областей.

Народное хозяйство. С. З. стоит за осуществленіе хозяйственной демократіи, при которой каждый будет пользоваться полным продуктом своего труда. С. З. считает труд обязанностью каждаго гражданина и не будет терпѣть лѣнтяев и паразитов, которые живут трудом других. Хозяйственная демократія осуществима постепенной замѣной капиталистических учрежденій такими, которыя полезны всему обществу. Это — кооперативы и синдикаты.

В коопераціи видит С. З. форму будущаго устройства общества и принцип, на основѣ котораго может быть разрѣшено большинство общественных проблем. И государство, и самоуправляющіяся части должны стремиться к развитію коопераціи, предпочитая ее всѣм формам, основанным на капиталистических началах. Обученіе коопераціи должно быть проведено через всѣ школы.

Земля и сельское хозяйство. Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает и на ней постоянно живет. Каждаго земледѣльца слѣдует надѣлить достаточным количеством земли. Нигдѣ не должны существовать феодальныя и др. арендныя отношенія. Земля отнимается у тѣх, кто держит ее непроизводительно. Закон должен установить максимум землевладѣнія. Систематической колонизацией на кооперативных началах производительность земледѣлія должна быть поднята.

Земледѣліе, как основа всего народнаго хозяйства, должно стоять на высотѣ всѣх научных и технических знаній и изобрѣтеній. Главная цѣль содѣйствія сельскому хозяйству — повышеніе и удешевленіе продукціи. Это будет возможно осуществить: меліораціей почвы, кадастром, раздѣленіем крупных землевладѣній, колонизаціей, развитіем технической подготовки у крестьян, путем учрежденія сельско-хозяйственных школ всѣх видов, школ для хозяек, организаціи ветеринарных курсов, спеціальных курсов, лекцій, практических опытов, сельско-хозяйственных выставок, экскурсій; литературой, библіотеками и читальнями; развитіем коопераціи, организаціей и защитой распредѣленія, хорошей сѣтью путей сообщенія, постройкой элеваторов; страхованіем посѣвов от града, засухи, наводненія и других стихійных бѣдствій, а также и вредителей

Промышленность. Домашнюю промышленность и ремесла, служащія сельскому хозяйству, слѣдует развивать в деревнях на кооперативных началах, для этого надо открывать школы, дающія техническое образованіе. Фабричная промышленность должна быть под непосредственным контролем правительства; если она обрабатывает продукты сельскаго хозяйства (с.-х. промышленность), она организуется на кооперативных началах и крестьяне имѣют право контроля над нею.

Рабочій вопрос. С. З. считает, что рабочій вопрос не сводится только к установленію рабочаго времени и величины заработной платы, и еще меньше к дешевизнѣ с'ѣстных припасов, так как это равносильно дешевой поденной платѣ земледѣльца. С. З. находит, что задача в участіи рабочих не только в работѣ, но и в результатах предпріятія. Поэтому он требовал в своем проектѣ Конституціи соціализаціи предпріятій, права контроля рабочих организацій над предпріятіями и обязательнаго участія рабочих в прибыли, а также созданія для рабочих всѣх хозяйственных, гигіенических и куль-

турных условій, необходимых для их физическаго и моральнаго здоровья и благополучія.

Финансовая политика. С. З. выставляет требованіе подоходно-прогрессивнаго налога и отмѣны всѣх косвенных налогов, особенно пошлин на сельскохозяйственные продукты и потребности, монополіи на соль, керосин и введенія монополіи на предметы роскоши.

Пути сообщенія всѣх видов должны принадлежать государству.

Народное просвѣщеніе. С. З. требует, чтобы всѣми средствами осуществлялось общенародное просвѣщеніе, причем обученіе и воспитаніе должны быть приспособляемыми к соціальному и политическому укладу, требованіям жизни и времени. Основное школьное образованіе, обязательное для всѣх лиц обоих полов, должно быть приспособлено к средѣ и потребности края. Учрежденіе школ для взрослых и неграмотных, изданіе поучительных книг, открытіе библіотек и читален, устройство лекцій и т. п.

Вѣра. Религіозное убѣжденіе — частное дѣло, но свобода вѣроисповѣданія гарантируется законом. Всѣ вѣроисповѣданія равноправны, но духовная власть не должна преслѣдовать политических цѣлей. Надо стремиться к об'единенію всѣх церквей в одну народную церковь.

Правосудіе. Суд присяжных должен быть введен во всѣ гражданскіе и уголовные споры, а также и суд добрых людей (третейскій). Защита перед судом безплатна; адвокаты — чиновники; невинно осужденные и арестованные должны получить вознагражденіе. Уничтожаются духовные и военные суды, смертная казнь отмѣняется.

ПОЗИЦІЯ СОЮЗА В ВАЖНѢЙШИХ ОЧЕРЕДНЫХ ВОПРОСАХ. Главная задача Югославіи послѣ ея об'единенія была в выработкѣ Конституціи, которая должна была цементировать государство в его новом составѣ и заложить прочный фундамент для его дальнѣйшей жизни.

С. З. со своими 38 депутатами, первый раз приняв участіе в законодательной работѣ, предложил свой проект Конституціи, в котором попробовал провести свои идеи. При этом он считался не только со своими узко-классовыми, но и общенаціональными интересами. Поэтому он высказался против строгаго централизма, но и против автономій в исторических границах, установленных не потребностями края, а волей завоевателей и исходом разных войн. С. З. требовал широкаго самоуправленія в областях, выдѣленных на основаніи географических, экономических и коммуникаціонных условій. Когда в началѣ 1921 г. Пашич предложил Земледѣльческому Клубу войти в его правительство, Клуб принципіально был против этого, но по политическим соображеніям пред'явил свои требованія, состоящія из 24 пунктов; а именно: 1) полный суверенитет Парламента, 2) національное единство, 3) унификація законодательства, 4) парламентарная конституціонная монархія, 5) профессіональный парламент, 6) связанный мандат, 7) отвѣтственность министров, 8) обезпеченіе и отвѣтственность чиновников, 9) безплатный суд, 10) защита на судѣ — общественная функція и безплатна, 11) отмѣна духовных и военных судов, 12) переход полиціи в руки самоуправленій, 13) реорганизація воинской повинности; она должна стать высшей народной школой, 14) врачебная и больничная помощь и лекарства должны быть безплатными, 15) реорганизація школьнаго дѣла так, чтобы каждая профессія получала общее и техническое образованіе, 16) вѣра — частное дѣло каждаго человѣка, 17) уничтоженіе привиллегій городов за счет дерев-

ни. 18) аграрная реформа в духѣ программы С. З., 19) обязательное содѣйствіе кооперацін со стороны государства, 20) всесторонняя помощь сельскому хозяйству, как главной отрасли народнаго хозяйства, 21) развитіе путей сообщенія, согласно требованіям главных отраслей народнаго хозяйства, 22) забота об инвалидах и сиротах погибших воинов, 23) принцип подоходно-прогрессивнаго обложенія, 24) соціализація всѣх предпріятій, созрѣвших для этого.

Так как Пашич не принял этих условій, Клуб стал в энергичную оппозицію. Перед голосованіем Конституціи Пашич, опасаясь, что он не будет имѣть большинства, опять пригласил Клуб С. З. принять участіе в правительствѣ. Предложеніе было снова отклонено. Клуб обѣщал, однако, голосовать за Конституцію в случаѣ опасности ея провала, но под условіем принятія правительством трех требованій: 1) обезпеченіе радикальнаго рѣшенія Конституціей аграрнаго вопроса; 2) законодательная власть правительства должна быть ограничена и поставлена под контроль парламента; 3) раздѣленіе на области должно быть проведено согласно географическо-экономическим принципам, не взирая на историческія границы.

Пашичу интересно было привлечь к себѣ мусульманских депутатов Босніи и расщепить земледѣльческій Клуб, в чем он и успѣл: мусульмане голосовали за Конституцію цѣною 255 милліонов динар, которые получили, как вознагражденіе за свои феодальныя владѣнія, а из З. Клуба вышли словенцы, которые за это получили министерство Сельскаго Хозяйства и посольство в Прагѣ. Депутаты Союза Земледѣльцев голосовали против Конституціи, за что радикалами и демократами были об'явлены антигосударственным элементом и «зелеными коммунистами». Все-таки, благодаря их усиліям, вошел в Конституцію цѣлый отдѣл, содержащій соціальныя и экономическія требованія.

Когда по случаю покушенія на жизнь регента Александра и убійства Министра Внутренних Дѣл Драшковича правительство преподнесло парламенту законопроект о защитѣ государства, которым воспрещается коммунистическая партія, а мандаты ея депутатов уничтожаются, З. Клуб голосовал за этот закон, но высказался против уничтоженія мандатов без рѣшенія суда. Надо имѣть в виду, что присутствовавшее на этом внѣочередном засѣданіи парламента меньшинство Клуба — почти исключительно крестьяне — опасались как бы непосредственно послѣ голосованія против Конституціи и коммунистических покушеній на жизнь Регента, политическіе противники не сумѣли убѣдить народ, что С. З. это дѣйствительно скрытые коммунисты, ибо голосовали вмѣстѣ с ними против Конституціи, а теперь их защищают.

В вопросѣ аграрной реформы С. З. занял энергичную и непоколебимую позицію, требуя и в парламентѣ и на своих Конгрессах и митингах его радикальнаго рѣшенія. Эти требованія формулированы в пректѣ Конституціи, в интерпелляціях, в законопроектѣ об измѣненіи Высочайшаго Повелѣнія о «бетлуках» в Босніи-Герцоговинѣ и в законопроектѣ о прекращеніи аграрных споров в Далмаціи. По поводу аграрных безпорядков 1921 г. в Далмаціи Земледѣльческій Клуб энергично заступился за крестьян и ѣздил на мѣста. Но всѣ усилія остались без успѣха, так как правительство приняло сторону крупнаго землевладѣнія.

Что касается хорватскаго вопроса, С. З. с перваго дня занял опредѣленную позицію, которой держался послѣдовательно. Считая, что сербы, хорваты и словенцы один народ с тождественными интересами, С. З. полагал, что

они должны имѣть и одно государство, так организованное, чтобы различія, созданныя столѣтіями отдѣльной жизни, смягчились. Только земледѣльцы, как фундамент государства, могут осуществить полное національное объединеніе. Резолюція Конгресса в Банялукѣ от 27—29 ноября 1921 г. так выражается о хорватском вопросѣ:

«С. З. заявляет, что хорватскій вопрос будет рѣшен только учрежденіем земледѣльческаго кооперативнаго государства, в котором будет невозможна всякая гегемонія племени и вѣры. Осуждая теперешній насильственный режим, С. З. сожалѣет, что большая часть хорватских крестьян, находясь столь долгое время внѣ парламента, ослабляет силу крестьянской оппозиціи теперешнему режиму, особенно в настоящій момент, когда угнетенным земледѣльцам Далмаціи и Босніи-Герцоговины так нужно полное содѣйствіе всѣх их братьев, и желает как можно скорѣе видѣть в парламентѣ всѣх хорватских крестьян, в тѣсном братском единствѣ с сербскими и словенскими крестьянами, собранными под всекрестьянское знамя, без различія вѣры и племени, ибо непоколебимо вѣрит, что только в братском согласіи и единствѣ крестьянскаго движенія во всем государствѣ заключается спасеніе всѣх крестьян и всей страны».

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦІЯ. С. З. работает для пропаганды своей идеологіи и осуществленія своей программы двояко: непосредственно — учрежденіем и дѣятельностью своих организацій и посредственно — путем содѣйствія кооперации и различной просвѣтительно-культурной работой. С. З. — сторонник легальной и парламентарной борьбы, но противник всякой коалиціи с капиталистическими партіями. Он может согласиться на болѣе близкую политическую кооперацію только с соціалистами. До сих пор он от этого ни разу не отступил.

Главная дѣятельность С. З. состоит в работѣ в народѣ, в учрежденіи организацій на мѣстах. Основная единица С. З. — это «*Сельское Вѣче*», задача котораго сконцентрировать в себѣ всю политическую и культурную жизнь деревни. От него должна итти иниціатива всякаго культурнаго, экономическаго и вообще соціальнаго прогресса деревни. Сельское Вѣче старается разбудить и сохранить классовый интерес крестьян, объединяя послѣдних для самозащиты от эксплоатаціи капитала и партійности. Оно контролирует дѣятельность и жизнь каждаго в деревнѣ, стремясь внѣдрить основную идею: *труд на пользу общества.*

Каждое Сельское Вѣче имѣет исполнительный и агитаціонный комитет. Каждый член вѣча обязан платить членскій взнос и имѣть членскій билет. Всѣ члены сельских вѣч одного уѣзда составляют *уѣздное вѣче,* которое тоже имѣет свои исполнительный и агитаціонный комитеты. Делегаты сельских вѣч (на 250 членов один) составляют *областное (окружное) вѣче,* состоящее из исполнительнаго и агитаціоннаго комитета. Верховная инстанція партіи — это *Конгресс,* состоящій из уполномоченных делегатов сельских вѣч и исполнительных комитетов уѣздных и областных вѣч. Очередные конгрессы собираются осенью каждаго года. Конгресс обсуждает программу и статут партіи, тактику, дѣятельность Главнаго Исполнительнаго Комитета и Парламентскаго Клуба; он выносит резолюціи по крупным вопросам государственной и партійной жизни. Исполнительным органом Конгресса и верховным представителем партіи является *Главный Исполнительный Комитет,* в который каждое областное вѣче, имѣющее 50 сельских вѣч, делегирует однаго члена-крестья-

нина, Конгресс же выбирает еще одну четверть членов из интеллигентных работников. Мандат и тѣх и других имѣет силу 2 года. Кромѣ того, до проведенія новаго административнаго раздѣленія страны, продолжают существовать в Босніи-Герцоговинѣ и Далмаціи спеціальные исполнительные комитеты (в Сараевѣ и Сплитѣ), которые являются верховными органами С. З. в этих провинціях.

Для подготовки молодежи в духѣ С. З. в послѣднее время основываются клубы земледѣльческой молодежи, которых особенно много в Далмаціи. Они — внѣпартійныя организаціи, но в тѣсной связи с сельскими вѣчами и под их контролем. В университетах Бѣлграда, Загреба, Люблян и Субботиц существуют аграрные студенческіе клубы, в которых приготовляются интеллигентные работники партіи.

Главным органом печати партіи является «Село», который выходит еженедѣльно (одно время двухнедѣльно) со дня основанія партіи, печатается в 5000 экземпляров. В Сараевѣ выходит «Тежачки Покрет» (Крестьянское движеніе), а в Сплитѣ «Тежачка Слога» (Крестьянское Согласіе); они расходятся в 2500—3000 экземплярах каждый. Кромѣ этих газет выходили в разное время еще нѣсколько газет мѣстнаго значенія. С. З. издает серію книг, из которых до сих пор вышли слѣдующія: 1. «Организація земледѣльцев» М. Абрамовича. 2. «Руководство для организаціи сельских, уѣздных и окружных вѣч». 3. «Программа С. З.». 4. «Статут С. З.». Кромѣ того, вышли как отдѣльныя изданія: «Будущее кооперативное государство» д-ра Поповича, члена Гл. И. К.; «Политическо-хозяйственная демократія» д-ра Гавриловича, члена Гл. И. К. ; и «Новые пути и цѣли» Св. К. Матича. С 1921 года С. З. издает свой календарь «Село», печатающійся в 15—20.000 экземплярах.

Надо признаться, что состояніе организацій не идеально: многія вѣча только на бумагѣ, членскій взнос нерѣдко не уплачивается. Главная причина этого — недостаток финансовых средств и хорошо подготовленных работников-интеллигентов. Благодаря своей малограмотности, способу занятій, большим разстояніям от административных центров и разбросанности деревень, крестьяне не в состояніи успѣшно проводить организаціи без интеллигентов, особенно народных учителей, которых сейчас очень мало в партіи. Малочисленность в Союзѣ интеллигенціи можно приписать, между прочим, и партійному уставу, по которому умственные работники могут быть членами С. З. только *временно*, — пока не будет проведена профессіональная организація всего народа.

С. З. считает, что кооперацію не слѣдует вовлекать в политическій водоворот, но так как именно кооператоры являются самыми просвѣщенными и сознательными крестьянами, главными пропагандистами идей С З. и его руководящими членами, то связь между С. З. и кооперацiей становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Можно с достаточной увѣренностью полагать, что в концѣ концов сельская кооперація перейдет в руки С. З.

В нѣкоторых странах политическія партіи имѣют свои кооперативы и их союзы. В Югославіи наблюдается то же явленіе: в Словеніи хозяин коопераціи — клерикальная партія д-ра Корошца, в Хорватіи Ст. Радич имѣет свой союз кооперативов, а д-р Поляк, основатель неудавшагося «Селяцкаго Союза», — свои кооперативы «Хозяйственное Общество».

СОСТАВ СОЮЗА. Ядро партіи составляют средняго состоянія крестьяне, которые больше всѣх других чувствуют на себѣ тяжесть податей и все усили-

вающуюся эксплоатацію капитализма. Крупные хозяева, деревенскіе кулаки, не могут, конечно, принять программу С. З., и они являются в деревнѣ главным оплотом городских партій — радикалов и демократов между православными, «Югославянской Мусульманской организаціи» — между мусульманами в Босніи-Герцоговинѣ. Немного в рядах Союза и мелких безземельных крестьян. Самые бѣдные крестьяне являются в то же время самыми безграмотными и безсознательными. Во время буйнаго натиска коммунистической партіи они пополняли поэтому ея ряды, надѣясь при посредствѣ диктатуры пролетаріата быстро поправить свое состояніе. Когда коммунисты обманули их надежды, они голосовали за партію, которая у власти — за радикалов. Есть и еще одна причин: до войны крестьянин больше всего чувствовал на себѣ тяжесть налогов и так как прямые налоги послѣ войны остались тѣ же, а косвенных, хотя и увеличенных, он не чувствует, ибо не знает сколько платит, то малоземельные довольны, ибо в Сербіи подати разсчитываются с гектара, а не с дохода. Таким образом, крестьяне с земельной площадью в 1—2 гектара платят незначительную сумму прямых налогов, а с личнаго заработка не платят ничего. Но послѣ недавняго пятикратнаго повышенія (у торговцев только 30%) прямых налогов настроеніе бѣднѣйшей части крестьянских масс измѣнится не в пользу радикалов.

По вѣроисповѣданію большинство членов С. З. — православные, ибо движеніе возникло и развилось больше всего между сербами. В Далмаціи большая часть католических крестьян до выборов с. г. была в С. З., но когда появились агитаторы Радича, то, благодаря распаду в Союзѣ и католической оріентаціи Радича, они привлекли к себѣ большинство далматинских католических крестьян, тогда как православные голосовали за радикалов. В Босніи-Герцоговинѣ в рядах С. З. было порядочное число и католиков и православных, но так как выборная кампанія велась и под религіозными лозунгами, то многіе из католиков отошли к Радичу, мусульмане же к Югославянской Мусульманской Организаціи. Но в послѣднее время, судя по нѣкоторым признакам, массы отрезвляются от этой религіозной демагогіи и снова идут в С. З.

Статут С. З. разрѣшает быть его членами и деревенским рабочим не земледѣльцам, и заводским рабочим, работающим в деревнѣ: в лѣсных предпріятіях, рудниках, на желѣзных дорогах и т. п.

Из числа интеллигентных работников могут быть членами С. З. служащіе кооперативных и синдикальных учрежденій и агрономы. Они, в сущности, сейчас и представляют ядро интеллигенціи в партіи и приняли самое видное участіе в основаніи ея.

Остальные интеллигентные работники могут стать только временными членами С. З., если своей предшествующей дѣятельностью они показали, что знают нужды деревни и крестьян. Ни временными, ни постоянными членами не могут быть тѣ, кто своей профессіей эксплоатирует рабочій люд. Особенно здѣсь имѣются в виду адвокаты, которых почти нѣт в партіи и которые пользуются глубокой ненавистью крестьян.

Бѣлград. *М. С. Московлевич.*

ПАРТІЯ „ПЯСТА“ В ПОЛЬШѢ.

Чтобы уяснить послѣднія событія, происшедшія в средѣ крестьянских партій в Польшѣ, мнѣ не зачѣм разсказывать всей их исторіи. Достаточно сказать, что крестьянскія партіи в каждой из частей Польши развивались независимо друг от друга. Поэтому уже в Учредительном Сеймѣ были четыре крестьянских групп: одна из б. Царства Польскаго, носящая по своему партійному органу имя »Wyzwolenie« (Освобожденіе), вторая из Галиціи, называющаяся также по партійному органу »Piast«. (имя крестьянина — легендарнаго основателя Польши), третья — из Восточных Кресов — т. наз. »Rady ludowe« (Крестьянскіе Совѣты) и четвертая, возникшая на территоріи, входившей ранѣе в состав Германіи, т. наз. »Narodowa partja robotnicza« (народная рабочая партія). Принимая и ранѣе живое участіе в политической жизни отдѣльных областей, эти партіи пропитались специфическими особенностями политической жизни своих государств.

«Крестьянскіе Совѣты», дѣйствовавшіе на кресах, т. е. на территоріи, пережившей русскія революціи, привыкли к радикализму. Этот радикализм, однако, носил скорѣе демагогическій характер, ибо, желая удержать польскій характер края, «Совѣтам» приходилось считаться со всѣми польскими группировками, существовавшими на мѣстах, и поэтому они являлись в сущности группой общественно-умѣренной.

Это относится и к «Народной Рабочей Партіи», которая образовала вмѣстѣ с имущими классами общій антинѣмецкій фронт и,таким образом, привыкла к національному сотрудничеству с ними.

«Вызволенье», будучи партіей патріотической, слѣдовательно антирусской, очутилось на положеніи войны с мѣстными умѣренными группировками (главным образом с «народной демократіей»), заподозрив их в примиренчествѣ по отношенію к русскому господству. «Вызволенье« не было связано поэтому в своем радикализмѣ общенародными соображеніями и вступало в соглашеніе с соціалистами.

«Пяст», послѣ реформы избирательнаго права в Австріи и Галиціи, чувствовал себя на территоріи послѣдней настолько побѣдителем, что к моменту освобожденія Польши давно отрѣшился от всякаго революціонизма и являлся умѣренной политической группировкой.

Партія «Пяста» получила в Западной Галиціи почти всѣ сеймовые мандаты и послѣ побѣды стремилась к власти, в полном сознаніи своей за нее отвѣтственности перед избирателями. Нужно, кромѣ того, имѣть в виду, что нигдѣ матеріальное положеніе крестьянства не находилось в столь плачевном состояніи, как именно в Галиціи. Здѣсь на один квадратный километр приходится 72 крестьянина, что рѣдко встрѣчается в Европѣ; в ней чрезвычайно

велик процент мелких хозяйств и, наконец, несмотря на густоту населенія, Галиція носит почти исключительно крестьянскій характер при далеко зашедшей парцеляціи больших имѣній. Эти особенности вызвали, между прочим, в критическом 1918 году в окрестности Тарнобжега аграрную революцію и способствовали образованію при доминирующем «Пястѣ» отдѣльных рѣзко радикальных группировок Стапинскаго и кс. Оконя, располагавших в Учредительном Сеймѣ 12 представителями.

В б. Царствѣ Польском наоборот, національный и общественный радикализм предводителей «Вызволенья» не всегда отвѣчал настроенію крестьянских масс. Поэтому, всецѣло побѣждая на югѣ б. Царства Польскаго, гдѣ при австрійской оккупаціи легче было организоваться, «Вызволенье» уступало на западѣ умѣренной католическо-крестьянской группѣ (katolicko ludowej) кс. Близинскаго, а на сѣверѣ — народной демократіи, выставлявшей охотно в своих кандидатских списках во время выборов в Учредительный Сейм популярныя крестьянскія кандидатуры.

Итак, в момент, когда «правица» и «лѣвица» Учредительнаго Сейма (нар. демократы и соціалисты) вошли в него достаточно сплоченными на всем пространствѣ Рѣчи Посполитой, крестьянскія партіи обнаруживали областную раздробленность и несогласованность в своих стремленіях. Справа налѣво (оставляя в сторонѣ крестьянскія скамьи правицы) онѣ размѣстились так: группа кс. Близинскаго, «крестьянскіе совѣты», «Пяст», «Нар. Раб. Партія», «Вызволенье», группа Стапинскаго и кс. Оконя. В состав представленнаго 30 депутатами «Пяста», вошла небольшая группа Домбскаго, который в період австронѣмецкой оккупаціи перебросился из Галиціи на территорію б. Царства Польскаго, гдѣ пропагандировал «австрійскую оріентацію» против «Вызволенья», защищавшаго точку зрѣнія строгой независимости Польши.

В Учредительном Сеймѣ группа Близинскаго стремилась к медленным постепенным реформам, «Вызволенье» — было готово вести продолжительную и упорную оппозицію, а «Пяст« рѣшил идти к своим цѣлям путем парламентских комбинацій. Он не мог вернуться к своим избирателям с пустыми руками, ибо в сравненіи с пріобрѣтеніями в австрійском парламентѣ и галиційском сеймѣ это было бы в глазах его избирателей пораженіем. Обладая большим политическим опытом, пріобрѣтенным в только что названных учрежденіях, у него выработалось умѣніе парламентскаго жонглированія и он рѣшил идти именно этим путем. Зорко оглядываясь вправо и влѣво, »Пяст» старался выдерживать опредѣленную линію поведенія в смыслѣ защиты исключительно крестьянских интересов. Считаясь с крестьянами, сидящими вправо, он охотно голосовал вмѣстѣ с ними по вопросам рабочим и общеполитическим, зато по вопросам, касавшимся исключительно крестьянства, «Пяст» не только шел с лѣвицей, но и сам проявлял инициативу совмѣстных с нею выступленій, чтобы таким образом повлiять на правых крестьян. Этим «Пяст» добился, во-первых, вхожденія в свой депутатскій клуб десятка с лишним правых крестьян, во-вторых, расколол правый фланг Сейма, крестьянскіе депутаты котораго в числѣ нѣскольких десятков, со Скульским во главѣ, соединились с группой кс. Близинскаго. Далѣе «Пяст» по собственной инициативѣ выдвинул идею соединенія с «Вызволеньем» в одну общегосударственную крестьянскую партію. «Вызволенье» не могло уклониться от этого, так как политика «Пяста» имѣла уже в его средѣ достаточно много сторонников. Само собой разумѣется, что эти шахматные ходы были дѣлом рук предводителя клуба — Витоса, старосты из Верхославиц (Краковскаго воеводства).

Правица (считая и группу кс. Близинскаго) имѣла раньше за собой половину Сейма. Теперь, послѣ раскола, она потеряла почти всѣх своих депутатов крестьян, а тѣм самым и притягательную силу для группы кс. Близинскаго (в настоящее время Скульскаго), начавшей оглядываться в сторону Витоса, на что послѣднiй и расчитывал. Витос смѣло вступает теперь в соглашенiе со Скульским. «Вызволенье», конечно, уходит от «Пяста», но с большими потерями: оно ввело 55 депутатов, а спасло еле 23. Витоса этот уход не смущает, ибо чистые оппозицiонеры «Вызволенья» являлись для него скорѣе бременем. Хуже было то, что в группѣ Скульскаго остались скрытые троянскiе кони народной демократiи, ведшiе ея политическую линiю. Освободиться от них удалось только под конец Учредительнаго Сейма.

В результатѣ шахматных ходов Витоса «Пяст» получил в Сеймѣ безусловно главенствующую роль. С 30-ти депутатов группа выросла до 90, т. е. ей принадлежала четверть всѣх голосов Сейма; кромѣ того в ея распоряженiи было около 10 деп. Скульскаго; «Пяст» прiобрѣл рѣшающее значенiе во всѣх вопросах, раздѣляющих правицу от лѣвицы. Таким образом партiя, имѣвшая свою организацiю лишь в Западной Галицiи, получает возможность распространенiя и на Восточную Галицiю, а также возможность подрывать влiянiе «крестьянских совѣтов» на Кресах и «народной рабочей партiи» на территорiи бывшей Пруссiи. У послѣдней она отбивает нѣсколько депутатов, так как все время продолжает вести чисто крестьянскую политику, которой «народная рабочая партiя» по своей природѣ вести не могла: во главѣ крестьянскаго движенiя в бывших прусских областях стояли не крестьяне, а сельскiе рабочiе, ремесленники, лавочники, учителя и др.

Партiя «Пяста» по возможности старалась удлинить существованiе Учредительнаго Сейма, но это не могло продолжаться безконечно. В результатѣ «Пяст» возвращается к своим избирателям, продѣлав значительную подготовительную политическую работу, но с ничтожными положительными итогами. В добавленiе нужно отмѣтить, что росту депутатскаго клуба не соотвѣтствовал темп роста организацiи. Держась вовнѣ побѣдителем, «Пяст» все-же чувствовал свое критическое положенiе. Правица готовилась к расправѣ со всей лѣвицей. Для нея крестьянскiя партiи, как непосредственные претенденты на власть, были болѣе опасны, чѣм соцiалисты или нацiональныя меньшинства. Вести совершенно самостоятельную линiю в момент, когда все рѣшают выборы, было для «Пяста» явно невозможным. Рѣшительная побѣда правицы не сулила ему ничего хорошаго, поэтому «Пяст» во время выборов становится опредѣленно на сторону лѣвицы. На сторонѣ соцiалистов и «Вызволенья» он борется за мандаты и их программой бьет правицу; словом начинает все сначала.

Однако, обстановка теперь была значительно сложнѣе. Предвидя это, «Пясту» слѣдовало, может быть, заключить на время выборов блок с «Вызволеньем», «народной рабочей партiей» и «крестьянскими совѣтами», но эта комбинацiя силой обстоятельств возвращала бы «Пяст» на родную галицiйскую почву, которую ему удалось покинуть, выйдя на болѣе широкiе пути, и вернуться куда он опасался из-за отсутствiя конкретных результатов работ в Сеймѣ. Оставалось только идти с лѣвицей, но самостоятельно.

Слѣдуя примѣру «Пяста» в смыслѣ расширенiя дѣятельности на всѣ области Польши, «Вызволенье» тоже перекинулось в Галицiю, в бывшую прусскую область и на Кресы. Относительно бывшей прусской области слѣдует от-

мѣтить, что появленіе там во время выборов соціалистов, «Пяста» и «Вызволенья» значительно ослабило «народную рабочую партію».

Окончательный результат этого рѣшительнаго выступленія «Пяста» (или вообще лѣвицы) против правицы характеризуется исчезновеніем центровых групп. Кс. Близинскій и Скульскій даже сами провалились, проведя лишь нѣсколько депутатов, вошедших затѣм в правицу. Исчезли и «крестьянскіе совѣты», окончательно уничтоженные «Вызволеньем». Созданная на время выборов партія центровой интеллигенціи и ея соединеніе на Кресах с «Пястом» и др. не получили ни одного мандата. Правица вышла чрезвычайно окрѣпшей, ибо не пріобрѣтя, правда, почти ничего на Кресах и в Галиціи, выиграла много на расколѣ лѣвицы в остальных областях. Она уже не экспериментировала с крестьянскими кандидатурами, выдвигая только своих, преданных ей людей.

Соціалисты и «Вызволенье» пріобрѣли также много. Зато «Пяст» вышел ослабленным даже в Западной Галиціи, гдѣ получил лишь половину мандатов. Тяжело ему было конкурировать в б. Царствѣ Польском в радикализмѣ с «Вызволеньем», которое легко использовало в избирательной кампаніи политическія колебанія «Пяста» в Учредительном Сеймѣ. В результатѣ многостоющей и страстной борьбы «Пяст» получил во время выборов около 70 депутатских мѣст, причем больше 20 в Восточной Галиціи, пріобрѣтенных в значительной мѣрѣ лишь благодаря воздержанію от выборов большинства русин. Цифра эта — в сравненіи с общим количеством депутатов 444 — очень мала, тѣм болѣе, что промежуточных групп в Сеймѣ не оказалось.

При этом національныя меньшинства получили около 90 мѣст, создавая такое положеніе, при котором ни правица, ни лѣвица (вмѣстѣ с «Пястом») не имѣли достаточной силы для созданія парламентскаго правительства. В таких условіях «Пяст» рѣшился на переговоры с правицей, несмотря на то, что еще не высохла печатная краска их взаимных избирательных филиппик.

Оффиціальные мотивы соглашенія — конечно — необходимость создать правительство, независимое от голосов національных меньшинств, но сущность соглашенія для обѣих сторон была иной. Как правица, так и «Пяст», уже не раз боролись за власть, пользуясь иногда еврейскими голосами. Послѣ послѣдних же выборов, правица просто психологически не могла одна претендовать на власть, ибо для ея овладѣнія она поставила уже все на карту. Послѣ проигранной избирательной кампаніи она рѣшилась даже на переворот по образцу Муссолини. Но, когда ее постигла неудача на выборах, подвело избраніе президента, не достигло цѣли его убійство и уличныя выступленія, и, наконец, новое избраніе президента — словом, всѣ неудачи, явившіяся слѣдствіем рѣшительной позиціи «Пяста», поднимавшим таким образом свою цѣну — тогда все это заставило правицу склониться покорно перед «Пястом», как единственным подлинным хозяином страны, без согласія котораго ни одно правительство в Польшѣ возникнуть не может.

Но не этих только моральных успѣхов для партіи и — что необходимо признать — для представляемых ею крестьянских масс, добивался «Пяст» и его вожди. Вѣдь в настоящее время «Пяст», как партія, потерял почти всю интеллигенцію (15 депутатов), всѣх из б. Царства Польскаго, из котораго осталось в «Пястѣ» лишь нѣсколько депутатов. Интеллигенція ушла за Домбским и приблизилась к «Вызволенью», так как не считала возможным для себя участвовать в столь рискованной политикѣ. Немногочисленные ряды

«Пяста» уменьшились еще болѣе. Зато «Пяст» пріобрѣл очень много не только для партіи, но и вообще для крестьянства и для крестьянскаго движенія.

Прежде всего «Пяст» снимал с крестьянскаго движенія обвиненія в антинаціональности, в чем обвиняла его «народова демократія». Теперь устами той же «народовой демократіи» крестьянское движеніе изображалось патріотичным, разумным и т. д. и в его лицѣ восхвалялся необходимый и желательный союзник. Вѣдь и «народовой демократіи» нужно было оправдать свое соглашательство перед своими избирателями.

Таким образом «Пяст» подготовлял себѣ избирателей к слѣдующим выборам и вообще дезорганизовал противника, ибо всѣ реакціонные элементы, могущіе имѣть значеніе лишь с помощью «народовой демократіи», теперь потеряли всякую оріентацію и косо глядят на настоящую линію поведенія своей партіи. Главное же — реальныя осязательныя пріобрѣтенія в пользу крестьян. «Пяст», конечно, не продал себя дешево, наоборот, реально обезпечил себѣ соглашеніем соотвѣтствующее количество гектаров мелкой земельной собственности, парцелированной и колонизированной, затѣм обезпечил себѣ соотвѣтствующее отношеніе к этой землѣ в смыслѣ обложенія ея государственными и земскими податями.

Конечно, за это пришлось кое-что дать. Это были нѣкоторыя уступки в пользу крупных имѣній в отношеніи податей, и нѣкоторыя льготы в пользу промышленнаго капитала. Дорого обошлось это вознагражденіе финансовому положенію Польши и сразу же отразилось отрицательно на валютѣ. Но оно лишь посредственно обременяет крестьянство, которое поэтому может на него согласиться, лишь бы получило другія матеріальныя выгоды.

Для «народовой демократіи» главное вознагражденіе состояло в допущеніи ея к правительству и прежде всего в передачѣ ей руководства иностранными дѣлами, не представлявшими для «Пяста» большого интереса. «Пясту» представляется эта плата очень дешевой. На всякій случай, однако, Витос, обезпечивая своему правленію солидарную отвѣтственность «народовой демократіи», не пустил в правительство ни одного виднаго представителя «народовой демократіи». Дмовскій, Корфанти, Ст. Грабскій остались не при чем, а столпы помѣщиков в Сенатѣ — Тромочинскій и Стецкій — перешли к фрондѣ, в правительствѣ очутились только М. Сейда и Ст. Гломбинскій — силы безусловно второстепенныя.

Но Витос несомнѣнно рискнул многим, ибо имѣет против себя также недурных игроков. Если Витос считает заключенное с народной демократіей соглашеніе чѣм-то преходящим, только средством и орудіем, то точно также смотрит на это и народная демократія, предполагавшая этим братаньем с крестьянским движеніем достигнуть в будущем нераздѣльнаго господства. Контрагенты, впрочем, уже и сейчас стѣсняют друг друга, смотрят друг другу в руки и несомнѣнно получают от соглашенія меньше выгод, чѣм полагали. «Пяст», правда, находится в болѣе выгодном положеніи, имѣя возможность терроризовать правицу или разрывом, могущим опять повергнуть правицу в прежнее ничтожество, или, просто, лѣвицей.

Но отношенія «Пяста» к лѣвицѣ отнюдь не складываются для него благопріятно. Лѣвица несомнѣнно поддержит «Пяста» во всѣх его радикальных начинаніях, укрѣпляя таким образом его позицію в правительствѣ и перед избирателями, к которым только «Пяст» вернется с положительными результатами. Но лѣвица, конечно, использует «измѣну народу», совершенную Витосом в цѣлях расширенія и углубленія безкомпромисснаго крестьянскаго

движенія. Очевидно, это влечет за собою оглядываніе «Пяста» в сторону временных союзников, хотя у него и крѣпкіе нервы.

Игра несомнѣнно тяжелая, азартная, с трудно учитываемым исходом. Результаты ея зависят всецѣло от того, насколько «Пяст» хорошо учел свои собственныя силы, силы своих союзников и противников, и затѣм насколько правительство Витоса окажется созидательным в области реальных пріобрѣтеній. Как бы там ни было, ставка его является ставкой на жизнь или смерть своей партіи. В его оправданіе необходимо добавить, что другого выхода для него не было, ибо, если рискованным представлялось одно рѣшеніе, то всякое иное в условіях внутренней польской дѣйствительности было бы по меньшей мѣрѣ опасным, ибо угрожало тяжелым внутренним кризисом в формѣ фашизма, или в формѣ насильственнаго радикализма правительства. Всего этого удалось, по крайней мѣрѣ на время, избѣжать с помощью маневра Витоса.

W.

ЭСТОНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО НА ВЫБОРАХ В ПАРЛАМЕНТ.

Выборная компанія во второе Государственное Собраніе Эстоніи закончена Итоги подведены. Напрашиваются нѣкоторые выводы.

Прежде всего, общій процент участвовавших в голосованіи доходит до семидесяти пяти, причем число голосовавших в уѣздах, в среднем, дает тот же процент.

Из всего числа конкурировавших на выборах кандидатских списков слѣдующіе были чисто крестьянскими: 1) список Земледѣльческаго Союза, другими словами, Маалитовцев, или, как их еще здѣсь называют, «сѣрых баронов», самый многочисленный по числу выставленных кандидатов; 2) список земледѣльцев-колонистов, арендаторов государственных земель и мелких землевладѣльцев; 3) список партіи Крестьянскаго народа, или, иначе Крестьянской партіи; 4) список мелких землевладѣльцев-сетов; 5) список особой группы печерских земледѣльцев; 6) список сетов и ингерманландцев, при составленіи котораго учитывался еще и національный признак; 7) список эзельских мелких землевладѣльцев; 8) список Перновской группы Пельмана, и 9) список валкских землевладѣльцев.

Наиболѣе мощная из них — Земледѣльческій Союз — объединеніе крестьян, обладающих крупной собственностью, не только земельною. Многіе из членов этого объединенія обладают и промышленными предпріятіями, и городской недвижимостью большой цѣнности. Многіе являются акціонерами торговых и промышленных обществ. Отсюда их кличка — «сѣрые бароны». Мощная, в мѣстном масштабѣ, организація, играющая крупную роль в жизни страны. Выдѣлившая из своей среды ряд политических и общественных дѣятелей. Колыбель народившейся эстонской промышленной буржуазіи. Правофланговая фигура политическаго фронта, занимавшая и сейчас занимающая видные посты у кормила государственной власти. Защищает Земледѣльческій Союз интересы крупнаго землевладѣнія и промышленной буржуазіи. Нужды широких масс трудового крестьянства ему чужды и о сближеніи с ним Союз думает только во время выборной борьбы и то лишь для того, чтобы вѣрнѣе выступать на выборах. Так, в эту компанію, во многих списках Союза на первых мѣстах фигурировали скромныя крестьянскія имена. Вторыя и третьи мѣста были заняты лидерами Союза. Сейчас, когда кампанія закончена, от депутатов-крестьян, прошедших по спискам Союза, поступают заявленія о сложеніи депутатских полномочій. Упорно говорят, что эти заявленія были отобраны еще тогда, когда составлялись кандидатскіе списки

Крестьянская партія возникла нѣсколько мѣсяцев тому назад. Творцы ея

вышли из нѣдр Земледѣльческаго Союза. Это первый откол от «сѣрых баронов». Первая ласточка, говорящая, что в нѣдрах Союза не все благополучно. Показатель назрѣвших противорѣчій между разными слоями крестьянства. Партія предполагает опираться на трудовые слои крестьянства.

Земледѣльцы-колонисты и арендаторы государственных земель имѣют свою союзную организацію *).

Очередной конгресс Союза (конец февраля т. г.) постановил с самостоятельным списком на выборах не выступать. Однако, на мѣстах (Везендерскій, Перновскій и др. уѣзды) кандидатскіе списки были составлены и, как увидим ниже, не без успѣха.

Что же касается остальных крестьянских группировок, то большинство, а вѣрнѣе, всѣ онѣ возникли к моменту выборов и на время выборов. Группировки чисто мѣстнаго характера, не претендующія на обще-государственное значеніе, пытавшіяся собрать голоса выборщиков только в извѣстных районах, в противоположность Земледѣльческому Союзу и Крестьянской Партіи, собиравшим голоса единомышленников по всей странѣ.

Образованіе этих группировок и их попытки влiять на ход выборов в Государственное Собраніе характерны лишь как показатель того, что Земледѣльческій Союз не отвѣчает запросам крестьянских масс и что крестьянство нащупывает новые пути к созданію новых же организацій и при том своих — крестьянских.

Кромѣ крестьянских списков большое число голосов деревни получили и другія партіи, в том числѣ и коммунисты, вліяніе которых в странѣ, как показали выборы, безспорно увеличилось.

Депутатскія мѣста Государственнаго Собранія распредѣлились в результатѣ выборов слѣдующим образом:

Земледѣльческій Союз	23	раньше было	21
Соціал-демократы	15	,, ,,	18
Трудовики	12	,, ,,	22
Коммунисты	10	,, ,,	5
Народные демократы	8	,, ,,	10
Христіанскіе демократы	8	,, ,,	7
Независимые соціалисты	5	,, ,,	11
Національ - либералы	4	,, ,,	—
Русскіе	4	,, ,,	1
Колонисты и арендаторы	4	,, ,,	—
Нѣмцы	3	,, ,,	4
Домовладѣльцы	2	,, ,,	—
Квартиронаниматели	1	,, ,,	—
Демобилизованные солдаты	1	,, ,,	—

Остальныя группировки, выступавшія на выборах, в том числѣ и большинство крестьянских политических группировок, представительства в Государственном Собраніи не получили. Собранныя ими голоса пропали даром.

Нѣсколько слов о поведеніи русскаго крестьянства на выборах.

Выборы в Учредительное Собраніе и в первое Государственное Собраніе русская деревня, грубо говоря, проспала. Представлял ее один депутат, прове-

*) См. «Крестьянская Россія» № 1 — «Крестьянство в Эстоніи».

денный, что называется, с грѣхом пополам. К моменту истекших выборов картина была иная: крестьяне Принаровья, Причудья и Печорскаго края проснулись. Надо сказать, что их в совокупности считается до 65-70 тысяч. Сон этот был нарушен, главным образом, сформировавшейся в началѣ текущаго года партіей русскаго трудового крестьянства. Сыграло свою роль и четырехлѣтнее пребываніе на положеніи національнаго меньшинства. Полученныя за это время явныя и тайныя зуботычины, тоже кое-чему научили.

Партія русскаго трудового крестьянства возникла в результатѣ декабрьскаго учительскаго съѣзда. Русскій учитель взялся быть проводником взглядов партіи в толщу деревни. Он же будил ее во время выборов. Отсюда отнюдь не слѣдует дѣлать вывода, что партія представляет сильную организацію. Далеко нѣт. Она переживает сейчас организаціонный період, бѣдна работниками и средствами. Ея организаціи на мѣстах только еще строятся.

И при всем этом ея образованіе сказалось замѣтным образом на всей выборной компаніи русских в Эстоніи. Благодаря ея выступленію, был составлен единный список руских кандидатов в Государственное Собраніе, в котором преобладали кандидаты мѣст, т. е. деревня. Партія послѣ долгих усилій развернула довольно сильную агитаціонную работу среди крестьянства. Эта работа оказалась недостаточной, чтобы призвать всѣ сто процентов избирателей к урнам, но, благодаря ей, к урнам вышли три четверти крестьян-избирателей. В итогѣ во втором Государственном Собраніи будет четыре русских депутата вмѣсто одного. Отмѣчу, что всѣ четверо представители мѣст.

Был один, теперь четыре. Успѣх безспорный и яркій. Результат усилій проснувшейся руской деревни. Первые шаги партіи русскаго трудового крестьянства.

Общіе выводы об участіи крестьянства в выборах можно резюмировать слѣдующим образом: сознательное отношеніе деревни к выборам безспорно; но организованность сильна только у правой, сравнительно малочисленной, части крестьянства. Крестьянин середняк и малоземельник организован слабо или вовсе политически не организован. Отсюда многочисленность крестьянских кандидатских списков. Отсюда их провал на выборах. Отсюда их неспособность бороться с «сѣрыми баронами». Отсюда отданные голоса другим политическим группировкам, слабо или вовсе не отражающим интересы крестьянства, как, напримѣр, національ-либералам, народным демократам, коммунистам и др.

Наряду с этим безспорен и другой вывод, — среди крестьянства, пусть не ярко, не достаточно осознанно, идет процесс дифференціаціи и осознанія своих интересов. Намѣчаются будущія группировки. Вѣроятнѣе всего ярких будет двѣ: — крупный собственник и трудовое крестьянство. Ко второй, возможно, примкнет и безземельный крестьянин.

Однако, это только прогноз. Здѣсь возможны ошибки. Безспорно же пока одно — процесс дифференціаціи.

Петр Богданов.

Ревель.

В РОССІИ.

К РЕЗУЛЬТАТАМ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Не существует, повидимому, серьезных разногласій в том, что революціонныя измѣненія аграрных отношеній представляют собой нѣчто в достаточной мѣрѣ прочное, с чѣм невозможно не считаться в будущем.

Но об'ективнаго матеріала о тѣх конкретных измѣненіях, которыя произошли в земельном строѣ Россіи, до сих пор еще крайне недостаточно. Матеріал этот еще не извлечен из отчетов землеустроительных органов, из протоколов волостных и сельских передѣлов. Он еще лежит в уѣздных статистических бюро в видѣ карточек пробной (выборочной) земельной переписи 1922 г. и его еще надлежит собрать при всеобщей и сплошной земельной переписи, если предположеніе о ней Центральнаго Статистическаго Управленія когда-нибудь осуществится.

Тѣм важнѣе для нас то немногое, что уже имѣется в печати. Из него с несомнѣнностью слѣдует пока один прочный вывод: процесс аграрной революціи и результаты ея существенно разнятся по территоріи Россіи и допускают обобщенія лишь в ограниченных предѣлах.

Перед нами подробное изслѣдованіе современнаго землеустройства в Задонском уѣздѣ Воронежской губерніи *), достаточно типичном для густо населенной и малоземельной средне-черноземной полосы. Типичность в уѣздѣ земельнаго строя до революціи позволяет распространять и характер аграрной революціи в нем на обширный район Европейской Россіи.

Приводя в дальнѣйшем главные результаты этого изслѣдованія, постараемся посильно дополнить их нѣкоторыми параллельными свѣдѣніями о других районах.

Аграрное движеніе в Задонском уѣздѣ, как почти всюду, начинается весной 1917 г. Оно направляется не только против помѣщиков, но так же и против зажиточно-крестьянских, в частности хуторских, хозяйств.

Характерно, что выражается оно в захватѣ хлѣба на корню и в зернѣ, живого и мертваго инвентаря, порубках лѣса и иногда разгромѣ усадеб, но запашка частновладѣльческих земель устраняется установленіем арендных цѣн волостными земельными комитетами. Эти послѣдніе, как общее правило, способствуют аграрному движенію.

С весны слѣдующаго 1918 г. начинается т. наз. временное распредѣленіе земли. Порядок и принципы его устанавливаются для Задонскаго уѣзда вторым уѣздным крестьянским с'ѣздом. Принципом распредѣленія провозглашается полная уравнительность, долженствующая проявиться в неукоснительном проведеніи единой для всего уѣзда нормы на ѣдока (1 дес. 131 кв. с.), полученной путем дѣленія площади уѣзда на число наличных душ. Это вызывает необходимость, прежде всего, произвести поравненіе земель между волостями, которое и поручается уземотдѣлом комиссіям из представителей заинтересованных волостей, с землемѣрами в качествѣ технических помощников. Однако, составленый проект перечисленія излишков земельной площади в волости с недостатком ея, получает осуществленіе лишь в очень небольшой части (прирѣзка земель двум волостям вмѣсто 6-ти). С одной стороны, он наталкивается на желаніе населенія многоземельных волостей использовать са-

*) Келлер и Романенко. Первые итоги аграрной реформы (опыт изслѣдованія результатов современнаго землеустройства на примѣрѣ Задонскаго уѣзда Воронежской губерніи). Воронеж, 1922 г.

мому всю землю волости, с другой — на дальность расположенія прирѣзаемых участков и неудобства их использованія.

Распредѣленіе земель внутри волости между сельскими общинами производится комиссіями из уполномоченых этих общин и утверждается волостными с'ѣздами. В этот період самочинный захват отсутствует, но конфликты, доходящіе в наиболѣе рѣзких случаях до выставленія пулеметов, улаженные вмѣшательством уѣзднаго земельнаго отдѣла, зарегистрированы у 16% селеній.

Между отдѣльными хозяйствами, внутри селеній, земля распредѣляется сельской общиной, начинающей функціонировать даже и там, гдѣ она давно замерла. Распредѣленіе происходит всюду «на ѣдока» (в согласіи с «Временной Инструкціей») между тѣм как прежде этот принцип разверстки не примѣнялся Задонской общиной.

С середины лѣта 1918 г. начинаются и заканчиваются к концу 1920 г. работы основного землеустройства по Положенію 14 февр. 1919 г. *), в которых отвѣтственным землеустроителем становится землемѣр, совмѣстно с земельными органами ведущій землеустроительную работу.

Основныя задачи землеустройства формулированы так: 1) упорядочить происшедшее перераспредѣленіе земель, строго соблюдая требованіе закона о потребительно-трудовой уравнительности землепользованія и внося территоріально-правовую ясность в новую систему земельных отношеній; 2) организовать территоріи отдѣльных землепользованій в наиболѣе удобных формах ея расположенія для хозяйственнаго использованія, и 3) произвести выдѣленіе необходимых земельных площадей для организаціи государственнаго и общественно-коллективнаго хозяйства» (стр. 37).

Для всей Воронежской губерніи, в интересах устраненія неустойчивости границ землепользованій, рѣшено было, не производя геодезических измѣреній, произвести возможно скорѣе распредѣленіе земель на основаніи данных прежних межеваній.

Техническія силы были ограничены — одновременно в работѣ участвовало 12 землемѣров (по числу волостей) в качествѣ технических исполнителей под руководством уѣзднаго руководителя. Кромѣ того, обстановка работы была повидимому далека от нормальной, по крайней мѣрѣ два землемѣра были убиты во время работ. К сожалѣнію, не сообщается при каких обстоятельствах произошло это убійство.

Конкретно работа землемѣров заключалась в слѣдующих дѣйствіях: 1) учетѣ земель и населенія, провѣркѣ норм и расцѣнкѣ земель, 2) установленіи уѣздных и волостных границ, 3) составленіи проектов внутриволостного разверстанія между селеніями.

Учет был произведен, как уже указано, весьма приближенно, путем сличенія имѣющагося плановаго матеріала и составленія дополнительных схематических чертежей с натуры. Новыя волостныя границы были проведены, исходя из общаго поуѣзднаго плана распредѣленія волостных излишков и недостатков, в результатѣ котораго было перечислено из одной волости в другую 10 земельных единиц общей площадью в 2318 десятин. Кромѣ этого четыре селенія, для устраненія чрезполосицы, были отчислены в сосѣдніе уѣзды.

Что касается проектов внутриволостного распредѣленія, то исполненіе их в натурѣ для 98% отводов сопровождалось постановкой межевых знаков, как для вновь проложенных, так и для возобновленых границ. При пред'явленіи отводов населенію требовалось непремѣнное указаніе границ в натурѣ. Земле-

---

*) Этот законодательный акт носит названіе „Положеніе о соціалистическом землеустройствѣ и о мѣрах перехода к соціалистическому земледѣлію". Он мыслит землеустройство, как „совокупность мѣропріятій техническаго характера, направленых к постепенному обобществленію единоличнаго землепользованія" (ст. 4), посвящен в своей преобладающей части различным видам сельско-хозяйственных коллективов и лишь очень немногими своими пунктами касается также и землеустройства хозяйств крестьянскаго типа. Но эти то немногіе пункты только и пріобрѣли жизненное значеніе. „Инструкція" к „Положенію" уже явно переносит центр тяжести на землеустройство сельскаго населенія.

устройство считалось законченым разсмотрѣніем и утвержденіем проекта уѣздным земельным отдѣлом.

С этого момента, совпавшаго для большинства селеній с осенью 1920 и весной 1921 г., сельская община производила новое распредѣленіе земли между хозяйствами на болѣе или менѣе длительный срок. Пахотная земля передѣлялась, в большинствѣ случаев, по клиньям перед началом их обработки. Луга подвергались ежегодным передѣлам. Техника передѣлов оставалась такой же, как и до революціи.

Воронежская губернія, является второй губерніей *) (первая — Нижегородская) по продвинутости в ней землеустроительных работ по Положенію 14 февраля 1919 г., а Задонскій уѣзд первым, в котором землеустройство считается законченым — стадія, на которую не поднялась еще вся остальная (за ничтожными исключеніями) территорія Россіи.

По отношенію к землеустройству, положеніе большинства губерній Европейской Росіи таково, что в них среди площади, распредѣленной в порядкѣ «временнаго» надѣленія, вкраплены отдѣльныя волости с закончонным (в условном смыслѣ Положенія 14 февраля 1919 г.) землеустройством.

В таком же исключительно важном, в производственном отношеніи, районѣ, как Украина, дѣло обстоит еще хуже. Оффиціальный отчет Н. К. З. Украины за 1921 г сообщает **): «В 1920 гг. совѣтская власть пришла на Украину в серединѣ зимы, а в нѣкоторых мѣстах незадолго до весенняго посѣва, и это обстоятельство коренным образом повліяло на землеустройство по распредѣленію нетрудовых земель. Не имѣя планового статистическаго матеріала, а также ввиду ограниченности технических средств, земорганы вынуждены были нетрудовыя земли под весенній посѣв распредѣлять без участія землемѣров, поручив произвести это распредѣленіе самому населенію через волостные земельные органы и комиссіи. Во многих же мѣстах распредѣленіе земель произошло стихійно — оно произведено самим населеніем помимо земорганов». Тот же отчет сообщает, что большей частью уравнительности в распредѣленіи проведено не было; землю получили тѣ, кто мог ее обрабатывать. Но в нѣкоторых малоземельных губерніях, как Подольская и Кіевская, возникало, и кое-гдѣ успѣло реально осуществиться, «чернопередѣльческое» движеніе среди крестьянства, подвергавшее раздѣлу всѣ без исключенія земли волости. Земельные органы вели с ним упорную борьбу. Характеристика технических результатов распредѣленія, в том же отчетѣ, опредѣленная: «В виду того, что правильнаго распредѣленія нетрудовых земель не производилось, и на передаваемыя земли не составлялось ни чертежей, ни вѣдомостей, а также вслѣдствіе того, что волостныя земельныя комиссіи и волземотдѣлы записи на розданныя ими земли не вели — волземотдѣлы иногда один и тот же участок земли передавали нѣскольким хозяевам. Вслѣдствіе этого в деревнѣ создавалось такое положеніе, когда никто не знал, какія земли кому поступили и в каком размѣрѣ, многіе же хозяева не знали, каким количеством земли они пользуются».

Основное землеустройство предстоит еще Украинѣ. Но ввиду явной хозяйственной необходимости внести устойчивость в аграрныя отношенія, Всеукраинскій земельный с'ѣзд 1922 г. постановил измѣнить характер землеустройства «в том смыслѣ, чтобы оно преслѣдовало исключительно хозяйственно-производительныя задачи, создавая для населенія наиболѣе удобныя и технически-совершенныя формы землепользованія в натурѣ».

Для характеристики того, насколько сильно встряхнули революціонные процессы земельный строй, остановимся на категоріях земель, захваченных передѣлами. Конечно, т. наз. нетрудовой фонд, как об'ект распредѣленія с самого начала сосредоточил на себѣ наибольшее вниманіе крестьянства. Но даже по отношенію к нему в Задонском уѣздѣ принцип «общенароднаго достоянія» наталкивался при временном распредѣленіи на другіе, ограничи-

*) Берзин. Итоги землеустроительной и переселенческой кампаніи 1920 г. („Сельское и Лѣсное хозяйство" 1921 г. № 1—2—3).

**) Цитируем здѣсь и в дальнѣйшем по книгѣ В. Качинскаго „Очерки аграрной революціи на Украинѣ", вып. 1. На этой же книгѣ основаны и всѣ, приводимыя ниже, свѣдѣнія об Украинѣ.

вавшіе его дѣйствіе, принципы: «земля нашего барина», «испокон вѣку нами обрабатывалась», правда лишь в видѣ исключенія. Лично-купчая и купчая товарищеская земля в этот період поступала, повидимому, в разверстку на общих основаніях, но относительно надѣльной имѣется постановленіе одной волостной распредѣлительной комиссіи, котораго держалось большинство волостей. Приводим его формулировку: «надѣльныя земли каждаго селенія не должны подлежать дробленію, а в каком селеніи оказался недостаток, нужно добавить из частновладѣльческих, церковных и монастырских земель района».

Основное землеустройство разсматривало всю территорію, как «единый надѣльный фонд» и подвергало перераспредѣленію между селеніями так же и надѣльныя земли. Историческія же связи населенія с опредѣленными участками сохранялись лишь постольку, поскольку они представляли собой равный из возможных выходов. «На нѣкоторый момент почти вся земельная территорія превращается как бы в расплавленную массу, в каком видѣ она переливается из одних границ в другія», характеризует процесс перераспредѣленія П. Н. Першин. Такому передвиженію за время землеустройства подверглось 38% всей площади уѣзда и 48% площади крестьянскаго землепользованія, при этом отошло к другим обществам 74% купчих крестьянских земель и лишь 14% надѣльных. Отрѣзка надѣльных земель была произведена у 60% всѣх селеній.

В общем у 12% всѣх селеній произведены были только отрѣзки земель, к 23% только прирѣзки и у 65% одновременно то и другое, так что ни одно селеніе не сохранило своего земельнаго владѣнія в прежнем видѣ. При этом в большинствѣ случаев произошло измѣненіе состава и конфигураціи площади землепользованія.

К сожалѣнію, сколько-нибудь сравнимых данных о революціонной мобилизаціи территоріи в других районах у нас не имѣется.

На Украинѣ, в особенности в малоземельных губерніях, как Подольская, нетрудовыя земли попали большей частью тѣм поселеніям, в предѣлах дачи которых находились («наш, пан був, то й наша земля»). Купчія земли, повидимому, перераспредѣлялись лишь внутри селенія, и надѣльныя тоже не отрѣзывались чужим селам. Так что здѣсь мобилизація была минимальной. Там, гдѣ проходит или прошло основное землеустройство, она неизбѣжно должна быть значительнѣе.

Обратимся теперь к самым результатам произведеннаго перераспредѣленія. Прежде всего возникает вопрос о категоріях населенія, подлежавших надѣленію. В Задонском уѣздѣ при временном распредѣленіи земли 1918 г., надѣлялось наличное сельско-хозяйственное населеніе, причем довольно неопредѣленно было отношеніе к хозяйствам, не входившим в состав сельской общины. При основном землеустройствѣ, подлежащее надѣленію населеніе было распредѣлено на двѣ очередных группы. В первую входили: лица, живущія в данной мѣстности и постоянно занимающіяся земледѣліем, пришлые, ведущіе трудовое хозяйство на купчей или арендованной землѣ и сельско-хозяйственные рабочіе. Во вторую всѣ прочіе, желающіе получить землю.

Различіе в правѣ на землю первой и второй категоріи заключалось в том, что лишь заявленія послѣдней разсматривались по существу и утверждались или отклонялись волземотдѣлом, который считался в своем рѣшеніи с мотивами и степенью нуждаемости заявителя, тогда как заявленія первой подлежали только фактической провѣркѣ.

В дѣйствительности отклоненія и уменьшенія числа заявленных душ второй категоріи бывали только в малоземельных волостях. Однако, вторая группа составила лишь 1,2% всего надѣляемаго населенія, а абсолютно по уѣзду 2044 души. Основную массу ея представляли одиночныя хозяйства, разбросанныя по территоріи, а кромѣ них вошли цѣлыми гнѣздами безземельные кустари, бывшіе шахтеры и рабочіе сосѣдняго сахарнаго завода.

Увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія было главной цѣлью аграрной революціи. В Задонском уѣздѣ крестьянскія земли до революціи

составляли 72% всей площади *), послѣ землеустройства онѣ расширились до 85%. В руках государства оказалось 15% территоріи уѣзда: в т. ч. 10% составляли націонализированные лѣса и только 5% сельско-хозяйственныя земли совхозов. Несмотря на то, что крестьянское землевладѣніе охватило почти всѣ площади сельско-хозяйственнаго пользованія, оно увеличилось лишь на 17%, что составляло на ѣдока увеличеніе с 1 дес. до 1,17 дес. Фактически же крестьянское землепользованіе, если принять во вниманіе ранѣе арендовавшіяся крестьянами земли, возрасло только на 8,5% — т. е. совсѣм незначительно.

Радикальная мобилизація земельных площадей вызывалась не расширеніем, а главным образом, осуществленіем уравнительности землепользованія и раціональной организаціи территоріи. При временном распредѣленіи попытка осуществленія уравнительности в уѣздном масштабѣ, как указано выше, потерпѣла крушеніе. На волостных нормах остановилось и основное землеустройство. Нормы эти находились статистико-эмпирическим путем**) и провѣрялись дѣленіем общей суммы десятин землепользованія по волости на количество сельско-хозяйственнаго населенія. В конечном итогѣ, по нѣкоторым волостям, вычисленыя таким образом нормы пришлось измѣнить в зависимости от наличных земельных запасов, но в большинствѣ случаев окончательно устанавливалась норма, очень близкая к вычисленной статистически.

Различія норм по волостям были довольно значительны — от 0,9 дес. на ѣдока до 1,2 дес. в относительно многоземельных волостях. Примѣнялись онѣ, как средство для разсчета земельных отводов сельским общинам, отдѣльныя же хозяйства получали надѣлы, размѣр и качество которых опредѣлялось самой общиной. Примѣнявшаяся расцѣнка земель, сама по себѣ, измѣняла конкретное выраженіе нормы, а разнообразіе принципов этой расцѣнки по волостям дѣлало норму еще болѣе пестрой. В итогѣ по всему уѣзду, отводы 42% селеній отклонялись от своих волостных норм, из них 18% в сторону пониженія и 23% в сторону повышенія. При этом поселенныя душевыя площади колебались в широких предѣлах: максимальная почти в три раза превышала минимальную (0,69 дес. — 1,77 дес.). Распредѣленіе селеній по размѣрам душевых норм оказалось слѣдующим:

	до 0,8 дес.	0,81—1,0	1,01—1,2	1,21—1,4	болѣе 1,4
Абсолютное ч. селеній . . .	2	54	84	34	5
%% к общему числу	1,1	30,3	46,9	18,9	2,8

Если уравненіе отдѣльных селеній было достигнуто очень приблизительное, то в предѣлах каждаго из них, земельная община осуществляла его со всей строгостью. На каждую «живую душу» отпускалась равная с другими доля. Уравнивались и усадьбы, но не в натурѣ, а с зачетом излишков и недостатков в полевой землѣ. Усадебная норма большей частью устанавливалась тоже на ѣдока, рѣже на хозяйство.

Таким образом, если и нельзя говорить об арифметически точном поравнении, то все же несомнѣнно, что революціонное землеустройство в Задонском уѣздѣ рѣшительно сгладило дифференцированность крестьянскаго землевладѣнія, образующуюся, как в результатѣ различнаго надѣленія разных разрядов крестьянства при ликвидаціи крѣпостного права, так и в результатѣ покупки наиболѣе сильными группами его частновладѣльческих земель. Безземельные домохозяева, составлявшіе в 1917 г. 2,5% (636 дворов), почти совершенно исчезли, остались 7 дв., не занимавшихся земледѣліем. «Крестьян-

*) По данным 1905 г. земли Задонскаго уѣзда распредѣлялись слѣдующим образом по категоріям владѣльцев:

	Десятин	Проценты
Государства, церкви и учрежденій	11.117	5,0
Частныя владенія (не крестьянскія)	54.058	24,0
Крестьянския надѣльныя	148.266	65,8
„ купчія	11.842	5,2
Итого . . .	225.343	100,0

**) По матеріалам сельско-хозяйственной переписи 1917 г. по каждой волости отбирались карточки хозяйств чистаго потребительно-трудового типа (полностью использующих в сельском хозяйствѣ свои рабочія силы и обходящихся без наемнаго труда) и по ним опредѣлялось среднее землевладѣніе.

ское землепользованіе трудового типа в предѣлах, достаточно близких к установленной нормѣ, стало единственной основой аграрнаго строя», так формулирует результат уравнительности П. Н. Першин.

Существенно иные результаты, в этом отношеніи, получились на Украинѣ. Относительная распространенность и крупные размѣры помѣщичьих владѣній могли дать основаніе ожидать там значительнаго увеличенія крестьянскаго землепользованія за счет раздѣла нетрудового фонда. Фонд этот дѣйствительно был значителен. Помѣщичій посѣв составлял в %% ко всей посѣвной площади в 1916 г.: в Подольской губ. — 32%; в Кіевской — 28; в Херсонской — 20; в Полтавской — 19; в Волынской — 19; в Харьковской — 17; в Екатеринославской — 14 и в Черниговской — 7 (стр. 59) Но и число претендентов на землю, в связи с промышленным и продовольственным кризисом в городах, значительно увеличилось. Прирост хозяйств с 1917 по 1920 г., по шести уѣздам Полтавской губ., оказался свыше 13%. Явленіе это, общее болѣе или менѣе для всей Россіи (в Задонском у. оно, повидимому, не наблюдалось), неизбѣжно должно было отразиться на размѣрах прирѣзок на 1 хозяйство. Фактически населенію поступило 83,5% площади нетрудовых земель, ок. 10% отведено учрежденіям и ок. 6,5% в государственный фонд. Для районов малоземельных, как Подольская и Кіевская губ., ликвидація помѣщичьяго землевладѣнія не могла разрѣшить удовлетворительно вопросов земельной обезпеченности, но для крестьянства остальной Украины она не могла все же не стать фактом крупнаго хозяйственнаго значенія.

К принципу уравнительности с самаго начала наблюдалось двоякое отношеніе населенія. В областях высокой земельной обезпеченности с распространеніем частнаго землевладѣнія, крестьянство стремилось распредѣлять земли, считаясь главным образом с возможностью их обработки, таким образом, исключая из участія в раздѣлѣ низшія по обезпеченности группы. В районах малоземелья, наоборот, неоднократно переходили к черному передѣлу всѣх земель и сельско-хозяйственнаго имущества. Таковы были двѣ стихійных тенденціи. Земельные органы держались средней позиціи. Не имѣя возможности отбросить вовсе принципы уравнительности, они сознавали и разрушительность чернопередѣльческаго движенія, а потому проводя поравненіе крупно-крестьянских хозяйств, создали для них защитную категорію «норм отчужденія» — т е. норм оставляемой земли при отчужденіи излишков. Декретированная уравнительность перераспредѣленія земли требовала выработки норм надѣленія, которыя были найдены тѣм же статистико-эмпирическим методом, как и в Задонском уѣздѣ, только на Украинѣ онѣ устанавливались не для волостей, а для цѣлых уѣздов.

Способ исчисленія норм отчужденія, которыя примѣнялись для сохраненія земли за уравниваемыми крупно-крестьянскими хозяйствами, к сожалѣнію, неизвѣстен. Эти нормы были вычислены на хозяйство, но и при разницѣ масштабов ясно, что онѣ значительно превосходили нормы надѣленія. Колебанія тѣх и других были таковы:

	Нормы отчужд. на 1 х. десят.	Нормы надѣл. на 1 ѣд. дес.
Волынская	6— 8	0,8 —2
Донецкая	6—45	1,5 —3
Екатеринославская	16	1,5 —1,85
Запорожская	21	2,15
Кіевская	1— 3,25	0,5 —1,16
Подольская	3— 7	1
Полтавская	8—15	0,5 —1,5
Харьковская	4—12	0,8 —2,15

Повидимому, однако, выработанныя украинскими земельными органами нормы имѣли малое практическое примѣненіе, — в жизни уравнительность оказалась проведенной в еще меньшей степени.

Прежде всего, слой безпосѣвных нигдѣ не изчез, но, правда, всюду оказалась срѣзанной верхняя по зажиточности группа. Иллюстраціей могут служить, напр., слѣдующія данныя по Екатеринославской губерніи:

Процентное распредѣленіе хозяйств по колич. посѣва

	без пос.	до I дес.	I—3 дес.	3—6 д.	6—9 д.	9—15 дес.	15—25 д.	болѣе 25 дес.
1917	17,38	6,78	15,66	17,82	13,65	13,21	7,96	7.56
1920	8,83	5,35	22,75	33,62	16,68	10,08	2,36	0,33

Здѣсь уравнительность оказывается проведенной менѣе радикально, чѣм в Задонском уѣздѣ. Такая же примѣрно картина наблюдалась и по другим губерніям Европейской Россіи послѣ временнаго распредѣленія *).

Чрезвычайно существено выяснить результаты революціоннаго перераспредѣленія земель и в области организаціи сельско-хозяйственной территоріи. Временное распредѣленіе земель 1918 г., с его доминирующим стремленіем увеличить площадь крестьянскаго землепользованія и количественно уравнять ее между отдѣльными группами, произведенное к тому же почти без технических сил, повсемѣстно оказало отрицательное вліяніе на раціональность организаціи территоріи.

В Задонском уѣздѣ проведеніе полной уравнительности в этот період особенно оказалось на увеличеніи межселенной чрезполосицы и дальноземелья. Существовавшая пестрота и чрезполосица крестьянских владѣній была лишь увеличена прибавленіем к ним новых участков нетрудового фонда при неприкосновенности старых надѣльных земель. Уравнительность же в правосознаніи населенія требовала, чтобы «при возможности отвести одному селенію дополнительный участок на близком разстояніи, отводилась болѣе удаленная но одинаково с сосѣдними селеніями площадь: «чтобы всѣм было одинаково плохо» (стр. 35).

Одной из задач основного землеустройства являлась организація территоріи в наиболѣе удобных формах. Для уничтоженія межселенной чрезполосицы и для отвода каждому селенію всей земли, по возможности, в одном мѣстѣ, было предпринято то радикальное передвиженіе границ, на которое указывалось выше. Однако, отвести землю в одном участкѣ каждому из сельских обществ не удалось; в таком видѣ ее получило все же 90,5% всѣх селеній; 9% получило по два участка и одно селеніе три. Это было значительным техническим улучшеніем по сравненію с расположеніем крестьянских земель, существовавшим до революціи, не говоря уж о создавшемся послѣ временнаго распредѣленія.

Сокращеніе межселенной чрезполосицы не могло не повліять, конечно, и на уменьшеніе чрезполосицы внутриобщинной. У 41,5% селеній она дѣйствительно сократилась, но на ряду с этим у 23,5% увеличилась, главным образом, за счет увеличивших землепользованіе прирѣзок. Болѣе подробно результаты землеустройства в этой области видны из слѣдующих цифр:

Процентное распредѣленіе селеній по числу полос в каждом полѣ на 1 двор.

	1 п.	2—3,	4—5,	6—8,	9—10	болѣе 10 п.
До революціи . .	1,9	19,8	36,9	35,3	4,9	1 ,2
Послѣ землеустр.	—	34,8	39,3	19,1	6,8	—

Улучшеніе положенія послѣ землеустройства — несомнѣнно.

Наибольшее число полос сохранится в многодворных селеніях, им большей частью и поселенные отводы давались в двух участках, и у них же, естественно, оказывается и максимальное дальноземелье.

В смыслѣ приближенія пашни к усадьбѣ землеустройство внесло незначительное улучшеніе.

Процентное распредѣленіе селеній по разстоянію до наиболѣе удаленной части пашни.

	менѣе 1 в.	1,1—3 в.	1—5 в.	5,1—8 в.	1—10 в.	болѣе 10 в.
До революціи . .	16,8	35,6	21,7	9,8	9,1	7,0
Послѣ землеупотр.	11,6	38,4	26,7	12,2	5,2	6,9

*) В сборникѣ „О землѣ" вып. 1 в статьѣ Б. Книповича приводится слѣдующая таблица:

Процент к общему ч. всѣх хозяйств

	без посѣва.	с посѣвом.		
		до 4 д.	4—8 д.	болѣе 8 д.
1916	11,4	59,1	21,6	7,9
1919	6,5	74,0	16,4	3,1

Радикальное и положительное измѣненіе в этой области могло бы внести лишь разселеніе многодворных сел, но задач разселенія землеустройство Задонскаго уѣзда себѣ не ставило(в противоположность сосѣднему Бобровскому уѣзду, гдѣ таковое производится в значительных размѣрах). Препятствіем, наболѣе трудно устранимым, служит отсутствіе водоснабженія. По всему уѣзду для 33% селеній необходимо разселеніе, возможно же оно без гидротехнических работ лишь для 18,5%, из которых в 13,5% селеній и само населеніе желает переселиться. В этом направленіи землеустройство должно было бы продолжаться, как о том ходатайствует населеніе.

Как мы уже указывали выше, в районах, гдѣ распредѣленіе земель остановилось на «временном распредѣленіи», организація сельско-хозяйственной территоріи обыкновенно только ухудшалась. К таким районам относятся, как мы видѣли, и всѣ губерніи Украины. В цитированном уже отчетѣ о землеустройствѣ Украины по этому поводу находим такія строки: «Таким образом всѣ эти отрѣзки и прирѣзки земли, в результатѣ создали такую огромную черезполосность, что не рѣдкостью является хозяйство с 40 полосками земли, а 20 полосок имѣет обыкновенное хозяйство».

С вопросом об организаціи территоріи при революціонном перераспредѣленіи земли связан вопрос и о судьбѣ участковаго землепользованія в період революціи, привлекающій к себѣ в послѣднее время все большее вниманіе, в связи с нѣкоторыми намѣчающимися теченіями в русском крестьянском хозяйствѣ.

Участковое землеустройство за десятилѣтіе своего существованія до революціи, успѣвает захватить ок. 10% крестьянских хозяйств в Европейской Россіи *). По характеру и значенію его, опредѣленно намѣчаются два района его распространенія, оба с значительным развитіем рыночности сельскаго хозяйства. Но в то время, как в Сѣверо-Западном районѣ интенсивнаго полеводства и животноводства рост рыночно-мѣновых отношеній вызывает организаціонно-производственное приспособленіе хозяйства к требованіям рынка, в Юго-Восточном экстенсивно зерновом и скотоводческом — только дифференціацію крестьянских хозяйств. Отсюда различіе по цѣлому ряду признаков участковаго землепользованія. Сѣверо-Запад характеризуется разверстаніем цѣлых селеній, тогда как по мѣрѣ продвиженія на Юго-Восток все большая часть участков получается частичным выдѣлом земель и сопровождается большим распространеніем принудительных мѣр организаціи участка. Результаты участковаго землепользованія в смыслѣ улучшенія хозяйственных условій, борьбы с чрезполосицей, приближенія пашни к усадьбѣ и созданія хуторов, в Сѣверо-Западном районѣ сказались гораздо значительнѣе. Особенно существенно для сравненія обоих районов вліяніе его на сѣвооборот и животноводство: на Сѣверо-Западѣ участковое хозяйство ведет к ломкѣ трехполья и переходу к многопольным сѣвооборотам, на Юго-Востокѣ обнаруживает отклоненіе в сторону экстенсивно-хищническаго использованія территоріи; наличіе рабочаго и молочнаго скота в первом районѣ возрастает, во втором сильно падает.

Судьба участковаго землепользованія в період революціи уже довольно опредѣленно различается по районам.

Стихійное аграрное движеніе 1917 г. и временное перераспредѣленіе земель с их уравнительными тенденціями, в большинствѣ губерній направлялись и против хуторян и отрубников, как привиллегированных групп крестьянства. Наиболѣе рѣшительно ликвидировалось участковое землепользованіе в Поволжских губерніях, нѣкоторых центрально-черноземных и южных, т. е. в области экстенсивно-зернового хозяйства и принудительных выдѣлов. Здѣсь распространен был общій передѣл всѣх участков и водвореніе хуторян на прежнее мѣстожительство в поселеніи.

В рядѣ губерній промежуточных между двумя характеризованными районами: Нижегородской, Владимирской, Тульской, хутора иногда сохранялись, в противоположность отрубам, а еще дальше на сѣвер и сѣверо-запад предписывалось и приводилось их обязательное сохраненіе с отрѣзаніем, в случаѣ надобности, излишков с края участка. В Вологодской, Новгородской, Ко-

*) Данныя о характерѣ и судьбѣ участкового землепользованія по всей Европейской Россіи основаны на книгѣ П. Н. Першина „Участковое землепользованіе в Россіи“, Москва 1922.

стромской, Смоленской губерніях населеніем был поднят вопрос об образованіи новых хуторских участков и кое-гдѣ разрѣшен в положительном смыслѣ.

По окончаніи временнаго распредѣленія, стремленіе населенія к участковому землепользованію усилилось. Оно выявилось, по данным П. Н. Першина, в 20 губ., тяготѣющих к сѣверо-западному району, и подчас с большой интенсивностью. Для Смоленской губ., напр., оффиціальный отчет констатирует: «Во многих мѣстах губерніи с неимовѣрной быстротой производится самовольное разверстаніе земли на хутора и с такой же быстротой приступается к новому пользованію этими участками и возведенію построек». При этом движеніе к участковому землепользованію происходит стихійно и вопреки стремленіям земельных органов, нерѣдко принимая защитную форму покровительствуемых коммуны или артели. Использовавшій обширный матеріал, относящійся к періоду революціи до землеустройства, П. Н. Першин считал, что в черноземной полосѣ участковая система совершенно сметена революціей. Тѣм любопытнѣе прослѣдить на детальных данных Задонскаго уѣзда, какія измѣненія претерпѣвало участковое землепользованіе за все время и в каких формах оказалось закрѣпленным основным землеустройством.

В період временнаго распредѣленія большинство, но не всѣ мелкіе владѣльцы участков были принудительно включены в общину и получили землю на равных с остальными хозяйствами основаніях, чрезполосно. Участки же их вошли в общій раздѣл. Жить они продолжали в своих усадьбах. Меньшинство мелких владѣльцев (ок. 30%) остались на своих, уравненных по нормѣ, участках, с правом опредѣлить порядок своего землепользованія по своему усмотрѣнію.

При основном землеустройствѣ, мелкіе владѣльцы, во многих случаях, были выдѣлены из поглотивших их общин и, совмѣстно с сохранившими свою самостоятельность, надѣлены особыми отводами. Отводы были сдѣланы в 10 случаях на 1 хоз., в 13-ти на группу в 2—5 хоз. Благодаря небольшим площадям, организація территоріи этих землепользованій оказалась раціональнѣе, чѣм общин: так каждое из них находится в одном участкѣ, у трех четвертей усадьбы расположены в центрѣ, максимальная отдаленность пашни 1 верста. Группы хозяйств, надѣленых одним участком, разверстали между собой землю аналогично сельским общинам, нѣкоторыя из них подѣлили ее не чрезполосно, а отрубами. Половина назначила слѣдующій передѣл через 9 лѣт, а другая половина рѣшила перейти к подворно-наслѣдственному пользованію полученными площадями.

При общинном передѣлѣ земли, произведенном по совершеніи землеустройства, нѣкоторыя общины самостоятельно выдѣлили участки, поглощенным ими бывшим мелким собственникам.

В числѣ немногочисленных (8) по Задонскому уѣзду коллективных хозяйств, обслѣдованіем было отмѣчено одно, состоящее из 9 семей с 25 работниками и 51 ѣдоком, являющееся формой временнаго приспособленія к обстоятельствам хозяйств тѣх же мелких собственников, принявших вид сельско-хозяйственной артели. Вот его характеристика: «Эта артель, об'единенная родственными узами, в сущности говоря, представляет собой организацію мало чѣм отличающуюся от других об'единеній бывших мелких владѣльцев, получивших землю в одном отводѣ. Нѣкоторыя выгоды, связанныя с коллективной формой пользованія, побудили крестьян этого хутора зарегистрироваться артелью».

По опросу, произведенному еще до об'явленія «свободы выбора форм землепользованія», в 14,5% всѣх селеній отдѣльные хозяева выражали желаніе выйти на отруба.

Таким образом даже и в черноземном уѣздѣ, тяготѣющем к южному району, гдѣ участковое землепользованіе не сказалось на раціонализаціи хозяйства, извѣстная часть участковых хозяйств сохранилась и возродилась послѣ основного землеустройства, а из массы общинников уже слышались отдѣльные голоса в пользу отрубов и хуторов.

В Украинских губерніях, являющихся типичным районом распространенія участковаго землепользованія при экстенсивно-зерновом хозяйствѣ, движеніе против мелких собственников, выдѣленных по Столыпинскому законодательству, принимало большіе размѣры. Значительная часть таких хозяйств в період революціи была ликвидирована, другая часть, повидимому, осталась. Пока, т. е. послѣ временнаго распредѣленія, по свидѣтельству В. Ка-

чинскаго, «В чистом видѣ реставрація хуторов и отрубов к 1922 г. еще не получила сколько нибудь значительных размѣров и наблюдается лишь в отдѣльных случаях» (стр. 56).

Не безинтересно взглянуть в каком видѣ и с какими функціями сохранились в процессѣ аграрной революціи крупныя хозяйства. Матеріал о коммунах не даст возможности вскрыть их настоящее лицо. Остановимся вкратцѣ лишь на государственных хозяйствах.

В Задонском уѣздѣ совхозам были отведены лишь тѣ площади, которыя оказались в остаткѣ послѣ надлежащаго надѣленія населенія. Всего по уѣзду образовано 53 совхоза садово-огороднаго типа, с площадью, в среднем, нѣсколько меньше 10 десятин на одно хозяйство, состоящих из усадьбы с прилегающим к ней садом и огородом, и только 7 совхозов полеводственнаго типа. Из послѣдних четыре расположены всецѣло на землях бывших частновладѣльческих, три же на разных земельных остатках.

Организація территоріи совхозов мало удовлетворительна.

Полевое хозяйство их, за одним исключеніем, стоит на низком уровнѣ. Поля обрабатываются крестьянами ближайших поселеній исполу и часто в порядкѣ повинности, а в связи с этим и отношеніе населенія к совѣтским хозяйствам опредѣленно отрицательное переходящее в озлобленное. Исключеніем является лишь один совхоз в бывшем имѣніи Шидловскаго, в котором практикуются различные виды агрикультурной помощи населенію: снабженіе сѣменным матеріалом, доставленіе пользованія племенными производителями и т. п.

Нѣсколько иной характер имѣют совѣтскія хозяйства Украины; их стремились сохранить главным образом в качествѣ образцовых спеціализированных хозяйств. Отчет Н. К. З. Украины за 1920 г. дает о них слѣдующія свѣдѣнія: «В 1919 г. на Украинѣ было 1685 совхозов с площадью земли в 1.009.400 десятин. В 1920 г. имѣлось 571 совхоз. с площадью земли в 375.667 десятин. Из этих совхозов 114 — садоводственных, 12 — виноградных хозяйств, 8 — огороднических, 30 — огородно-садоводческих, 16 — сѣменоводческих, 17 — коннозаводства и коневодства, 4 — племенного свиноводства, овцеводства и птицеводства, 25 — молочных ферм. Остальные 294 совхоза ведут смѣшанное хозяйство». К 1 ноября 1921 г. оказалось уже 683 совхоза с площадью 278.399 десятин.

Данные эти говорят, прежде всего, о большой неустойчивости и текучести состава совѣтских хозяйств, численно то падающих, то возрастающих. Существенно однако, что площадь их падает неизмѣнно. Характерным признаком является и их относительно-большая спеціализація. О состояніи хозяйства и о вліяніи на окружающую хозяйственную среду к сожалѣнію нѣт данных.

Особую важность представляет землеустройство одной категоріи государственных хозяйств — земель сахарных заводов.

В Задонском у. націонализировались земли для двух сахарных заводов Боринскаго и Хмелинецкаго, расположенных в Елецком у. Орловской губ. Выбор земель для перваго был опредѣлен особой комиссіей 1918—19 гг. отвод же произведен при землеустройствѣ в размѣрѣ 2615 дес. в трех участках.

Надѣленіе другого завода, арендовавшаго до революціи частновладѣльческія земли под свеклу в Задонском уѣздѣ и настаивавшаго на націонализаціи этих земель, столкнулось с малоземельем крестьян в волостях расположенія земель. Послѣ продолжительных препирательств правленія завода с землеустроительными органами, заводу пришлось согласиться на меньшую площадь на болѣе далеком разстояніи.

На Украинѣ, гдѣ собственныя земли сахарных заводов составляли в 1917 г. 766½ тысяч десятин, и арендованныя 453 т. десятин, фонд земель для сахарной промышленности был опредѣлен в 1921 г. в 400 тыс. десятин. Фонд этот до сих пор не отведен, а так как он приходится, главным образом, на районы земельной тѣсноты, то выдѣленіе его, неизбѣжно, встрѣчает затрудненія.

На крестьянских же посѣвах свеклы, в виду их незначительной роли в крестьянском хозяйствѣ, сахарная промышленность базироваться не может.

Остановимся в заключеніе, в нѣскольких словах, на отношеніи самого населенія к законченным землеустроительным работам, поскольку оно нам извѣстно по Задонскому уѣзду. Сами землеустроители считают, что землеуст-

ройство прошло гладко. В періодъ землеустройства 18,5% селеній, считая себя не удовлетворенными, пробовали возстановить свои земельныя права в порядкѣ инстанціоннаго обжалованія. В дальнѣйшем же зарегистрировано 30% селеній, стремящихся исправить тѣм или иным способом результаты землеустройства. «При этом необходимо подчеркнуть, пишет П. Н. Першин, что изслѣдованіе фиксирует недовольство не соціально-политическаго, а чисто землеустроительнаго порядка. Рѣчь идет, напримѣр, не о реставраціи крупно-крестьянскаго землепользованія, или скажем, не о новой дополнительной прирѣзкѣ невозможность которой крестьянин болѣе чѣм когда-либо ясно сознает; нѣт, рѣчь идет о хозяйственно-раціональном *устроеніи* землепользованія, об устраненіи недостатков в расположеніи отдѣльных земель, об их качественных неудобствах». Таким образом к продолженію и совершенствованію работ основного землеустройства придется еще возвращаться.

Какіе же итоги могут быть подведены в результатѣ этого немногаго конкретнаго матеріала? Конечно выводы должны быть осторожны. Повторяем в концѣ то с чего начали: процесс аграрной революціи и результаты ея существенно различаются по районам. Из приведеннаго выше матеріала ясно видно различіе в состояніи областей гдѣ землепользованіе регулировано «временным распредѣленіем земель» и тѣх, гдѣ произведено и производится основное землеустройство, различіе, прежде всего в технической упорядоченности земельных площадей. Но как ни медленно, а процесс землеустройства все-таки подвигается, и с большими трудностями, но захватывает все большія и большія территоріи.

Неоднократно доказывалось уже, и приведенными данными может быть иллюстрировано еще раз, что чаянія аграрнаго движенія об уничтоженіи крестьянскаго малоземелья путем раздѣла земель нетрудового фонда, потерпѣли рѣшительное крушенье. Даже в тѣх, исключительно благопріятных, в смыслѣ размѣров площадей частновладѣльческих имѣній, условіях, в каких находятся нѣкоторыя губерніи Украины, онѣ не в состояніи этим путем преодолѣть земельную тѣсноту. В болѣе же типичной обстановкѣ, как обстановка Задонскаго уѣзда, частновладѣльческія прирѣзки оказываются и вовсе незамѣтными.

Вторая иллюзія—всеобщей полной уравнительности, по тому, что мы видѣли в Задонском уѣздѣ, сознательно и до конца изжита крестьянством, самостоятельно проведшим временное распредѣленіе земель и активно слѣдившим за основным землеустройством. Совершенно наглядно уравнительность эта ограничилась предѣлами сельской общины, но и тут поддержаніе ея представляет слишком дорогую затѣю.

Все же несомнѣнно, что в общем и цѣлом для всей Европейской Россіи крестьянство замѣтно нивеллировано, конечно, в разной степени по разным районам. В большинствѣ случаев это не достиженіе, с точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Но в тѣх районах, гдѣ прошло и проходит основное землеустройство, оно не может не приносить с собой технически болѣе раціональную организацію территоріи не только по сравненію с первым періодом революціи, но и с дореволюціонной эпохой. Это все-таки землеустройство, как бы несовершенно оно ни было.

И крестьянство, покончив с иллюзіей прирѣзок, все больше и больше вниманія обращает на улучшеніе организаціи своих участков. В этом смыслѣ чрезвычайно характерно отношеніе к результатам землеустройства в Задонском уѣздѣ. Вѣдь положеніе несомнѣнно улучшилось послѣ землеустройства, и однако населеніе возбуждает ходатайства о продолженіи землеустроительных работ, образовывает и стремится образовывать выселки, выйти на отруба и хутора и всячески улучшить основныя условія своего хозяйствованія.

В сознательном изжитіи аграрных иллюзій, в обращеніи к основным улучшеніям своего хозяйства, в интенсивном хозяйствованіи, крестьянство находит пути возстановленія русскаго сельскаго хозяйства, без котораго невозможно возрожденіе Россіи.

В. Кильдинскій.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ ПОД СОВѢТАМИ.

Октябрьская революція коренным образом измѣнила соціальную структуру русскаго народа. Ряд соціальных групп она или уничтожила, или сильно ослабила: высшую аристократію, помѣстное дворянство, прежнее чиновничество, купечество, промышленников, фабричных рабочих. Она выдвинула новыя группы. Выдвинула нэпманов: вчерашніе коммивояжеры и коммисіонеры пытаются занять мѣсто, оставшееся пустым послѣ «крупной буржуазіи», не имѣя однако, и теперь ни капиталов, ни предпріятій — столик в совѣтском кафэ — вот их дѣловая контора, гдѣ они срывают совѣтскіе милліарды, быстро их затѣм спуская («бѣшеныя деньги»). Она выдвинула новую «высшую бюрократію» (комиссаров, уполномоченных, членов правленій и т. д.), формально «бюрократію», а по существу «хозяйчиков», ибо они, как нѣкогда «воеводы», получают в кормленіе раіоны, пароходства, заводы, торговыя предпріятія — и смотрят на них, как на свое «собственное»; обороты у них, фантастическіе по цифрам, реально не превышают недѣльных оборотов бойких лавок. Группа «хозяйчиков», вышедшая из рядов пріявших коммунистическую платформу приказчиков, конторщиков, мастеров, — образует совѣтскій Mittelsland.

Наиболѣе консервативными группами оказались крестьянство и, так называемая, интеллигенція. На послѣдней я и хочу остановиться в настоящей статьѣ. Проведя пять слишком лѣт в Совѣтской Россіи, живя в Петербургѣ, бывая в Москвѣ, совершив осенью 1920 г. путешествіе на Кавказ, и работая одновременно в разных областях (научной, литературной, общественной, промышленной) я соприкасался со всѣми кругами интеллигенціи, как столичной, так и провинціальной. Матеріал по вопросу у меня накопился. Сосредоточу вниманіе главным образом на положеніи интеллигенціи за послѣдніе 1922-23 годы.

1. Условія и быт.

В 1922-23 годах положеніе интеллигенціи давало пеструю картину. С матеріальной стороны оно было близко к удовлетворительному для работавших в «націонализированных» банках, промышленности, торговлѣ, в нѣкоторых пользующихся собым вниманіем власти вѣдомствах, нѣсколько хуже в транспортѣ; оно **уже** было значительно лучше положенія рабочих. Убѣдившись в ничтожном, даже вредном эффектѣ системы голаго понужденія, большевики стремились теперь прилично обставить, насколько возможно — «насытить», особо необходимым, незамѣнимых «сотрудников», вообще лиц высоко квалифицированных. Высшія нормальныя ставки для «спецов» доходили в началѣ 22 г. до 300 зол. р., сейчас онѣ ниже. Всякіе виды «поощренія» и совмѣстительство еще повышало заработок таких «хорошо» устроившихся служащих. Отдѣльныя лица получали и получают до 750 зол. руб. в мѣсяц и болѣе. Низшія ставки в тѣх же предпріятіях и учрежденіях были во много раз меньше. Онѣ вообще были крайне низки в Рабоче-Крест. Инспекціи и Комиссаріатѣ Нар. Просвѣщенія. В послѣднем к тому же выплата задерживалась по много мѣсяцев и служащіе обсчитывались в связи с неуклонно падавшей валютой.

Постоянное сокращеніе штатов во всѣх рѣшительно комиссаріатах (кромѣ

Г. П. У.) выбрасывало за борт значительное количество интеллигенціи. Кризис же, переживаемый «нэпом», лишал возможности оставшихся за штатом разсасываться в частных предпріятіях. К тому же послѣднія оплачивают труд ниже, чѣм государство. С введеніем «нэпа» нѣкоторая часть интеллигенціи получила, наконец, возможность не голодать, другая же впала в большую, чѣм когда либо, нужду. За годы Совѣтов вся интеллигенція жила, как моль, проѣдая свою мебель, одежду, всякія вещи. Когда для проѣданія уже ничего не осталось, обстановка для неустроившихся дѣлалась все кошмарнѣе. Грозила голодная смерть. Число самоубійств, психических и физических заболѣваній соотвѣтственно росло. Но не всѣ біологическія послѣдствія недоѣданія и голода уже выяснились. В нынѣшнем году пр. Рубнер в своих лекціях в Берлинском университетѣ указывал на то, что недоѣданіе, напримѣр, бѣлков сказывается на организмѣ года через три, когда ущерб, нанесенный организму, уже неисправим...

При обсужденіи в собраніи служащих одного Совѣтскаго учрежденія вопроса о размѣрѣ отчисленія в пользу голодающих, не обнаруживалось готовности на большія жертвы. Один из высокопоставленных спецов (извѣстный анархист) обрушился на собраніе со страстной филиппикой по поводу такого «шкурничества»: не накормить голодных и они отомстят вам эпидеміями, бунтами, уничтоженіем культуры. Одна из служащих просто, спокойно раз'яснила оратору, — он забывает, что перед ним то же голодающіе, которые молча несут свой крест; чахнут и умирают, забытые, одинокіе; хорошо, если одинокіе: еще хуже, если гибнут цѣлыми семьями.

Положеніе большинства, среди имѣющих удовлетворительно оплачиваемую службу, все же нелегкое.

«Культура начинается там, гдѣ есть прислуга», своеобразно формулировала одна совѣтская обывательница трудность для интеллигенціи удовлетворить свои запросы при неизбѣжности выполнять в своем быту всевозможныя черныя работы, от которых раньше бы отказалась и прислуга: приходится вѣдь не только самим стирать и готовить, но и таскать тяжести и рубить дрова... Как примѣр — укажу заготовку в домашнем быту топлива Достать топоры и пилы не легко. А нужно притащить откуда то бревна, заплатив за них дороже чѣм до войны, напилить их на дрова, наколоть дрова для «буржуек» на щепки и т. д. Фактически рабочій день у всѣх очень велик, даже у безработных он не маленькій. Жизнь сводится поэтому в значительной степени к удовлетворенію элементарных, физіологических потребностей. Трудность их насытить внѣдряет в жизнь интеллигенціи правило — «спасайся кто может». Особенно страдает от этого семья. Семьи часто распадаются. Сохранившіяся стремятся не имѣть дѣтей. Аборт стал массовым явленіем (увы — не только в «образованном обществѣ»). Дороговизна обученія усиливает тягость многодѣтных семей. Отрицательный евгеническій эффект количественно сокращающагося и находящагося в неблагопріятных условіях потомства у интеллигенціи краснорѣчиво отмѣтил В. М. Штейн

Правовое положеніе интеллигенціи исключительно тяжело. Только живя в Совѣтской Россіи можно отрицательным путем осознать, что правопорядок также необходим человѣку, как и хлѣб насущный.

На совѣтской службѣ интеллигенція всегда в подозрѣніи. Даже с хорошо поставленными «спецами» тон у начальства властный, военный, грубый — иногда от неумѣнья себя держать. Опазданій на службу не допускается. Захворавшіе длительно, ослабѣвшіе — кандидаты к оставленію за штатом. В положеніе людей не входят. В одном учрежденіи, при обсужденіи положенія служащих, когда-то видный банковый дѣятель, а теперь «спец», очень уважаемый коммунистами, не выдержал и обращаясь к «начальству» заявил: «Когда-нибудь Бог вас спросит: «Каин, Каин, гдѣ брат твой Авель?!» Реплика, неожиданная по формѣ и силѣ, очень смутила коммунистов, уступки были достигнуты — но очень не надолго...

Гнет Чека усиливается. Смягчившись в отношеніи числа казней, он пошел вширь. Число агентов чека постоянно растет. Наблюденіе захватывает теперь и внутреннюю работу учрежденій, и даже интимно-личную жизнь интеллигенціи. Служащих, переписывающихся с родными заграницей, увольняют. За нахожденіе при обыскѣ книг и лекцій, изданных в Совѣтской Россіи, но признанных вредными — в провинціи арестовывают... Попытки

собираться даже «домашним кругом» иногда жестоко караются. Так, 15 іюля пр. года, в Петербургѣ на имянины к св. Владимиру Пищулину собралось человѣк 15 его знакомых... Через нѣсколько дней всѣ собравшіеся были арестованы. Слѣдствіе не могло установить, что это не были именинные гости, однако всѣх выслали — самого о. Владимира, конечно, также. Он — молодой священник, кончившій Университет. Слабый и болѣзненный, он с разрѣшенія митрополита надѣл рясу, оставаясь холост. У него старушка мать. Взяли его для высылки из тюремнаго лазарета, не предупредив, не дав свиданія с матерью. Выслали без денег, без вещей, без теплаго платья — позднею осенью... «Обычная исторія!»

Современный массовый «мягкій» террор совершенно подавил психику большинства интеллигенціи и без того изнуренной всякими лишеніями и произволом.

Когда то Витте убѣждал Горемыкина, что нельзя государству, без вреда для себя, превратить людей в человѣческую пыль. Теперь распыляют без смущенія. Ликвидируют не только «вредные центры», но и самые «безвредные».

Коммунисты стремятся всѣх вовлечь в свою «псевдо - общественность», столь напоминающую организаціи Союза Русскаго Народа. «Если интеллигенція лишится совершенно собственных организацій, расчитывают коммунисты, она придет рано или поздно в наши: человѣк животное общественное». В этом отношеніи положеніе Петербурга и Москвы давно уже различно. В Москвѣ коммунистам удалось вовлечь интеллигенцію в свой оборот, она выступает на собраніях у коммунистов, послѣдніе у нея. В Петербургѣ подобнаго «общенія» еще нѣт: там у коммунистов меньше подходящих сил, посылать же для обрабатыванія интеллигенціи примазавшихся к большевикам интеллигентов — значило бы «портить музыку».

Интеллигенція живет обособленно. С другими соціальными группами у нея слишком мало общаго. Свой старый быт распался. Обычныя раньше формы общенія стали и трудно осуществимыми, и неинтересными. Живут в одиночку, живут изолированными семьями. В семьях живут недружно, срывают на близких недовольство жизнью.

«Сѣрая жизнь, скучная жизнь — сѣрая... с каплями крови на ней» вызывает эмоціональный голод. Является потребность острых переживаній. Если физіологія питанія устанавливает в настоящее время необходимость особых возбудителей для людей умственнаго труда, то в условіях Совѣтской Россіи они особенны извинительны: и наркотики, и алкоголь, и азарт. Для ослабленнаго организма и не требуется количествено сильныя возбужденія.

В общем в Россіи все же пьют меньше чѣм до войны (бюджет не позволяет), да и в карты играют меньше (времени нѣт). Но, конечно, всякая попойка, всякая карточная игра на фонѣ нищеты кажется отталкивающей и гнусной. К чести интеллигенціи, в этом отношеніи она проявила больше выдержки и воздержанія, чѣм всѣ остальныя группы населенія. Общій стиль ея жизни — монастырскій.

Большинство ея положительно живет аскетически. Но и «цѣломудренныя» радости становятся для нея недоступными. Один провинціальный педагог, способный филолог, разсказывал мнѣ, что читать приходится мало. Зимой он приходит домой, когда смеркается. Освѣщенія нѣт. Ложиться. Темно. Не спится. Уходит в воспоминанія... Книжку вообще трудно достать, иностранную же, новую почти немыслимо. Даже театр, концерт — для огромнаго большинства интеллигенціи теперь роскошь, обычно недоступная.

2. Настроенія.

Велики мистическія увлеченія интеллигенціи. Один молодой ученый — финансист, прежде чѣм рѣшить вопрос, уѣзжать ли заграницу, ходил к гадалкам. Это — типично. Оккультныя науки изучаются с увлеченіем, науки общественныя мало интересуют. Массовая психостенія!

Живущіе в Россіи испытывают болѣзненную тоску по родинѣ: Совѣтская Россія не мать, а мачиха. Отсюда тяга к прошлому. Один из островков

этого прошлаго, не затопленный революціоннымъ половодьем — церковь. Не слѣдует преувеличать значеніе повысившейся религіозности интеллигенціи. В церкви часть интеллигенціи нашла временное убѣжище и только. В церковь идут отдохнуть от чуждых форм жизни, настойчиво навязываемых и непріемлемых. Религіозныя настроенія не вызывают совершенно потребности религіознаго подвига, религіознаго творчества. «Вѣра же без дѣл мертва». В современной интеллигентской религіозности много чистаго эстетизма.

Уклон к нему вообще выпукл. Искусство, литература стали прежде всего самодовлѣющими цѣнностями. Культ Пушкина и Достоевскаго никогда не был так велик, как в Совѣтской Россіи. Пушкин стал для широких масс интеллигенціи, наконец, тѣм, кѣм давно был для Германіи Гете. — А успѣх Блока: его чтят почти наравнѣ с Пушкиным, несмотря на глубокое различіе их муз...

Очень глубок, органичен интерес к національной культурѣ. Ключевскій — излюбленный писатель. Театр обратился к Островскому. В живописи царит Кустодіев, удивительно воскрешающій старый быт. Талантливѣйшіе беллетристы увлекаются фольклором: Пильняк, Замятин, Яковлев. В этом устремленіи разгадать національное лицо чувствуется пафос, котораго так мало было у нашей интеллигенціи прежде.

Современность мало интересует, она считается случайной и преходящей. Правда, что современность — опасная, скользкая тема, публичныя выступленія в связи с нею обычно пресѣкаются. Но и попыток для собственнаго потребленія вскрыть истоки революціи, подвести ея баланс, почти не производится. Заранѣе предрѣшается и случайность революціи, и вред ея для Россіи.

Оваціи, которая совѣтская театральная публика устроила статисту, выступавшему в роли городового, может быть и анекдот, но успѣх «Ревизора» в новой постановкѣ Художественнаго Театра создан не только бесподобной игрой Чехова и всего ансамбля. Чехов играет, как клоун, подчеркивая тѣм ничтожество и глупость, а не «легкость в мыслях» Хлестакова — и именно такой Хлестаков-как-бы символизирует тѣх самозванцев, которые обманули всю Россію и правят ею. Жандарм, возвѣщающій появленіе настоящаго ревизора, вызывает почти истерическій восторг: самозванцы должны быть замѣнены настоящей властью, они не вѣчны...

Велик интерес в Россіи к отвлеченностям, особенно к философіи. Этот интерес к философіи симптоматичен. Русская интеллигенція много поколѣній враждовала с философіей, почитая ее «метафизикой» и «схоластикой», которым она предпочитала «позитивную науку». Трудно представить себѣ однако менѣе позитивную по духу группу, чѣм старая интеллигенція. Интерес к философіи широко пробудился в обществѣ лишь в эпоху революціи 1905 г., когда оно признало важность «развитія производительных сил» страны. Новая совѣтская интеллигенція, вырабатывающая «по неволѣ практическіе навыки» и вмѣстѣ со всей Россіей американизирующаяся, воспринимает «метафизику». Конкретное, наоборот, не завлекает. Власть стремится самое чистое знаніе приспособить для прикладных цѣлей и не встрѣчает сочувствія. Нѣт ощущенія того, что сейчас в Россіи — при большевиках — можно дѣлать какую-нибудь реальную работу. Это только **«эпоха замыслов»**, как охарактеризовал ее П. Перцев.

Справедливость заставляет меня отмѣтить, что коммунисты широко поощряют в интеллигенціи всякую иниціативу. Чѣм грандіознѣй проект — тѣм больше вниманія он возбуждает, тѣм охотнѣй дают средства на его разработку. Но, как и указывает Перцев, вниманіе к проекту совершенно пропадает, как только он разработан. Да и как их осуществлять! Говорят, один крестьянин замѣтил Ленину, что электрофикація — дѣло хорошее, но у нас еще «пужничков» нѣт...

Отрѣшенности интеллигенціи от живой жизни содѣйствует и та специфическая духовная обстановка, в которой большевики держат Россію. На все предлагается смотрѣть только сквозь призму совѣтской печати, совѣтской литературы, совѣтских агитаторов. Им не вѣрят, других источников для освѣдомленія почти нѣт, зарубежная наша литература в Россію почти не проникает. Не зная, что происходит в самой Россіи, еще менѣе зная, что

происходит на Западѣ, отбрасывая то, что ей по этой части разсказывают коммунисты, интеллигенція уходит от современности.

Вызывает тягу к прошлому и «потустороннему» крах міровоззрѣній, переживаемый обществом. У разных его слоев міровоззрѣніе было различно, но почти всѣ міровоззрѣнія не выдержали испытаній революціи.

3. Духовный кризис.

Не одинаково переживается духовный кризис в зависимости от возраста и от политическаго прошлаго. Хуже всего старикам. «Коммуна» их оглушила, вѣра в то, что ее переживут, изсякла. Нужно лишь дотягивать житейскую лямку. «Старыя слова» не забыты, но они утратили значеніе истины. «Новых слов» нѣт, их поздно искать, да и все равно с ними не сжиться. В долгія безсонныя ночи старики твердят себѣ, что они — банкроты. Люди, не достигшіе 50 лѣт, настроены иначе. Вопроса «когда это кончится?» и они уже не задают. «Кончать революцію» и они чувствуют себя безсильными, но опредѣленное отношеніе к настоящему у них все же есть.

Чѣм ближе интеллигенты по духу рволюціи, тѣм болѣе они откровенны. Особенно анархисты. В очень ярком «открытом» письмѣ анархисту Рощину-Писарову другой анархист, скрывшійся под иниціалами Б. С., обрушился на систему государственнаго капитализма, провозглашенную Лениным. Б. С. доказывает, что эта система влечет больше насилья, чѣм «буржуазный порядок», что она гипертрофирует государственный аппарат и его органы. Принужденіе истощает національный доход, требуя от него к тому же гораздо больше на свои нужды, неминуемо влечет к столкновеніям с другими государствами — словом усиливает всѣ отрицательныя стороны «капиталистическаго государства» и не дает ничего положительнаго.

Настроенные соціалистически, внутренно, пожалуй, относятся терпимо к большевикам, не прощая им, однако, того, что жестокими экспериментами они компрометируют ореол революціи. Но многіе из них считают, что не на кого мѣнять большевиков. «Бѣлые в массѣ — недотопленное офицерство», цинично говорил мнѣ один извѣстный журналист и поэт: «озлобленные, ограниченные; из всѣх чувств самое сильное у них — месть. И своею местью они растерзали бы Россію больше, чѣм совѣтская власть при всей ея тупости и подлости. Большевики по природѣ своей и національнѣе, и народнѣе, что-же дѣлать если наше историческое лицо не очень приглядно. Образуется!» Так настроены, конечно, далеко не всѣ соціалисты, оставшіеся в Россіи. Многіе ведут борьбу с властью, воскрешая систему старой подпольной работы и попрежнему расплачиваются за нее дорогой цѣной.

Совершенно не правы тѣ, кто думает, что соціализм изжит русским обществом. Наоброт, соціалистическія теченія его оказались наиболѣе устойчивыми идеологически, не только болѣе дисциплинированными. Часть их только очень замкнулась внутри себя, не стремится возстановить вліянія на интеллигентскія массы. В возможность «легальной работы» при большевиках многіе вѣрят еще меньше, чѣм в легальную работу «при царизмѣ». Однако и в самой Россіи часто приходится слышать стереотипную фразу: «Если коммунизм имѣет историческій смысл, то лишь постольку, поскольку он на многія десятилѣтія страхует не только Россію, но и весь мір от соціалистических экспериментов». Наивная фраза, ибо даже от повторенія в тѣх же примитивных и жестоких формах русскій опыт не предохранит... Развѣ примѣр отцов многому учит дѣтей?

Как показатель отхода совѣтской интеллигенціи от соціализма недавно был использован журнал «Экономист», выходившій в Петербургѣ в первой половинѣ 1922 г. Будучи, как никто, близок к журналу, я пользуюсь случаем отмѣтить здѣсь, что к непосредственному участію в редакціи журнала соціалистически настроенные экономисты не были привлечены отчасти ввиду их скептическаго отношенія к возможности вести журнал при совѣтской цензурѣ (так ли они ошиблись?), отчасти потому, что в первую очередь хотѣлось дать высказаться, выговориться тѣм, кому до того в Совѣтской Россіи это было совершенно невозможно. В архивѣ журнала имѣлось нѣсколько ярко соціалистических статей — и не будь «Экономист» закрыт на

№ 4 — 5, онѣ, конечно, появились бы. Отмѣчу также, что появленіе в журналѣ нѣкоторых статей, направленных к критикѣ соціализма, несмотря на общее сочувствіе, пріобрѣтенное в Россіи журналом, встрѣчено было неодобрительно не только среди соціалистов. Указывалось на то, что несмотря на опыт, продѣланный на путях к соціализму Россіей, такая критика не дает ничего по существу новаго для антисоціалистической мысли.

Что касается группы, хотя и не примкнувшей к соціализму, но стоящей на лѣвом флангѣ, то среди нея многіе не исключают возможности перерожденія коммунистов в радикальную партію и притом даже не революціонную. Они указывают на чрезвычайное расхожденіе между програмными положеніями, декларативными заявленіями руководителей партіи и их практической политикой, очень не доктринерской, гибкой и даже «дѣловой». Они считают, что в моменты революцій, пока вожди не забрали вожжи в свои руки, им приходится самим идти на поводу у масс, постепенно овладѣвая тормазами. Они напоминают интеллигентское прошлое большинства большевистских лидеров и их склонность выдвинуть в конечном итогѣ экономическую созидательную работу. Жизнь-де заставит коммунистов «поумнѣть». «Сначала — успокоеніе, потом — реформы». Добившись возстановленія хозяйственнаго благополучія для населенія, они смогут пойти и на политическія уступки. Такое теченіе среди интеллигенціи, отнюдь не одобряя, как смѣновѣховцы, эксцессов коммунизма, вовсе не раздѣляя и экономических методов Совѣтской власти, держится по отношенію к ней в качествѣ лояльной оппозиціи.

Характерно, что в концѣ пр. года К. Радек выступил со статьей, доказывая, что совѣтская эконом. политика должна быть признана цѣлесообразной и с чисто «буржуазной точки зрѣнія». «Національзировать» нѣкоторыя отрасли нар. хозяйства было необходимо, так как хозяева ушли; возстанавливать же послѣдних в своих правах нѣт смысла, ибо у них нѣт капиталов, потребных для возстановленія предпріятій. Если же послѣднія передать «концессіонерам», то старых владѣльцев не обидят, «отступное» дадут, но оно обременит новых предпринимателей менѣе, чѣм если бы им пришлось скупать акціи денаціонализованных предпріятій на биржѣ.

Приблизительно так же аргументировалась Радеком и нежелательность признанія публичной задолженности Россіи.

Государству нужны новые займы. Тѣ, кто финансировал старую Россію, финансировать Новую — не в состояніи. Другія финансовыя группы, еще не имѣвшія дѣла со старой Россіей, пожелают взять за кредит подороже и понимают, что рессурсы ея ограничены, что расплачиваясь за старые долги, Россія не смогла бы много занять вновь — столько, сколько ей нужно для возстановленія своего хозяйства, не могла бы и заплатить хорошо за потребный кредит. Вся сложность будущей политики Сов. Россіи, по мнѣнію Радека, в том, что нужно создать гарантіи того, что с ней можно работать...

Внутреннее броженіе в коммунистической партіи придает нѣкоторую вѣроятность неожиданных политических комбинацій. К сожалѣнію использовать их для интеллигенціи было бы трудно. Слишком она распылена, слишком много в ней теченій, вдобавок неоткристализовавшихся. Не мало разочарованных. «Мы хотѣли дать крестьянину курицу в супѣ, а заставляем его варить в нем собственнаго ребенка», писал мнѣ молодой беллетрист, уже отбывшій, как с.-р., тюремный стаж еще до революціи.

Красные растлили Россію, говорят интеллигенты-обыватели и отказываются видѣть разницу между коммунистами, соціалистами и кадетами. Они ждут бѣлаго генерала на бѣлой лошади и жаждут твердаго порядка, сильной власти—все равно с какой программой. Они думают, что свобода нужна только в одной области — для хищничества, почему-то вѣруя в его производительную силу. То, что Россія станет колоніей для иностранцев, их не пугает. Чтобы уйти из «Совѣтскаго Рая», можно бы и чорту продать душу. Особенно ненавидят они идею общественнаго хозяйства. Ни государство, ни самоуправленіе будто бы не могут быть хорошими хозяевами. И они с наслажденіем вчитываются в идеологов чистаго либерализма конца XVIII, начала XIX вѣка. Proprieté-sûreté-libreté (собственность — безопасность — свобода) — вот их credo Но свобода экономическая, а отнюдь не политическая. Кое-кто из них выступал даже публично — и на три-

бунѣ, и в печати — стяжав, конечно, шумный успѣх. Они даже и сомнѣнія не возбуждают, можно ли серьезно осуществлять чистое манчестерство в странѣ до тла разоренной и населеніе которой от всякой новой власти потребует мѣр скорой помощи.

Реакціонер теперешній примитивен, он вѣрит в жидо-масонство, с наслажденіем изучает откровенія Нилуса, считает масонами и Ллойд-Джорджа, и Троцкаго. Его критика коммунизма сводится к анекдотам. Например, в одном собраніи Троцкаго будто бы все время перебивал какой то восточный человѣк. Троцкій говорил о том, что Совѣтская власть сдѣлает из Красной Арміи болѣе сильную, чѣм была Армія царская. «Нэ будэт», раздался голос с галерки. Троцкій обѣщал поднять сельское хозяйство, транспорт, промышленность, торговлю, банки... «Нэ будэт», зычно покрывалось каждое его обѣщаніе. Троцкій прервал рѣчь и попросил неугомоннаго оппонента высказаться пространнѣй. «Жидов нэ хватыт», об'яснил тот. Болѣе образванные представители такого настроенія — среди них я встрѣчал и людей с хорошими (в прошлом!) общественными именами — видят в лозунгах реакціи единственное средство поднять массы народныя против коммуны. На болѣе благородныя формы реакціи намекнул на Пушкинском вечерѣ в Петербургѣ в февралѣ 1922 г. один почтенный историк литературы и общественности: «Раньше, сказал он, в твореніях Пушкина искали доказательства связи его с декабристами, теперь подчеркивают близость с императором Николаем I».

Таких, которые хотят понять современную Россію и ея трагическую судьбу, не много. «Для меня и красные и бѣлые не случайное выявленіе единой дорогой мнѣ родины», писал мнѣ едва-ли не самый даровитый и вдумчивый из современных художников слова: «ни без тѣх, ни без других я не могу ея мыслить. Время должно обнять, соединить эти полярности».

Обстановка жизни мѣшает существующим в русской интеллигенціи теченіям углубиться. Политическія бесѣды ограничиваются интимными кружками за чайным столиком, иногда ведутся в купэ вагона со случайным спутником, если он внушает довѣріе. На общественных собраніях, в литературѣ касаться политики невозможно.

Когда то Д. С. Зернов сравнивал систему управленія царской Россіей с поведеніем невѣжественнаго машиниста, забившаго полѣном предохранительный клапан. «Котел, конечно, взорвет», предсказывал он. И взорвало. Но это не помѣшало большевикам снова начать тот же опыт. А. С. Постников за год до своей смерти в бесѣдѣ со мной полагал, что об экономической политикѣ Св. власти еще можно спорить, но никогда нельзя простить им надругательства над человѣческой душою и насилія над словом. — «Да вѣдь именно в своеобразіи коммунистической политики, слышал я с другой стороны — их raison d'être Уничтожь они диктатуру пролетаріата, они станут ненужными, иную политику лучше с'умѣют сдѣлать другіе...»

Но этих иных пока не видно. И не видно, что могло бы об'единить интеллигенцію в единый фронт, кромѣ отрицанія совѣтской власти. А этого мало. Нужно строить цементирующую, спаивающую нас идеологію. Может быть даже работа эта и не так грандіозна. Развалились системы міровоззрѣнія, но кирпичи систем не пострадали; из них еще будут воздвигать прочныя и просторныя зданія. Работа пока не начинается, но кое что подготовительное уже дѣлается.

Так, чрезвычайно значительна работа Г. Г. Шпета по изученію исторіи русской философіи в связи с развитіем общественной мысли в цѣлом. Это широкая картина нашей духовной эволюціи. Г. Г. Шпет считает особенностью русской культуры ея **«невѣгласіе»**. Россія получила христіанство не от Рима, не от Константинополя даже, а от болгар — народа не имѣвшаго письменности. И наши духовныя связи с Западом искони были слабы. Петр пытался насаждать культуру с помощью совершенно невѣжественных сотрудников. Оппозиція казенному культуртрегерству возникла поздно и была оппозиціей разночинной интеллигенціи, багажом образованности не располагавшей. Ея роль к тому же теперь кончена. Часть интеллигенціи не признала революціи и оказалась внѣ исторіи. Другая ее признала, но пошла на поводу у событій, утратив право первородства, перестав быть тѣм, чѣм она быть должна. Из фактора она превратилась в агента. Будем надѣяться, го-

ворит автор книги, что народ выдѣлит свою новую интеллигенцію, что создастся и аристократія таланта, без которой культуры быть не может.

Интересна другая, кажется еще не опубликованная, работа NN. «о личном достоянін» — понятіе, которым он оригинально охватывает совокупность личных прав. В отличіе от Запада, доказывает он, личныя права у нас никогда не уважались, чувство чести не присуще было и высшим сословіям, тѣм паче массам — не здѣсь ли разгадка надруганія над личностью и в эпоху переживаемой революціи?

Отношеніем к прошлому опредѣляется коренной «водораздѣл» в русском обществѣ. «Что прошло, то будет мило» — психологическій закон, но в такіе моменты, какіе переживает Россія, этот ретроспективный оптимизм принимает неизбѣжно гипертрофированные размѣры. Забвеніе грѣхов прошлаго можно понять, но нельзя простить. Оно преступно. Еще Демосфен говорил афинянам: «плохія обстоятельства в нашем прошлом возбуждают широкія надежды на наше будущее... **если наше несчастье зависѣло от наших ошибок..** Если бы все дѣлалось нами, как слѣдует, для нас не было бы надежды».

Уходят в прошлое и ученые, но они дают нам возможность его оцѣнить, предостерегают от повторенія прежних ошибок. «Историзм» всегда присущ послѣ—революціонным эпохам, но здоровый историзм помогает избѣжать реставраціи темнаго прошлаго, выводя на тѣ пути, на которые тщетно стремились выйти предшествующія поколѣнія.

На эти пути выводят при свѣтѣ исторіи только тогда, когда уже знают **зачѣм итти и что дѣлать.**

Новыя догмы, пока, однако, не родятся. И развѣ запоздалый, загробный успѣх среди русской интеллигенціи ея великаго хулителя В. В. Розанова не указывает на то, что у интеллигенціи еще и нѣт потребности в догмѣ, что она, подобно Розанову, утратила «единство апперцепціи мысли», как выражался Зиммель. Если все расплавлено в Россіи революціей, то и самая общественная мысль не хочет еще опредѣлиться в твердыя догмы, создать систему міровоззрѣнія.

4. Идущіе на смѣну.

Тяжело в эту эпоху безвременья живется «молодняку» интеллигенціи. Молодежь рано начинает жить в Совѣтской Россіи. Дѣтства она не знает. Рано приходится сталкиваться с тяжелой дѣйствительностью, что́ вызывает и раннее возмужаніе. Пробудившись духовно, одни уходят в себя. Никогда не писалось в Россіи молодежью столько стихов, разсказов, драм — но больше всего стихов. Молодежь не может еще осознать **эпичности** переживаемой эпохи, молодежь насквозь **лирична.** Недавнее же наше прошлое — для нея уже далекое, легендарное. Может быть, потому и монархична часть молодежи.

Молодежь в Россіи всегда была оппозиціонна, она и сейчас вѣрна этой традиціи. Есть молодежь оппозиціонная «коммунѣ», стремящаяся к аристократической замкнутости, к снобизму. Посмотрите портреты молодых поэтов: настоящіе дэнди! Есть молодежь оппозиціонная старшим поколѣніям своего круга, особенно там, гдѣ отцы настроены «революціонно». И встрѣчаются очень культурныя семьи, гдѣ дѣти работают в че-ка.

«Коммуна» раскрывает перед молодежью великое искушеніе власти, да и другіе соблазны. Эти искалѣчены на всю жизнь. Есть и не пріемлющіе вообще міра, ищущіе экстаза, находящіе его в церкви, в искусствѣ.

Молодняк растет слабый. Слаб он и оттого, что жизнь изнасиловала его отроческія силы, рано задавив непосильной работой. Слаб и оттого, что жизнь не дала ему систематическаго образованія, идейных устоев.

Власть пытается создать новую интеллигенцію из народа, дать ей высшее образованіе. Сначала в высшую школу приходили рабочіе и крестьяне без всякой подготовки, теперь их довольно удачно натаскивают. Но скороспѣлое образованіе, отсутствіе длительной умственной тренировки дѣлает возможным удачное прохожденіе высшей школы только для особо одаренных «рабфаков». Большинство быстро утомляется, наука становится скучна.

Высшая школа внѣшне напоминает время перед 1905 г. Рабфаки играют роль «бѣлоподкладочников», — они привеллегированные.

Болѣе «буржуазные» слои студентов и матеріально больше нуждаются, так что даже внѣшне напоминают «старых студентов», и их правизна дѣлает их в глазах чека «неблагонадежными». Их правизна нам опасеній не внушает: она эмоціональна и наносна.

Самая высшая школа лучше сохранилась в области спеціальнаго преподаванія: техническая, художественная, медицинская, агрономическая. Преподаваніе гуманитарных наук, наоборот, благодаря особой «бдительности» начальства, совершенно развалено.

* *
*

Подведем итоги. Интеллигенціи и теперь живется трудно, многим тяжко. Ей приходится в потѣ лица и не всегда успѣшно добывать средства, чтобы удовлетворить лишь минимум потребностей, необходимый для физіологическаго существованія. Правовыя и моральныя условія жизни хуже матеріальных, духовная жизнь патологична. Но она не погасла и таит зародыши возрожденія. Выйти на пути к нему мѣшает глубокій кризис, переживаемый идеологіей.

Молодежь растет слабая, мало образованная, не получая духовнаго наслѣдства от зрѣлаго поколѣнія: тѣм нечего завѣщать. Вывод один: интеллигенціи под совѣтами нужна помощь. Необходимо чертить святыя скрижали идеологіи, нужно зажигать маяки.

— «Друг, свѣт уже мелькает!»

Lipenec u Zbraslavi.

Д. Лутохин.

О РЕЛИГІОЗНОЙ ЖИЗНИ.

Хотя большевики и увѣряют, что они не преслѣдуют религіи и борятся только с контр-революціей, когда она прикрывается религіозным флагом, — но, в дѣйствительности, все, что извѣстно о большевиках, и все, что приходилось наблюдать в Совѣтской Россіи, — свидѣтельствует об обратном.

Подвергаются гоненіям не только представители или служители того или иного культа или религіознаго теченія, но именно сами эти культы и теченія, как таковые, сама религія. Извѣстно вѣдь, что даже самое слово «Бог» принадлежит к числу запретных в Совѣтской Республикѣ, — по крайней мѣрѣ, для печати. Кн-ву «Задруга» запретили даже книжку дѣтских сказок С. С. Анисимова, гдѣ много раз попадалось слово «Аллах». Перед самым моим от'ѣздом за-границу (30 марта с. г.) Главполитпросвѣт вычеркнул из хрестоматіи по русской литературѣ, составленной одним извѣстным московским педагогом, стих. Кольцова «Урожай» («Красным полымем заря вспыхнула»),— классическое произведеніе, содержаніем котораго является, в полном смыслѣ, идеализація крестьянскаго, земледѣльческаго труда. Почему?! Потому, что кончается это стихотвореніе народнаго русскаго поэта словами:

«Уроди мнѣ, Боже, хлѣб, мое богатство!»

Вот — за это-то «неумѣстное» обращеніе к Богу, за упоминаніе о Богѣ и было запрещено стихотвореніе...

Да и что тут таиться! Несомнѣнно, что для воинствующих марксистов и матеріалистов, типа Троцкаго или Луначарскаго, уничтоженіе *всякой религіи* является завѣтной мечтой. Они отлично понимают, что людьми, у которых вырвана внутренняя опора для какой бы то ни было независимой мысли и дѣятельности, распоряжаться много легче, чѣм тѣми, кто идеалам и тактикѣ голого насилія противопоставляет велѣнія религіознаго идеала и голоса совѣсти. И мы видим, что Совѣтская власть, дѣйствительно, ведет планомѣрный и неуклонный поход против всякой религіи и всего религіознаго. Борьба ея против церкви прежде всего бросается в глаза потому, что к православной церкви принадлежит наибольшее число вѣрующих, и замолчать антицерковныя гоненія было бы уже никак нельзя. Но, повторяю, преслѣдуются открытыя проявленія рѣшительно всякой религіозной и, вообще, духовной жизни.

Я берусь даже категорически утверждать, что для большевиков болѣе желательно или терпимо существованіе в их странѣ религіи отсталой, потонувшей в обрядности и связанной с суевѣріями, чѣм религіи обновленной, прошедшей какой-то свой реформаціонный путь, болѣе близкой к современным понятіям и болѣе интересующейся различными проблемами жизненнаго характера. В самом дѣлѣ, большевики, вот уже 6-ой год отстаивающіе всѣми средствами свою власть посреди всеобщей ненависти к ней, успѣли уже, — подобно, скажем, царизму времен Побѣдоносцева, — уразумѣть, что чѣм темнѣе народ, чѣм болѣе он умственно и духовно несамостоятелен, тѣм легче держать его в порабощеніи. И это крайне характерно, что даже из трех развѣтвленій «живой» церкви (древне-апостольская церковь, церковное возрожденіе и собственно «живая церковь») большевистское руководство, гнѣздящееся в Г. П. У., охотнѣе всего поддерживает *наиболѣе умѣренное теченіе* («духовный профсоюз», как его называют представители лѣвых, «реформаціонных» отвѣтвленій), — а именно группу собственно «живой» церкви, возглавляемую узким и тупым протоіереем-чекистом Красницким.

Отчасти отсюда же, быть может, вытекает и безпощадное отношеніе большевистской власти к свободомыслящим и сектантским религіозным теченіям,

их организаціям, собраніям, печати и т. д. Существованіе их абсолютно не допускается.

Не имѣю возможности подробно обосновывать здѣсь свое положеніе, но не могу не разсказать одного любопытнаго случая, косвенно подтверждающаго его. В концѣ 1921 г. большевистская цензура в Москвѣ находила возможным разрѣшить печатаніе православнаго молитвенника и в то же время *запретила печатаніе Евангелія.* И когда представитель издательской фирмы задал вопрос цензору, чѣм обусловлена такая разница в отношеніи цензуры к молитвеннику и Евангелію, цензор дал слѣдующій, болѣе или менѣе уклончивый отвѣт:

— Тѣм, что молитвенник уже вошел в быт, а Евангеліе пока еще в быт не вошло!..

Итак, наличность религіозных гоненій в Совѣтской Россіи очевидна. Возникает вопрос: что же, достигают большевики своей цѣли? удается ли их задача — уничтожить религію?

Нѣт. Не достигают и не удается. Как извѣстно, всѣ их усилія достигают, скорѣе, обратных результатов. Правда, я не принадлежу к тѣм, кто считает, что большевистскія гоненія против православной церкви особенно сильно укрѣпили ея позиціи. Напротив, искусное примѣненіе в церковной политикѣ лозунга »divide et impera« (раздѣляй и властвуй) дало возможность большевикам добиться безпримѣрнаго разлада и развала в церковной средѣ. Превратив наименѣе стойкую морально часть духовенства в послушное орудіе своей воли, большевики, при их посредствѣ, внесли в церковную жизнь все то «мірское, слишком мірское», всю ту низость и пошлость завзятаго политиканства и интригантства, среди которых сами они живут и воздухом которых дышат. Благодаря этому, церковный лагерь превратился в лагерь враждующих между собою теченій и сект, вожди которых, повидимому, совсѣм забыли о необходимости блюсти «едино стадо» за «единым Пастырем» и своими распрями, часто весьма ожесточенными и грубыми, в корень разлагают и губят церковную организацію и церковную жизнь, т. е. дѣлают как раз то, что нужно большевикам.

Между тѣм, в эти лютые дни, переживаемые Россіей, значеніе церкви, как источника духовной жизни, стало ясно даже тѣм, кто ранѣе совершенно отрицал за нею это значеніе, как, напр., мы грѣшные, послѣдователи Толстого. Перед лицом того разнузданія звѣря в человѣкѣ, которое нес с собою большевизм, нельзя было не оцѣнить исторических услуг церкви в дѣлѣ охраненія христіанских завѣтов и ея гуманизирующаго вліянія на народныя массы. Поэтому развал церковный, — может быть, исторически необходимый, — воспринимался нѣкоторыми из нас не только как *кризис церкви,* но и как *кризис религіи* в Россіи.

И надо сказать правду, что представители так называемой «старой» церкви дѣйствовали и дѣйствуют в этой внутренней распрѣ все же много достойнѣе и сдержаннѣе, чѣм представители «живой» церкви. Первые умѣли умирать за свою вѣру и на судах большевистских, неправедных, нерѣдко проявляли исключительную нравственную высоту. Важно и то, что многіе из представителей «стараго» православія мудро уклонялись от всякаго участія в церковной распрѣ, — я лично знаю одного-двух священников, которые даже оставили свои приходы, чтобы не быть вовлеченными в борьбу, мѣшавшую им жить, вѣровать и молиться «в духѣ и истинѣ». Один такой священник говорил мнѣ, что, по его мнѣнію, пришла пора христіанству снова уйти в катакомбы; только там можно соблюсти чистоту вѣры и христіанской жизни.

И, напротив, на сторонѣ «живоцерковников» многія «духовныя особы» коротко остригли не только свои волосы, но и... свои моральныя и нравственныя предубѣжденія. Связь с Г. П. У., почти совершенно публичная и открытая (так что даже зал для религіозных диспутов «живой церкви», в которых я дважды принимал участіе в качествѣ оппонента, снимался Г. П. У.), подслуживаніе власти самое пошлое, тошнотворное, отношеніе к погибающим под пятою Г. П. У. собратьям-церковникам цинично равнодушное, лицемѣріе и фарисейство на каждом шагу самое очевидное, — ни в ком не могли возбудить уваженія к новоявленным реформаторам.

Конечно, в свое время и старая церковь принимала завѣт ап. Павла «всякая душа властем предержащим да повинуется, нѣсть бо власть, аще не от

Бога» за непреложный закон. Но «живая» церковь, именно за это-то и обвиняя громогласно «старую», в то же время сама откровенно провозгласила святость павловской заповѣди *для даннаго дня,* — как будто не замѣчая всей ложности того положенія, в которое она, таким образом, попадала.

«Живая» церковь очень гордится своим отрицаніем (словесным) богатства толкованіем Евангельской морали, как морали «пролетарской». На это ей указывалось (хотя бы на упомянутых диспутах), что проповѣдуя так в Совѣтской Россіи, она лишь идет по линіи наименьшаго сопротивленія и не выказывает рѣшительно никакого духовнаго подвига, между тѣм как истинный долг истинно-христіанской церкви в нынѣшней Россіи должен был бы состоять в открытом и смѣлом обличеніи неслыханнаго насилія царствующей власти, на подобіе того, как митрополит Филипп обличал Іоанна Грознаго!.. Но, при такого рода возраженіях, эта, с позволенія сказать, «живая» церковь вдруг оказывалась дряхлой, немощной, глухой и слѣпой старушкой, которая ничего не видит и не слышит из того, что вокруг нея творится!..

Да, позиція «живой» церкви в Россіи вполнѣ опредѣленна: «Воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе... тоже Кесареви»!..

Мнѣ лично представляется, что наилучшим (т. е. подлинно религіозным) элементом в русской церкви являются сейчас именно тѣ представители как духовенства, так и вѣрующих міряи, которые сознательно остаются в сторонѣ от раздирающей церковь внутренней распри. И, может быть, самое важное во всей этой исторіи то, что *народ,* — крестьянство, если хотите, да и громадное большинство православно-вѣрующих горожан, — тоже, как мнѣ кажется, *остался в сторонѣ от смуты, в сторонѣ от распри.* О, конечно, каждый вѣрующій и каждая вѣрующая проявляли громадный интерес к тому, что происходило в нѣдрах церкви — ко всѣм этим «совѣтским» и «тихоновским» группировкам духовенства и пр. Но, в концѣ концов, *активно дѣйствующими* в церковных событіях оказались, опять-таки, *только верхушки, а не сам народ* (за исключеніем, быть может, инцидента с противодѣйствіем из'ятію церковных цѣнностей, в котором, дѣйствительно, почти повсюду приняли участіе самые широкіе слои населенія). Эти верхушки рѣшали вопрос, быть или не быть патріарху, с Совѣтами-ли итти церкви или без Совѣтов, дозволить-ли или не дозволить епископам жениться, устраивать-ли открытые алтари в церквах или сохранить иконостасы и т. д. Как ни как, все это — опять-таки «политика», пусть хотя бы только церковная политика, а в ней народ (большинство православнаго народа) никогда не был компетентен и никогда ею не занимался. Ни теперь, ни раньше. *Не он* устанавливал старые порядки, *не он* настаивает и на их пересмотрѣ. Все это дѣлалось и дѣлается — другими, — «верхушками», Тихонами и Антонинами, — *для него, для народа.* И в этой, вольной или невольной, внѣшней пассивности народа — его внутреннее спасеніе. Ибо, конечно, из созерцанія картины современной русской духовной жизни слѣдует все-таки сдѣлать *оптимистическій* вывод. Нѣт никакого сомнѣнія, что всѣми происходящими на поверхности церковной жизни волненіями и пертурбаціями *подлинная религіозная народная жизнь не убита.* Народ имѣет и хранит свою религію. Формы ея — различны: и православіе, и сектантство разных оттѣнков, но как раз формы-то и играют в данное время наименьшее значеніе. Гораздо важнѣе то, что бѣшеный наскок извнѣ, со стороны атеистическаго правительства, на вѣру, на душу народа встрѣтил настойчивый и непреоборимый отпор. Независимое народное самосознаніе не может проявляться открыто в условіях деспотическаго и тиранническаго государства, но факт на лицо: в современной Россіи существует два мнѣнія, двѣ головы, двѣ стороны, — это, во-первых, Совѣтская власть, и, во-вторых, сам народ. *И стороны эти не сходятся.* И обѣ уже понимают, что не сходятся.

Совѣтское правительство желѣзными клещами скрутило и сдавило руки народа, лишая его свободы дѣйствій, — но, увы! — оно и само не свободно: народ связывает его, ибо стоит ему отпустить клещи, как свободный народ встряхнет своими членами и, отбросив большевиков, пойдет своей дорогой... И так будет, несмотря на всю кажущуюся силу большевиков.

Весь корень широко задуманных и осуществляемых большевиками преслѣдованій религіи — только в этом, в их страхѣ перед *духовным,* побѣждающим матеріальное. Они видѣли на примѣрах погибающих от их руки, но не измѣняющих себѣ сектантов и православных, что *духовное* — это тоже

сила, и, противорѣча себѣ, как матеріалисты, тщательно выслѣживают, гонят и «убивают» это духовное!.. Потуги, достойныя сожалѣнія.

То, что относится к большинству православнаго русскаго народа, сохранившаго и лишь провѣрившаго на горьком большевистском испытаніи свою вѣру, — относится и к міру сектантов и свободомыслящих религіозных людей. В кн. 4-й «Крестьянской Россіи» я отмѣтил нѣкоторые факты и явленія из жизни русскаго сектантства (главным образом, так назыв. «толстовства») за время революціи, — факты и явленія, позволяющіе сдѣлать заключеніе, что и в этой части русскаго народа не умерла, не убита живая вѣра. Теперь мнѣ хочется упомянуть еще об одном явленіи или событіи религіозно-общественнаго порядка, относящемся к послѣдним двум годам владычества большевиков и имѣвшем, как мнѣ кажется, немаловажную внутреннюю значимость. Правда, стоило большевикам, «не преслѣдующим религіи», только краем уха услышать о новом явленіи, как всяким попыткам внѣшняго его выраженія был положен конец.

Я имѣю в виду мысль, возникшую также в средѣ «толстовцев» (но дорогую мнѣ не поэтому, а именно потому, что она затѣм *вышла за предѣлы «толстовства»)*, — о необходимости встрѣчи, общенія и сближенія между представителями разных религіозных теченій. Конечно, систематическій поход большевиков против всякой религіи был лишним поводом к стремленію высказать и осуществить эту мысль, близкую к тому, о чем мечтают христіане, молясь о «соединеніи церквей».

Новое сообщество, к которому примкнули представители цѣлаго ряда духовных и религіозных теченій, назвалось «Вольным Содружеством Духовных Теченій». Свои цѣли и задачи оно выразило в обращеніи ко всѣм религіозным и духовным обществам, группам и лицам, основная мысль котораго была слѣдующая:

«Люди мечутся и не могут найти выхода из темницы, в которую их заключило свойственное большинству из них матеріалистическое міропониманіе, но выхода нѣт и не может быть до тѣх пор, покуда потерян и не найден каждым человѣком единственный ключ, отпирающій дверь этой темницы, и этот ключ — духовное пониманіе жизни. Не враждой и насиліем, не винтовкой и пушкой и не эксплоатаціей друг друга можно создать лучшую жизнь, но только признаніем себя и каждаго из нас духовным существом, сыном Единаго Отца, состоящим в подлинном братствѣ со всѣми людьми міра, несущими в своей истинной природѣ законы свободы, справедливости и любви.

Никогда еще перед людьми не открывалось с такой ясностью, что никакое внѣшнее улучшеніе общественных форм жизни невозможно без предварительной внутренней работы над собою каждаго отдѣльнаго человѣка, без обращенія к духу и укрѣпленія духа в себѣ; что никакая внѣшняя революція не может быть плодотворна без революціи внутренней, нравственной и духовной, подготовляющей в сознаніи каждаго переход к новым, болѣе справедливым и достойным человѣка формам общественной жизни, построенной на общечеловѣческих основаніях. Только из свободы внутренней может родиться свобода внѣшняя».

Не желая дѣлать из своего существованія никакой тайны, Содружество подало в Наркомвнудѣл заявленіе о легализаціи Содружества, вмѣстѣ с проектом устава и списком членов-учредителей. Вмѣсто отвѣта, по адресу, указанному в заявленіи, явились вооруженые люди для «закрытія» Содружества, опечатанія его помѣщенія и отобранія не существующей еще печати.

Вскорѣ послѣдовало, в том же порядкѣ, закрытіе других религіозных обществ, участвовавших и не участвовавших в Содружествѣ, и даже столь отвлеченных и абсолютно аполитичных, как, напр., Антропософическое Общество.

Вот вам — образец большевистской «свободы религіи и религіозных культов!...»

У нас, в Совѣтской Россіи, всѣ такія попытки проявленія свободной духовной жизни погибают и хоронятся в ящиках письменнаго стола тов. Тучкова, завѣдующаго 6-м отдѣленіем Секретнаго Отдѣла Г. П. У., созданным спеціально для борьбы с религіей.

Вал. Булгаков.

Г. Збраслав, 10 іюля 1923 г.

ТРИ ГОДА В ДЕРЕВНѢ.

Весной 1919 года по «независящим обстоятельствам» мнѣ пришлось покинуть Москву и переселиться в деревню. Эти независящія обстоятельства не выходили из ряда нормальных — обыски, аресты, опять обыски, из'ятіе излишков, наконец перспектива надолго попасть в заложники и голод вслѣдствіи полнаго отсутствія излишков.

В деревнѣ я провела больше трех лѣт — до осени 1922 года почти безвыходно, не теряла связи с ней до послѣдняго времени, жила одной жизнью с крестьянами, причем около трех лѣт была сельской учительницей. Настроенія великорусской деревни, конечно, в узких предѣлах, примѣрно, одной волости, мнѣ очень близки и хорошо знакомы.

Деревня Полужье, гдѣ мнѣ пришлось жить, находится в сѣверной полосѣ Средней Россіи, недалеко от крупнаго центра; населеніе — типичные сѣверные великороссы, в общем грамотные (в части старообрядцы), скорѣе средніе по зажиточности, как это обычно для сѣвера. С землей не очень тѣсно, больших помѣщичьих владѣній очень мало, много лѣсов, урожай обыкновенно средній, голодовок и обильных урожаев не бывает, развито отпаиванье телят и вообще торговля с городом.

Быт очень прочный, старинный, в'ѣвшійся в крестьянскую жизнь.

Я была свидѣтельницей попыток Совѣтской власти поколебать этот быт, попыток смѣшных, безнадежных и заранѣе обреченных на неуспѣх. Какая разница по сравненію с городом! Там полное исчезновеніе стараго уклада, какіе то осколки, за которые цѣпляются полууничтоженныя группы населенія и отвратительныя новыя формы нэпманскаго обихода. Здѣсь, в деревнѣ, тѣ же престольные праздники с обычным пивом и неизбѣжной дракой, тѣ же «посидки» в зимніе вечера с гармоніей, тѣ же ярмарки, на которых не было прежде товаров, нѣт их и теперь, та же защита с оглоблей в руках своей полосы, своего куренка.

Иван Николаев был богатым мясником, разбогатѣл еще больше; Анна Романова жила в старой избѣ у околицы, — там живет теперь.

Правда был момент, когда завелся в деревнѣ «комбед», пытался, как говорят у нас, шаборшить, но ненадолго; теперь члены комбѣда в батраках у прежних богатых мужиков, но на условіях гораздо болѣе тяжелых. Хулиган—Кузька поднялся в началѣ до ранга комиссара какой то степени, но быстро слиняя, скис, не удержался в сложной сѣти интриг комиссарских верхов и вернулся в первобытное состояніе; время от времени его покалачивают, как и раньше.

Одно время мелькнул у нас страшный тип каторжанина, вернувшагося к себѣ под фирмой красной звѣзды, страшный, потому что по прежним связям он хорошо знал всю подноготную деревни, был присяжным доносчиком, понятым при обысках и т. д. Его теперь нѣт в деревнѣ — населеніе выжало его, как вода пробку; вѣроятно, он комиссарит, но не в деревенских кругах.

Очень многіе из Мишек и Филек, которых я помню по дѣтским играм, подававшіе надежду стать махровыми большевиками, отдали дань авантюристическим наклонностям, ушли «на Украину», которая у нас считается краем свѣта и гдѣ то пропали. Обратно вернувшіеся домой красноармейцы сѣли по избам, на землю и быстро растворились в непоколебленном бытѣ.

Швейцары, оффиціанты из ресторанов, ушедшіе давно из деревни в город, скользнули у нас по поверхности, когда была мечта о поравненіи земли, но неприспособленные, ослабѣвшіе и голодные, без капитала и инвентаря, в деревнѣ не удержались.

Появился в деревнѣ ремесленник портной, сапожник, слесарь, на которых увеличился спрос, они хорошо зарабатывают, но они — типичные пролетаріи при «буржуѣ»-крестьянинѣ.

В Полужьѣ — я бывала много раз в теченіе 25 лѣт, я знаю лично все его населеніе и положительно утверждаю, что ни в составѣ его, ни в его привычках, никаких замѣтных измѣненій не произошло; то же можно сказать и о других деревнях в нашей мѣстности.

Из этого не слѣдует, что никаких перемѣн не произошло. Нѣт, Полужье в общем разбогатѣло, но улучшеніе положенія коснулось главным образом и без того состоятельных крестьян, положеніе бѣдных, как я уже говорила, стало еще тяжелѣй. У всѣх богатых новыя избы, срубленныя еще в то время, когда лѣс можно было брать даром.

Несмотря на то, что в деревнѣ есть в большом количествѣ золото (пока оно спрятано) и бумажныя деньги, крестьянскій комфорт мало чѣм отличается от прежняго.

Правда, наша самая богатая невѣста Нюша, прежде носила три браслета, а теперь у нея колье из браслетов; сын мясника ходит с тремя цѣпочками на жилетѣ; нѣкоторые молодые люди щеголяют в ярко зеленых брюках, явно билліарднаго сукна; на престольных праздниках производят фурор юбки из тяжелых гардин; одно село все одноцвѣтно и одѣто в мебельную матерію, проданную им голодной сосѣдней помѣщицей. Но все это великолѣпіе за пять лѣт уже поблекло, поизносилось; грамофоны испортились и хрипят, в піанино несутся куры, трюмо загажены мухами, на брюках зеленаго цвѣта приходиться ставить домотканную заплатку, потому что больше билліарднаго сукна нѣт, а сѣтчатую фуфайку, которую у нас франты носят поверх жилетки, и вовсе починить нельзя.

Но одновременно с граммофонами и трюмо исчезало и то, без чего мы обойтись уже не могли. Деревня осталась (остается и теперь) без соли, без сахара, без керосина, без тканей. Вопрос о «ситцах» стал важнѣйшей темой бесѣд. Каждый раз, когда я возвращалась из города, неизмѣнно меня спрашивали: — «Петровна, не слыхала ли в городѣ, когда пойдут «ситцы»?

Было бы преувеличеніем сказать, что эти «ситцы» единственная исходная точка, откуда строилось отношеніе к совѣтской власти, осознаніе государственнаго единства и будущія перспективы, есть и другія основанія (например, требованія примитивнаго порядка), но все же «ситцы» играют существенную роль в этих построеніях.

Обращаясь только к фактам, можно думать, что отношеніе к власти сложилось путем сравненія баланса, — что большевики дали деревнѣ и что взяли и берут.

Как я уже сказала, в землѣ тѣсноты у нас не было, земля была прирѣзана тѣм, у кого был инвентарь, бобыли фактически прирѣзок не использовали и лишь хорошіе помѣщичьи луга явились цѣнным даром революціи. Что же касается лѣсов, занимающих у нас 80% территоріи, то ими крестьяне могли воспользоваться лишь в первые мѣсяцы переворота; вскорѣ лѣс стал очень дорогим.

Конечно, революція дала крестьянам много, но нельзя забывать, что по основной психологіи полученная земля по праву им искони принадлежала и они в переходѣ к ним земель усматривают скорѣе естественный ход вещей, чѣм подарок большевиков. Наконец, все это было, отошло в область фактов прошлаго, а отнятіе цѣнностей большевиками происходит в самых болѣзненных формах ежедневно.

Что берут с деревни большевики?

Перечислить все в цифрах немыслимо, так часто мѣняются нормы, но вот сокращенный перечень того что платила у нас деревня до послѣдняго времени. Хлѣбный налог с десятины (можно было в части замѣнять льняным сѣменем и клюквой!). Налоги картофельный и овощной. Налог сѣном, соломой. Налог ягодами и грибами, топленым маслом. Налог холстом и мѣшками. Денежный налог на скот. Налог мясом, шкурой, шерстью. Налог чистым

льном и остатками чески. Налог курами и яйцами с десятины (да, с десятины яйца!). Періодически денежная подушная подать. Наконец, обложеніе каждой полѣнницы дров, даже из лѣса, который ранѣе составлял собственность общины («за свои дрова деньги платим!»). Налог натурой на сапожников и шерстобитов. Неправда ли, как это напоминает отношенія к помѣщику при крѣпостном правѣ!

Послѣ налогов идут трудовыя повинности: подводная, по очисткѣ снѣга на желѣзных дорогах, по рубкѣ дров, по чинкѣ дорог, по сплаву и т. д.

Трудно даже сказать, что больше возмущает крестьян — самый налог, или безобразіе и безсмыслица при его взиманіи.

Собранные продукты тухнут, сѣно гніет, дрова замерзают во льду, а из хлѣба на голодающих комиссары на глазах у всѣх курят самогон. На повинность гоняют в самую горячую пору, причем каждый обязан привезти свой харч и сѣно; жестокость взиманія чисто татарская: весной отбирают солому в хозяйствѣ, гдѣ единственная корова подвѣшена на холстах; был случай, когда «учетники» опоздали с праздника на работу и в наказаніе у них были отобраны коровы по одной со двора, даже там, гдѣ она была единственная.

Если к этому прибавить, что совѣты состоят из чуждых мѣстному населенію людей, лишь изрѣдка включая бывшаго писаря, что крестьяне выбирают в совѣты негодный элемент — можно себѣ представить оцѣнку крестьянами совѣтской власти — они ее подлинно ненавидят.

Она и появляется у них исключительно в формѣ вооруженных людей (иногда в прусской каскѣ!), которые приходят что-то отбирать или выпить и закусить. С ней торгуются, сторговываются на размѣрѣ взятки, угощают, напаивают и спроваживают с облегченіем. Происходит что-то похожее на сбор татарской дани.

Тот пролетаріат, во имя диктатуры котораго власть пред'являет свои права, для моих земляков олицетворяется в образѣ «станціевской пролетаріи», т. е. низших служащих желѣзнодорожн. станціи. По мнѣнію крестьян, эти служащіе были обезпечены лучше других; и это отчасти вѣрно, потому что они стояли ближе к аппарату перевозок. Между тѣм власти, жившія на станціи и пользовавшіяся услугами служащих, постоянно совершали в их пользу у крестьян всевозможныя реквизиціи, и можно себѣ представить, как это возмущало деревню!

К нам идеологія власти никакого касательства не имѣла: я не помню каких либо чтеній или собраній по поводу Карла Маркса, кровожадной Антанты и торжествующаго имперіализма; я не помню ни одного из своих друзей, кто бы мог без запинки выговорить слово «интернаціонал».

Нам власть циркулярами и декретами приказывала дѣлать, а главным образом, давать; к нам являлся *вывод* — отобрать корову, аргументы оставались в городѣ, на стѣнных афишах.

Власть — это періодически появляющееся в деревнѣ насиліе; разговор с ней — взятка.

Взяткой в деревнѣ с властью можно сдѣлать все, что угодно. Никогда не была так обнажена безсовѣстность, как теперь. Всѣ вопросы опредѣленія налогов, разверсток, отвода дѣлянок, повинностей разрѣшаются в плоскости взяток и, понятно, побѣду одерживает мой кум — мясник, живущій в красном домѣ с зелеными разводами, а не вдова Анна Романова у околицы.

Только что перед моим от'ѣздом завѣдующій земельным отдѣлом отхватил себѣ из фонда окончательно погибшаго совхоза лучшій луг под носом у бѣднѣйшей деревни и пользуется им. Крестьяне отвѣтили старинным аргументом, — обѣщали безпремѣнно сжечь.

Но если крестьяне ненавидят существующую власть, о какой же они мечтают? Вот вопрос, который ставится мнѣ каждый раз, когда я разсказываю о большевиках в деревнѣ. Не знаю, можно ли дать отвѣт на этот вопрос на основаніи впечатлѣній от тѣх или иных разговоров в крестьянской средѣ. Я убѣждена, что они и не разрѣшают этого вопроса, не дѣлают выводов, а ставят лишь требованія, условія, которым должна удовлетворять эта грядущая власть. Во-первых, она должна за ними прочно закрѣпить все, так или иначе пріобрѣтенное во время революціи; во-вторых, она должна значительно облегчить налоги, в третьих, она должна дать «ситцы», понимая под ними все, в чем деревня нуждается и чего у нея нѣт теперь. Для того, чтобы выполнить эти заданія, власть должна быть сильна и обязана ввести порядок,

как он понимается крестьянами. Требованіе не легко исполнимыя, но им нельзя отказать в логичности. Представляется ли власть, выполняющая этот рецепт, большинству крестьян в какой либо реальной формѣ? Не думаю. Это может быть и царь, и президент, и, может быть, коллегіальная власть, лишь бы она выполнила программу. Разговоры о «хозяинѣ» вообще носят характер представленій о символѣ, а не о реальной формѣ и едва ли можно строить какіе либо выводы на том основаніи, что во многих избах висят портреты Николая II. Я скорѣе вынесла впечатлѣніе, что всякія воспоминанія о царѣ у крестьян связаны с представленіями о чиновниках, к числу которых принадлежала большая часть помѣщиков в наших мѣстах, и что возвращеніе царской власти они боятся, боясь прихода ея «окруженія».

Из указаннаго отношенія к власти вытекает и отношеніе крестьян к идеѣ государственнаго единства. Изображая из себя форт, из-за котораго они должны время от времени отгрызаться от набѣгов непріятеля — агентов власти, — деревня на моих глазах перешла к самоопредѣленію и благополучному относительно существованію. В Полужьѣ — натуральное хозяйство. Мои сосѣди сами дубят кожу (потихоньку от большевиков) и тачают из нея сапоги, прекрасно ткут холст и кисею, валяют сукно, красят матерію очень удачно растительным составом из мѣстных болотных трав, освѣщаются лучиной, крутят веревки из конопли и пріучились обходиться без желѣза и гвоздей. Когда уж очень одолѣет их «станціевская пролетарія», они в сердцах заявляют, что и желѣзныя дороги, которыя им ничего не возят, им не нужны — «проживем и без них».

Поразительно, как быстро коммунисты сумѣли внушить населенію отвращеніе к общности владѣнія и к идеѣ централизованнаго государства.

Нѣсколько слов об отношеніи крестьян к церкви.

Здѣсь можно повторить все, что я говорила о бытѣ. Поскольку церковь с ея обрядностями и священниками входит в создавшійся вѣками уклад, — мои односельчане готовы защищать ее и, конечно, защитят от всяких попыток ее тронуть.

Развѣ можно себѣ представить, что Орѣховка не будет праздновать десятой пятницы, что моя кума не пойдет в Предмѣстье в Петров День и что я сама не буду в гостях у этой кумы 6-го сентября, в день Михайлова Чуда; это просто немыслимо и никакіе декреты не прекратят традиціоннаго посѣщенія два раза в год каждаго двора родней из всѣх деревень, даже верст за 25. А престольный праздник связан непремѣнно с церковной службой вначалѣ и угощеньем в концѣ; из'ять церковную службу из этого обихода — значит уничтожить самый праздник. Прибавьте к этому крестины, похороны, поминки, родительскую субботу, без которых не обходится ни одна крестьянская семья. Церковь и теперь, как раньше, представляет из себя прясло очень грубой и прочной изгороди — быта, за которым вот уже сколько столѣтій течет у нас крестьянская жизнь. Многіе пытались пробить эту изгородь: и Плеве с земским начальником, и Столыпин с землеустроителем, и Ленин с комиссаром из каторжан — и всѣ разбили себѣ лоб. Бывшій земскій начальник грузит на станціи дрова, комиссар на престольном праздникѣ валяется пьяный под забором, а Полужье на Спас-Маккавеи варит пиво, как варило до Плеве и будет варить послѣ Троцкаго.

Живя первые два мѣсяца в деревнѣ, я пыталась прокормить себя и дочь работой, — шитьем кофточек, капоров из всяких остатков, даже туфель на покойников, нанизываньем ожерельев и т. п. Скоро стало ясным, что прожить этим нельзя, и я взяла мѣсто учительницы в школѣ в Полужьѣ, тѣм болѣе, что керосин исчез совершенно и приходилось сидѣть зимніе вечера в темнотѣ. Соблазнителен был и паек — номинально в мѣсяц 30 ф. муки, 1¼ ф. сахару, 2 ф. соли и ¼ ф. кофе; кажется, только раз получила я паек полностью, затѣм стали замѣнять муку кукурузой, сахар — крупой, а весной не выдали почти ничего. Полагалось и какое то денежное вознагражденіе, но какое — никто не знал. Получить мѣсто было нетрудно, так как был медовый мѣсяц власти Луначарскаго и был об'явлен фронт для борьбы с невѣжеством; приказано было открыть новыя школы и в учительницы мобилизовали всѣх, кто болѣе или менѣе к тому подходил.

Я находилась в ближайшем подчиненіи у управляющаго волостным отдѣлом образованія, бывшаго ранѣе у нас сельским учителем. Пріѣзжали иногда инструктора и контролеры, всѣ из учителей профессіоналов, всѣ одинаково

уставшие и голодные; впрочем, помню одну назначенную со стороны учительницу-коммунистку, невѣжественную, наглую и сытую.

Помѣщалась школа в той же старой избѣ Ильи Кучеренкова, гдѣ она была до революціи, с той только разницей, что прежде Кучеренок получал за аренду избы 25 руб. в год и ее немного поддерживал, а теперь он должен был дѣлать это даром и потому он смотрѣл на себя, как на хозяина, который из жалости пускает дѣтей и «учительку».

Как полагается, треть избы занимала русская печь, гдѣ Кучеренок во время занятій варил обѣд, сушил овес или парил бѣлье; я, обыкновенно, зимой старалась сѣсть на лежанку.

Программы утвержденной не было; я знала, однако, что обязана была преподавать грамоту, четыре правила ариѳметики, начатки природовѣдѣнія, лѣпку, пѣніе, танцы и подвижныя игры. Пособій не было никаких; в 1919 г. давали по карандашу и по 2 пера на год, потом перестали давать и это.

Я разыскала кучу книг, оставшихся от старой школы, отложила в сторону знаменитыя по своей пошлости изданія ген. Богдановича, достала старую «Ниву» и начала учить: по прежним учебникам, гдѣ были, конечно, тропари и описанія праздников, — грамотѣ, по картинкам из «Нивы» — географіи и естественной исторіи. Обязана я была, конечно, учить по новой орѳографіи, но как я могла это сдѣлать, когда за три года я не получила ни одного новаго учебника из центра.

Составляли мы ежедневныя рапортички с шаблонным изложеніем пройденнаго; никто ими не интересовался, кромѣ милицейскаго, который время от времени приходил провѣрить — не висит ли в школѣ икона. Должны были мы с дѣтьми исполнять интернаціонал, но дальше первой строки дѣло не пошло, а труднаго слова никто не выучился выговаривать. Как относились крестьяне к школѣ? Совершенно пассивно. Своим практическим умом они видѣли, что без карандашей учиться нельзя, а включеніе в программу лѣпки и танцев окончательно опредѣлило их отношеніе к школѣ: от лѣпки они приходили в бѣшенство и запретили мнѣ таскать в школу глину.

Школа была не их, и ее они считали ненужной. Прекрасно понимая необходимость образованія, *они предлагали взять школу на свой счет*, но при условіи, что школа будет такой, какая им нужна — конечно, с Законом Божіим и с муштровкой ребят (в моей школѣ физическим воздѣйствіем занимался хозяин избы — Кучеренок, который без меня, повидимому, поколачивал на дворѣ ребят). Совѣты не соглашались с таким ультиматумом и, когда школы должны были перейти на содержаніе деревни, послѣдняя категорически отказалась ее поддержать; таким образом в концѣ 1922 г. в нашей волости закрылось около 20 школ.

Помню я еще трагическій момент, когда в городах появились афиши с воззваніем — «нѣт болѣе неграмотных»! У нас в деревнѣ этот лозунг выразился в том, что 50-ти лѣтних баб пригнали в школу учиться, обѣщав нам за обученіе каждой группы по 20 ф. керосину. Ученіе должно было происходить по вечерам, когда бабы доят коров и вообще «обряжаются», как у нас говорят. Поднялся вопль, слезы, причитанія, просьбы «ослобонить» — дѣло через недѣлю кончилось ничѣм. Был у нас, учителей и учительниц, и профессіональный союз под громким названіем «профсоюз работников просвѣщенія и соціалистической культуры», — союз безпомощный, безгласный и никчемный; мы и пикнуть не смѣли перед губернской властью.

Собирались мы на ежемѣсячные с'ѣзды, гдѣ слушали через силу доклады и приказы, зная, что никаких реальных выводов из докладов без бумаги и книг не сдѣлаешь и что приказы выполнить нельзя. Был приказ о собираніи дѣтьми еловых шишек (факт!) для посылки их, в качествѣ отопительнаго матеріала пролетаріям сосѣдняго города.

Помню одну весеннюю сессію с'ѣздов. У нас в апрѣлѣ сообщеній фактически почти нѣт, но начальство потребовало с'ѣзда; и вот мы собираемся за 15—20 верст в дырявых сапогах или размокших валенках, проваливаясь в оврагах выше колѣн в холодную воду, продрогшие и голодные (в апрѣлѣ уж хлѣба нѣт) в станціонное помѣщеніе. За стаканом чая без сахара, жалуемся друг другу на горькую участь, голод и холод, на невозможность наладить хоть подобіе занятій. Начальство читает циркуляры к исполненію и среди них — предложеніе немедленно приступить к изученію эсперанто! Не знали, что дѣлать, плакать или смѣяться. И мы смѣялись над безпредѣльной

тупостью человѣческой, мы плакали над горем своим, нищетой и безпомощностью.

Я могла бы много еще разсказать о пріютах, дѣти которых ходили «в кусочки», о богодѣльнях, гдѣ мерли с голоду старухи, о многом еще; но вѣдь говорить о деревнѣ теперь — это, значит, говорить без конца.

Я совсѣм не затронула или очень мало, вопрос об эволюціи психологіи, о перестройкѣ міровоззрѣнія, которая совершается медленно, медленно за неподвижным тыном быта, но все же совершается. Постичь ее, уразумѣть происходящее можно, лишь войдя цѣликом в их жизнь; да я и не знаю, можно ли уж сдѣлать какіе либо выводы; во всяком случаѣ говорить о них мимоходом не приходится. Среди моих многочисленных друзей я укажу на одних — на мѣстных деревенских коммунистов Рыбкиных. Еще до революціи два брата Рыбкины числились в лѣвых, собрали небольшую библіотеку и пытались, чѣм можно, пополнить свои знанія. Во время переворота оба записались в партію коммунистов. Старшій ушел в город, попал в вихрь большевизма, был даже на службѣ в уголовном отдѣленіи Ч. К., увидѣл и понял, во что претворились идеи, которым он поклонялся и ушел из партіи коммунистов, оставшись истым коммунистом; я думаю, что он кончит дни под пулями своих неидейных, но стоящих у власти товарищей. Младшій остался в деревнѣ и это предопредѣляло его судьбу: он должен был выйти из партіи и растворился без остатка в деревенском реактивѣ. Оба они были мои близкіе друзья, они помогали мнѣ и в мелочах и в серьезных случаях, к ним так часто шла я за совѣтом, с ними так часто спорили мы, я — бывшая «барыня» и они — деревенскіе коммунисты.

Когда вы вглядитесь в деревню, ближе подойдете к ней, как много хороших, ласковых, даже нѣжных людей найдете вы там; как несправедливо представленіе о крестьянах, по крайней мѣрѣ наших краев, составившееся у многих в ходѣ революціонных ужасов и террора. У нас, как я уже говорила, эксцессов при отобраніи земель почти не было; произошло одно или два убійства в порядкѣ личной мести, двѣ-три усадьбы помѣщиков, с которыми были тяжелыя отношенія, разгромили. Но всѣ тѣ, кто рѣшились перетерпѣть, пересидѣть бурю, остались на отведенных надѣлах, часто не маленьких, в усадьбах (онѣ у нас в общем очень скромныя) со всѣм имуществом. Кое-кто стал служить в Совѣтах, нѣкоторые занялись ремеслом и наступил період, если и не благополучія, то возможнаго существованія — все же лучшаго, чѣм для городской интеллигенціи, не продавшейся большевикам.

Болѣе того, оставшимся помогали даровой работой на жнитвѣ и покосѣ, кормили на праздниках и дарили деревенскія лакомства.

Отношеніе к нам лично было совершенно исключительное по заботам и помощи. Когда мы еще в 1918 г. прибѣжали отдохнуть от ужасов и преслѣдованій, прибѣжали голодныя и полоумныя, наши друзья из Полужья нанесли нам хлѣба, ватрушек и молока на нѣсколько дней. Когда мы не могли засѣять ярового, они дали сѣмян и помогли убрать сѣно, овес и рожь. Конечно, никакого вознагражденія не брали; обычно в вечеру наши добровольные работники приходили выпить чаю с сахаром или с принесенными ими же яблоками и потолковать о деревенских новостях, о сенсаціях, идущих из города, об очередной комиссарской грозѣ и о способах ее обойти; кончалось всегда приглашеніем в гости в ближайшій праздник, который иногда был утомителен, так как приходилось обойти всѣх знакомых, чтобы никого не обидѣть и вездѣ надо было отвѣдать по крайней мѣрѣ чудесных ржаных ватрушек на простоквашѣ. Еще трогательнѣе было отношеніе ко мнѣ, когда я появилась в крестьянской средѣ в роли учительницы. Правда, тут уже давали совѣты обычно они мнѣ, пріобрѣвшіе на своей шеѣ житейскую мудрость, но совѣты были дружескіе и никогда я не замѣчала ни тѣни (я говорю о властях) начальственнаго отношенья к «учителькѣ».

Они закармливали на праздниках, приносили мнѣ лакомства, когда я была больна, дѣлились первыми ягодами и грибами и даже Мишка, когда то слывшій хулиганом, всегда таскал мнѣ из своего огорода первый лук и свеклу.

Когда я жила в городѣ, там было много моих деревенских земляков-ремесленников; и они в самую тяжелую минуту помогали нам всякой протекціей, чинили обувь и платье, таскали тяжести, сажали в поѣзд.

Помню тяжелую, голодную весну в деревнѣ, холодный, жуткій день, когда мы сидѣли в избѣ, раздумывая об обѣдѣ; на крыльцо кто то быстро взбѣжал, оставил что то тяжелое и скрылся. Мы нашли на крыльцѣ полную мѣру картошки, стоившей очень дорого.

Помню день от'ѣзда, яркій солнечный день, когда из каждаго знакомаго двора Полужья нам, кромѣ трогательных пожеланій, выносили лепешки и хлѣб-соль.

С какой благодарностью они отплатили нам за каждое доброе слово, когда то сказанное им, за каждую тряпку, когда то подаренную, за каждую конфетку, подаренную Мишкѣ в то время, когда и конфетка то мнѣ ничего не стоила. И отплатили мнѣ в тот момент, когда я им уже не была нужна, когда я цѣликом зависѣла от них, безпомощная и изстрадавшаяся.

Вот какова деревня, в которой я жила и о которой я старалась разсказать всю правду, ничего не прибавляя, ничего не прикрашивая. Конечно, это не маниловская деревня, когда то описанная в очерках Карелина; конечно, это не стадо звѣрей, которое когда то изображал, захлебываясь, по книгѣ Родіонова, в «Новом Времени» Меньшиков. Это — кусочек, уголок великаго народа, тяжко, медленно, в страданіях кующаго судьбу свою, борющагося за то, что ему, в его представленіи, по его оцѣнкѣ, цѣнно и необходимо.

Безуміем было бы ставить ему какія то условія, безуміем уже потому, что только что, на наших глазах разбились, не дойдя до деревни, на околицѣ, двѣ, казалось, мощныя волны самодержавія двух эпох — Императорской и Ленинской. Деревню надо пріять такой, какой она есть, надо понять ея требованія и чаянія, и строить новую Россію можно только на ней, только с ней.

Учительница.

КРЕСТЬЯНСТВО В ПОСТАНЧЕСТВѢ КРЫМА*).

Настоящая замѣтка, конечно, не претендует на полный обзор повстанческаго движенія, хотя бы одного Крыма; цѣль ея — познакомить лишь кратко с тѣм, что происходило в Крыму послѣ поспѣшнаго оставленія его арміей Врангеля.

В этом отношеніи Крым представляет значительный интерес: здѣсь, как в калейдескопѣ, за самый короткій період, произошла вся эволюція анархо-коммунизма. Если Врангелю не удалось превратить этот благословенный уголок Россіи в «образцово-показательное государство», то кремлевскіе строители продѣлали превращеніе его во «Всероссійскую Здравницу-Коммуну» в один миг. Возрожденіе «новой жизни», на которое они ухлопали в Россіи больше трех лѣт, здѣсь заняло меньше трех мѣсяцев, причем ни один из рецептов не был забыт, вплоть до переименованія Ялты в Красноармейск.

Надо замѣтить, что приходу красной арміи населеніе явно сочувствовало, видя в этом конец войны, от которой оно устало. Неудавшіяся мобилизаціи были явным тому показателем. Город страдал от дороговизны, политическаго гнета, а деревня хотя и наживалась, за исключеніем мелких хозяев, но много и отдавала, да и разочаровалась в обѣщаніях Врангеля, данных ей перед разгромом красных при выходѣ из Крыма в степи южной Россіи.

Произошел послѣдній бой на Перекопѣ... Узенькій перешеек вновь заливался кровью; в этот раз только русской. Храбрые, но малочисленные, подточеные тылом, не выдержали и сползли в Черное море. Загуляла, зашипѣла чекистская провокація. Многіе остались в Крыму, повѣрив обѣщанной амнистіи.

В пять дней был занят Крым и через такой же срок превратился во «Всероссійское кладбище« с могильщиком Бэла-Куном.

Даже мѣстные комунисты не ожидали такой кошмарной расправы, какая началась. В одиночку и через профсоюзы они начали протестовать, чѣм вызвали приказ чрезвычайной тройки, угрожавшей коммунистам за укрывательство и заступничество воентрибуналом. Никто не был увѣрен, что увидит завтрашній день. Каждую ночь «выводили в расход» сотни и даже тысячи людей.

Вмѣстѣ с этим началось и соціальное уравненіе. Товары частью были расхищены, частью націонализованы. Фабрики стали, магазины — опечатаны, в крестьянской хатѣ требовательно и нагло раздавался голос пьянаго чекиста. Жизнь замерла.

Работали усиленно желѣзныя дороги: потянулись в Москву, Донбас и Харьков поѣзда, нагруженые вином, табаком, фруктами и хлѣбом — «подарки крестьян и рабочих Краснаго Крыма».

Город был разграблен быстро. Примѣнялись невиданные еще до сих пор пріемы. Собирали членов партіи и профес. союзов. Запирали их в каком нибудь театрѣ на всю ночь; натаскивали их за это время, дѣлили на отряды человѣк по 10—15, и выпускали утром, придав каждой группѣ по нѣсколько подвод. На улицах пріостанавливалось движеніе, учрежденія не занима-

*) Статья принадлежит лицу, только что бѣжавшему из Россіи и принимавшему дѣятельное участіе в борьбѣ, описываемой в статьѣ. Редакція.

лись. Начиналось «отобраніе излишков у буржуазіи». Грабили, конечно, всѣх и все, оставляя лишь по смѣнѣ бѣлья и необходимую мебель.

На другой же день толкучка увеличилась в нѣсколько раз. Много бывшей прислуги появилось в котиковых и каракулевых пальто.

На очереди стояла деревня. Замирал голодный Донбас. Помчались реквизиціонные отряды, да крестьянин успѣл уже немного подготовиться: о сопротивленіи не могло быть и рѣчи, но «Яма» схоронила порядочно и хлѣба, и тряпья. Яма схоронила много, но не все: по дорогам день и ночь тянулись к станціям обозы с зерном и стадами скота. С оружіем в руках ходили по дворам, отбирая все до чиста, оставляя только 1 п. 5 ф. зерна на ѣдока.

Апатія сразу смѣнилась ненавистью. Проявляется намѣреніе бороться за свое достояніе и права, не ограничиваясь пассивным сопротивленіем. В горах появились «зеленые».

Десятки спасшихся от разстрѣлов бродили по ущельям гор, полураздѣтые в снѣгу, без крова, часто без костра и куска хлѣба В деревню сунуться нельзя — полно красными. В Крым вошло их 150 тысяч. Замерзли бы эти первые «смертники», если бы не подгорное населеніе, главным образом татары, быстро (послѣ разгрома своих винных и фруктовых складов) измѣнившіе отношеніе к большевикам — от симпатіи к ненависти. Как ни терроризована была деревня, в ней появилась первая сила сопротивленія. В отрядиках, еще не организованных и одиноко бродящих по лѣсам Чатыр-Дага, помимо продуктов, появилась крестьянская молодежь — проводники. Много пришлось положить первым отрядикам трудов, нечеловѣческих страданій и крови для того, чтобы связаться с населеніем, вооружиться и организоваться. Все было против, даже природа: масса снѣга и рѣдкая для Крыма холодная зима. Не поддержи деревня, смерть была бы неминуема. Но Крымскіе правители своей политикой каждым новым своим декретом толкали крестьянство к борьбѣ, к усиленію лѣсных обитателей. Уравненіе хозяев, вѣрнѣе, нивеллировка хозяйств по самым бѣдным, так как весь отбираемый живой и мертвый инвентарь направлялся в совхозы и коммуны, увеличивали с каждым днем сопротивленіе деревни коммунистической перестройкѣ. К этому прибавился голод, в безжалостных когтях котораго Южный берег задыхался уже на второй мѣсяц большевистской власти. Весенняя вакханалія с перераспредѣленіем сѣмян, посѣвкомами и новыми грабежами окончательно поставили деревню на положеніе непримиримаго врага коммунистическим насильникам.

Появляется тайная революціонная организація «Крестьянскій Союз». Цѣли ея еще туманны, кромѣ борьбы с большевиками любою цѣной и желанія спаять разнообразный фронт деревни в борьбѣ с диктатурой захватчиков. Не безинтересно отмѣтить, что уже на первых собраніях этой маленькой группы выявилось разграниченіе своих интересов и интересов рабочих, чувствовалось нащупываніе «своей» партіи, партіи общекрестьянской. Указывалось, что кромѣ самих крестьян никто не может полностью выражать и защищать их интересы.

Роль этой группы в повстанческом движеніи Крыма значительна. Связавшись с лѣсом, она выдѣлила своего представителя для организаціонно-политической работы среди зеленых, передав туда пишущія машинки и ротаторы для печатанія прокламацій. Обезпечив отряды продовольственными базами, Крест. Союз начал работу связи всѣх отрядов, что ему удалось сдѣлать очень быстро. Уже в апрѣлѣ 1921 г. зеленые были под общим командованіем и с едиными задачами, кромѣ одного отряда анархическаго толка. Внутренняя работа отрядов по вооруженію, установленію дисциплины, спайки и выявленію политическаго единства, заняла также немного времени. Большинство в отрядах первоначально мыслило создавшуюся военную, силу как кадры будущей арміи, однако, с оговоркой: если «бѣлые» или иностранцы вернуться с прежней тактикой и цѣлями, то вопрос о подчиненіи и признаніи их отпадает. В этом случаѣ намѣчалось два пути: если позволит обстановка, об'явить себя кадрами арміи Учредительнаго Собранія, в противном — разойтись и предоставить каждому свободу дѣйствій. Но чѣм дальше шла работа Крестьянск. Союза, тѣм позиціи все рѣзче выяснялись и измѣнялись.

К сожалѣнію, работа Кр. Союза была на время прервана усиленным нажимом красных войск, брошенных на лѣс в значительных силах в составѣ всѣх родов оружія, включительно до артиллеріи. Проявленная за послѣднее

время зелеными усиленная дѣятельность, вынудила власть обратить большое вниманіе на повстанчество, так как всѣм ясно стало, что это не кучки «золотопогонной сволочи», а подымается мужик, стараясь вырваться из лап «рабоче-крестьянскаго» правительства.

Рѣшено было не отступать, а дать отпор, каких бы потерь это не стоило, чтобы создать у красноармейцев мнѣніе о неприступности гор. Это было достигнуто путем удачных маневрированій, внезапными налетами и засадами. Борьба обошлась зеленым в нѣсколько человѣк, тогда как противник был панически напуган и понес большія потери. Цѣлых два мѣсяца не подходили красные к лѣсу ближе 10 верст, за исключеніем изрѣдка пробѣгавших по шоссе бронеавтомобилей.

1-го мая была об'явлена амнистія со всей системой лжи и провокаціи, но ни один человѣк не спустился. В отвѣт было указано, что первая амнистія послѣ взятія Крыма окончилась разстрѣлом 40 тысяч человѣк.

Показательно, что ни один крестьянин не только не совѣтывал мириться, а наоборот, приходили в лѣс делегаціи, предлагая дальнѣйшую помощь, несмотря на то, что в это время большевики перевели содержаніе своей арміи на населеніе тѣх районов, которые были заподозрѣны в сношеніях с повстанцами. Борьба возобновилась, но сопротивленія со стороны красных почти уже не было. Армія голодала, была раздѣта и все больше и больше попадала под вліяніе крестьянства. Помѣщики и бѣлогвардейцы были изгнаны из предѣлов Россіи, а жизнь не только не улучшилась, но ухудшилась; да и борьба вновь разгоралась в болѣе страшных формах: фронта нѣт — смерть вездѣ. Армія стояла на распутьи. Пришлось замѣнить части. Отослали на Днѣпр, а в Крым влились болѣе вѣрные и в большем количествѣ.

Во время этого затишья произошел окончательный перелом в политических позиціях зеленых. Способствовало этому появленію в лѣсу новой группы, которая поставила себѣ цѣлью вовлечь повстанцев в немедленное выступленіе в степи для поднятія возстанія под флагом «Верховнаго правителя Михаила», от имени котораго распространялся манифест с призывом к возстанію и обѣщалась поддержка силами гдѣ то формируемой самим правителем какой то арміи, которая яко бы уже выступает. Группа Крест. Союза повела с ними рѣшительную борьбу, закончившуюся быстрой побѣдой, так как вся масса зеленых рѣшительно отвергала всякую новую «Верховную авантюру». Полковник Боженко, об'явившій себя замѣстителем «Правителя», был изгнан из лѣса *).

Ставка на интервенцію была изжита. Она оказалась изжитой и крестьянскими массами Юга Россіи, с которыми зеленые к этому времени вошли в тѣсное общеніе. Борьба внутренним фронтом за Учредительное Собраніе — стала отнынѣ лозунгом повстанческой арміи. Группа Крестьянскаго Союза добавляла к этому — борьба за освобожденіе земли от всяких опытов над ней коммунистических фокусников и порядок, основанный на свободном самоуправленіи.

Зеленые становились все сильнѣе и сильнѣе. Слухи, а затѣм достовѣрныя данныя об усиленіи повстанчества в Россіи (Антонов), Кавказѣ и Сибири увеличивали силы и надежды. Боевое настроеніе приходилось часто сдерживать, это не всегда удавалось и оно выливалось в ненужныя формы: занятіе Южнаго берега, цѣлых волостей и даже городов. И вот когда зеленым в Крыму казалось, что в Россіи близок час рѣшительной побѣды крестьянства, Кремль пошел на ряд недурно разсчитанных уступок.

Взять деревню силой оказалось невозможным. Попытки ввести красную аракчеевщину потерпѣл крах. Была об'явлена «новая экономическая политика». Вмѣстѣ с этим разверстка замѣнялась продналогом. Конечно, эти мѣры не привели к улучшенію положенія крестьянства, но значительно измѣнили обстановку и главное создали возможность успѣха для новой больше-

*) Дальнѣйшая судьба этой группы такова: по совѣтским источникам — они основали свой штаб в одной из гимназій Симферополя и продолжали работу. Через нѣсколько мѣсяцев были арестованы. Лѣтом 1922 г. их судили. Приговор — высшая мѣра наказанія для 22 чел. в том числѣ Боженко, прив.-доц. Пушкарев, полковн. Шишкин, курсистка Ида Румбах и др.

вистской агитаціи. У обезсилившихъ крестьян появилась надежда: Русское «авось» опять захватило их на нѣкоторое время.

В Крыму же, кромѣ того, введеніе «нэпа» совпало с организаціей «автономной республики». Массы населенія были обмануты обѣщаніями устроить самоуправленіе с допущеніем безпартійных. В городах созывались «безпартійныя конференціи» и в Симферополѣ был назначен Всекрымскій татарскій с'ѣзд, послѣ 200-лѣтняго перерыва.

К августу мѣсяцу военное командованіе рѣшило вызвать из Украины добавочных 15—18 тысяч войск для ликвидаціи повстанцев. А тут еще извѣстія о разгромѣ Антонова.

Учтя все это, дѣятели Крестьянскаго Союза совмѣстно с командирами отрядов рѣшили принять предложеніе красных о двухнедѣльном перемиріи. За это время выяснилось в неоднократных бесѣдах с руководителями деревни, в особенности татарской, что необходимо измѣнить формы борьбы. Населеніе устало от постоя и грабежей красных. Голод уже захватил Крым со всѣми своими кошмарными послѣдствіями, вплоть до людоѣдства. Отчаяніе охватило всѣх. Власть обѣщала предоставить свободу населенію для изысканія хлѣба. Предполагалось обращеніе к Турціи.

В результатѣ переговоров с населеніем во время перемирія зеленые согласились сойти с гор на слѣдующих условіях (привожу важнѣйшія из них):

1) Амнистія подписывается Московской полномочной комиссіей от имени Совнаркома, а не мѣстной власти. 2) Гарантія неприкосновенности за поручительством мѣстнаго населенія в лицѣ безпартійных конференцій. 3) Освобожденіе из тюрьмы арестованных по подозрѣнію в сношеніях с зелеными. 4) Вывод красной арміи из деревень, гдѣ организуется милиція, с правом вступленія в состав послѣдней повстанцев. 5) Формированіе из повстанцев вооруженных отрядов для борьбы с уголовным бандитизмом.

В Алупкѣ был подписан договор, и на татарском с'ѣздѣ он был подтвержден.

Не прошло и мѣсяца, как повстанчество вновь разгорѣлось из за нарушенія властью ряда пунктов договора.

Это обычная исторія режима предателей. Часть зеленых, не успѣвших скрыться или уѣхать в Россію, была разстрѣлена, но зеленых из мѣстных крестьян не трогали: боялись. Расправились лишь с пришлыми.

...Борьба не кончилась. Она затихла под вліяніем страшнаго голода. В одну зиму и весну 1921—22 г. умерло в Крыму голодною смертью свыше 200 тысяч человѣк. Насчитывались десятки случаев людоѣдства.

Как только лѣто 1922 г. принесло незначительное улучшеніе, сила сопротивленія и воли к борьбѣ вновь проявились, приняв, кромѣ подпольной, форму легальной борьбы при выборах в волостные и районные совдепы и надо констатировать, что в настоящее время в деревнях Крыма едва ли можно встрѣтить совдеп с выбранными комунистами.

В деревнѣ идет накопленіе сил. Никакой спячки нѣт — продолжается состояніе войны. Коммунизм деревня уже побѣдила. Впереди — новая борьба за окончательное раскрѣпощеніе.

Гельсингфорс.

Мар-ин.

ЛѢСА И ЛѢСНАЯ КООПЕРАЦІЯ.

Россія издавна славится богатствами лѣсов, занимая в этом отношеніи первое мѣсто среди государств всего міра.

Трудно опредѣлить точно какую площадь занимали и занимают наши лѣса, т. к. правильнаго учета русских лѣсов не велось и площадь их всегда опредѣлялась приблизительно. По данным проф. М. М. Орлова, относящимся к довоенному времени, лѣсная площадь Россіи в границах до 1914 года равнялась (в милліонах десятин):

1. Европейская Россія	148,3
2. Финляндія	13,9
3. Кавказ и Предкавказье	6,8
4. Западная Сибирь	105,7
5. Восточная Сибирь	370,6
6. Дальній Восток	81,8
7. Степной Край	6,3
8. Туркестан	18,7
Всего	752,1

Если принять во вниманіе, что общая площадь лѣсов всего земного шара по данным 1913 года исчислялась в 1.528.935.000 дес., то лѣса Россіи в ея прежних границах занимали около половины всей лѣсной площади.

Послѣ Европейской войны и революціи Россія утратила многія свои окраины, а с ними и крупную площадь цѣнных лѣсов, а именно:

в Царствѣ Польском	1.402.427 дес.	Всего 5.409.931 дес.*)
в Литвѣ	2.206.224 „	
в Прибалтійском Краѣ	1.801.280 „	

Однако, потерянное количество не мѣняет общей картины и Россія по прежнему остается лѣсною царицею міра.

Лѣса представляют для Россіи огромное экономическое значеніе. Они дают главную топливную массу, в которой у нас даже уголь занимает второе мѣсто, и огромное количество строительнаго матеріала. Лѣс является затѣм важным предметом вывоза заграницу. Русскій лѣс получил извѣстность на международном рынкѣ уже много столѣтій тому назад. В послѣднее время, перед войной, Россія занимала первое мѣсто среди государств, экспортирующих лѣсныя богатства.

Огромная армія рабочих так или иначе пристроилась около лѣса в видѣ простых дровосѣков, пильщиков, сплавщиков, рабочих на лѣсопилках и древообдѣлочных фабриках, а также различнаго рода кустарей, плотников, сто-

*) Необходимо отмѣтить, что лѣсныя потери Россіи гораздо выше, чѣм показывает эта цифра сама по себѣ. Их увеличенность об'ясняется двумя обстоятельствами: 1) отошедшіе лѣса находятся в районѣ, сравнительно плотно заселенном и снабженном развитою сѣтью путей сообщенія, лѣса были доступны, поэтому, для эксплуатаціи на всей своей площади, чего, как извѣстно, нельзя сказать о подавляюще-большой площади остальных лѣсных массивов, расположенных в районах малолюдных и с рѣдкими путями сообщенія; 2) в отошедших областях находилась значительная часть лѣсообрабатывающих предпріятій Россіи (см. ниже).

ляров, колесников, каретников, посудников, игрушечников и т. д. По подсчету В. И. Майера, перед войной эта армія исчислялась свыше чѣм в 1600 тысяч человѣк.

Весь этот огромный лѣсообрабатывающій аппарат до войны находился в распоряженіи частнаго предпринимателя, если не считать кустарей и небольшого количества казенных лѣсопильных заводов.

На территоріи Россіи до войны насчитывалось до 2800 лѣсопильных рам, распиливавших около 4.000.000 куб. саж. древесины. Около 50% ея экспортировалось заграницу.

Народный доход от лѣсной промышленности достигал до 632 милл. золот. руб. в год, из которых на рынкѣ в видѣ товара обращалось лѣсных продуктов на сумму 147 милл. руб. При этом необходимо замѣтить, что товарность продуктов лѣсного хозяйства имѣла тенденцію повышаться, что подтверждалось неуклонным развитіем нашего лѣсного экспорта. Лѣс с его продуктами и издѣліями был важным слагаемым в составѣ нашего народнаго хозяйства. Нижеслѣдующая таблица, составленная В. И. Майером, показывает рост лѣсного экспорта Россіи:

Годы	Всего вывезено лѣса		В том числѣ обработаннаго	
	Милл. пудов	Милл. рублей	Милл. пудов	Милл. рублей
1904	250,4	73,2	115,3	43,5
1905	270,2	76,9	129,1	46,2
1906	337,9	98,2	140,5	54,2
1907	343,5	107,8	154,4	60,9
1908	373,4	111,2	167,0	64,1
1909	424,0	126,6	185,5	75,1
1910	417,0	138.2	195,8	84,1
1911	416,9	142,4	191,5	86,7
1912	428,0	153,4	211,6	94,0
1913	463,8	164,9	217,0	96,4

Таким образом, за десятилѣтіе вывоз лѣсных матеріалов всякаго рода вырос по вѣсовой массѣ на 85,4%, а по цѣнности — на 125,5%. Лѣсное хозяйство Россіи энергично развивалось. К сожалѣнію, развитіе шло только *в ширь* и не шло *вглубь*. Интенсификаціи в лѣсном дѣлѣ не было, относительное количество наиболѣе важных с народо-хозяйственной точки зрѣнія лѣсных матеріалов — *обработанных* — не увеличивалось. В самом дѣлѣ: пропорція между общим количеством лѣсного вывоза и вывозом обработаннаго лѣса за десятилѣтіе почти не измѣнилась. В общем экспорт лѣса обработаннаго составлял:

	1904 год	1913 год
по вѣсовой массѣ . . .	46,0%	46,7%
по цѣнности	59,4%	58,5%

Развитіе лѣсного дѣла, повторяло развитіе нашего сельскаго хозяйства, которое также шло по преимуществу в сторону освоенія увеличивающейся площади, а не в сторону усиливающагося использованія земли.

По отдѣльным странам лѣсной экспорт Россіи в 1911 году распредѣлялся слѣдующим образом:

	Миліоны пудов	% на всему вывозу		Миліоны пудов	% на всему вывозу
1. Великобританія	166,1	39,8	6. Австро-Венгрія	12,2	2,2
2. Германія . . .	138,2	33,1	7. Италія	0,9	0,2
3. Голландія . . .	50,3	12.1	8. Балкан. страны .	2,6	0,6
4. Франція . . .	21,2	5,1	9. Скандин. „ . .	4,8	1,0
5. Бельгія. . . .	18,8	4,5	10. Другія „ . . .	4,7	1,0

Как видим из приведенной таблицы, главными покупателями наших лѣсных продуктов были Англія и Германія, потреблявшія около 70% всего лѣсного экспорта.

При отдѣленіи от нас Польши, Литвы и прибалтійских лимитрофов, нѣкоторые рынки для нас потеряны — полностью или частично. Они сдѣлались достояніем конкурентов, в том числѣ и отдѣлившихся окраин, ставших нынѣ самостоятельными государствами. В сильной мѣрѣ потерянным является и такой важный рынок, как германскій.

Чтобы дать представленіе о значеніи и размѣрах потерь, понесенных лѣсной промышленностью Россіи, благодаря отдѣленію от нея Польши, Литвы и Прибалтики, приведем их по отдѣльным, наиболѣе важным производствам. Россія потеряла:

1 в лѣсопильном производствѣ — 23% всѣх лѣсопильных заводов;
2. в производствѣ рѣзаной и клеевой фанеры — 30% заведеній;
3. в столярно-мебельном производствѣ и в издѣліях из фанеры — 45%;
4. в паркетном и столярно-строительном производствѣ — 47%;
5. в механическом производствѣ древесной массы и картона — 51%;
6. в писчебумажном и картонном производствѣ — 30%.

Переходя к современному состоянію лѣсного хозяйства в Россіи, приходится ограничиться, за отсутствіем данных по этому вопросу, мѣропріятіями, которыя принимала Совѣтская власть для овладѣнія хозяйственными аппаратами лѣсного промысла, для его поддержанія и развитія, а также ролью коопераціи, которая отводится ей Совѣтской властью в лѣсном дѣлѣ.

Как извѣстно, в началѣ своего существованія, Совѣтская власть была охвачена націонализаторской лихорадкой. Націонализировалось все. Націонализаторской лихорадки не избѣгли и лѣсные промыслы с лѣсообрабатывающими предпріятіями. Пострадали и кооперативы, работавшіе в лѣсном дѣлѣ

Для руководства эксплуатаціей лѣсов и лѣсообрабатывающими предпріятіями в губерніях были образованы губернскіе лѣсные комитеты (Гублѣскомы), а в Центрѣ — Главлѣском.

Перемѣны, происшедшія с появленіем коммунистическаго «планового хозяйства», скоро сказались, с одной стороны, рѣзким паденіем продуктивности лѣсообрабатывающих предпріятій, а с другой дали безсистемное хищническое истребленіе лѣсов, как со стороны населенія, так и со стороны различных лѣсозаготовительных организацій, что ярко отмѣчалось на с'ѣздѣ (Январь 1922 г.) завѣдующих губернскими мѣстными отдѣлами, вѣдавшими лѣсным хозяйством в тѣсном смыслѣ слова. По мнѣнію этого с'ѣзда безхозяйственная рубка лѣсов и захламленность порубей послужила причиною многих лѣсных пожаров послѣдняго времени, уничтоживших милліоны десятин лѣса. Лѣс рубился на 10—20 и даже 30 лѣт вперед. В результатѣ таких рубок в нѣкоторых губерніях спѣлаго лѣса не стало вовсе.

С теченіем времени, как извѣстно, жизнь вынудила совѣтскую власть отказаться во многом от ея первоначальных соціализаторских проэктов и в области хозяйственной перейти к так называемой новой экономической политикѣ (НЭП), основным принципом которой является трестированіе промышленности, т. е. отказ от централизаціи и «Главкизма».

Существенное отличіе трестированія от «Главкизма» заключается в стремленіи к децентрализаціи управленія промышленностью и к построенію послѣдней на принципах хозяйственнаго расчета.

Тресты выдѣляются в самостоятельныя хозяйственныя единицы, которым присваивается большая самостоятельность, вплоть до права привлеченія иностраных капиталов и самостоятельной реализаціи продуктов производства на свободном рынкѣ.

Общей участи трестированія подверглась и лѣсная промышленность. Сначала был образован один лѣсной трест — Сѣверолѣс с районом дѣятельности — Архангельская, часть Вологодской, С. Двинская и Мурманская губерніи. К концу 1922 г. насчитывалось уже 12 центральных трестов и ряд губернских и областных об'единеній, покрывших всю Европейскую Россію и Кавказ.

С введеніем НЭП'а явилась возможность снова выступить на лѣсном рынкѣ коопераціи и частному капиталу. Описаніе роли послѣдняго не входит в задачи настоящей статьи. Попутно отмѣтим, однако, что роль эта уже

и сейчас велика. Из статьи М. Гитлера мы узнаем, что частный капитал на Московском рынкѣ по своему значенію далеко оставляет позади кооперацію и даже тресты. Так, за октябрь и ноябрь прошлаго года мѣстная государственная промышленность дала 46% всѣх оборотов Московскаго лѣсного рынка, за этот же період частная — 51% и прочая (в том числѣ вся кооперація) лишь 3%.

О роли кооперации в лѣсной промышленности, нам придется судить главным образом по операціям Всероссійскаго Кооперативнаго Лѣсного Союза (Всеколѣса), об'единяющаго почти всѣ кооперативные союзы и проводящаго свои лѣсныя операции, главным образом, через входящіе в него союзы и артели.

Всеколѣс возник 31 мая 1921 г., имѣя в началѣ всего 14 союзов с 633 артелями. Нынѣ он об'единяет 46 лѣсных союзов с общим количеством членов до 300,000 (в том числѣ 110.000 физических лиц, занятых разработкой лѣса, его вывозкой и сплавом и переработкой древесины) и с районом дѣятельности на 35 губерній.

Лѣсозаготовительныя работы Всеколѣса в первом году его существованія были построены первоначально на соглашеніи с Главлѣскомом о заготовкѣ и вывозѣ 306.500 кб саж. дров и 178.000 куб. саж. лѣсоматеріалов. В счет этого было заготовлено дров и лѣсоматеріалов 165.864 руб. саж.; вывезено 192.889 куб. саж. дров и лѣсоматеріалов, что дает цѣнность в 2.717.358 золотых руб. Заготовка производилась 15 союзами по 14 губерніям. По химической переработкѣ дерева Всеколѣс имѣл дѣло в отчетном году с 19 заготовительными организаціями, при помощи которых было изготовлено разных продуктов (смолы, дегтя скипидара, канифоли, сосноваго и пихтоваго масла) на сумму 338.840 руб. золотом. Наконец, щепных товаров, при посредствѣ 27 союзов, 14 артелей, 4 частных лиц и 1 правительственном учрежденіи, было заготовлено на сумму 440.000 зол. рублей.

Лишь для небольшой доли своей продукціи Всеколѣс получил право продажи на вольном рынкѣ. Послѣдній в сбытовых операціях лѣсной кооперации не играл поэтому сколько нибудь значительной роли.

Сбыт кустарно-щепных издѣлій Всеколѣса в началѣ отчетнаго періода опредѣлялся договором с Главкустпромом, которому было сдано товаров на 191.000 р. золотом. Одновременно, Всеколѣс выступил и на вольном рынкѣ, постепенно переходя от системы поставок к непосредственной продажѣ.

Годичный оборот Всеколѣса выражался в суммѣ 12.9 милліонов золотых рублей.

Ознакомившись с операціями Всеколѣса, а через них, до нѣкоторой степени, с операціями всей лѣсной кооперации, нельзя не признать, что роль кооперации, а в частности Всеколѣса, пока что скромная. Конечно, при этом надо учитывать, что мы имѣем дѣло с организацией, подведшей итоги своей дѣятельности только за первый год своего существованія, причем это было время лихолѣтья, когда союзу приходилось работать в атмосферѣ правительственнаго недовѣрія, а подчас и открытой вражды и в то же время цѣликом зависѣть от него не только в финансовом отношеніи, но и в смыслѣ полученія лѣсных участков для разработки и правительственных подрядов.

Условія работы Всеколѣса и вообще лѣсной кооперации настолько еще неблагопріятны для развитія кооперативной дѣятельности, что им стоит удѣлить особое вниманіе.

Причины, неблагопріятствующія развитію кооперации, надо подраздѣлить на 2 категоріи: внутреннія и внѣшнія. В числѣ первых необходимо отмѣтить паденіе в населеніи за время революціи кооперативной сознательности и довѣрія к кооперации, каковое явленіе в настоящее время, повидимому, является общим для всей Россіи.

Другим внутренним препятствіем является недостаток собственных средств и чрезвычайная трудность привлеченія их со стороны. Из баланса Всеколѣса на 1-ое октября 1922 г. мы видим, что он располагает крайне незначительным размѣром собственых средств — всего лишь 220 млрд., тогда как задолженность одному только Госбанку выражалась к этому времени в 650 млрд.

К внѣшним неблагопріятным условіям относятся тяжелые налоги, высокіе желѣзнодорожные тарифы и высокая поденная плата. Из приведенных матеріалов в статьѣ М. Гитлера («Лѣсная торговля и тарифная политика Н. К.

П. С.») слѣдует, что отношеніе стоимости желѣзнодорожнаго тарифа на дрова к стоимости дров в 4 раза превышает такое же отношеніе до войны. В рядѣ сообщеній с мѣст заявляют о сокращеніи лѣсозаготовок, вслѣдствіи невозможности выдержать желѣзнодорожные тарифы. На Уралѣ воскрес первобытный способ перевозки дров на лошадях (гужем), который обходится, как это ни странно, дешевле болѣе чѣм в два раза.

Дальнѣйшія внѣшнія неблагопріятныя причины, тормозящія развитіе дѣятельности лѣсной коопераціи, заключается в том, что при существованіи лѣсных трестов с предоставленными им почти монопольными правами в области лѣсной промышленности, лѣсные кооперативы превращаются в зависимыя организаціи от трестов. Сотрудник Всеколѣса А. Тарасов в своей брошюрѣ «Лѣсная кооперація и лѣсные тресты», рисуя положеніе трестов и коопераціи, говорит: ...«Тресты — не обычныя предпріятія. Они охватывают колоссальные, экономически законченные районы, гдѣ им монопольно передано все — и сырьевые фонды, и предпріятія, и право внѣшних торговых сношеній. Всякая конкуренція заранѣе механически устранена: нѣт мѣста ни для какой экономической борьбы. Не может крестьянин Архангельской губ. не поладить с агентом «Сѣверолѣса», уйти искать работы в другом мѣстѣ, у другого работодателя, — слишком широко раскинулись границы «Сѣверолѣса». Не может он в лицѣ своего союза выступить на торгах и получить площади для самостоятельной разработки: торгов нѣт, и единственым распорядителем лѣсосѣчнаго фонда является все тот же «Сѣверолѣс». Отсюда вытекают 2 слѣдствія: 1) Крестьянскій труд обыкновенно оказывается в полном и безконтрольном распоряженіи треста; 2) Право крестьянства на созданіе своих кооперативных организацій фактически уничтожается на всей территоріи трестов... Можно считать фактом, совершенно установленным, что «Сѣверолѣс» не только отказывается признать преимущественное право организованнаго труда, предпочитая имѣть дѣло с трудом распыленным, но и дѣлает все возможное, чтобы распылить даже кооперативный труд. Иное отношеніе со стороны «Сѣверолѣса» встрѣчают частные подрядчики. Так, в С. Двинской губ. союзу было отказано в передачѣ работ, но зато онѣ были переданы подрядчику».

Наконец, послѣднее, что мѣшало коопераціи завоевать вліятельное положеніе на лѣсном рынкѣ — это отсутствіе возможности выступить самостоятельно на заграничном рынкѣ. Только в послѣднее время Всеколѣсу удалось по договору с Комиссаріатом Внѣшней Торговли получить признаніе за собой права экспорта продуктов производства лѣсной коопераціи, право закупок заграницей и ввоза для сбыта в Россіи товаров, необходимых для развитія производства лѣсной коопераціи, а также и право имѣть заграницей своих представителей.

Из приведенных данных становится понятным, почему лѣсная кооперація, и Всеколѣс в частности, не могли широко развить полностью своей дѣятельности. Ознакомившись с условіями, в которых протекала дѣятельность лѣсных кооперативов, приходится удивляться даже тому немногому, что ею сдѣлано.

Ф. Колесов.

ИЗ ПЕЧАТИ И ЖИЗНИ.

В ИТАЛІИ.

Фашизм.*)

К концу войны, которую Италія побѣдоносно завершила рѣшительным сраженіем при Витторіо Вэнэто, страна наша, пожертвовав ради общаго дѣла лучшей частью своей молодежи и своих богатств, оказалась в чрезвычайно критическом положеніи. Налицо имѣлся большой дефицит, который, как искусно ни старалась замаскировать его финансовая техника, равнялся приблизительно 15-ти милліардам, и который трудно было погасить, во- первых, из-за безконечнаго количества обременительных тягот, наваленных на государство централизаторскими системами военнаго времени, во-вторых из-за гипертрофіи арміи, численность и требованія которой сильно возросли и, наконец, в виду истощенія, обремененнаго всяческими налогами, населенія, враждебно относящегося к установленію новых податей. Прибавим к этому серьезныя затрудненія, встрѣчаемыя народным хозяйством и промышленностью при переходѣ с военнаго на мирное положеніе, вытекающіе отсюда неизбѣжные экономическіе кризисы, грозный призрак безработицы, рѣжущій контраст между тѣми, которые, благодаря войнѣ, достигли неожиданнаго благоденствія, и тѣми, которые из-за войны все потеряли; коллосальный рост дороговизны, свершенно не соотвѣтствующій индивидуальным рессурсам. Эта ужасающая, катастрофическая ситуація усугубилась дипломатическим разгромом. Настойчивость, с которой союзники оспаривали итальянскія требованія, пред'явленныя Югославіи относительно восточной границы и несчастный исход дипломатических переговоров, вызывали в населеніи цѣлую бурю ненависти против тѣх, которые явились в свое время творцами войны, против так наз. — интервентистов; — и это произошло не только потому, что приходилось присутствовать при том, как народы, воевавшіе против нас, оказывались облагодѣтельствоваными миром, но и вслѣдствіе глубоко проникшаго убѣжденія, что Италія смогла бы получить то, чего она добилась, не принимая никакого участія в войнѣ. в этой «безсмысленной бойнѣ», как опредѣлил ее римскій Папа.

Все это повело к усиленію всѣх антинаціональных партій, к свирѣпому ожесточенію против всѣх дѣятелей войны и к расцвѣту антипатріотической пропаганды. Правительство Нитти было вынуждено амнистировать дезертиров. Офицеры, награжденные орденами за храбрость, подвергались публичным оскорбленіям и избіеніям; их даже убивали. Само правительство заставило офицеров носить штатскую одежду. Это было царство организованнаго насилія, золотой вѣк «экстремизма»; всякое вмѣшательство, всякое свободное слово умѣренных соціалистических элементов, как Турати, Пramполини и т. д., оказались невозможными.

Парламентскіе выборы 1919 г. привели к тріумфу соціалистической партіи (ей удалось провести в нижнюю Палату 150 депутатов) и к укрѣпленію народной партіи (соот-

*) Статья написана для „Крестьянской Россіи“ Директором Международнаго Соціологическаго Института в Туринѣ проф. Франческо Козентини. Она помѣщается в качествѣ освѣдомительной, как и статьи других иностранных авторов: Сп. Дупаринова и Ю. Фидлера — в № 4 сборников и статьи М. С. Московлевича и W. — в этой книгѣ. Редакція.

вѣтствующей христіанско-соціалистическим партіям других стран). Между обѣими партіями началось соревнованіе в борьбѣ против различных военных выявленій, а также против дѣятелей войны.

Создавшаяся политическая ситуація облегчила приход к власти Джіолитти. Тріумфатором оказался человѣк, который за свои нейтралистскія убѣжденія разсматривался ранѣе как измѣнник отечеству.

Первое парламентское выступленіе соціалистической фракціи имѣло мѣсто при открытіи палаты, в связи с тронной рѣчью. Вопреки установившемуся обычаю, согласно которому депутаты соціалисты никогда не присутствовали при произнесеніи тронной рѣчи, соціалистическая фракція на этот раз в полном составѣ явилась на засѣданіе и при входѣ короля удалилась с пѣніем интернаціонала.

Рост революціонной волны достиг своего апогея во время захвата фабрик рабочими, когда послѣдніе на многих заводах попытались сами наладить производство при полном невмѣшательствѣ полиціи. Быть может, осторожная уступчивость и примирительный дух правительства Джіолитти спасли Италію от большевизма; при полном распадѣ всѣх національных сил итальянскій большевизм являлся господствующей силой; ни одна соціально-политическая сила не могла противопоставить себя его экстремизму. Итальянскому большевизму не хватало, однако, подготовки и организованности, ему не доставало людей.

Совершенно неудавшійся эксперимент с захватом фабрик и производства заставил нѣсколько одуматься рабочія массы и явился для них печальным уроком, преподанным большевизмом. Дни захвата заводов и нераздѣльнаго господства красногвардейцев, — эти дни не оставили других слѣдов, кромѣ вспышки ненависти и ужаса, кромѣ воспоминанія о жестокостях подобных той, жертвой которой явились націоналисты Шимула и Сонцини, приговоренные революціонным судом к сожженію в доменной печи. Серія убійств продолжалась сплошь до убійства адвоката Пьетро Джіордани, муниципальнаго совѣтника Болоньи, погибшаго в самой залѣ городского совѣта. Это убійство явилось каплей переполнившей чашу: вслѣд за ним началось контр-наступленіе, которому суждено было привести к побѣдѣ фашизма.

Из того, что мы сказали, можно легко заключить, что в эпоху, немедленно послѣдовавшую за войной, фашизм явился, с одной стороны, дѣйственным атибольшевистским противоядіем с другой — средством, направленным к использованію результатов побѣды и к возбужденію національнаго духа.

Принимая во вниманіе дух этот, учитывая эту тенденцію фашизма, ясно, что послѣдній должен был собрать вокруг своих знамен не только свободолюбивыя души, не терпящія какой бы то ни было пролетарской диктатуры, — т. е. всѣ тѣ элементы, на которых зиждется порядок, но также и непосредственных представителей производства и торговли, разстроенных хроническими забастовками и безпорядками. Тѣм болѣе фашизм должен был собрать тѣх, кто принял участіе в борьбѣ на фронтѣ и теперь терпѣл издѣвательства над своим національным чувством. Именно среди послѣдней категоріи лиц и были набраны первые піонеры фашистского движенія, сумѣвшіе дѣйствовать самоотверженно и смѣло.

Бывшіе фронтовики были единственной силой, способной противодѣйствовать большевистскому господству. Лишь они могли насилію противопоставить насиліе. Благодаря военной организаціи, несмотря на малочисленность, им удавалось в большинствѣ случаев, при помощи быстрой концентраціи сил в том, или ином пунктѣ, производить, «карательныя экспедиціи» и организовать репрессіи в отвѣт на насилія экстремистов. Таким образом, фашистское насиліе было рождено насиліем большевиков.

Движенію не доставало руководящаго, организующаго ума, смѣлаго и убѣжденнаго, который сдѣлал бы движеніе популярным и направил бы его к опредѣленной цѣли.

Этот руководящій и организующій ум фашизм обрел в лицѣ **Бенито Муссолини,** который будучи выходцем из рядов революціоннаго соціализма, знал во всѣх деталях внутреннее настроеніе непріятельских сил и тайну их успѣха. Как сильный оратор (слог его — сдержанный и

производящій впечатлѣніе — чужд реторики) он обладал обаяніем, необходимым, чтобы привлечь к своему дѣлу душу толпы.

Муссолини прекрасно понял, что для обезпеченія успѣха надо было лишить большевиков господства над трудовыми массами: это означало лишить всякого фундамента революціонное движеніе. Несомнѣнно, его инициативѣ обязано учрежденіе фашистских синдикатов. Консолидированіе и быстрое развитіе послѣдних — вот одна далеко не второстепенная причина фашистскаго тріумфа.

В то время, как отряды смѣльчаков разрушали биржи Труда, которыя представляли собою цитадель коммунизма, росли ряды фашистских синдикатов, лозунгом которых была не классовая борьба, а междуклассовое сотрудничество, не война с капиталом, а об'единеніе труда и капитала во имя верховных интересов націи.

Каковы были результаты борьбы в области профессіональнаго движенія?

С одной стороны фашистская организація захватила большое количество бирж Труда, бывших ранѣе коммунистическими, благодаря чему в цѣлом рядѣ областей, гдѣ красный гнет особенно жестоко давал себя чувствовать (в Эмиліи, Феррарской области, в Ломбардіи), создалось діаметрально противоположное положеніе: Коммунистическія организаціи были разгромлены, поле битвы осталось за организаціями фашистов. С другой стороны, болѣе умѣренные элементы конфедераціи Труда, которая в политическом отношеніи подчинена соціалистической партіи, снова завоевали господствующее положеніе внутри конфедераціи. Когда в соціалистической партіи, под косвенным вліяніем фашистскаго движенія, произошел раскол сначала между коммунистами и соціалистами, а затѣм между родственными коммунистам «максималистами» и «унитаріями» («об'единенцами»), конфедерація Труда об'явила недѣйствительным союзный договор, заключенный с соціалистической партіей и провозгласила свою автономію и аполитичность.

Этот жест привлек к старой конфедераціи Труда симпатіи Габріэля Д'Аннунціо. Фашистская организація стала относиться к ней с терпимостью и уваженіем, прекратив нападенія на примыкавшія к ней биржи Труда, и проявляя даже склонность в извѣстной мѣрѣ сотрудничать с послѣдними.

Конфедерація фашистских синдикатов быстро росла в численном отношеніи. Всего лишь послѣ двухлѣтняго существованія, она располагала больше чѣм милліоном зарегистрированных членов, сравнявшись таким образом с конфедераціей Труда, которая в теченіи нѣскольких десятков лѣт вела терпѣливую организаціонную работу. В настоящее время фашистскіе синдикаты имѣют болѣе двух милліонов членов и превосходят в численном отношеніи всѣ другія организаціи этого рда.

Это быстрое развитіе явилось результатом множества причин. Во первых, фашистская конфедерація охватила также и синдикаты средних общественных классов, чиновников и лиц свободных профессій, до того времени слабо представленных или даже вовсе не представленных в старой конфедераціи Труда. Кромѣ того, значительная часть трудовых классов, неоформившаяся и безцвѣтная, стремится к об'единенію в рядах организаціи, дающей максимальныя гарантіи защиты и успѣха. Красные, в особенности коммунистическіе синдикаты, цѣлыми пачками переходили к фашистам, ибо красный экстремизм, по их мнѣнію, не сумѣл осуществить революціи, к которой он призывал, а поэтому слѣдует обратиться к тѣм, кто революцію сдѣлает на самом дѣлѣ и серьезно. Наконец, и это имѣет особую важность, трудящіеся классы устали от краснаго деспотизма, заставлявшаго их нерѣдко проводить забастовки, которых никто не хотѣл и которыя вредили промышленности и самим источникам труда. Они устали от податей и обложеній, навязывавшихся членам красных организацій на каждом шагу и потому дававших в общем итогѣ значительныя суммы.

При помощи своего мощного профессіональнаго аппарата фашизм пустил глубокіе корни в самую толщу рабочаго класса, становился массовой партіей, овладѣвал первенствующей ролью в итальянской политической жизни.

С помощью того же аппарата он обезпечивал себѣ максимум силы, устойчивости и долговѣчности.

Основа фашизма, секрет его успѣха и роста заключались, однако, в другом — в смѣлом дерзаніи боевых отрядов, в желѣзной дисциплинѣ. Преимущественно благодаря им, фашизм за два года совершенно уничтожил цитадель большевизма, заставил умолкнуть революціонный коммунизм и вернул національным идеалам и задачам то мѣсто, которое они раньше занимали в общественном мнѣніи и в общественной жизни.

Реакція против предательства политиканов и против несправедливаго отношенія к Италіи при заключеніи мира, бунт против дипломатических интриг, благодаря которым у страны нашей были похищены плоды ее побѣды, — эта реакція, этот бунт достигли кульминаціонной точки во время Фіумской эпопеи, явившейся результатом дерзанія Габріэля Д'Аннунціо, при горячей поддержкѣ фашизма. Дерзкое предпріятіе Габріэля Д'Аннунціо тѣсно связано с фашистским движеніем и оно способствовало тому національному под'ему, пламенным и смѣлым паладином котораго был фашизм.

Фашистскіе отряды, по военному организованные и воодушевляемые сильной вѣрой, превратились, наконец, в значительную силу, с которой находившіяся в правительствѣ лица поневолѣ должны были считаться. Первым государственным дѣятелем, понявшим эту силу и попытавшимся использовать ее, был Джіованни Джіолитти.

Глубокій знаток всякаго рода предвыборной тактики и политических сил страны, Діолитти понял, что раз уже совершился бывшій неизбѣжным раскол между коммунистами и соціалистами, то наступил подходящій момент для коалиціи всѣх конституціонных сил, к которым слѣдовало привлечь смѣлую фашистскую армію. Он ставил перед собою двойную задачу: уничтожить красный экстремизм и в то же время пустить фашизм по руслу законности и порядка, поглотить его в великом конституціонном механизмѣ. С этой цѣлью Джіолитти назначил в 1921 г. парламентскіе выборы, создавая в каждом избирательном участкѣ «національный блок».

В 1921 г. выборы протекли совсѣм иначе, чѣм в 1919 г. В 1919 году соціалисты нераздѣльно господствовали на полѣ сраженія, препятствуя всякой пропагандѣ противников и часто издѣваясь над свободой слова. В 1921 году всѣ участвовавшія в предвыборной кампаніи партіи смогли свободно развивать свою агитацію, не подвергаясь насилію.

Результат выборов, однако, не соотвѣтствовал ожиданіям Джіолитти. План не удался. Соціалисты и коммунисты потеряли около 30-ти мѣст. Тѣм не менѣе, они составляли в Нижней Палатѣ значительную группу из 136 депутатов, впрочем, менѣе воинственных, чѣм их предшественники. «Народная партія оказалась усиленной (106 депутатов) и превратилась в хозяина положенія, ибо ни одно министерство не могло располагать прочным большинством без поддержки «нардной» фракціи парламента, которая, разумѣется, воспользовалась своим привиллегированным положеніем для того, чтобы навязать всѣм смѣнявшим друг друга либеральным министерствам свои программныя требованія, вплоть до того, что воспрепятствовала возврату Джіованни Джіолитти к власти. Наконец, в Палатѣ появилась новая активная сила — фашистская фракція, состоявшая из 32 депутатов, которая, вмѣсто того, чтобы позволить конституціонным элементам поглотить себя, на что, быть может, надѣялся Джіолитти, образовала отдѣльную группу, сильно организованную и дисциплинированную, вовлекая в сферу своего вліянія двѣ другія фракціи: националистическую и правых либералов (Саландра). Благодаря этому, получился блок из 64 депутатов, который весьма легко мог измѣнить соотношеніе сил в палатѣ, что и имѣло мѣсто в вопросѣ о взаимотношеніях с Югославіей.

Фашистская парламентская фракція, хотя и составляла незначительное меньшинство, начала свою оживленную дѣятельность смѣлым жестом, добившись исключенія из парламента коммуниста дезертира Мизіано, причем не встрѣтила никакого сопротивленія со стороны многочисленной соціал-кммунистической фракціи. С другой стороны, она заставила крайній лѣвый сектор палаты вести себя болѣе осторожно и сдержанно. Таким образом облик нижней палаты был существенно измѣнен.

В ноябрѣ 1921 г. на римском конгрессѣ, образовалась «Національная

Фашистская Партія» с центром в Римѣ (раньше центр фашистскаго движенія находился в Миланѣ).

С превращеніем в партію, фашизм стал цѣльным организмом, обладая собственным національным совѣтом, центральным комитетом, дирекціей, генеральным секретаріатом, парламентской фракціей, ежедневной и еженедѣльной прессой, «группами» свѣдущих лиц, — счастливо задуманными учрежденіями, посвященными подробной разработкѣ наиболѣе жизненных національных проблем, — и, наконец, Конфедераціей Фашистских Корпорацій, благодаря которой фашизм располагает поддержкой организованных масс.

Когда вслѣдствіе образованія собственной парламентской фракціи, фашизм стал конституціонным политическим элементом, находившіяся в правительствѣ лица начали искать возможности примиренія между враждующими группами, — примиренія, которое могло имѣть неоцѣнимыя послѣдствія внутри страны и еще больше заграницей. Министерство Бономи, а затѣм министерство Факты приложили старанія для достиженія этой цѣли, причем серьезную поддержку оказал им председатель нижней палаты Де-Никола. Был даже составлен договор, согласно которому соціалисты обязывались отказаться от своих антинаціональных тенденцій и пропаганды, а фашизм, со своей стороны, брал обязательство не трогать бирж труда и организацій противника. Больше того, — когда послѣ паденія перваго министерства Факты, с Орландо велись оффиціозные переговоры о составленіи им новаго кабинета, сам Муссолини принес оливковую вѣтку мира, предложив, чтобы в состав этого кабинета вошли представители двух враждебных сторон — Муссолини и Турати. Однако, это предложеніе, которое, будучи принято, могло бы направить по совершенно иному руслу ход дальнѣйших событій, не обратило на себя должнаго вниманія.

Конфликты и репрессіи продолжались. Борьба была направлена фашистами также и против лѣваго крыла «Народной Партіи» относившагося с симпатіей к соціалистическим идеалам и тенденціям. Фашизму часто приходилось выдерживать схватки и с «королевской гвардіей» — весьма значительными по численности полицейскими войсками, созданными Нитти в цѣлях поддержанія общественнаго порядка.

Было лишь одно перемиріе: в теченіе Генуэзской Конференціи, прошедшей в совершенно спокойной обстановкѣ, так как враждущія стороны сложили оружіе из уваженія к представителям различных народов, пользовавшимся гостепріимством нашей страны. Тѣм временем смѣнявшія друг друга правительства, не имѣя возможности разсчитывать на прочное и однородное большинство, колебались между противоположными директивами, жили со дня на день, удовлетворяя то одну, то другую группу, без опредѣленной оріентаціи, без прочной власти, увлекая страну к анархіи и хаосу, к ослабленію престижа государства внутри страны и еще болѣе за-границей.

В августѣ 1922 г. фашисты выступили против об'явленной соціалистами всеобщей забастовки протеста, причем они добились полной побѣды. Уже тогда стало ясно, что государственный организм оберегался не оффиціальными органами государства, а вооруженными силами фашизма.

Рѣчь, произнесенная Муссолини 20-го сентября 1922 г. в Удинѣ, гдѣ во время войны находилось верховное командованіе нашей арміи, явилась первым бевым кличем. В ней был дан суровый анализ всей внутренней и внѣшней политики, и указана необходимость полнаго возстановленія престижа и могущества нашей расы. Ясно и опредѣленно высказал Муссолини свое мнѣніе по вопросу о государственном строѣ: «Я полагаю — сказал он, — что монархія отнюдь не заинтересована в том, чтобы препятствовать движенію, которое отнынѣ приходится называть фашистской революціей. Это не соотвѣтствует ее интересам, так как, начав ставить препятствія, она превратилась бы в мишень, которую, конечно, мы не смогли бы оставить в покоѣ, так как для нас это было бы вопросом жизни и смерти. Тот, кто может симпатизировать нам, не может оставаться в тѣни... Необходимо имѣть смѣлость быть монархистами. Почему мы не республиканцы? В извѣстном смыслѣ потому, что мы видим монарха, который не является в достаточной мѣрѣ монархом. Монархія могла бы являть собою преемственность в исторіи націи. Это

— прекрасная задача, имѣющая неоцѣнимое значеніе. С другой стороны, надо избѣжать того, чтобы фашистская революція поставила все на карту».

Через нѣсколько дней, 26 сентября, в Кремонѣ, гдѣ собралось 30.000 «черных рубашек», твердая воля добиться власти была подтверждена еще болѣе рѣшительно. Вождь фашизма сказал: «Мы начали поход, который не остановится пока мы не достигнем предѣльной цѣли — Рима. И нѣт препятствій, созданных человѣком или стеченіем обстоятельств, которыя смогли бы остановить нас».

Через нѣсколько дней Муссолини, чествуя память павших фашистов, снова произнес рѣчь, в которой, напомнив об обязанностях всѣх граждан перед націей, он утверждал, что фашисты «пролили свою кровь не для защиты интересов отдѣльных личностей, каст или классов. Эта кровь была пролита не во имя матеріи, но во имя идеи, во имя духа, во имя всего того благороднаго и прекраснаго, что только может содержать в себѣ душа человѣка».

Это были первые признаки готовящейся революціи. В концѣ сентября в Римѣ, в помѣщеніи итальянскаго синдиката кооперативов, дирекція фашистской партіи предоставила Муссолини самыя широкія полномочія для военных и политических дѣйствій, направленных к захвату власти. План, в общих чертах, был намѣчен самим Муссолини и сообщен по секрету наиболѣе близким его сторонникам. В первых числах октября Муссолини назначил «Квадрумвират» в составѣ Микелэ Бьянки, генеральнаго секретаря фашистской партіи, депутата Де Векки, доктора Бальбо и генерала Дель Боно. План оставался неизвѣстным даже самым преданным людям. Неаполитанскій парад должен был явиться началом борьбы. 24-го октября в Неаполѣ собралось 40.000 фашистов и 20.000 рабочих. В рѣчи, произнесенной в театрѣ Сан Карло, Муссолини повторил свои программныя начала в области внѣшней, внутренней и финансовой политики. Поход на Рим был уже рѣшен. Но способ, которым он был осуществлен, заставил правительство растеряться: неаполитанскій парад должен был явиться прологом к національному совѣту фашистской партіи. Но совѣт этот неожиданно прервал свои засѣданія 26-го октября, а Муссолини переѣхал в Милан, чтобы оттуда руководить движеніем.

Король был освѣдомлен о создавшемся критическом положеніи; всѣ усилія были направлены на то, чтобы убѣдить премьера Факту подать в отставку. Но Факта, побуждаемый к этому Саландрой, отклонил предложеніе.

В парламентских сферах мечтали о составленіи кабинета Джіолитти—Орландо — Муссолини. Время половинчатых рѣшеній и безплодных компромиссов, однако, прошло. Отставка министерства стала неизбѣжной на слѣдующій день 27 октября, когда военное командованіе фашистов находилось уже в Перуджіе и начало окруженіе Рима.

Министерство Факты, хотя и подало в отставку, отдало приказ о защитѣ Рима. В рядѣ городов фашисты захватили правительственныя учрежденія и в нѣкоторых мѣстах, как напр., в Кремонѣ, выдержали столкновеніе с полиціей. В субботу 28-го сентября вышедшія послѣ 12-ти часов дня газеты сообщили, что министерство об'явило по всей Италіи осадное положеніе. Наступил самый трагическій момент, так как фашистской революціи пришлось бы начать борьбу против самого режима и она не смогла бы мирно осуществиться; создалась опасность столкновенія фашистских войск с національной арміей. Но король, предвидя тяжкія послѣдствія осаднаго положенія и не желая противиться движенію, отказался подписать декрет и послал Муссолини в Милан телеграмму, в которой давал ему оффиціальное порученіе составить новое министерство.

Муссолини, послѣ тріумфальнаго путешествія, прибыл в Рим 30-го сентября в черной рубашкѣ, в которой явился и в Квиринал, принеся, как он выразился, королю «Италію, побѣдившую при Витторіо Венето, освященную новой побѣдой».

Муссолини явился к королю с заготовленным еще в Миланѣ списком своих сотрудников. Список этот, принятый королем, был построен на принципѣ концентраціи національных сил. В нем фигурировали оба главнѣйшіе творцы побѣды: генерал Діац, как представитель арміи,

и адмирал Таон Де Рэвэль — от флота. Кромѣ них там значились виднѣйшие представители фашизма и других конституціонных групп.

Тот, кто от революціонной волны фашизма ждал невѣдомо каких катастрофических переворотов, очень скоро оказался разочарованным. Дѣятельность фашистскаго правительства, как за-границей, так и внутри страны, характеризуется возвратом к законности, твердой волей в достиженіях, смягчаемой обдуманной сдержанностью.

Если мы разберемся во всей сложной работѣ, совершенной фашизмом у власти в различных областях политической дѣятельности, превзошедшей по своим результатам десятилѣтія парламентской жизни, то увидим, что в ней господствует основная, руководящая мысль, органическій реформаторскій принцип и здоровое чувство гармоніи.

Казалось, что боевой дух фашизма должен был обострить наши отношенія с Югославіей, уже столь натянутых, и явиться окончательным приговором над Рапальским договором и заключенными в Санта Маргарита соглашеніями.

И что же? Одним из первых шагов министерства Муссолини было пред'явленіе этих договоров парламенту для их исполненія, а затѣм и их точное проведеніе в жизнь. Муссолини уже в первой своей рѣчи категорически заявил: «Мирные договоры, плохіе или хорошіе, будучи подписанными и ратифицированными, должны выполняться». И добавил к этому: «Договоры не вѣчны, не непоправимы: они — отдѣльные главы исторіи, а не ее эпилог. Исполнять их означает подвергать их испытанію. Если при их проведеніи в жизнь выясняется, сколь они абсурдны, обстоятельство это может явиться тѣм новым фактом, который сдѣлает возможным дальнѣйшее изученіе позицій договаривающихся сторон». И политика соглашеній с Юго-Славіей, которой было положено начало в Аббаціи, продолжается нынѣ в Римѣ.

Еще болѣе важным и тяжелым был вопрос о положеніи Италіи в Антантѣ. Муссолини берется за него энергично и обдуманно. С самого начала, в рѣчи, произнесенной 16-го ноября, он слѣдующим образом ставил вопрос: «Или Антанта, залечив внутреннія неурядицы и противорѣчія станет дѣйствительно однородным блоком, уравновѣшанным, с равными для всѣх правами и обязанностями — или же Италія, возвратив себѣ прежнюю свободу дѣйствія, честно позаботится, об удовлетвореніи своих интересов». И дополняя, как всегда, мысль дѣйствіем, при первой же своей встрѣчѣ с союзными министрами, он утверждает это равенство, заставив их при свиданіи в Территэ явиться к нему навстрѣчу. В другом случаѣ он категорически заявляет союзникам, что каждое их соглашеніе между собою без участія Италіи, будет разсматриваться как поступок не в достаточной мѣрѣ дружественный.

Первая величайшая проблема, ставшая перед Муссолини — была проблема германских репарацій. Он взялся за ее рѣшеніе, руководствуясь слѣдующими соображеніями: прежде всего необходимо соединить вопрос о репараціях с вопросом о межсоюзных долгах, необходимо превзойти старый франко-германскій антагонизм, призвав Германію к сотрудничеству в дѣлѣ возстановленія Европы, не исключая возможности созданія «производительных залогов» в обезпеченіе репарацій, от которых Италія не может отказаться. Но в то же время он предложил установить круглую цифру репараціонных платежей сообразно экономическим рессурсам Германіи и опредѣлить эту цифру в 50 милліардов.

Когда произошла Рурская оккупація, Италія попала в щекотливое положеніе. Она не могла противиться оккупаціи, ибо не отказалась со своей стороны ни от производительных залогов, ни от репарацій. Ей оставалась лишь возможность сопротивляться тому, чтобы оккупація эта не измѣнила своим экономическим задачам и не стала пріобрѣтать политическаго характера.

Другой стоявшій на очереди вопрос національной политики, касался отношеній с Турціей, которая, будучи опьяненной военным успѣхом и уничтоженіем греческой арміи, угрожала перевернуть вверх ногами всѣ тезисы Севрского договора. И здѣсь Муссолини попадает в самую точку. Он утверждает, что в Лозаннѣ должно быть признано совершившееся, однако при условіи необходимых гарантій для судоходства через про-

ливы и обезпеченія интересов Европы и христіанских меньшинств. Но Турція, получив то, (на что она имѣет право, не должна ничего больше требовать). В извѣстный момент надо имѣть смѣлость сказать ей: не дальше этого предѣла, ибо Турція побѣдила Грецію, но не Антанту. Наша делегація в Лозаннѣ имѣла господствующее значеніе и добилась, не без серьезных затрудненій, подписанія Лозаннскаго мира.

Не менѣе осторожной и обдуманной была политика, которой придерживалась Италія в отношеніи остальных стран. Финансовая помощь, оказанная Австріи и аналогичныя хозяйственныя мѣропріятія в отношеніи Венгріи и Болгаріи показывают, что политика Муссолини отнюдь не стремилась быть жестокой к бывшим врагам, а, наоборот, желала способствовать их хозяйственому и политическому возрожденію.

Даже по отношеніи к Россіи, живущей под режимом, діаметрально противоположным тому, который желает установить Муссолини, даже по отношенію к ней вождь фашизма проявил склонность к примирительной тактикѣ и к тому, чтобы разсматривать наши отношенія с ней независимо от ее внутренних условій. С этой задачей Муссолини согласовал и свое поведеніе в Лозаннѣ, гдѣ Италія настаивала на допущеніи Россіи на конференцію.

В области внутренней и финансовой политики министерство Муссолини добилось исключительных результатов.

Директивы внутренней политики могут быть выражены слѣдующими словами: бережливость, труд, дисциплина, порядок. Прежде всего необходимо возстановить авторитет и престиж государства. В рѣчи, произнесенной 16-го ноября, Муссолини обѣщал, что «граждане, к какой бы партіи они не принадлежали, будут пользоваться свободой передвиженія; всѣ вѣроисповѣданія будут уважаться, особое вниманіе будет оказано господствующей католической религіи; конституціонныя свободы не будут нарушены; какой угодно цѣной надо добиться уваженія к закону; Государство сильно и оно примѣнит свою силу против кого угодно, хотя бы и против фашистских законоръушителей. ...Государство не предполагает уступать своей власти кому бы то ни было и всякій, кто только поднимется против него, будет наказан».

И он сдержал это обѣщаніе. Прежде всего он подчинил дисциплинѣ самый фашизм, прекратил его боевыя выступленія и карательныя экспедиціи, упразднил самые боевые отряды, слишком пріученные к изолированным дѣйствіям, и создал из них единую національную милицію,

Этой милиціи он довѣрил также и полицейскія функціи, взамѣн упраздненной королевской гвардіи.

Огромный престиж, которым пользуется Муссолини, позволяет ему подавлять всякое неповиновеніе, как это имѣло мѣсто во время инцидентов в Падованн, Пилетти, Мизури, или во время событій в Александріи, гдѣ он лично вмѣшался, заставив подчиниться самых вѣрных своих сторонников. Зная, сколь вреден дуализм, создавшійся вслѣдствіе одновременнаго существованія фашистской и національной партій (послѣдняя образовала собственные отряды, которые, в особенности на югѣ, соперничали с фашистами, что не рѣдко вызывало столкновенія), он заставил обѣ партіи слиться и инкорпорировал націоналистическіе отряды в состав національной милиціи. Нынѣ повсюду царит порядок. Нѣт забастовок; на заводах и в государственных учрежденіях идет усердная работа по возстановленію народнаго хозяйства; на желѣзных дорогах, на почтѣ и телеграфѣ, гдѣ раньше особенно ощущалось разлагающее, антигосударственное настроеніе, царит самая суровая дисциплина; поѣзда уходят и приходят по расписанію, работа канцелярій протекает вполнѣ регулярно.

Одна из важнѣйших задач, стоявших на очереди (также как и в других странах) заключалась в упрощеніи гипертрофированной бюрократіи. Муссолини приступил к сокращенію бюрократических органов рядом энергичных хирургических ампутацій, не устраняя попросту извѣстное количество чиновников, а одновременно сокращая функціи, оставляя лишь необходимыя и устраняя лишніе контроли и службы, нисколько не считаясь при этом с мѣстными или областными интересами. Упрощены школьное и финансовое управленія, затѣм судебный аппарат путем сокращеніе числа преторских судов,

обыкновенных судебных палат и высших инстанцій. Учреждается, вопреки интересам крупных областных центров, оберегавших свои славныя юрисдикціонныя традиціи, единый кассаціонный суд по гражданским дѣлам.

Зная, что реформа бюрократіи должна начинаться с центральнаго государственнаго управленія, Муссолини смѣло принялся за сокращеніе министерских отдѣлов и подотдѣлов, предоставляя большую свободу дѣйствія и инициативы периферическим органам, а также взялся за сокращеніе числа самих министерств, не упраздняя однако соотвѣтственных функцій. В первую очередь он об'единяет министерство финансов и государственное казначейство, упраздняет должности тѣх товарищей министра, которые оказались излишними, или функціи которых были временными (военныя пенсіи, изящныя искусства, иностр. дѣл), затѣм упраздняет министерство Освобожденных Областей, и в настоящее время подготовляет сліяніе трех министерств (земледѣлія, промышленности и Труда) в одно министерство народнаго хозяйства. Нѣкоторые видѣли в упраздненіи министерства труда антидемократическую тенденцію, но это совершенно не вѣрно, так как всѣ его функціи сохраняются в новом министерствѣ. Нѣт никакой нужды, чтобы потребности и запросы труда удовлетворялись спеціальным органом. Гораздо болѣе логично и полезно, чтобы они гармонизировали с запросами самих источников труда, т. е. промышленности и земледѣлія.

Этой реформой бюрократіи правительство Муссолини произвело радикальный переворот. До прихода фашистов к власти в министерствах распоряжались отнюдь не сами министры. В большинствѣ случаев министры были менѣе чѣм кто либо знакомы с функціями, к выполненію которых они были призваны. Всѣ мѣропріятія, проекты изготовлялись высшей бюрократіей, которая подчинила себѣ министров и послѣдніе лишь подписывали продукты творчества генеральных директоров и завѣдующих отдѣлами, причем послѣдніе расширяли свои отдѣлы, создавали новые, дабы укрѣпить собственный престиж и авторитет. Теперь все идет по иному. Власть и руководство перешли в кабинеты министров, которые окружают себя технически цѣнными людьми.Нынѣ дѣйствительно командуют министры и их работа, в свою очередь контролируется и координируется самим Муссолини.

Вполнѣ понятно, что столь энергичными методами было весьма улучшено финансовое положеніе страны, С одной стороны, значительно возросли государственные доходы, с другой — осуществлены большія сбереженія, так что можно предвидѣть, что финансовый дефицит, равняющійся послѣ войны приблизительно 15 милліардам, через нѣсколько лѣт будет покрыт и установится безубыточный баланс. Недавно изданным королевским декретом Муссолини отмѣнил налог на наслѣдованіе в предѣлах одной семейной группы, отказавшись таким образом от двухсот милліонов лир государственнаго дохода ; этот факт показывает, что мы стоим уже на пути безубыточнаго баланса.

Оздоровив бюджет и укрѣпив финансовое положеніе, Муссолини приступил к оздоровленію парламента. К этому стремится его избирательная реформа, вызвавшая столь бурные диспуты в нижней палатѣ и принятая все же конституціонными группами, враждебно к ней ранѣе настроенными. Это —смѣлая реформа. Ей суждено произвести глубокій переворот в парламентской структурѣ. Она создает единый. охватывающій всю страну избирательный участок, причем парламентское большинство создается на основаніи списка, получившаго большинство голосов по всѣм округам, вмѣстѣ взятым. Этот единый избирательный участок в свою очередь заключает в себѣ весьма обширные областные участки, результаты голосованія которых опредѣляют образованіе фракцій меньшинства на основѣ пропорціональной системы. Реформа эта, которая на первый взгляд может показаться несправедливой, так как она предоставляет различным партіям в парламентѣ мѣсто не соотвѣтствующее их реальной силѣ в странѣ, не может быть понятна, если мы не примем во вниманіе послѣдствій строго пропорціональной системы, наблюдавшихся в 1919 и 1921 г. Пропрціональная система раздробила парламентское большинство на множество враждующих групп и

создала сильную фракцію «Народной партіи» (106 депутатов), которая, будучи в странѣ меньшинством, навязывала свою волю парламентскому большинству, так как ее поддержка была необходима для составленія любого кабинета. Создавалось абсурдное положеніе: правительство получало поддержку и директивы от незначительнаго меньшинства.

Вслѣдствіе такой избирательной организаціи, лишавшей устойчивости даже самое авторитетное правительство, нельзя было осуществить никакой смѣлой, органической реформы. Нынѣшняя реформа имѣет цѣлью прежде всего созданіе сильнаго правительства, опирающагося не на противоестественныя коалиціи или компромиссы, а на прочное народное большинство. В законѣ быть может и есть извѣстное преувеличеніе, поскольку устанавливается, например, что большинство должно занимать в парламентѣ 2/3 мѣст; достаточно было бы предоставить ему 3/5, ибо сильное правительство нуждается не столько в чрезмѣрно многочисленном большинствѣ, часто составленном из разнородных элементов, сколько в большинствѣ сплоченном, которое может быть создано только путем болѣе строгого подбора. Основа реформы, однако, справедлива и она даст неоцѣнимые результаты.

Из нашего краткаго изложенія можно сдѣлать тот вывод, что фашизм оказал неоцѣнимыя услуги, как во внутренней, так и в международной политикѣ. Он возстановил престиж и авторитет государства, оздоровил баланс, расчистил путь к административной децентрализаціи, упростил налоговый аппарат, становясь в рѣзкую оппозицію ко всѣм финансовым демагогическим тенденціям, двинул вперед выработку плана общественных работ, согласно новым экономическим, техническим и военным нуждам націи; продвинул дѣло передачи в частныя руки тѣх предпріятій, к эксплуатаціи которых государство оказалось не способным; усилил армію и флот, и присоединил к ним добровольческую національную милицію, возстановил дисциплину и активность в работѣ государственных учрежденій и в промышленных предпріятіях, подчиняя интересы групп или классов интересам націи; и, наконец, он возстановил повсюду авторитет государства как юридическаго воплощенія націи.

Вся работа, столь смѣло начатая, поляризуется в мыслях и работѣ исключительнаго человѣка — Бенито Муссолини. Великій престиж и сила этого человѣка заключается в том, что он выражает собою коллективную идею; он представитель войны, усилившей мощь націи, он — сила патріотизма, приносящаго себя в жертву благосостоянію націи. Он — воплощеніе новой Италіи, вышедшей из войны. Своею мыслью и дѣйствіями он показывает нам, что сильныя личности рождаются в средѣ сильных и зрѣлых народов, и являются цвѣтами на деревѣ, обладающем могучим стволом и глубокими корнями.

Профессор *Франческо Козентини.*

Турин.

В АНГЛІИ.

Англійская деревня.

Во время войны Англія увидѣла перед собой опасность быть блокированной и, таким образом, остаться без хлѣба. Выработан был спѣшно парламетскій закон, имѣвшій цѣлью увеличить запашки на счет пастбищ. Рѣшено было вспахать в Англіи и Валисѣ 2.000.000 акров цѣлины. Спеціальный комитет, назначенный Парламентом, распредѣлил эти предположенные 2 милліона между графствами с тѣм, чтобы графства указали отдѣльным округам, сколько надо вспахать, а округа указали бы отдѣльным фермерам количество требуемой от них работы. Приказы о запашкѣ (»ploughing orders«, как они были названы) вызвали

большое негодованіе среди фермеров. — Чиновники, ничего не смыслящіе в земледѣліи, приказывают вспахать пастбища, которыя совершенно не годятся для землепашества, — негодовали фермеры. И, тѣм не менѣе, площадь запашки была увеличена, как о том говорит слѣдующая таблица (площадь показана в тысячах акров):

Пахотной земли	19.320,8	19.405,1	19.652,7	21.122,7
Под пшеницей .	1.904,9	2.051,7	2.103,5	2.793,0
„ ячменем . .	1.871,2	1.651,9	1.796,1	1.838,4
„ овсом . . .	3.878,0	4.146,9	4.764,0	5.603.4
„ картофелем .	1.197,0	1.144,4	1.365,0	1.505,2
„ друг. продукт.	12.410,3	12.254,4	13.295,7	15.228,6

В общем, в Соединенном Королевствѣ выращено было в 1918 году на 40% больше хлѣба, чѣм в 1916 году.

Во время войны Англія сдѣлала также очень тяжелое для ея самолюбія открытіе: выяснилось, что континент имѣет людей, неизмѣримо лучше умѣющих работать на землѣ и неизмѣримо больше любящих ее, чѣм Англія. До того времени она твердо была убѣждена, что не только англійскіе фабричные, но и сельскіе рабочіе — самые лучшіе в мірѣ, которые кому угодно дадут «сто очков вперед». Открытіе это было сдѣлано так. Как извѣстно, во время великой войны, вопреки всѣм законам международнаго права, военноплѣнных во всѣх странах превращали в крѣпостных. Англія, нуждаясь в сельских рабочих, отправила в деревни отряды германских солдат, работавших под стражей. Плѣнные были всѣ — германскіе фермеры. Любовь у них проявилась даже к чужой землѣ. С обычной нѣмецкой добросовѣстностью они так хорошо вспахали поля, что фермеры должны были признать: «*Так* наши никогда не сдѣлают». И послѣ этого спрос на германских плугарей сильно возрос.

Война окончилась, временые законы, давшіе правительству исключительныя права, были отмѣнены, блокада забыта, опасность, которую Ламетри в XVIII вѣкѣ назвал *маніей желудка* (голодные бунты), разсѣялась, и снова начался в англійской деревнѣ процесс сокращенія запашек и отлива рабочаго населенія в города. В спеціальном изслѣдованіи о положеніи земледѣлія в Англіи, печатавшемся в маѣ 1923 года в «*Таймсъ*», автор ставит такой вопрос: «Дѣйствительно ли современные государственные дѣятели желают возрожденія англійской деревни?» Автор — земледѣлец — приходит к заключенію, что теперь всѣм политическим партіям, кромѣ торійской, ближе и роднѣе городской рабочій, фабрикант, торговец. Деревню будто бы обрекли на гибель, чтобы «успокоить» город.

У меня нѣт намѣренія обсуждать теперь, насколько основательна жалоба упомянутаго изслѣдователя. Мнѣ хочется привести нѣсколько фактов, которые дадут читателям нѣкоторое представленіе о том, что такое современная англійская деревня, из кого она состоит, чѣм заняты люди, живущіе там, как они живут, на что похоже жилище англійскаго сельскаго работника и какое значеніе имѣет группировка деревенских обывателей в коопераціи.

Возьмем типичную англійскую деревню, подворно описанную г-жей Дэвис в ея интересной монографіи: »Life in an english village«. В такой деревнѣ мы имѣем извѣстный процент удалившихся от дѣл людей, ищущих покойной жизни и дешевизны. О занятіях населенія типичной англійской деревни дает представленіе слѣдующая табличка:

Земледѣліем занято . .	57,7	проц.
Торговлей	4,5	„
Ремеслами	11,3	„
Разными другими дѣлами	15,7	„
Одинокія поденщики . .	10,8	„
	100	проц.

Размѣры ферм в такой типичной деревнѣ от 454 до 3 акров. Затѣм мы имѣем еще в деревнѣ мелкіе надѣлы (allotmens) взятые в силу цѣлаго ряда законов послѣдняго времени, имѣющих цѣлью облегчить населенію доступ к землѣ. Такіе клочки земли представляют собой большей частью огороды. Почти всѣ фермеры, как крупные, так и мелкіе, имѣют еще какое нибудь другое занятіе: мы видим тут кабатчиков, торговцев углем, ремесленников, почтмейстеров, почталіона, мясника, пономаря и т. д. В той типичной англійской деревнѣ, которая подворно описана г-жей Дэвис из 34 фермеров, у которых земледѣліе является единственным занятіем.

5	имѣют	больше	100 акров
4	„	„	50—100 акр.
7	„	„	25— 50 „
12	„	„	10— 23 „
6	„	„	10 акров

Слѣдующая таблица дает нѣкоторое представленіе о фермах в типичной англійской деревнѣ. Возьму од-

ну ферму больше 400 акров, одну больше 300 акров и т. д. до самых мелких. Таблица покажет какого рода хозяйство ведется на таких фермах.

Число акров	Характер хозяйства	Сколько раб. кромѣ хоз.
454.	Пашня и пастбища. Сѣют пшеницу, овес, бобы. Молоко отправляют в ближайшій город. Поят телят. Держат овец.	10
327.	Молочное хозяйство.	—
195.	Семьдесят акров под плугом. Разводят коров, лошадей, свиней и птиц. Молоко отправляют в ближайшій город. Сѣют пшеницу, ячмень и овес.	5.
90.	Пять акров под плугом, остальное пастбище. Молочное хозяйство. Сыроварня. Продукты идут в город. Разводят свиней и кур.	1.
48.	Молочная ферма. Сыроварня. Птицеводство.	2.
17.	Молочное хозяйство.	1. два часа ежеднев.
13.	Часть под плугом. Часть под огородом. Разводят свиней.	
9¾.	Молочное хозяйство.	—
7½.	Молочное хозяйство, ½ акра огород.	—
3.	Молочное хозяйство. Разводят кур.	—

Мелкіе участки земли берутся под огороды. «Если кто из деревенских жителей потеряет руку, заболѣет хроническим ревматизмом или вообще не находит постоянных занятій, он становится огородником», — говорит г-жа Дэвис.

Слѣдующая таблица даст нѣкоторое представленіе о хозяйствах на allotmens:

Размѣры участка.	
6 акров.	Огород. Хозяин держит свиней и кур. Имѣет телѣжку. Участок снимается наслѣдственно уже 50 лѣт.
2 акра.	Сад и огород. Хозяин имѣет лошадь и телѣжку. Работает иногда поденщиком. Жена — прачка.
1½ ак.	Сад и огород. Хозяин разводит свиней и кур. Держит лошадь и телѣжку. Иногда работает на других.
1 акр.	Огород. Хозяин имѣет пони и телѣжку. Живет со стариком отцом, получающим пенсію.
50 poles (саж).	Огород. Хозяин имѣет телѣжку и коня. Отвозит по порученію сосѣдей продукты на рынок в город. Сельскій работник.
Клочек земли.	Нѣсколько фруктовых деревьев и ягодных кустов. Хозяйка — старая женщина. Сын ея — сельскій работник.

В типичной деревнѣ не мало сельских работников, не имѣющих за душой ничего, кромѣ лишь своих рук. В матеріальном отношеніи такой работник поставлен теперь не совсѣм плохо, так как получает 25 шилл. в недѣлю. Заработная плата подростков в деревнѣ выше чѣм в городѣ, но процесс тяги из деревни в город продолжается безпрерывно. Наиболѣе предпріимчивые отправляются в Канаду и в Австралію, гдѣ у молодого человѣка есть «проспекты» стать самому фермером. Наименѣе предпріимчивые идут на фабрику.

Вопрос, как удержать населеніе в деревнѣ, занимает одинаково всѣ англійскія партіи, до рабочей включительно. Консервативная и либеральная партіи, с этою цѣлью, предлагают выкуп земли у помѣщиков, чтобы превратить сельскаго работника в крестьянина собственника. Земельные законы, которые были приняты Парламентом в послѣдніе пятнадцать лѣт, не дали ожидаемых результатов. Согласно законам этим, графскіе совѣты имѣют право принудительно отчуждать за выкуп землю у помѣщиков, чтобы сдать ее

потом небольшими участками желающим. К концу 1921 г. — 34.000 лиц пожелали воспользоваться законом о мелких надѣлах (small holding act) дополненным в 1918 г. Они обратились с этой цѣлью к графским совѣтам, которые, согласно закону, должны были изслѣдовать эти прошенія с цѣлью выяснить, насколько желающіе взять надѣл—подходят для этого. 29.000 обращеній было удовлетворено. Графскіе совѣты пріобрѣли 277.000 акров земли, и к концу 1922 года 15.000 аспирантов имѣли уже надѣлы.

Рабочая партія в своей программѣ в 1918 году намѣчает такой план для возрожденія англійской деревни: а) созданіе в широком масштабѣ національных ферм с употребленіем на них сельско-хозяйственных машин; б) поощреніе мелкаго фермерства, доступнаго каждому желающему посвятить себя сельскому хозяйству; с) созданіе муниципальных сельских предпріятій, входящих в общую схему городских предпріятій и связанных с ними; д) организація сдачи ферм кооперативным обществам, а также и частным лицам по контрактам, обусловливающим характер обработки земли и гарантирующим путем страхованія вознагражденіе за потери в случаѣ неурожая... Сельским рабочим должны быть обезпечены здоровыя и удобныя жилищныя условія с достаточным участком земли для огорода, право полученія земли под обработку или возможность созданія своей небольшой фермы. Заработная плата сельско-хозяйственных рабочих должна обезпечивать им полную возможность имѣть здоровую духовную и физическую жизнь*).

В самое послѣднее время англійскіе землевладѣльцы выступили с заявленіем, что земельный вопрос может быть рѣшен только «лицами, понимающими, что нибудь в земледѣліи», а не бюрократами — невѣждами, не видавшими даже, как пашут — в силу этого землевладѣльцы утверждают, что правильная земельная реформа может быть выработана только путем совѣщанія помѣщиков, фермеров и сельских рабочих.

Слѣдующія таблицы покажут число сельских хозяйств в Англіи и Валисѣ, т. е. во всем Соединенном Королевствѣ без Шотландіи и Ирландіи.

	1—5 акров		5—20 акров		20—50 акров	
	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.
В Англіи . .	80,646	246,632	101,364	1,139,505	65,171	2,183,796
„ Валисѣ . .	9,997	33,747	19,252	218,640	13,259	450,262

	50—100 акр.		100—300 акр.		больше 300 акр.	
	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.	Чис. фер.	Кол. акр.
В Англіи . .	49,286	3,588,909	62,185	10,662,105	13,985	6,489,796
„ Валисѣ . .	10,371	753,985	7,495	1,153,596	342	132,126

Согласно послѣдней всенародной переписи, Великобританія производит сельско-хозяйственных продуктов на 150.800.000 ф. ст. Сельским хозяйством занято около 1.840.000 человѣк. Ирландія производит сельских продуктов на 45.574.000 ф. ст. Земля дает там работу 984.000 челов. Надо прибавить, что гражданская война, продолжающаяся в Ирландіи с 1916 года и замирающая только теперь, сильно отразилась (в неблагопріятном смыслѣ) на сельском хозяйствѣ, но цифры для опредѣленія ущерба у нас еще нѣт.

Трудно указать еще на другую тему, к которой англійскіе буржуазные экономисты подходили бы с большим удовольствіем, чѣм к развитію кооперативнаго движенія в Англіи. Дѣйствительно, с 1844 года, когда возникла первая кооперативная лавочка в Рочдейлѣ, англійское кооперативное движеніе знало только стремительный успѣх.

Как общее правило, кооперативное движеніе в Англіи представляет собой, главным образом, развитіе *потребительных* обществ, хотя мы имѣем также и мощныя кооперативныя общества производителей. В самом дѣлѣ, в Кооперативном Союзѣ мы видим 1.459 коопераций. Из них потребительных обществ было 1.357, производительных 95. Потребительные кооперативы насчитывают 4.131.477 членов и имѣют капитал в 314.000.000 ф. ст., тогда как производительныя коопераціи в Англіи насчитывают 39.331 сочлена и имѣют капитал в 7.000.000 ф. ст. О развитіи коопераціи в Англіи свидѣтельствует тот факт, что ⅓ всего на-

*) Программа Британской рабочей партіи. Приведена полностью в сборникѣ „Проблемы труда в Англіи“, изданном С. П. Тюриным, Лондон 1920.

селенія Англіи потребляет продукты, произведенные или распредѣленные кооперативными обществами. Сравнительно еще недавно изслѣдователи кооперативнаго движенія в Англіи признавали, что движеніе процвѣтает по преимуществу в сѣверных и центральных промышленных графствах. Лондон всегда изображался «кооперативной пустыней» в том смыслѣ, что в столицѣ потребительныя общества не в силах бороться с отдѣльными торговцами. Теперь и Лондон превратился в дѣятельный кооперативный центр. В 1920 году два кооперативных общества в Лондонѣ слились в один союз (London cooperativ society), являющійся в настоящее время самым большим кооперативным обществом в Англіи— с 100.000 членов и с продажей в год товаров на 3.500.000 ф. ст.

Англійскія, Шотландскія и Ирландскія коопераціи об'единены в Оптовые Союзы, распредѣляющіе и производящіе продукты, необходимые членам. Стоимость этих продуктов, распредѣленных в теченіе года, — 115.000.000 ф. ст. Англійское оптовое кооперативное общество является одним из крупнѣйших торговых предпріятій в мірѣ. Оно имѣет армію в 40.000 служащих и распредѣляет в год между членами товаров на 25 мил. ф. ст., произведенных в мастерских и фабриках общества. Оно является главным мукомолом в Англіи, и никто больше его не ввозит лѣса в Манчестерскіе доки. В каждом промышленном центрѣ Англіи можно найти фабрики этого кооперативнаго союза. Он изготовляет сапоги, башмаки, мануфактурный товар, платье, мебель, машины, инструменты, посуду, мыло, свѣчи, папиросы, варенье, конфеты, а затѣм хлѣб и бисквиты.

Кооперативный союз постепенно превращался и в фермера. Сперва англійскій Оптовый Кооперативный Союз стал булочником, выпекая в своих пекарнях «хлѣб насущный» для своих членов. Когда пекарни разрослись, понадобилось имѣть дешевую муку. Мало-по-малу общество стало мукомолом. Теперь общество выпускает ежегодно из своих мельниц муки на 13 мил. ф. ст. Когда развилось мукомольное дѣло, потребовались собственныя фермы. Сперва были пріобрѣтены в Канадѣ 10 тысяч акров. В 1921 году Общество имѣло в Соединенном Королевствѣ 35.000 акров земли*).

В деревнях мы наблюдаем другой процесс возникновенія кооперативов: группировку фермеров в союзы. Кромѣ кредитных организацій, эти фермерскія асоціаціи могут быть раздѣлены так: 1) Общество с цѣлью снабженія на кооперативных началах членов земледѣльческими орудіями и вообще средствами производства, 2) кооперативныя общества производителей для сбыта своих продуктов — с переработкой послѣдних или без нея; 3) Общества взаимнаго страхованія.

Как я указывал уже в статьѣ «Ирландскій крестьянин»**), страной таких фермерских организацій является Ирландія. В Англіи их—237 с 40.000 членов и с годовым оборотом в 4.670.000 ф. ст. Молочных асоціацій 39; число членов в них 5.000, а годовой оборот 1.500.000 ф. ст. В Шотландіи 170 фермерских организацій, а число членов 8.000.

Слѣдующія цифры выражают дѣятельность земледѣльческих коопераціи, занимающихся сбытом с.-х. продуктов:

	стоимость продуктов:
В Англіи и Валисѣ	617.497 ф. ст.
„ Шотландіи . .	317.083 ф. ст.
„ Ирландіи . . .	3.949.258 ф. ст.
	4.937.838 ф. ст.

Посмотрим теперь, как помѣщается англійскій деревенскій житель? Каков его home (дом)? Обратимся за матеріалом к капитальному изслѣдованію Рейдера Хаггарда об англійской деревнѣ***). Мы найдем там нѣсколько описаній коттеджей сельских работников. Возьмем нѣсколько типичных жилищ. № 1. Домик построен из кирпича, но стѣны потрескались. Крыша соломенная. Коттедж состоит из трех комнат. В спальню под самой крышей, с дырками, заткнутыми тряпками от дождя, ведет крутая лѣстница. Пробраться в комнату можно только ползком. В комнатѣ спят двѣ женщины. Одна из них раньше занимала одну комнату со своим отцом в сосѣднем коттеджѣ, но, изслѣдовательница, помогавшая Рейдеру Хаггарду, настояла на том, чтобы отец спал отдѣльно. В комнатѣ внизу спит древ-

*) L. S. Vollf. „Cooperation and the Future of Industry".

**) См. „Крестьянскаа Россія", № 2—3.

***) H. Rider, Haggard, „Rural England, Vol. I.—II.

няя, постоянно прикованная к постели, девяностовосьмилѣтняя старуха и ея сноха. Должен сказать, что женщины ничего не платили за наем коттеджа. Владѣлец разрѣшил пользоваться им безплатно до тѣх пор, покуда не умрет старуха. Муж у нея умер незадолго до того, девяносто девяти лѣт. Помѣщик обѣщал старику 10 ф. ст., если он доживет до ста лѣт. И когда старик умер, не дотянув до ста лѣт, дочь его сказала изслѣдовательницѣ: «Боже мой! За что? Я все сдѣлала, чтобы отец дотянул до ста лѣт и получил бы десять фунтов»!

Эта самая женщина все ворчала на старуху и жаловалась, что та зажилась на бѣлом свѣтѣ и причиняет всѣм массу хлопот. «Сельскіе работники часто проявляют извѣстную жестокость по отношенію к очень старым родственникам, — прибавляет Рейдер Хаггард — нѣсколько лѣт тому назад в деревнѣ Дитчингэм я знал 102-х лѣтнюю старуху, которая сильно огорченная, ковыляла по саду. На мой вопрос старушка отвѣтила мнѣ, что внучка потушила огонь в каминѣ, единственную радость старухи. Побуждаемый жалостью, я обратился к внучкѣ, которая пришла в ярость, когда я заговорил о старухѣ: «Если вы так любите грязных стариков, — крикнула мнѣ внучка, — так берите себѣ бабушку и смотрите за нею*). Положеніе старика, как лишняго рта, трагично всюду. В давніе годы, когда я мальчиком пріѣхал на каникулы, старик, у котораго были состоятельные крестьяне, сообщил мнѣ с горечью: — Торба міні жінка, кій у мене братом (Сума моя жена, а посох — брат).

Надо сказать, что теперь в Англіи, когда старики получают пенсію в 7½ шил. в недѣлю, положеніе их значительно улучшилось. Теперь старики или старухи в семьѣ — уже маленькіе «капиталисты».

Будем продолжать описаніе коттеджей.

№ 2. Ряд небольших коттеджей. До тѣх пор, покуда Рейдер Хаггард не убѣдил помѣщика отвести полосу земли на задворках, чтобы выстроить здѣсь необходимыя приспособленія, всѣ остатки, отбросы и нечистоты шли в канаву, в которую упирались коттеджи. Эти домики были извѣстны под названіем «людоморов». Окна, выходящія в канаву, невозможно открыть из-за сильной вони.

№ 3. Маленькій коттедж из двух комнат. В одной комнатѣ спят семеро дѣтей. Пол невозможно мыть, так как вода течет через щели вниз в столовую.

№ 4. Коттедж состоит из двух комнат. Нѣт никаких особых приспособленій. Верхняя комната, которую я измѣрил, имѣла в длину 17 фут. 7 дюймов, а в ширину 9 фут.; но размѣры ея скрадывались значительно скатом крыши, служившей также и потолком. Окно имѣло 2 фута в вышину и 18 дюймов в ширину. В этой комнатѣ спали родители и восемь дѣтей. В смежном коттеджѣ, тоже состоявшем из двух комнат, жила семья, состоявшая из девяти человѣк. Обитатели двух коттеджей пользовались водой из грязнаго колодца в саду. Хорошая вода находится в колодцѣ, отстоящем от коттеджей на разстояніи 600 ярдов (250 саж.).

№ 5. В этом коттеджѣ в одной комнатѣ спали взрослая сестра и два брата, из них один — взрослый».

Повидимому, Рейдер Хаггард осматривал особенно скверные коттеджи. В типичной деревнѣ, подворно описанной г-жей Дэвис, в 165 коттеджах было 689 комнат, в которых жили 689 человѣк:

8	коттеджей	имѣли по	2 комнаты
51	„	„ „	3 „
45	„	„ „	4 „
33	„	„ „	5 „
18	„	„ „	6 „
4	„	„ „	7 „
5	„	„ „	8 „
1	коттедж	имѣл	9 комнат

«При изслѣдованіи я нашла только в трех случаях «скученность», согласно опредѣленію генерал-регистратора, т. е. в коттеджѣ на каждую комнату приходилось болѣе, чѣм по два человѣка, — говорит г-жа Дэвис. — В сорока двух коттеджах на комнату приходилось 1—2 человѣка. В остальных 120 коттеджах на каждаго живущаго там приходилось больше, чѣм по одной комнатѣ»*).

В настоящее время выработали законопроект о сооруженіи удобных коттеджей, которые должны служить одной из причин, могущих удержать сельское населеніе от «перелета».

*) H. Rider Haggard, Vol. II., p. 62.

*) „Life in an English Village" p. 133.

Коттеджи эти согласно офиціальному об'ясненію, «должны быть вмѣстительны и удобны». По возможности, то будут «особняки со свободным пространством со всѣх сторон». «К коттеджу должен принадлежать клочек свободной земли... Можно свободно умѣстить тридцать подобных коттеджей на одном акрѣ; но желательно, чтобы таких домиков было не больше десяти на акрѣ», — прибавляет офиціальный документ. «Каждый коттедж должен имѣть садик... Абсолютно необходимо, чтобы при домикѣ был клочек земли для огорода». Коттеджи, конечно, должны быть «хорошо дренированы и совершенно сухи». «Необходимо, чтобы коттедж представлял собою, прежде всего, удобную оболочку для созданія home».

Таковы факты, иллюстрирующіе состояніе современной англійской деревни.

Лондон. *Діонео.*

В СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Народное хозяйство.

«Человѣчество с'ѣзжает с европейскаго материка», утверждал А. И. Герцен в 1858 году, высказывая этим одну из своих неотступных мыслей, порожденных наблюденіем над общественной жизнью Европы. Двѣ страны в представленіи нашего блестящаго публициста-художника являлись преемниками угасающаго Запада Европы: Россія и С. А. С. Штаты. Близкія по своему мѣсту в міровой исторіи, обладающія взаимным «избирательным сродством», обѣ страны представлялись ему естественными и близкими союзниками в будущем: «у Россіи в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — это Сѣверныя Штаты... Одно пустое, раздражительное дипломатическое самолюбіе, и притом нѣмецкое, думал Герцен, заставляет Россію мѣшаться в западныя дѣла... если она освободится от петербургской традиціи, у ней есть один союзник: это Сѣверо-Американскіе Штаты».

Частично эти предвидѣнія уже оправдались. Они сбылись в отношеніи экономической жизни міра: центр тяжести в хозяйственной жизни человѣчества на наших глазах и явно перемѣстился по ту сторону Атлантическаго океана. Предвидѣніе осуществилось только в отношеніи одной страны — С. А. С. Штатов, Россія лежит в развалинах, живет в бѣдствіях и до положенія Сѣверных Штатов, до права именоваться наслѣдником Запад. Европы ей далеко.

Появляются надежды и признаки исполненія прогноза Герцена и в отношеніи союзничества обѣих стран: надеждами на дѣятельную помощь в будущем со стороны С. А. С. Штатов живет мыслящая часть Россіи; внимательно и, конечно, не ради простой любознательности вглядывается в положеніе Россіи и общественное мнѣніе Штатов. И не только вглядывается: звѣздный флаг великой страны населеніе Россіи уже видѣло на своих равнинах и никогда не забудет той огромной гуманной работы, которая шла под ним. Есть основанія думать, что эта недавняя помощь С. А. С. Штатов пищей и лѣкарствами не случайный и единичный акт. В ней правильнѣе видѣть лишь первый шаг в сторону длительнаго и тѣснаго сотрудничества обѣих стран. Обѣ онѣ нуждаются в нем, хотя и далеко не в одинаковой степени.

Наши надежды и наши потребности требуют знанія нашего возможнаго и вѣроятнаго союзника. Мы с радостью встрѣтили поэтому появленіе прекрасной книжки нѣмецкаго экономиста Германа Леви, посвященной народному хозяйству С. А. С. Штатов*). Далеко не всѣм нашим

*) Герман Леви. Народное хозяйство Соединенных Штатов Америки. Изданіе „Обелиск", Берлин, 1923 г.

читателям попадет она и потому считаем полезным передать важнѣйшее в ея содержаніи. С русской точки зрѣнія она *вдвойнѣ* достойна реферированія — по богатому содержанію своему и по темѣ, которую она разрабатывает. На 168 страницах автор сумѣл умѣстить очень много фактическаго матеріала — недурно сгруппированнаго и хорошо связаннаго обобщающими мыслями. Тема автора обладает живым интересом для всѣх русских, кто задумывался над экономическими судьбами Россіи грядущаго. А кто над ними не задумывается?! Кто *не должен* задумываться?!

Книга открывается указаніем на общность хозяйственной обстановки в Россіи и в А. С. Штатах. «Природный базис, которым обѣ они располагают для цѣлей производства, позволяет в каждой из них видѣть обособленную хозяйственную часть свѣта». Необ'ятныя возможности с.-х. производства, являющіяся для обоих стран основой их экспорта, многообразіе естественных богатств, об'ем территоріи и доступ к морям, казалось бы, обезпечивают обѣим такую степень хозяйственной самостоятельности, какой не знают другія государства». Америка широко и энергично использовала эти возможности. Россія плохо пользовалась ими и прежде, теперь же она «отброшена в первобытное состояніе, выхода из котораго пока не видно». В настоящее время Россія и С. Штаты представляются автору «двумя полюсами хозяйственнаго развитія». Однако, и теперь «Россія воплощает принцип» — тот самый, который Америка не только воплощает, но и реализовала: принцип хозяйственной самодостаточности и экономической независимости.

Собранные в книгѣ матеріалы заканчиваются 1920 годом. Лишь в рѣдких случаях они охватывают 1921 и 1922 годы. Это досадно, ибо именно в два послѣдних года отчетливо выявились тѣ крупныя перемѣны и порой острые кризисы, которые были внесены в народно-хозяйственную жизнь Штатов, сильно стимулированную великой войной и ея запросами, послѣвоенным состояніем.

Введеніем к очерку самаго народнаго хозяйства служат двѣ первых главы, описывающія одна — территорію и естественныя богатства, другая — «американскій народ и его хозяйственный характер».

Территорія Штатов нынѣ равняется 3.624.122 кв. милям или $^{1}/_{13}$ всего земного шара. Она обладает длинной береговой линіей (18.000 миль) и богатыми водными путями сообщенія: одна только Миссисипи со своими притоками орошает болѣе ¼ части всей территоріи. Свыше 1000 городов соединены прямыми водными путями с морем. Воды рѣк дали Штатам и огромное количество электрич. энергіи — 9.423.000 лошадиных сил в 1921 году. Неблагопріятным фактором для водного хозяйства Штатов явилась хищническая вырубка на протяженіи 19 столѣтія огромной площади лѣсов: как и в Россіи, послѣдствіем обезлѣсенія явилось мелководность рѣк в сухую пору года и бурный под'ем уровня воды в дождливые періоды. Дополненіем к естественным путям сообщенія явились могуче развитыя желѣзно-дорожная и нефтепроводная сѣти: первая в 1918 г. развилась 264.000 милям, т. е. на 29.700 километров длиннѣе, чѣм вся сѣть Европы; вторая только у нефтяного треста (Standard Oil Company) составляла 40.000 миль (1907 г.). Нѣдра земли богаты ископаемыми. Важнѣйшія среди них добывались в 1913 г. в отношеніи к міровой добычѣ в таких количествах:

уголь	желѣз. руда	мѣдн. руда	Нефть
35%	36%	55%	65%

Населеніе Штатов составлялось в 1900 г. из 76 милліонов ч-лк., в 1910 г. из 92 мил., в 1920 г. — из 106.418.175 человѣк. Этот быстрый рост создается сильной иммиграціей: по переписи 1910 года среди бѣлаго населенія 13,5 милл. человѣк являлись родившимися внѣ Штатов, т. е. иммигрировавшими в них; в том числѣ было 1.602 тысячи человѣк русских по рожденію. Все населеніе Левин дѣлит на двѣ группы — «насадители продуктивной культуры» и участники народно-хоз. жизни «с функціями, характера механическаго». Перемѣны в составѣ иммиграціи выражаются, во-первых, относительным усиленіем второй группы, во-вторых, пониженіем ея качества: переселенцы становятся все бѣднѣе, необразованнѣе, болѣе склонными к преступленію и пользованію общественным призрѣніем. Отсюда возникло стремленіе власти к ограниченію им-

миграціи, столкнувшееся, однако, с противоположной потребностью в приливѣ новых рабочих рук и с опасеніями, родившимися из чрезвычайно медленнаго размноженія коренных американцев-бѣлых (на 1000 женщин в брачном возрастѣ приходится в год только 63—65 рожденій, между тѣм даже во Франціи их 86, в Бельгіи 119, в Германіи 145) и быстраго размноженія негров, отрицательное отношеніе к которым бѣлых американцев общеизвѣстно и не лишено больших основаній... Борьба этих противоположных опасеній и потребностей и опредѣляет колеблющуюся иммиграціонную политику федеральной власти Штатов.

Характеристику народнаго хозяйства Леви начинает с сельскаго хозяйства. Он поступает так не случайно: С.-А. С. Штаты являются страной не только индустріальной, «в степени, во всяком случаѣ не меньшей», они остаются и аграрным государством. По цензу 1910 года работой было занято: в сельском хозяйствѣ — 12,6 милл. чел., в промышленности — 10,6 милл., в торговлѣ — 3,6 милл., в транспортѣ — 2,6 милл., в горной промышленности — 964.000 человѣк. Еще отчетливѣй огромное народно-хоз. значеніе сельскаго хозяйства выступает в цифрах о сырьѣ, доставляемом обрабатывающейщей промышленности: послѣдняя в 1900 году получила сырья на 9 милл. долларов от моря, на 118 м. из лѣса, на 311 милл. от горных промыслов и на 1940 милл. долларов от сельскаго хозяйства. Общая стоимость с.-х. продуктов выражалась в 1890 г. — 2,5 млр. долларов, в 1900 г. — 5 млр., в 1914 г. — почти 10 млр. долларов. При учетѣ этих цифр неудивительным кажется утвержденіе автора, что «в Америкѣ вся хозяйственная жизнь, поскольку она опредѣляется вліяніем кон'юнктуры, находится в полной зависимости от под'ема или депрессіи в сферѣ сельскаго хозяйства». Явленіе хорошо знакомое нам и по Россіи.

Особенно крупную роль играет урожай или неурожай пшеницы, маиса и хлопка — трех важнѣйших продуктов сельскаго хозяйства Штатов. «По статистикѣ урожая можно прослѣдить измѣненія всей кон'юнктуры в Штатах за послѣднія десятилѣтія... хорошій или плохой урожай какого либо из трех продуктов всегда предопредѣляет состояніе всей хозяйственной кон'юнктуры в Америкѣ. Недаром каждый американскій промышленник, каждый дѣлец тщательнѣйшим образом слѣдит за учетом урожая, недаром приводится в движеніе громадный статистическій аппарат..., призванный с максимальной быстротой контролировать размѣры обрабатываемой площади, ход посѣва, количество дождевых осадков, ущерб, наносимый всходам погодою, вредителями и тому подобныя данныя, позволяющія судить о ходѣ с.-х. кампаніи». Выражая огромную роль, которую играл урожай в хозяйственной жизни Россіи, в послѣдней говорили о «Его Величествѣ — урожаѣ». По праву, правда меньшему, это выраженіе может быть употреблено и в промышленноразвитых Штатах Сѣв. Америки.

Велико, хотя относительно оно и понижается, значеніе сельскаго хозяйства Штатов в их экспортѣ. Роль аграрнаго экспорта выражалась для 1880 года 84,3% всей стоимости всего вывоза, в 1900 г. — 61%; в 1910 г. — 50,9% и 42,9% в 1920 году. «Соединеные Штаты и нынѣ должны разсматриваться, как страна мощнаго аграрнаго экспорта». Затрудненія в сбытѣ сопровождаются поэтому кризисом сельскаго хозяйства, а через него и всего народнаго хозяйства страны. С.-х. экспорт Америки — пункт возможных экономических столкновеній с Россіей — конечно, не в близком будущем. На первом мѣстѣ в с.-х. экспортѣ Штатов стоит, правда, хлопок, вывозом котораго Россія не занималась, но экспортировали Штаты и зерно, и мясо (в 1913 году на 364 милл. долларов, хлопка — необработаннаго — на 547 милл. долларов).

Исторія Штатов, как и Россіи, является исторіей страны, которая колонизуется. Колонизаціонный поток шел с Востока на Запад, от берегов Атлантическаго океана к берегам Великаго. Также шло и освоеніе земли под с.-х. культуры, в таком же направленіи двигалось и интенсивное мясное скотоводство.

Как вездѣ, это освоеніе нетронутых плугом цѣнных земель сопровождалось с.-х. кризисом в старых и сравнительно густо-заселенных районах с выпаханными землями. Крупное производство, экстенсивность хозяйства и широкое примѣненіе с.-х. машин — три особенности с.-хозяй-

ства в производящих районах Штатов — сообщили этому кризису чрезвычайно острый характер и бурное теченіе. Издавна заселеные штаты на востокѣ Сѣвер. Америки переживали тот же и в одно и то же время с.-х. кризис, что и сельское хозяйство Европы, но только в гораздо болѣе обостренной формѣ. Сходным было и изживаніе кризиса: сельское хозяйство на востокѣ перестроилось на продукцію молочно-яичную и садово-огородную, сдѣлав зерновыя культуры второстепенною и даже вспомогательною отраслью. В европейском направленіи совершается внутри-организаціонная эволюція и *всего* сельскаго хозяйства Штатов: животноводственная продукція растет быстрѣе растеніеводственной. Относительная роль продуктов животноводства в общей стоимости всей с.-х. продукціи выражалась 36% в 1900 году, 39% — в 1914 году и 44% — в 1920 году.

Посѣвная площадь, занятая важнѣйшими культурами, равнялась (в милліонов акров):

	1901 г.	1914 г.	1920 г.
Маис . .	91,3	103,4	104,6
Пшеница .	49,9	53,5	57,2
Овес . .	28,5	38,4	43,3
Рожь . .	2,0	2,5	5,0
Ячмень . .	4,3	7,6	8,1
Хлопок . .	25,8	36,8	36,4
Всего .	202,8	242,9	254,6

В таблицѣ обращает вниманіе удвоеніе площади под рожью за послѣдніе шесть лѣт — едва ли не результат исчезновенія Россіи с мірового рынка зерновых продуктов *).

Скотоводство Штатов выражалось в слѣдующих цифрах (милліоны голов):

	1901 г.	1914 г.	1920 г.
Лошадей . .	13,5	21,0	20,8
Молоч. коров .	16,3	20,7	23,6
Быков	27,6	35,9	44,7
Овец	41,9	49,7	47,1
Свиней . . .	37,0	58,9	71,7

В народном хозяйствѣ Штатов имѣются двѣ особенности чрезвычайно-важных и очень многое опредѣляющих и об'ясняющих. Первая из них выражается в огромной пространственной раз'единенности центров производства сырья от районов возможной переработки его, от центров потребленія или экспортных пунктов. В сельском хозяйствѣ мѣста производства зерновых продуктов и мяса, находящіяся на Западѣ все болѣе дальнем, отдѣлены огромными пространствами от центров потребленія — штатов Востока. Удаленность производителей от потребителей вызвала в Штатах ,как это бывает всегда, концентрацію операцій обмѣна — тѣм болѣе сильную, чѣм крупнѣе были разстоянія. Торговыя операціи пріобрѣли огромный масштаб. Онѣ производятся фермерами-гигантами, по своим размѣрам неизвѣстными европейскому Западу. Вот один примѣр: по данным спеціальнаго правительственнаго обслѣдованія, в 1905 году потребность в говядинѣ покрывалась у Нью-Іорка на 75%, у Бостона на 85%, Филадельфіи и Питтсбурга на 60%, у города Провиденса на 95% поставками лишь *шести* крупных фирм Запада.

Другою особенностью является высота заработной платы и соотвѣтственный ей высокій уровень жизни (standard of lif) Эта особенность создавала сильные стимулы к сокращенію потребленія живой человѣческой силы и к замѣнѣ ея силой машины. Отсюда широкое примѣненіе машины в с.-х. Штатах (на них было затрачено 250 милл. долларов в 1890 г., 500 милл. в 1900 г. и 1.200 милл. долларов в 1910 году), лихорадочное движеніе на цѣлины Запада и экстенсивность хозяйства на нем, отсюда и развитая сѣть огромных элеваторов для зерна, обусловленная, впрочем, совокупным дѣйствіем обѣих отмѣчаемых особенностей.

С еще большей наглядностью и силой дѣйствіе обѣих особенностей сказалось в промышленности.

Рост промышленности Штатов был изумительным. Стоимость ея продуктов за 65 лѣт — с 1849 по 1914 — выросла с 1.019 милл. долларов до 24.246 милл., а вложенныя в нее средства — с 533 милліонов до 18,4 милліардов долларов. В противоположность сельскому хозяйству, в котором продукція Запада доминирует над продукціей Востока, в промышленности преобладаніе за Востоком: только четыре штата послѣдняго

*) Россія ежедневно вывозила перед войной (1919—1913 г.г.) около 40 мил. п. ржи и около 7 мил. п. ржанной муки.

(Нью-Іорк, Массачуетс, Нью-Джерси и Пенсильванія) вырабатывали в 1914 г. издѣлій на 9,6 млр. долларов или почти 40% всей стоимости промышленной продукціи.

Важнѣйшими по стоимости производства отраслями промышленности штатов являются (в милліонах долларов и в %% ко всей стоимости промышленной продукціи):

Пищевая	4.816,7	19,9%
Текстильная	3.414,6	14,1%
Желѣзодѣлат. и сталелитейная	3.223,1	13,3%
Химическая	2.001,6	8,3%
Древообдѣлочная	1.599,7	6,6%
Бумажная и полиграфическая	1.456,0	6,0%
Металлообрабат.	1.417,0	5,8%
Кожевенная	1.104,6	4,6%
Производство средств транспорта	1.034,5	4,3%

Пространственная разобщенность (се Леви иллюстрирует на примѣрах промышленности пищевой, желѣзодѣлательной, текстильной, табачной и нефтяной) «отдѣльных стадій производства... обусловила концентрацію... операцій в опредѣленных районах и создала тѣм... предпосылки для массовой организаціи производства». Исключительно большой размѣр промышленных предпріятій Штатов — общеизвѣстен. Приведу поэтому лишь один примѣр: предпріятія с годичным производством выше 1 милліона долларов вырабатывали в 1914 г. 48,6% общей стоимости промышленнаго производства, а по отдѣльным отраслям в таких гигантских предпріятіях сосредоточивалось до 99% всего производства.

«При наличности предпосылок для феноменальнаго, по европейским понятіям, сосредоточенія производства в опредѣленых пунктах, оказалось возможным осуществить раздѣленіе труда, сочетаемое с небывалой механизаціей всѣх отдѣльных стадій производства». На Чикагских бойнях процесс убоя животнаго распадается не менѣе, чѣм на 78 отдѣльных операцій; при выработкѣ обуви выдѣлено не менѣе 84 отдѣльных работ; стальные мосты в Штатах строются совершенно также, как изготовляются машины. Высокая степень в механизированном раздѣленіи труда «стало... характеристической чертой в хозяйственном обликѣ Соед. Штатов». В результатѣ «во многих случаях стоимость рабочих рук на единицу вѣса, несмотря на болѣе высокую заработную плату, оказывается... ниже, чѣм... в издержках европейскаго производства».

Из механизированнаго раздѣленія труда выросла стандардизація, т. е. однообразіе производимых предметов, состоящих в случаѣ их сложности из, так называемых, *замѣнимых* частей. Принцип замѣнимых частей сначала был примѣнен в производствѣ огнестрѣльнаго оружія, потом на фабриках часов, далѣе при изготовленіи швейных машин, «а в дальнѣйшем во всѣх вообще отраслях конструкціонной техники, начиная от паровых кранов и кончая измѣрительными приборами».

Вмѣстѣ с ростом предпріятій, с усиленіем об'ема и цѣнности их производства, измѣнился и их соціальный облик: от предпріятія единоличнаго хозяина они шли к предпріятію акціонерной кампаніи. Обоими видами предпріятій было изготовлено товаров (в милліардах долларов):

	1904		1914	
Единоличн. хозяев	1.7	13,5%	1.9	8,2%
Акціонер. компаній	10,9	86,5%	21.1	91,8%
Всего	12,6	100,0%	23.0	100,0%

Дальнѣйшим средством концентраціи денежных средств и увеличенія предпріятій явились тресты, характерные сліяніем производства и сбыта участников, и возникшія в Штатах в силу комбинаціи ряда обстоятельств: особенностей американскаго права, протекціонной таможенной политики, огромной величины американских предпріятій и т. д. О размѣрах и народо-хозяйственном значеніи трестов в Штатах можно судить по двум самым могучим трестам Штатов — по стальному и нефтяному.

Стальной трест (**United Staates Steel Corporation**). Возник в 1901 году с капиталом в 1.402.000.000 долларов. При возникновеніи он охватил в Штатах производство —

Литых труб	на 82,8%
Листов. желѣза	„ 79,8%
Провол. желѣза	„ 77,7%
Бѣлой жести	„ 73.1%
Всякаго рода листовой жести	„ 64.6%
Строит. матеріал.	„ 62,2%

Чугуна . . . . . „ 43,2%
Стали сырца . . . „ 65,7%
Рельс . . . . . . „ 59,8%

Доля стального треста в общем производствѣ страны понижалась: 65,7% — в 1901 г., 54,3% — в 1910 г., 45% — в 1922 г. Это паденіе вызывалось усиленіем конкурирующих с трестом предпріятій, которыя ходом событій неудержимо влеклись также к трестированію: главнѣйшія среди них в 1922 г. слились в двух новых концернах, охвативших 20,5% всего соотвѣтственнаго производства Штатов.

Нефтяной трест (Standard Oil Trust) возник в 1882 г. с капиталом в 70 милл. долларов. По данным оффиціальнаго обслѣдованія, начатаго в 1904 г., на заводах треста очищалось 84% всей очищенной нефти Штатов; трест поставлял 86% всего производства керосина и в такой же долѣ участвовал в американском экспортѣ керосина; по его нефтепроводам (40.000 миль!) шло около 90% всей нефти из старых нефтеносных районов и 98% — из новых. «Колоссальные прибыли, извлекавшіеся трестом и его... несомнѣнно геніальным руководителем Джоном Д. Рокфеллером, вооружили трест финансовой мощью, позволившей ему распространить сферу своей дѣятельности на другія хозяйственыя отрасли». Нефтяной трест имѣет величайшее вліяніе на добычу мѣди, цинка, свинца, хлопковаго масла и т. д.

На нефтеносных участках, принадлежавших тресту в 1905 году, производилась только 1/6 часть всей нефти. Его могущество покоится на ином основаніи — на господствѣ над транспортными средствами для передвиженія нефти и над нефтеперегонными заводами.

Другіе тресты Штатов не столь грандіозны, как два охарактеризованых, но и они играют руководящую роль в тѣх отраслях народнаго хозяйства, в которых они работают. Два примѣра: бумажный трест (International Paper Company) сосредотачивает в своих руках выработку 80% всего бумажнаго производства, трест уборочных машин (International Horvester Company) производит 76,7% сѣнокосилок и 87% сѣновязалок.

Высокая концентрація промышленнаго производства в Штатах об'ясняется не только благопріятными предпосылками для нея, но и наличностью сильно повышеных стимулов для нея у предпринимателей: «разница между цѣной, устанавливающейся в процессѣ свободной конкуренціи, и той цѣной, которая была достижима в условіях монополіи (создаваемой трестированіем), была особенно велика в Штатах. Рѣшающее значеніе на эту разницу цѣн имѣли два обстоятельства: 1) Протекціонизм таможенной политики, 2) «своеобразіе американских хозяйственых кон'юнктур», выражающееся в широких колебаніях цѣн в удачные и плохіе годы и в бурном теченіи под'емов и кризисов промышленности. «Ни в одной странѣ хозяйственый кризис не принимает форм столь рѣзких, ни в какой иной странѣ высокая кон'юнктура — »boom« — не выражается в проявленіях столь бурных, как в Соединенных Штатах». Зависит это от урожая, состоянія сбыта с.-х. продуктов и от существованія все той же протекціонной политики. Останавливаться на всѣх этих факторах я за недостатком мѣста не могу.

Каковы соціальные результаты этой поражающей концентраціи производства?

Их не перечислить в этой бѣглой статьѣ. Не перечисляет их и реферируемая книга. Она отмѣчает лишь одно благопріятное слѣдствіе и одно соціально-вредное. Благопріятным являются тѣ огромныя производственныя возможности, которыя создаются в руках промышленных концернов при массовости их производства и при огромных финансовых средствах. Для улучшенія производства, для усиленія производительности труда и удешевленія продуктов здѣсь нѣт границ. Осуществимо все, что способно понизить издержки производства, как результат лучшей организаціи и лучшей техники предпріятій. Характерным выраженіем этой стороны является обычное закрытіе плохо оборудованных или дурно-организованных фабрик и заводов, переходящих при трестированіи в руки трестов.

Отрицательным слѣдствіем является осуществленіе той основной цѣли, из-за которой происходит концентрированіе производства — по-

вышеніе прибылей предпринимателей, поскольку оно достигается болѣе высокими цѣнами издѣлій. «Многочисленныя изслѣдованія... сходятся... в том, что корпораціи постоянно пользовались своим преимущественным положеніем для поддержанія цѣн на высоком уровнѣ... уровень цѣн они стремились регулировать, независимо от стоимости производства».

В заключеніе остановимся на внѣшней торговлѣ Соед. Штатов, являющейся важным слагаемым народно-хозяйственной жизни.

Размѣр внѣшней торговли, если мѣрить его стоимостью, равнялся (в милліонах долларов):

	1899 г.	1913 г.	1920 г.
Вывоз . . .	1.203	2.428	8.080
Ввоз . . .	697	1.813	5.274

Три обстоятельства обращают на себя вниманіе в этих цифрах: 1) неизмѣнно активный торговый баланс Штатов; 2) стремительный рост оборотов по внѣшней торговлѣ за 1914—1920 годы; 3) огромное превышеніе в послѣднем году экспорта над импортом, выражающееся суммой в 2.806 милліонов долларов. Два послѣдних обстоятельства были вызваны войной и послѣвоенным состояніем міра, когда экономическая жизнь воевавших стран еще не могла войти в нормальную колею. Через год послѣ войны началось, однако, паденіе преобладанія вывоза над ввозом: это преобладаніе выразилось в 4.016 мил. долларов в 1919 г., в 2.806 мил. — в 1920 г. и в 1.047 милл. долларов в 1921—22 фискальном году. Результаты измѣнившейся за время войны внѣшней торговли выразились между прочим в слѣдующем: 1. Европа надолго превратилась в неоплатнаго должника, Штатам — по вычисленіям Friday задолженность Европы Штатам к 1921 году равнялась не менѣе 15 милліардов долларов; 2. в огромной степени увеличилась, таким образом, заинтересованность Штатов в положеніи дѣл в Европѣ; 3. Штаты успѣли стянуть в свои руки до двух третей всего мірового золотого запаса. Состав ввоза и вывоза слагался из слѣдующих частей (в процентном отношеніи к общей цѣнности ввоза или вывоза за данный год):

	Вывоз 1913	Вывоз 1920	Ввоз 1913	Ввоз 1920
Сырье для промышленности	30,1	23,1	35,4	33,2
Промышленные полуфабрикаты	16,8	11,9	19,3	15,2
Фабрикаты	32,0	39,7	22,5	16,6
Продовольствіе:				
Необработанное	7,5	11,4	11,7	10,9
Обработанное	13,2	13,8	10,7	23,5

В вывозѣ растет доля наиболѣе выгодной — с народно-хоз. точки зрѣнія — части: фабрикатов. Их доля в вывозѣ составляла 24,4% в 1900 г., 32% — в 1913 г. и 39,7% — в 1920 году. Среди тѣх отраслей, по которым цѣнность экспорта в 1913 году составляла болѣе 100 милл. долларов, первое мѣсто занимал необработанный хлопок — 547 милл., далѣе слѣдовали желѣзо и сталь — 304 милл., зерновые продукты — 211 милл., мясо и мясные продукты — 153 милл., мѣдь — 143 милл., минеральныя масла — 137 милл. и дерево — 115 милл. долларов.

По отдѣльным географическим пунктам вывоз Штатов распредѣлялся так (в процентах):

	1900 г.	1913 г.	1920 г.
Европа . . .	74,6	60,0	54,3
Сѣвер. Америка	13,4	25,0	23,4
Юж. Америка .	2,8	5,9	7,6
Азія	4,7	4,7	9,4
Океанія . . .	3,1	3,2	3,3
Африка . . .	1,4	1,2	2,0

Во ввозѣ Штатов обращают на себя вниманіе сырье для промышленности и продовольственные припасы; они удивляют, если вспомним, что Штаты обладают могучим производством промышленн. сырья и являются страной огромнаго экспорта с.-х. произведеній. Удивленіе увеличивается еще болѣе, когда узнаешь, что с.-х. импорт (весь, не только продовольствія) значительно превышает с.-х. экспорт — на цѣлых 561 милл. долларов...

Предметами ввоза являются: кофе, какао, чай, табак, сахар, кожи, мѣха, химическіе продукты, шелк-сырец, волокнистыя вещества, каучук и олово.

Таково в общих очертаніях и в важнѣйших слагаемых состояніе народнаго хозяйства С. А. С. Штатов— этой страны с бурно-стремительным темпом хозяйственной жизни, с ги-

гантскими предпріятіями, каких не знает Старый Свѣт, с чрезвычайно высоким уровнем заработной платы — также неизвѣстным Европѣ, с трестами, милліардерами и с повсемѣстной неизбѣжной машиной, замѣняющей человѣка. «Изумительны при этом не тѣ гигантскія цифры, которыми часто, слишком часто иллюстрируют Американское хозяйственное развитіе... Удивленія заслуживает нѣчто иное — та движущая сила, из коей эти цифры возникли», то неутомимое стремленіе американскаго народа все к новым хозяйственным успѣхам, которое обезпечило могучій экономическій расцвѣт великой заокеанской странѣ.

З. А. Спудов.

Горе от урожая.

Индустріальный мір Америки в настоящее время наслаждается отмѣнным благополучіем. Всѣ индустріи, пережив послѣ-военный сравнительно небольшой застой, быстро вышли на ровную дорогу усиленной дѣятельности и повышенной доходности, — всѣ индустріи за исключеніем одной. Я говорю о сельском хозяйствѣ.

Сельское хозяйство, а это одна из крупнѣйших и важнѣйших индустрій, не только не пережило послѣвоеннаго кризиса, но, по всей вѣроятности, еще не достигло всей глубины предназначеннаго на его долю паденія.

Неурожая или даже недорода нынче нѣт, как его не было и в прошлые два года. Наоборот, нынче урожай пшеницы будет равняться почти билліону бушелей и значительно выше средняго. Но в этом-то и заключается несчастье фермера. Собранный нѣсколько недѣль тому назад урожай пшеницы в южных штатах Америки был встрѣчен на національном рынкѣ менѣе чѣм привѣтливо. Уже в началѣ іюля цѣна спустилась до 1 доллара за бушель на чикагском рынкѣ с соотвѣтствующим пониженіем по мѣрѣ удаленія от этого хлѣбнаго центра. Это значит, что фермеры в 300 верстах от Чикаго едва в состояніи реализовать 70 — 75 сентов за бушель в 66 русских фунтов.

Сбыт пшеницы по таким цѣнам в американских условіях ея выращиванія не может не повести к банкротству всего американскаго земледѣлія. И это не голословное заявленіе. В прошлом году при болѣе высоких цѣнах тысячи фермеров обанкротились. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе тѣ условія, в которых фермеру приходится вести хозяйство. Покупательная способность фермерскаго доллара в настоящее время равна приблизительно 65 сентам довоеннаго времени, тогда как цѣна продуктов земледѣлія, которые фермеру приходится продавать в нѣкоторых случаях ниже той, которой он пользовался в 1913 году. Интересный ключ к положенію фермера дают цифры, собранныя правительством. Согласно этим данным, отношеніе цѣн всѣх фермерских продуктов к таковым 1913 года равняется 140 процентам, тогда как отношеніе цѣн мануфактуры и готоваго платья настоящаго года к довоенному равняется 200 процентам.

Что же удивительнаго, что американская періодическая печать, живущая интересами населенія и реагирующая на настроеніе граждан, весьма серьезно озабочена создающимся положеніем в пшеничном дѣлѣ и обсуждает развертывающіяся событія со всѣх сторон.

Вот что говорил еще 20-го іюня Линкольнскій State Journal, когда чикагская хлѣбная биржа только что начала манипулировать над пшеничными цѣнами: «Сообразно развертывающимся в настоящее время перспективам, фермеры к западу от Миссури едва будут в состояніи получить 90 сентов за бушель во время уборки хлѣба (от себя добавлю, что тогдашній пессимизм теперь кажется розовой надеждой). Этот хлѣб выращен трудом, машинами и прочим, что входит в стоимость производства, оплачиваемыми такими цѣнами, которыя уступают только военным. Цѣна же на пшеницу спустилась ниже какого-либо года за послѣднія девять лѣт. Средній фермер нынче едва сумѣет выручить до 13 долларов валового дохода с акра

пшеницы. С другой стороны, его налоги равняются 10 процентам этой суммы. Стоимость сѣмян равняется еще 10 процентам. Уборка с поля и молотьба отнимает столько же. Если ферма заложена (а это бывает очень часто), то проценты по закладной будут равняться во многих случаях 3—4 долларам на акр. Можно остановиться даже на этом, чтобы придти к заключенію, что земледѣліе при 90 центов за бушель пшеницы не может быть доходным. По всей вѣроятности фермер будет терять процентов 40 на выращенной пшеницѣ.

Это в немногих словах дает картину положенія фермеров, главный доход которых заключается в продажѣ пшеничнаго урожая.

Но в чем же дѣло? Почему так спускаются цѣны на пшеницу? может спросить недоумѣвающій читатель. Отвѣт очень прост.

Потребительная способность Соединенных Штатов нормально равняется 750,000.000 — 800,000.000 бушелей пшеницы в год. Это включает потребленіе населенія, корм скоту и сѣмена для слѣдующаго посѣва. При нынѣшнем урожаѣ в билліон бушелей, около 200,000.000 бушелей должны будут пойти на международный рынок. Но куда? В Европу, куда вывоз было наладился во время войны и отчасти продолжался послѣ заключенія мира? Но Европа не в состояніи платить долларами при наличности болѣе дешеваго хлѣба из Аргентины, Канады, Индіи и даже Россіи. По послѣднему отчету видно, что Канада сама нынче получит не менѣе 500,000.000 бушелей пшеницы, и ея вывоз почти удовлетворит Англію, не считая Вест-Индійской пшеницы. Таким образом, перспектива 200-милліоннаго излишка на внутреннем рынкѣ, плюс соотвѣтствующая манипуляція хлѣбных дѣльцов, быстро сбили цѣну и еще продолжают играть на дальнѣйшее пониженіе.

Фермеры, с другой стороны, безпомощны и в большинствѣ случаев продолжают продавать, несмотря на дѣствительно невозможныя цѣны. Да и что же они могут дѣлать? Правда, по разумному совѣту Грея Сильвера, одного из агентов Американской Федераціи Фермерских Бюро, многіе фермеры штата Канзаса (сговорившись), прекратили продажу пшеницы на неопредѣленное время. Взамѣн продажи, они закладывают ее в мѣстном банкѣ для расплаты по долговым обязательствам. Уже во второй половинѣ іюля один из крупных канзасских банков ссужал свыше 100.000 долларов ежедневно с намѣреніем довести операціи в этом направленіи до 2.000.000 долларов в день. Ссуды идут по 5½ процентов годовых и являются дѣйствительно благословеніем для фермеров. Интересно отмѣтить, что эта небольшая мѣра и при том же в одном районѣ довольно быстро сказалась на хлѣбном рынкѣ, гдѣ уже через нѣсколько дней стремительное паденіе цѣн было пріостановлено. В настоящее время (конец іюля) хлѣбный рынок даже крѣпнет. Но эта мѣра неизбѣжно может быть только временной. Правда, стабилизуя рынок, она может помочь посылкѣ хлѣба на рынок постепенно по мѣрѣ требованія. Если бы фермеры были хорошо организованы в кооперативы, то такой постоянный и умѣренный поток мог бы продолжаться весь год, как то имѣет мѣсто с фруктами калифорнійских фермеров. Но, к сожалѣнію, фермеры зернового производства не организованы таким образом и, слѣдовательно, калифорнійская выдержка в продажѣ пшеницы едва-ли пройдет в равнинах Америки. 200,000,000 бушелей излишка будут всегда стоять «лѣшим на задворках» и терроризовать хлѣбный рынок.

Нельзя, разумѣется, предположить, чтобы не было иных планов для спасенія положенія. Планов сколько угодно, и нѣкоторые не лишены извѣстного юмора. Так, сенатор Копеланд из Нью-Іорка довольно серьезно совѣтует населенію ѣсть больше хлѣба, чтобы таким образом с'ѣсть двухсот милліонный избыток, совершенно упуская из виду, что если населеніе будет больше потреблять хлѣба, то, вѣроятно, будет недоѣдать картофеля, мяса и т. д. А избыток картофеля куда дѣвать? спросить-бы почтеннаго сенатора.

Нѣкоторые совѣтуют «помочь Европѣ» и спасти своих фермеров. Эта общая формула, вѣроятно, включает пожеланіе сдѣлать крупные займы нѣкоторым европейским странам с тѣм, чтобы деньги были потрачены в Америкѣ. Такая система займа даст возможность сбыть излишек пищевых припасов в том или ином видѣ. В 1921 году 20 милліонов долларов правительственных денег, с 20 милліона-

ми русских денег, да 15 (кажется) милліонами пожертвованных частными организаціями и лицами, потраченные в Америкѣ на закупку пищевых продуктов, дѣйствительно спасли фермера от катастрофы. Это можно повторить и нынче. Но ссуды Европѣ связаны с международной политикой, в которую Соединенные Штаты вмѣшиваются очень осторожно. И план может оказаться не совсѣм пріемлемым. К тому же сенатор Ондервуд, демократ, стоит за него. А этого вполнѣ достаточно, чтобы господствующая республиканская партія отклонила план.

Второй серьезный план заключается в повышеніи хлѣбнаго тарифа. Его выдвигает Американская Федерація Фермерских Бюро. Тариф на пшеницу равняется 30 сентам на бушель. Если фермеры сговорятся поднять цѣну на пшеницу, напримѣр, до 2 долларов за бушель, и рѣшат не продавать до ея повышенія, то американскій рынок будет завален канадской или аргентинской пшеницей, и план правалится. Другое дѣло, если тариф будет равняться, напримѣр, 1 доллару 50 сентам за бушель. Республиканская партія издавна славится, как защитница высоких тарифов, и настоящій проэкт может встрѣтить сочувствіе между членами господствующей партіи.

Но кто может поручиться, что в силу такого защитительнаго тарифа пшеницу не будут выращивать еще в большем количествѣ? И куда будут дѣвать избыток? Или выбрасывать на иностранный рынок за безцѣнок, как иногда практикуется в нѣкоторых индустріях? Тогда излишек американскаго хлѣба может пойти на то, чтобы раззорять земледѣліе в конкурирующих странах.

Слѣдующая очередная мѣра, хотя она и не касается настоящаго урожая, заключается в сокращеніи пшеничной посѣвной площади. Это очень цѣлесообразная мѣра в виду того, что довольно порядочный процент избытка происходит за счет увеличенія пшеничной площади, которая за послѣднія пять лѣт увеличилась на 9,000,000 акров. Но кто и как постарается провести эту мѣру в жизнь, помимо дѣйствія натуральнаго закона о спросѣ и предложеніи, сказать пока нелегко. В прошлом году уже велась пропаганда в этом направленіи, но результаты нынѣшняго урожая показывают, что ея успѣх был ничтожным.

Таково, в общих чертах, положеніе, в котором оказывается фермер в настоящее время. Уже теперь оно отражается на политической жизни страны. Обѣ крупныя политическія партіи, республиканская и демократическая, в большом замѣшательствѣ и совершенно не знают, что предпринять. А вѣдь в будущем году будут выборы президента. Первой ласточкой перемѣны настроенія явились миннесотскіе выборы в сенаторы 16-го іюля, когда кандидат фермерско-рабочей коалиціи, Магнус Джансон, получил подавляющее большинство голосов, кандидат Республиканской партіи, губернатор Брюс, был забаллотирован.

Слѣдующіе 12 мѣсяцев обѣщают быть весьма интересными в политической жизни американскаго фермера, а с ним и всей Америки. Неожиданныя, а для нѣкоторых элементов и нежелательныя, событія могут разыграться в политической борьбѣ за господство в правительствѣ Соединенных Штатов.

И исходным пунктом является тялое экономическое положеніе американскаго фермера.

М. И. Волков.

Urbana, Illonois.

Кооперативный сбыт хлѣба.

«Кооперація Хлѣбопашцев Америки» есть дѣтище Американской Федераціи Фермерских Бюро и является кооперативной организаціей по продажѣ зерноваго хлѣба американских фермеров. Организованная іюля 23 и 24, 1920 года, т. е. ровно три года тому назад, эта номинальная организація ни купила, ни продала ни одного бушеля зерна, затратив в то же время громадное количество фермерских денег. Ея задолженность в настоящее время 350,000 долларов.

«Еще одна бочка соленой свини-

ны», скажет циник в Америкѣ. «Еще одна панама», скажет европейскій пессимист. «Еще один урок — дорого стоящій, но цѣнный, и да не пройдет он даром для мірового кооперативнаго движенія земледѣльцев!« — хочется сказать мнѣ вмѣстѣ с тѣми тысячами фермеров, которые, смотря смѣло в лицо ужасной неудачѣ прошлых трех лѣт, планируют для будущаго. Этим настроеніем, по крайней мѣрѣ, дышет отчет совѣта директоров, опубликованный нѣсколько дней тому назад Иллинойской сельско-хоз. ассоціацией. В нем смѣло и откровенно рисуются всѣ прошлые шаги номинальнаго кооператива и предлагается план реорганизаціи. План уже принят и реорганизація идет по всѣм направленіям. Хочется надѣяться, что на этот раз план войдет в жизнь и фермеры центральных Соединенных Штатов начнут производить сбыт зерна на кооперативных началах.

Исторія Корпораціи Хлѣбопашцев Америки, в общих чертах, такова.

По приглашенію Амер. Федераціи Фермерских Бюро состоялся в Чикаго съѣзд фермеров, особенно заинтересованных в производствѣ зерновых хлѣбов, и 23-24 іюля 1920 года организовалась «Корпорація». По организаціи кооператива, президент Амер. Фед. Фермерских Бюро назначил рыночный «комитет семнадцати» с представителями из различных хлѣбных районов. Этому комитету было поручено изучить дѣло организаціи мѣстных кооперативов по закупкѣ зерновых хлѣбов. Около семи мѣсяцев велась подготовительная работа людьми честными, искренне преданными дѣлу коопераціи и фермерскаго благополучія, но людьми неопытными в новом для них положеніи и иногда самолюбивыми.

16-го апрѣля 1921 года «Корпорація» была узаконена по закону штата Делавар. К 23 іюня вся подготовительная работа была закончена и на собраніи членов Исполнительнаго Комитета Амер Фед. Фермерских Бюро было оффиціально объявлено о началѣ организаціи мѣстных кооперативов.

План в общем, был таков: графство (уѣзд) или иной подходящій район организовывался в мѣстный кооператив, строил или покупал хлѣбные элеваторы и занимался закупками мѣстнаго хлѣба. В больших городах, как Чикаго, Ст. Луи и др., помѣщались областныя отдѣленія Корпораціи и мѣстный хлѣб предполагалось постепенно подвигать в эти центры. Предполагалось всю страну организовать сразу и операціи начать во всѣх одновременно.

На организаціонную работу этого гигантскаго кооператива потребовался еще цѣлый год.

Реальная сторона в финалѣ трудов комитета семнадцати и их многочисленных экспертов, статистиков и помощников выразилась в том, как установлено на первом годичном съѣздѣ «Корпораціи» в Чикаго 21-24 марта 1922 года, что задолженность корпораціи равняется свыше 200,000 долларов без каких либо фондов в ея казнѣ для погашенія этой задолженности.

Это было первым и довольно сильным ударом по головѣ современнаго кооперативнаго движенія земледѣльческой Америки.

13-го мая 1922 года в Чикаго был собран спеціальный съѣзд Амер. Федераціи Фермерских Бюро для реорганизаціи неудачнаго кооператива. Много было слов, иногда горьких и ядовитых, но большей частью сдержанных (вѣдь Англо-Саксонская раса все же доминирует); в результатѣ реорганизаціи произошла и постепенно намѣченный кооператив выходит на новую, болѣе ровную и вѣрную дорогу.

Под давленіем организованных фермеров в Иллинойсѣ был проведен законопроект, по которому національный кооператив получает легализацію на Чикагской Торговой Биржѣ без страха преслѣдованія за монополизацію хлѣбнаго рынка (по закону Шермана против трестов).

По новому плану покупается мѣсто на Чикагской хлѣбной биржѣ. Выпускаются облигаціи для покрытія задолженности, причем облигаціи предполагается постепенно погашать из будущих доходов кооператива.

Организуется не вся Америка, как предполагалось раньше, а будет сначала для операціи открыт один какой нибудь наиболѣе нуждающійся пункт; по мѣрѣ надобности будут открываться другіе. Рост національнаго кооператива будет зависѣть от успѣха мѣстных отдѣлов.

Вот, в общих чертах, положеніе дѣл в одном из главных отдѣлов ко-

оперативнаго сбыта сельскохозяйственных продуктов в Соединенных Штатах. Нужда в упорядочности сбыта хлѣба в Америкѣ в настоящій момент громадная. Пшеничный рынок Америки переживает кризис, с печальным исходом котораго связано банкротство тысяч хлѣбопашцев Америки.

Нужда — мать изобрѣтательности и связывающее звено разнообразных элементов. Сейчас нужда очень велика и это заставляет думать, что именно теперь успѣх кооперативнаго сбыта хлѣба в Америкѣ не за горами.

М. И. Волков.

Urbana, Illonois.

Фермерскія бюро.

Департамент Сельскаго Хозяйства Соединенных Штатов содѣйствует организаціи уѣздов (county) в формѣ фермерских бюро, имѣющих цѣлью развитіе в провинціи наиболѣе выгодной и устойчивой системы сельскаго хозяйства и вообще содѣйствіе улучшенію быта сельских жителей. Главнѣйшей цѣлью этой организаціи является об'единеніе цѣлаго ряда существующих кооперативных и всяких иных организацій провинціи и содѣйствіе им в введеніи их работы. Бюро, тоже общественная организація, не стремится замѣнить или конкуррировать с какой либо из дѣйствующих организацій, но имѣет цѣлью координировать дѣйствія других организацій путем установленія прочных связей между ними, а также с Штатными и Союзными учрежденіями, отнюдь не покушаясь на самостоятельность мѣстных организацій.

Вот как резюмируются цѣли учрежденія фермерских бюро:

1. Ободрить самопомощь путем развитія и упражненія в веденіи сельских дѣл самой общиной.

2. Показать всему населенію уѣзда сельскохозяйственныя возможности уѣзда и как таковыя могут быть реализованы.

3. Снабдить средствами, при помощи которых сельскохозяйственные вопросы уѣзда и вопросы домов-ферм могут быть систематически изучаемы и рѣшенія их проводимы в жизнь для обезпеченія благосостоянія и счастья всему населенію.

4. Координировать усилія существующих сельскохозяйственных сил, организованных и неорганизованных, и создавать новые пути для приложенія этих усилій.

5. Доставить агентам представляющим организацію, Штатный сельскохозяйственный институт, Союзный Департамент Сельскаго Хозяйства совѣты и указанія лучших людей уѣзда, что должно быть сдѣлано и как это сдѣлать.

6. Создать необходимый мѣстный аппарат для болѣе легкаго и быстраго снабженія каждой общины уѣзда данными, цѣнными как для общины, так и для уѣзда в цѣлом.

Полезность этих фермерских бюро доказывается быстрым распространеніем их в странѣ.

Так, в Штатѣ Нью-Іоркѣ развитіе этих организацій выражается слѣдующими данными.

	1 март. 1914	1 янв. 1915	1 янв. 1916	1 дек. 1916	1 дек. 1917
Всего организовано бюро .	18	23	31	36	47
Число членов .	2.620	5.557	9.995	13.923	29.781
Средное число членов на уѣзд	146	242	322	387	634

Мы видим, что в теченіе трех с половиною лѣт число уѣздов, гдѣ возникли эти организаціи и развилась их дѣятельность, возросло в два с лишним раза. Общее число членов, возросло болѣе чѣм в десять раз, а среднее число членов на уѣзд возросло болѣе чѣм в четыре раза.

И такой рост замѣчается не только в Штатѣ Нью-Іорк. Мы имѣем данныя, относящіяся к болѣе позднему времени, но охватывающія всѣ Соединенные Штаты. Вот эти данныя.

С перваго іюля 1917 года и по 30 іюня 1918 быстрое развитіе в организаціи фермерских бюро наблюдалось почти в каждом Штатѣ Сѣвера и Запада. Восемь новых Штатов приняли основные принципы плана фермерских бюро и таким образом к 1 іюля 29 из 33 Штатов Сѣвера и Запада имѣют эти бюро либо во всѣх, либо в части их уѣздов. 1 декабря 1916 имѣлось там 287 фермерских

бюро с числом членов 98.654. К первому декабря -917 года их уже было 384 с общим числом членов 161.391. К 30 іюня 1918 их стало уже 791 с числом членов 290.000.

Эти данныя показывают, что фермерскія бюро с их развѣтвленіями в видѣ общинных комитетов в каждой общинѣ, пріобрѣтают симпатіи населенія, как учрежденія полезныя.

Слѣдует отмѣтить, что все построеніе этих бюро с развѣтвленіями в общинах построено на принципѣ общественнаго самоуправленія

Нью-Іорк. *К. Оберучев.*

Письмо Самуэля Гомперса американским сенаторам, отправляющимся в Россію.

С. Гомперс, президент Американской Федераціи Труда насчитывающей около 5 милліонов рабочих, обратился с нижеслѣдующим письмом к сенаторам Кингу и Лэдд'у, отправлявшимся в Россію.

Письмо это ясно вскрывает настроеніе американских рабочих по отношенію к Совѣтской власти и лишній раз говорит о правильной и здоровой оцѣнкѣ трудовыми слоям всего происходящаго в Россіи.

«Газеты сообщили, что Вы наканунѣ от'ѣзда в Россію для совѣщанія с лидерами коммунистов, имѣющаго своей цѣлью содѣйствіе признанію Совѣтскаго режима американским правительством. Независимо от того, правильно или неправильно указывается газетами цѣль Вашего посѣщенія Россіи, Вы могли бы оказать огромную услугу Американскому народу и Американскому рабочему движенію, втолковав Совѣтскому Правительству что извѣстныя стороны его политики являются непреодолимым препятствіем для его признанія.

Прежде всего рабочее движеніе в Америкѣ не вмѣшивается в политическіе или экономическіе эксперименты, выполняемые в других странах, а равно ему нѣт дѣла до того, какую правительственную систему устанавливают другіе народы, если только это правительство не пытается использовать Америку, как дополнительную лабораторію для своих опытов.

С самаго начала русской революціи американскіе трудящіеся с симпатіей и сочувствіем смотрѣли на усилія Русскаго Народа установить свою свободу. Но вопреки этому дружескому отношенію, *агенты Совѣтскаго правительства сдѣлали невозможным сохраненіе послѣдняго по отношенію к коммунистически-совѣтскому режиму и его власти.*

Америка была наводнена ордой Совѣтских агентов, пытавшихся путем лжи и интриг, разрушить организацію, созданную американскими рабочими для их собственной защиты. Работа этих агентов разрушенія была столь упорна, что лидеры Американской Федераціи труда должны были с исключительным вниманіем и напряженіем стоять на стражѣ единства и цѣлостности союзов, входящих в Федерацію.

Цѣлью этих совѣтских агентов было не только разрушеніе прогресса и благосостоянія американских рабочих, не только замѣна наших самоуправляющихся организацій революціонными комитетами, в которых рабочіе были бы только орудіем в руках Москвы; цѣли их шли дальше: эти міровые заговорщики хотѣли с помощью этих «революціонных комитетов» низвергнуть Американскую республику. Ни один гражданин, знающій подноготную большевистских пропагандистов, не будет отрицать правильность этого.

Вы, конечно, слѣдите за засѣданіями союза сельско-хозяйственных рабочих в Чикаго, захваченнаго комунистами под маской «трудовой партіи», слѣдующей во всем инструкціям Москвы.

Вы знаете, также, что в концѣ концов, отбросив всѣ маски, коммунисты здѣсь открыто признали, что они представляют интересы Совѣтскаго режима. Теперь мы имѣем зрѣлище коммунистической партіи, формально допущенной в Америкѣ с ея политикой и тактикой, направ-

ленной на низверженіе Американскаго правительства.

Несмотря на это, есть в нашей странѣ граждане, которые, большей частью по высоким мотивам, прислушиваются и склоняются к широко распространяемой и умно руководимой пропагандѣ в пользу признанія этого большевистскаго правительства. Едва ли эти граждане отдают себѣ отчет в том, что подобное признаніе поведет за собой открытіе по всей странѣ совѣтских консульств, чрез которые будет проводиться программа Москвы, направленная на низверженіе всѣх существующих учрежденій нашей республики.

Рабочіе Америки, прежде чѣм требовать или поддерживать признаніе иностраннаго режима, должны имѣть увѣренность в том, что иностранное правительство не будет пытаться вмѣшиваться в свободу американскаго народа или в независимость Американскаго рабочаго движенія.

Чтобы американскіе трудящіеся могли быть увѣренными в том, что Совѣтское Правительство не намѣрено вмѣшиваться во внутреннія дѣла нашей страны, весьма важно, чтобы они были точно информированы в рядѣ вопросов.

Эту информацію Вы можете получить за время Вашего пребыванія в Россіи. Спеціальными пунктами, имѣющими особенно важный интерес для рабочих Америки сейчас, являются слѣдующіе:

1. Правда ли, что в Россіи нѣт свободной прессы? Допущена ли здѣсь оппозиціонная печать? Цензуруется ли существующая правительственная печать? Разрѣшено ли иностранным корреспондентам свободно посылать их телеграммы?

2. Разрѣшено ли рабочим организовывать свои союзы без всякаго вмѣшательства власти? В какой мѣрѣ рабочим позволено критиковать Совѣтскую власть и каковы условія, в которых они работают?

3. Правда ли что руководящіе лидеры Совѣтскаго правительства и Третьяго Интернаціонала одни и тѣ же лица?

4. В какой мѣрѣ Совѣтское правительство поддерживает или, по меньшей мѣрѣ, допускает пропаганду Третьяго Интернаціонала, направленную против иностранных правительств?

5. Индивидуально и не оффиціально отвѣтственные ораторы Сов. Правительства об'являют, что Совѣтская власть больше не представляет власти коммунистической партіи, а что она, напротив, является копіей власти таких республик, как Сѣв.-Амер. Соед. Штаты. Если это дѣйствительно так, то почему Сов. власть оффиціально и дѣйствительно не мѣняет своего характера, соотвѣтственно этому заявленію?

6. Если совѣтская власть готова признать свои обязательства, почему она, в принципѣ, по меньшей мѣрѣ, не идет на ясное и опредѣленное их признаніе?

7. Увѣряют, что Совѣтская власть исполняет свои обѣщанія и соглашенія. Почему же в таком случаѣ, такія правительства, как Чехословацкое, Турецкое, Финляндское, Латвійское, Польское, не говоря уже о Великобританском, имѣющія оффиціальныя сношенія с Россіей, до сих пор имѣют натянутыя отношенія с Совѣтским правительством, и говорят, что оно не выполняет соглашеній и обѣщаній.

8. Является ли намѣреніем американских посѣтителей Россіи, быть в ней в качествѣ «гостей Совѣтскаго Правительства», хотя бы даже часть расходов они и покрывали из своих собственных средств? Или же гг. американцы намѣрены путешествовать свободно по всей Россіи, чтобы найти то, что реально существует за декораціями.

Правда ли, что такіе «гости» прибывают в Москву в особых «поѣздах для гостей», останавливаются в Москвѣ и Петроградѣ в особых «отелях для гостей», посѣщают только спеціальные «школы, фабрики и рудники для гостей»? присутствуют на красноармейских парадах читают только совѣтскія газеты и совѣтскіе статистическіе отчеты? пользуются совѣтским переводчиком и руководителем?

Цѣль моего письма — познакомить Вас с нѣкоторыми фактами, и условіями, с которыми Вы могли быть не знакомы.

Американскій рабочій класс рѣшительно стоит как против диктатуры «огромных капиталов и грандіозных предпріятій», так и против

так называемой, «диктатуры пролетаріата». Американскій труд вполнѣ ясно сознает всю тщету обѣих этих крайностей и отвергая обѣ, он стремится усилить естественный и разумный прогресс, в направленіи свободы, справедливости, демократіи и гуманности».

N. Y., Times, July 16, 1923.

XI. Международный Земледѣльческій Конгрес в Парижѣ.

(23—29 мая 1923 г.).

Одиннадцатый международный земледѣльческій конгресс собрался в Парижѣ в концѣ мая (23—29). Впервые послѣ войны, показавшей воочію, что земледѣліе является основой благосостоянія націй и что ужасы войны и лишенія, ею вызванныя, переносились несравненно легче государствами, которыя могли удовлетворять продовольственныя потребности населенія продуктами своего національнаго сельскаго хозяйства, сошлись представители агрономической науки и практики сельскаго хозяйства для выслушанія докладов представителей различных государств в том числѣ и государств, возникших в результатѣ войны.

Конгресс открылся 22 мая. Привѣтственная рѣчь произнесена была бывшим предсѣдателем совѣта министров и бывшим министром земледѣлія Французской Республики престарѣлым Мелином. Привѣтствуя представителей двух возрожденных европейских національностей — Чехо-Словакіи и Польши, бывшій французскій премьер в своей рѣчи сказал, что весь современный культурный мір признает теперь, что вопросы интенсификаціи сельскаго хозяйства является одним из важнѣйших для современнаго человѣчества, как с національной, так и с интернаціональной точек зрѣнія. Мелин указал дальше на то, что для развитія сельскаго хозяйства необходим мир между народами и что для возрожденія сельскаго хозяйства стран, пострадавших от войны, нужен упорный труд и неусыпныя заботы, чтобы вернуть землѣ, истощенной войной, ту производительность, которой она обладала до 1914 года. В заключеніе своей рѣчи бывшій премьер призвал представителей различных стран на с'ѣздѣ к поддержанію идеи об'единенія всѣх стран в мирной культурной работѣ и предлагал воспользоваться аппаратом Лиги Націй.

Послѣ привѣтственной рѣчи министра земледѣлія Шерона, конгресс разбился на секціи и приступил к работѣ.

Всѣх секцій было установлено семь: 1) агрономія, 2) вліяніе земледѣлія на международныя отношенія, 3) экономія сельскаго хозяйства, с подсекціей сельско - хозяйственнаго образованія ,4) животноводство, 5) виподѣліе, 6) лѣсоводство и 7) земледѣліе в колоніях.

Наибольшій интерес представляли доклады третьей секціи — секціи экономіи сельскаго хозяйства. Два вопроса поставлены были на разсмотрѣніе конгресса: 1) причины отлива сельскаго населенія из деревни в город, послѣдствія этого явленія и средства борьбы с ним, улучшеніе условій труда в сельском хозяйствѣ и облегченіе для земледѣльцев пріобрѣтенія в собственность участков, на которых они работают и 2) развитіе профессіональных земледѣльческих союзов.

Из докладов, заслушанных в этой секціи, обращает на себя вниманіе слѣдующіе: 1) *де Монико*, «Пути матеріальнаго и моральнаго улучшенія условій земледѣльческаго труда», 2) *Виме*, «О сельско-хозяйственных ассоціаціях», 3) *Эгасс*, «Исход из деревни во Франціи, его причины и пути борьбы с ним», 4) *Іонеску Сасести*, «Аграрная реформа в Румыніи и ея послѣдствія», 5) *Его же*, Сельско-хозяйственная кооперація в Румыніи», 6) *Виконт де Еза*, Измѣненія режима собственности в Испаніи, 7) *А. Делос*, Соціальная роль земледѣлія, 8) *Де-ла Лома и Милеко*, Внутренняя колонизація в Испаніи.

Заслушав доклады Монико и Виме об условіях земледѣльческаго труда и о сельско-хозяйственых ассоціаціях, Конгресс принял слѣдующую резолюцію: «Ассоціаціи во всѣх их видах (синдикаты, кредитные и потребительные кооперативы, общества взаимопомощи) суть основные устои

Особенное значеніе имѣют кооперативныя сельско-хозяйственныя организаціи, созданныя в цѣлях коллективнаго храненія, переработки и продажи продуктов сельскаго хозяйства потребителям, а также потребительные кооперативы, так как благодаря их дѣятельности понижается стоимость жизненных припасов. При помощи этих организацій легче всего удержать в деревнѣ и на землѣ мелкаго и средняго земледѣльца и воспрепятствовать отходу в город. Поэтому онѣ заслуживают особаго вниманія государственной власти, которая, считаясь с особыми экономическими, соціальными и бытовыми особенностями каждой страны, должны оказывать им всяческое покровительство».

Вторая секція занималась вопросом о вліяніи сельскаго хозяйства на международныя отношенія и главным образом вопросом о сельско-хозяйственной эмиграціи и иммиграціи; в ней заслушаны были доклады: 1) *Туссэн*, «О пользѣ международных сношеній между земледѣльцами», 2) *Граф де Варен*, «Эмиграція и иммиграція сельско-хозяйственных рабочих», 3) *Тера*, «О распространеніи метрической системы», 4) *Он же*, «Об об'единеніи пріемов таможеннаго контроля». По предложенію доктора Лора была принята слѣдующая резолюція: «Одиннадцатый международный конгресс земледѣлія полагает, что развитіе международных отношеній между земледѣльцами есть необходимое условіе процвѣтанія в будущем сельскаго хозяйства; оно может значительно содѣйствовать разрѣшенію міровых экономических проблем, обезпечить мир между народами; конгресс обращает спеціальное вниманіе сельскохозяйственных организацій всего міра на неотложную необходимость поднятія международных отношеній».

Остальныя секціи конгресса заслушали ряд докладов техническаго свойства по животноводству, общей агрономіи, винодѣлію и лѣсоводству. В секціи лѣсоводства особый интерес представили доклады, посвященные вліянію войны на лѣсное хозяйство Франціи *(Жено)* и способы возстановленія лѣсов, поврежденных войной *(Делорлен)*.

Французскіе члены конгресса представили также довольно большое количество докладов, посвященных сельскому хозяйству в колоніях. Наибольшій интерес представлял доклад *Капюса*, посвященый сельскохозяйственной политикѣ в колоніях. Автор познакомил седьмую секцію с методами англійской сельско-хозяйственной политики в Индіи и на Золотом Берегу, германской — в Камерунѣ (до войны) и в голландской Индіи. Два доклада (Золла и Спир) были посвящены изученію условій наемнаго сельско - хозяйственнаго труда в колоніях.

Во время конгреса устроена была экскурсія для осмотра опытных станцій, расположенных около Парижа и образцоваго молочнаго хозяйства в Нормандіи.

Почти всѣ государства свѣта были представлены на конгресѣ, причем с наибольшим интересом конгресс выслушал доклады представителей новых государств — Польши и Чехо-Словакіи. Только величайшее земледѣльческое государство — Россія — не была никѣм представлена на международном земледѣльческом конгрессѣ.

Проф. П. П Гронскій.

Париж.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Dr. O. LEHNICH: Währung und Wirtsschaft in Polen, Litauen, Lettland und Estland. Mit Kursübersichten und zwei grafischen Darstellungen, Berlin. Verlag von R. L. Prager, 1923, XII+356.

Значительныя западныя области Россіи вошли в состав новых государственных образованій. Первые этапы развитія этих новых государств представляют большой общій интерес. Для русскаго читателя он возрастает еще болѣе, ибо развитіе Россіи будет совершаться в самом тѣсном взаимодѣйствіи с развитіем этих государств.

Книга Лениха представляет из себя опыт систематическаго и об'ективнаго обозрѣнія экономическаго развитія этих государств за недолгіе годы их существованія. Автор особое вниманіе удѣляет вопросам денежнаго обращенія, но он изслѣдует их на фонѣ общаго развитія народнаго хозяйства.

Среди четырех разсматриваемых государств Польша занимает особое мѣсто по своим размѣрам, численности населенія, по своим естественным и культурным рессурсам. К той части Польши, которая выдѣлена из Россіи, присоединены очень цѣнныя провинціи из состава Германіи и Австріи; получился, таким образом, новый своеобразный экономическій комплекс.

Прежняя связь большей части территоріи теперешней Польши с Россіей, по мнѣнію Лениха, имѣла и положительныя, и отрицательныя послѣдствія для экономическаго развитія. Отрицательныя послѣдствія Лених усматривает в конкуренціи дешеваго хлѣба черноземной полосы, задерживавшей процесс интенсивированія сельскаго хозяйства Польши, а также в препятствіях, которыя русская таможенная и тарифная политика ставила развитію металлургической промышленности на основѣ добываемых на мѣстѣ руд. Польша зато, благодаря связи с Россіей, могла развить большую обрабатывающую, в особенности мануфактурную промышленность. Послѣдняя на ⅔ была в зависимости от внутренних русских рынков. Однако, эту промышленность Лених считает каким-то неестественным тепличным образованіем

Здѣсь мы должны замѣтить, что автор, повидимому, склонен недооцѣнивать положительных сторон экономической связи Польши с Россіей. Роль русскаго рынка для польской мануфактурной промышленности была даже больше, чѣм указывает Лених; он затѣм совсѣм не упомянул о громадной галантерейной промышленности, характерной особенно для Варшавы, которая была также разсчитана на русскій рынок. Считать промышленность Польши тепличной, пока она была об'единена с Россіей, не имѣется основаній. Эта промышленность выросла под защитой таможенных пошлин, но вѣдь и в других молодых странах правительства прибѣгали к этой мѣрѣ. Можно ли всю промышленность Соединенных Штатов, потому что она развивалась под эгидой таможенных пошлин и до сих пор еще пользуется их защитой, назвать тепличной? Польская промышленность вполнѣ доказала свою жизнеспособность в конкуренціи на восточно-русских рынках с Московской промышленностью, пользовавшейся преимущественным вниманіем русскаго правительства.

Если на польское сельское хозяйство давил дешевый черноземный хлѣб, зато промышленный разцвѣт Польши и то обстоятельство, что Варшава являлась центром потребленія ренты не только собственной Польши, но и всей Западной Россіи, создавало богатые рынки для мѣстнаго сельскаго хозяйства. Если тѣм не менѣе на западно-европейскую мѣрку (но не русскую) сельское хозяйство Польши нельзя считать передовым, то в этом выражалось не столь-

ко отрицательное влiянiе экономической связи с Россiей, сколько неблагопрiятное влiянiе русскаго политическаго режима в Польшѣ. Послѣдняя была лишена даже того мѣстнаго самоуправленiя, которым пользовалась внутренняя Росiя, а при полном отсутствiи мѣстнаго самоуправленiя благопрiятное развитiе сельскаго хозяйства, вообще, и крестьянскаго хозяйства, в частности, невозможно.

В тѣх границах, в которых сейчас очерчена Польша, она представляет из себя страну с очень богатыми естественными рессурсами и с очень выгодным (конечно, с экономической точки зрѣнiя) положенiем.

Сельско-хозяйственные рессурсы Польши чрезвычайно возросли, вслѣдствiи включенiя в ея состав Восточной Галицiи и, в особенности, двух провинцiй Германiи: Познани и Западной Пруссiи. Эти двѣ провинцiи давали Германiи большiе избытки сельско-хозяйственных продуктов, в них сосредоточена обширная свеклосахарная промышленность. Высокая сельско-хозяйственая культура этих провинцiй несомнѣнно окажет свое благодѣтельное влiянiе на сельское хозяйство русской Польши.

В первые годы послѣ окончанiя войны Польша, вслѣдствiе ея разореннаго состоянiя, вынуждена была ввозить к себѣ много продовольствiя. Но с 1921 года запашки в Польшѣ стали быстро расширяться. В том же году она уже смогла вывезти около 3-х милл. пудов сахара. Автор, судя по темпу развитiя польскаго сельскаго хозяйства, полагает, что Польша скоро сумѣет стать страной, вывозящей хлѣб. Свою аграрную реформу Польша проводит весьма осторожно. С соцiальной точки зрѣнiя это может вызвать справедливыя нареканiя, но во всяком случаѣ этим предотвращается слишком глубокое потрясенiе сельскаго хозяйства.

При раздѣлѣ между Германiей и Польшей Верхней Силезiи, Польшѣ досталась лучшая ея часть; в ея пользу отошли 75% добываемаго угля, 80% желѣза, весь цинк и пр. Польша располагает теперь значительными минеральными богатствами и прекрасно оборудованной желѣзодѣлательной промышленностью. Значенiе силезской промышленности так велико, что, по мнѣнiю автора, и другiе виды промышленности будут оттянуты поближе к этому району.

Уголь Домбровскаго района, производительность котораго, впрочем, могла быть увеличена, не удовлетворял Польши, и она в первые годы вынуждена была ввозить много угля из Германiи. Теперь условiя коренным образом измѣнились. Польша потребляет 1.500 милл. пудов угля. Уже при сохраненiи настоящей производительности силезских копей, она получает возможность вывозить ежегодно 400 милл. пудов угля, а при поднятiи этой производительности до довоенной нормы — даже 1.000 милл. пудов.

Польша обладает теперь богатѣйшей желѣзодѣлательной промышленностью, богатыми свинцовыми и цинковыми копями, очень богатыми залежами каменной соли (Бохнiя и Величка в З. Галицiи), а также нѣкоторым запасом нефти (Дрохобыч в В. Галицiи).

Конечно, наиболѣе трудным является положенiе мануфактурной промышленности Польши. Автор нѣсколько замалчивает факт, что в сущности нѣмцы в эпоху своего владычества в Польшѣ препятствовали ея функцiонированiю. Тѣм не менѣе и эта промышленность в об'емѣ 50% довоеннаго ея развитiя уже функцiонирует. Она со своими издѣлiями проникла на новые Балканскiе рынки, кое-что идет уже в Россiю. Конечно, ея конкурентоспособность поднимается низким уровнем польской валюты. Но во всяком случаѣ это возрожденiе польской мануфактурной промышленности не подтверждает мнѣнiя автора, что польская промышленность является тепличным растенiем.

Торговля в Польшѣ быстро оживает. Вмѣстѣ с тѣм чрезвычайно быстро растет товарное и пассажирское движенiе. Желѣзнодорожная сѣть прусских провинцiй и Галицiи достаточна густа, но сѣть руской Польши недостаточна, так как и строилась она в значительной мѣрѣ со стратегическими цѣлями. Здѣсь необходим большой капитал для дополнительнаго оборудованiя сѣти, которым государство не располагает. Польша обладает в Данцигѣ нѣкоторыми привиллегiями, которыя обеспечивают ей удобный выход в Балтiйское море; договором с Румынiей она обеспечила себѣ выход в Черное море. Большiя выгоды Польша надѣется извлечь из непосредственной и транзитной торговли с Россiей, когда начнется процесс ея возрожденiя; даже теперь уже торговля с Россiей играет замѣтную роль в жизни Польши.

Сокращеніе ввоза съѣстных припасов, превращеніе Польши из страны, ввозящей уголь, в страну, вывозящую уголь, оживленіе промышленности и торговли, казалось бы, создают условія для финансоваго оздоровленія страны. Однако, это оздоровленіе не наступило. Бюджетные дефициты громадны. Польская марка катится вниз, и только послѣ Рура германская марка стала ее обгонять в своем паденіи. Польское правительство никак не может получить заграничнаго займа, необходимаго для государственных нужд. Но это по мнѣнію автора, имѣет мѣсто, несмотря на то, что народное хозяйство Польши развивается благопріятно и должно было бы возбуждать довѣріе к своей устойчивости. Финансовыя затрудненія автор считает слѣдствіем внѣшней политики Польши, ставящей страну перед трудными, можно сказать, непосильными задачами. Сможет ли быть эта политика когда-либо приведена в соотвѣтствіе с реальными интересами народнаго хозяйства, или она вытекает из неблагопріятнаго (с политической точки зрѣнія) географическаго положенія страны и из ея глубоких національных традицій, — это покажет будущее. Но автор постоянно предупреждает, что по современному неблагопріятному положенію польских финансов не слѣдует дѣлать вывода о неблагопріятных перспективах польскаго народнаго хозяйства.

Литва, Латвія и Эстонія являются, по сравненію с Польшой, очень маленькими политическими образованіями. В их небольших размѣрах заключаются извѣстныя трудности и для их организаціи. Для Латвіи и Эстоніи, которыя являются центрами значительной промышленности, работавшей на русскій рынок, и в которых имѣлись важнѣйшіе для Россіи порты, отрыв от Россіи чувствуется очень болѣзненно. С указанной точки зрѣнія в наименѣе потрясенном состояніи находится хозяйство Литвы. Послѣдняя была всегда аграрной страной, вывозившей свои продукты на Запад. Такой она и осталась. Ея промышленность, металлургическая и кожевенная, работавшая на русскій рынок, имѣла для страны второстепенное значеніе. Литва была не столь разорена войной и скорѣй приходит в равновѣсіе.

Громадная промышленность Латвіи была раззорена до тла еще в 1915 году, когда оборудованіе фабрик было увезено вглубь Россіи; к возстановленію ея промышленности не удалось приступить и теперь.

Успѣшнѣе пошло при помощи иностраннаго капитала возстановленіе промышленности в Эстоніи, которая нашла себѣ новые рынки взамѣн русскаго.

Всѣ эти государства проводят радикальную аграрную реформу, которая здѣсь диктуется и соціальными и національными интересами. Но рѣчь здѣсь все таки идет не о «черном передѣлѣ» и не о созданіи «права на землю». Принимаются во вниманіе производительные интересы; на мѣстѣ крупных хозяйств должны быть созданы жизнеспособныя мелкія хозяйства, которыя могли бы исполнять извѣстныя народно-хозяйственыя функціи, а не только продовольствовать своих хозяев. В Эстоніи чувствуется вліяніе соціалистических доктрин; земля здѣсь остается за государством, и сдается им в аренду на срок до 6 лѣт. Быть может, в связи с этим сельское хозяйство Эстляндіи остается наиболѣе потрясенным. Всѣ три государства хорошо используют благопріятныя кон'юнктуры, создавшіеся в связи с выходом Россіи из международнаго общенія в качествѣ поставщика сырья; они много выручают за вывоз лѣса и льна. Литва уже теперь имѣет стабилизированную валюту и активный баланс. В Латвіи и Эстоніи положеніе остается еще трудным. Онѣ с нетерпѣніем ждут возстановленія связи с Россіей, на которой прежде основывалось их благополучіе; и надо сказать, что и все будущее прибалтійских государств зависит от того, будут ли они для возрождающейся Россіи удобным мостом в Европу или препятствіем на пути к ней. Иностранный капитал живо интересуется этими государствами, разсматривая их, как дверь для проникновенія в Россію.

Само собою разумѣется, что экономическія перспективы Прибалтійских государств, нынѣ отторгнутых от Россіи, очень ограничены. Они не могут уже стать центрами крупной промышленности, работающей на русскіе рынки. Их порты не могут в будущем имѣть того значенія, какое они имѣли, когда входили в состав Россіи. Наконец, обоснованіе собственной государственности должно лежать тяжелым, очень тяжелым бременем на их экономикѣ. Но при этих узких перспективах и в этих тяжелых условіях все же под'ем національной энергіи, явившійся в результатѣ національнаго освобожденія, поможет залѣчить тяжелыя раны, вызванныя болѣзненым разрывом с Росіей.

Большую помощь в этом возстановленіи оказывает и иностранный капитал. В Литвѣ большую роль сыграют вернувшіеся из Америки эмигранты.

И невольно приходит на ум сравненіе с сосѣдней великой страной. Неограниченый простор, неисчерпаемыя богатства, одаренный народ, большой запас культурных цѣнностей, — и все же страна не может выйти из полосы катастроф. Впрочем правители новых государств не задаются широкими задачами; они хотят уже испытанными средствами построить благополучіе своих народов. Правители же Россіи хотят итти по новым стезям и сдѣлать Россію свѣточем народов. Но пока они ведут ее от катастрофы к катастрофѣ, и даже скромные успѣхи их сосѣдей—по пути экономическаго возрожденія—для Россіи остаются недосягаемым идеалом.

Берлин.

Б. Бруцкус.

А. А. РЫБНИКОВ. Мелкая промышленность и ея роль в возстановленіи русскаго народнаго хозяйства.

Москва. 1922. «Кооператив, изд-во». стр. 52 + 2 таблицы и картограмма.

«Цѣль нашей брошюры очертить общія хозяйственныя условія работы промысловой кооперации. Мы хотѣли бы выяснить, главным образом, какія задачи в каких областях мелкой промышленности может и должна взять на себя промысловая кооперація» — так опредѣляет свои заданія автор. В дѣйствительности значеніе брошюры шире: она дает и общую оріентировку в географіи, народо-хозяйственном значеніи и эволюціи мелкой промышленности Европейской Россіи по отраслям производства.

Брошюра состоит из 4 глав, нѣкоторыя части которых, а также погубернская свободная таблица о численности мелких промышленников, были уже напечатаны (в «Вѣстникѣ промысловой коопераціи» в 1919—20 годах).

Наибольшій теоретическій интерес представляют и наиболѣе обоснованы обширным фактическим матеріалом двѣ первыя главы: «Мѣсто мелкой промышленности в русском народном хозяйствѣ» и «Характеристика промыслов и их географія».

Включая в мелкую промышленность, как ремесло и кустарничество, так и домашнюю систему крупной промышленности, автор считает количество рабочих мелкой промышленности Россіи до войны почти в два раза превышающим число рабочих крупной, при вдвое меньшей производительности первой по сравненію со второй).*

В цѣлом рядѣ отраслей мелкая промышленность преобладает, нерѣдко весьма значительно, над крупной. Это показывает, что первая, как формулирует автор, «не только подвергается конкурренціи крупной промышленности, но и раздѣляет с фабриками и заводами производительныя задачи страны».

Центр тяжести книги — выясненіе конкуррентоспособности мелкой промышленности в зависимости от степени в обработкѣ продукта.

Особенности рынка матеріалов, строеніе капитала и характер спроса создают условія для захвата крупной промышленностью областей концентрированнаго добыванія сырья и выработки полуфабриката, тогда как выработка готовых издѣлій остается, главным образом, в распоряженіи мелкой.

Вторая глава дает характеристику русской мелкой промышленности по ея отдѣльным отраслям с точки зрѣнія производительности рабочаго, примѣненія рабочаго труда, трудоемкости и капиталаемкости. Тут же автор пытается намѣтить различіе в характерѣ обрабатывающих промыслов города и деревни. Далѣе он переходит к выясненію закономѣрностей в распредѣленіи промыслов по территоріи Европ. Россіи. Выясняется вліяніе на географію промыслов и их строеніе рынков труда, матеріалов и сбыта.

---

*) Нѣкоторыя цифровыя выдержки из книги А. А. Рыбникова приведены в статьѣ А. Е. Малахова «Промысловая и кустарная кооперація в Россіи» в № 4 «Крестьянской Россіи».

Третья глава «Разрушеніе русскаго народнаго хозяйства и мелкой промышленности» неизмѣримо слабѣе и, пожалуй, абсолютно слабо базирована на статистических данных, что не может, однако, в полной мѣрѣ служить упреком по адресу автора, в виду ненадежности матеріалов о состояніи крупной промышленности и почти полнаго отсутствія таковых о мелкой за военно-революціонный період. Общеизвѣстные факты разрушенія фабрик и заводов, дезурбанизаціи, пониженія качества потребностей и общей натурализаціи хозяйства, говорят в пользу расширенія мелкой промышленности, но сокращеніе выработки крупной промышленностью полуфабрикатов ставит этому серьезнѣйшія препятствія.

В четвертой главѣ «Возстановленіе русскаго народнаго хозяйства и промысловая кооперація» формулируются необходимыя условія существованія мелкой промышленности (являющіяся, по существу, общими условіями нормальнаго состоянія хозяйственной жизни), намѣчаются очередныя задачи государства и коопераціи в области ея возсозданія. Послѣднія формулируем словами брошюры: «организовав связи между районами, оперевшись на кредит, укрѣпив себя симбіозом с предпріятіями, вырабатывающими спеціализированные, а иногда и простые полуфабрикаты и, наконец, накопив нѣкоторыя средства, промысловая кооперація в состояніи будет совершенно реально поставить вопрос о реорганизаціи самого мелкаго производства и шире развернуть свою работу в области выработки полуфабрикатов». Что касается форм кооперативной работы, то автор предостерегает от их шаблонизированія и описывает четыре примѣрных конструкціи кооперативов первой и второй степени для четырех кустарных и кустарно-ремесленных районов разнаго типа.

Наиболѣе интересными и обоснованными главами являются двѣ первыя. В них опредѣленно сказывается положительное вліяніе теоретическаго изслѣдованія Альфреда Вебера о мѣстонахожденіи промышленности).*

Можно пожалѣть, что автор почти не останавливается на анализѣ форм сбыта и не дает группировок по этому признаку, — правда, избитому, но не перестающему от этого быть существенным.

Большой заслугой А. А. Рыбникова должно быть признано систематическое привлеченіе, сводка и обработка, не только для таблицы о численности промышленников, но и по каждому почти вопросу организаціи промышленности, обширнаго и по разбросанности мало доступнаго матеріала первоисточников, главным образом, земских изслѣдованій. Не искушенный читатель может и не замѣтить, какая огромная работа лежит в основѣ этой брошюры, но каждый обращавшійся к первоисточникам должен ее оцѣнить. Дѣло идет не только о статистической сводкѣ табличных данных, но и о самой кропотливой выборкѣ из текста описаній отдѣльных промыслов.

В области обработки матеріалов автору могут быть сдѣланы, однако, и нѣкоторые упреки. Главный из них слишком большая скупость на примѣчанія, не дающая возможности установить, какой обработкѣ подверглись приводимыя данныя. Уже таблица № 1 первой главы вызывает вопрос: относится ли она к Европейской или ко всей Россіи и, если ко всей, как это кажется по тексту, то каким образом получены цифры мелкой сельской промышленности для Сибири и др. не европейских областей? Еще туманнѣе данныя таблицы № 7 в первой главѣ (о производительности рабочаго в мелкой промышленности) и таблицы № 1 во второй главѣ (об организаціи кустарно-ремесленнаго хозяйства) — при них нѣт даже ссылки на источники. Положим, зная состав матеріалов о русской мелкой промышленности, можно догадаться, что и тут имѣем дѣло все с тѣми же земскими изслѣдованіями, но это вызывает только дальнѣйшія сомнѣнія. Земскія данныя напр., о производительности, расходѣ сырья и годовом заработкѣ промышленника содержат чаще всего суб'ективныя среднія для кустарнаго гнѣзда или уѣзда, иногда даже для губерніи, исключительно рѣдко они основаны на исчисленіи уѣздных средних по данным похозяйственнаго обслѣдованія кустарей. Как поступает автор с этими разношерстными данными при выведеніи цифр, характеризующих весь промысел на территоріи Россіи? Берет ли он простую ариѳметическую среднюю всѣх показаній? Пытается ли он взвѣсить ее и по каким основаніям? Пользуется ли подобіем «моды»? Или поступает еще как

*) Alfred Weber. Ueber den Standart der Industrien. Первое изд. 1919 г.

либо иначе? Характар матеріала тут вряд ли дает возможность методологически безукоризненнаго подхода, но каждый из этих пріемов может значительно мѣнять результат, и потому, в интересах убѣдительности выводов, должен быть оговорен и обоснован.

По свойству как самих изслѣдуемых явленій, так и имѣющихся матеріалов о них, средніе оказываются тѣм фиктивнѣе и безсодержательнѣе, чѣм территоріально обширнѣе характеризуемыя ими группы. С этой точки зрѣнія нельзя не пожелать опубликованія А. А. Рыбниковым болѣе детальных таблиц, легших в основу характеристик, приводимых в брошюрѣ. Нельзя не пожелать также развитія и углубленія намѣченных путей изслѣдованія мелкой промышленности Россіи в новой работѣ — болѣе обширной, в большей мѣрѣ преслѣдующей научныя задачи, и потому болѣе строгой по выполненію.

Н. В.

Б. Д. БРУЦКУС. Экономія сельскаго хозяйства. Народохозяйственныя основы. Берлин. 1923 г. Издан. «Кооперативная мысль», стр. 360.

Названная книга извѣстнаго сельско-хозяйственнаго экономиста Б. Д. Бруцкуса имѣет подзаголовок — «Народнохозяйственныя основы». Тѣм самым опредѣляется основное содержаніе и назначеніе книги.

Хотя автор, читавшій в теченіе 15 лѣт лекціи по экономіи сельскаго хозяйства на Петроградских сельско-хозяйственных курсах, имѣл в виду дать печатный курс сельско-хозяйственной экономіи, кромѣ ученія о системах и организаціи с.-х-ва (которому он думает посвятить другой том), и считает сам настоящую книгу «закругленным цѣлым», тѣм не менѣе он сдѣлал правильно, назвавши ее еще «народнохозяйственными основами» экономіи сельскаго хозяйства. В книгѣ мы не найдем не только, как сказано, важнѣйших и оригинальных для науки с.-х. экономіи отдѣлов о системах и организаціи сельскаго хозяйства, но и «народнохозяйственныя основы» экономіи с. х—ва не покрывают собою всѣ обычныя соотвѣтствующія части курсов нашей науки, предшествующія в курсах системам и организаціям.

«Народнохозяйственныя основы» представляют собой связное (почти всегда) собраніе очерков по важнѣйшим вопросам и темам сельско-хозяйственной экономіи. Онѣ, к сожалѣнію, не являются системой изложенія матеріала по плану или схемѣ, которые заранѣе были бы установлены и мотивированы, исходя из существа теоріи нашей науки в цѣлом. Матеріал книги не расположен в видѣ единаго цѣльнаго построенія, части коего были бы взаимно координированы и представляли бы послѣдовательное логичное развитіе каких то исходных общих положеній, которым подчинялась бы вся систематика матеріала.

Но послѣдуем лучше за автором. Книга содержит в себѣ нижеслѣдующее: введеніе, указывающее содержаніе, метод и развитіе науки: главу I, посвященную «происхожденію современнаго сельскаго хозяйства» (24 стр.): главы 2 и 3-ю о «сущности с.-х. производства и его значеніи» и «технических особенностях и технической эволюціи сельскаго хозяйства» (23 стр.); главу 4 о «законѣ убывающей производительности затрат в сельском хозяйствѣ» (13 стр.); главу 5 о «категоріях мѣнового хозяйства. Рентѣ» (28 стр.); гл. 6 — о «транспортѣ и эволюціи мѣнового сельскаго хозяйства» (19 стр.): гл. 7 — «Рынок и производство сельско-хозяйственных продуктов. Зерновые хлѣба». (24 стр. ; гл. 8, 9 и 10 — послѣдовательно о «рынкѣ и производствѣ незерновых питательных продуктах растительнаго происхожденія; тоже животнаго происхожденія, прядильных матеріалов, углеводов (сахара, спирта, крахмала); всего 86 страниц; гл. 11 ая — «характеристика капиталистическаго и крестьянскаго хозяйства» (32 стр.); гл. 12 — «Народнохозяйственное значеніе и конкурренція капиталистическаго и крестьянскаго хозяйств» (36 стр.); гл. 13 — «Наемный труд в сельском хозяйствѣ»; главы 14 и 15 — «Общія основы сельско-хозяйственной коопераціи» и «Отдѣльные виды сельско-хоз. коопераціи» (обѣ 44 стр.).

Этот перечень указывает, что систематика матеріала не претендует на цѣльность и законченность системы курса. Да и самое содержаніе и метод трактовки всѣх перечисленных тем убѣждает в том же. Автор понимаєт под экономіей сельскаго хозяйства: в узком смыслѣ — «часть политической экономіи, изслѣдующую экономическія отношенія людей в процессѣ их сельско-хозяйственной дѣятельности», в широком смыслѣ — «науку, изслѣдующую взаимоотношенія между экономическими условіями и техникой сельско-хозяйственнаго производства». При этом он относит знаніе о вліяніи экономических условій на сельско-хозяйственную технику к ученію о системах хозяйства, каковое в книгѣ не излагается, а слѣдующій отдѣл науки — ученіе об организаціи хозяйства — считает носящим «в большей мѣрѣ портативный и прикладной характер» и стоящим на частно-хозяйственной точкѣ зрѣнія (стр. 9—12).

Не излагая и не вводя в свою книгу оба послѣдних отдѣла науки, автор создает себѣ свободу трактовать весь матеріал, как содержаніе науки в узком смыслѣ слова, т. е. как «спеціальную часть политической экономіи». Только в этом случаѣ можно помириться с отсутствіем в разбираемой книгѣ систематическаго изложенія и анализа систем сельскаго хозяйства и народно-хозяйственной, так сказать, значимости фактической организаціи сельскаго хозяйства. На протяженіи почти всей книги автор должен, конечно, имѣть опредѣленыя точки зрѣнія в этих областях и в разных мѣстах их можно угадывать, но мотивировку их, в видѣ самостоятельнаго научнаго анализа, у автора можно будет искать лишь в будущей книгѣ, выход которой нужно пожелать самым горячим образом. От отсутствія же их в книгѣ создается трудность для читателя понять и согласиться или нѣт с автором, да и самому автору (мѣстами) трудно углубиться и правильно рѣшить нѣкоторые важные вопросы, ограничиваясь только подразумѣваемыми знаніями о системах и организаціи сельскаго хозяйства.

Это тѣм болѣе так, что автор «стремился по возможности основываться в своем курсѣ на русском матеріалѣ» (14 стр.), а матеріал этот в отношеніи систем и организаціи систематизирован еще слабо (это автору извѣстно) и общезначимость его еще невелика. Тѣм же отмежеваніем от намѣренія дать курс экономіи сельскаго хозяйства в широком смыслѣ (и ограничиться «спеціальной частью политической экономіи») можно об'яснить и метод изслѣдованія и изложенія в книгѣ.

Автор относит экономію сельскаго хозяйства к номографическим наукам, согласно чему «она изслѣдует типичныя явленія в сферѣ сельскаго хозяйства и общія законосообразности в них» и «широко пользуется дедуктивным методом изслѣдованія для вывода законосообразностей». Индуктивный метод здѣсь служит для провѣрки послѣдних, а также при описаніи и классификаціи явленій (12 стр.). Изображеніе фактическаго положенія вещей в прошлом или в настоящем не должно составлять, таким образом, самостоятельной задачи **экономіи сельскаго хозяйства** *и необходимо для уясненія законосообразностей в нашей наукѣ. Между тѣм «историзм» в изложеніи многих глав книги преобладает настолько, что онѣ обращаются в болѣе или менѣе схематизированное описаніе (само по себѣ очень хорошее и даже превосходное) дѣйствительности. Таковы стр. 19—38 из главы «о происхожденіи современнаго сельскаго хозяйства», читаемые с большим интересом; всѣ главы о рынкѣ и производствѣ разных сельско-хозяйственных продуктов, гдѣ прекрасное изложеніе (за нѣкоторыми исключеніями в смыслѣ неполноты) носит характер очерков по экономической географіи Россіи (стр. 126—231); в значительной мѣрѣ такой же описательный характер носит глава 13 — о наемном трудѣ — и менѣе глава 14 — о коопераціи.*

Отмѣтивши общій характер книги Б. Д. Бруцкуса, в смыслѣ эклектичности ея содержанія и метода изложенія, мы должны указать на большую цѣнность ея в ряду русских оригинальных книг — курсов по сельско-хозяйственной экономіи. Россія имѣла их очень немного: Людоговскій (доселѣ непревзойденный в изяществѣ и логичности изложенія никѣм из русских теоретиков), Скворцов, Шишкин, Вернер, Божаев, Фортунатов (только конспект). Это вѣхи, по которым можно прослѣдить отраженія прогресса политической экономіи вообще и экономическаго изученія сельскаго хозяйства в мірѣ и Россіи на русской сельско-хозяйственной экономіи, как наукѣ. Книга Б. Д. Бруцкуса найдет себѣ среди них мѣсто, тѣм болѣе, что был очень большой

перерыв со времени появленія русскихъ, болѣе или менѣе оригинальныхъ и полныхъ, курсовъ нашей науки (многочисленныя и цѣнныя работы А. В. Чаянова и Н. П. Макарова пока еще не вылились въ цѣльные курсы).

Несмотря на то, что книга Б. Д. Бруцкуса далеко не является цѣльнымъ курсомъ нашей науки, въ ней видно отраженіе многихъ научныхъ пріобрѣтеній послѣдняго времени — теорій предѣльной полезности, предѣльной производительности и основанной на ней теоріи распредѣленія и пр.; но особенно ясно сказались въ книгѣ успѣхи теоріи мелкаго (крестьянскаго) хозяйства, какъ по западно-европейскимъ, такъ и по русскимъ изслѣдованіямъ, а также признаніе особенной роли для сельско-хозяйственнаго производсва этого мелкаго хозяйства и его кооперированія. Въ книгѣ Б. Д. Бруцкуса мы имѣемъ, посвященныя и тому и другому, четыре главы (11, 12, 14 и 15) — почти совершенно новыя, сравнительно со старыми курсами сельско-хозяйственной экономіи.

Мы не можемъ въ краткой рецензіи входить въ содержаніе каждой изъ главъ книги и ихъ оцѣнку. Для этого нуженъ спеціальный разборъ ихъ. Сдѣлаемъ только нѣсколько указаній. Глава о законѣ убывающей производительности затратъ, особеннымъ сторонникомъ котораго является Б. Д. Бруцкусъ, не прибавляетъ новыхъ аргументовъ за дѣйствительность этого закона въ жизни сельскаго хозяйства. Кромѣ того, мы могли бы указать въ книгѣ нѣсколько примѣровъ рѣзкаго противорѣчія, какъ въ исходныхъ опредѣленіяхъ этого закона, такъ и между утвержденіемъ закона и фактами жизни, приведенными въ самой книгѣ Б. Бруцкуса. Увлеченіе закономъ убывающей производительности затратъ мы считаемъ вреднымъ въ изслѣдовательномъ отношеніи, ибо оно отвлекаетъ мысль отъ исканій въ правильномъ направленіи. Ученіе о нормальномъ уровнѣ интенсивности хозяйства должно быть обосновано разной эластичностью экономическихъ факторовъ въ разныхъ средахъ, но не названнымъ закономъ. Считаемъ преувеличеннымъ значеніе перевода сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на калоріи при об'ясненіи ихъ оцѣнки вообще и рыночномъ въ частности (123—126). — Въ схематизированномъ описаніи русскаго рынка и производства разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, во многихъ случаяхъ не договорено о варіантахъ системъ сельскаго хозяйства въ Россіи (напр., паровая обработка мыслится желательной какъ бы и для области пестрополья, стр. 129 и др.), а также не выдѣлено достаточно рѣзко подчиненное значеніе при формированіи рынка крупнаго хозяйства вообще и значеніе порайонной организаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Это во многихъ случаяхъ приводитъ автора къ преувеличенію роли рынка и транспорта (мясо-шерстное овцеводство, стр. 178 и др.).

Недостаточно рѣшительными мы считаемъ выводы автора о роли помѣщичьихъ привиллегій въ поддержаніи свекло-сахарной продукціи за счетъ сокращенія емкости русскаго рынка на сахаръ (и игнорированіе этого при оцѣнкѣ роли помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйствъ въ отношеніи процента сахарной свеклы въ посѣвахъ тѣхъ и другихъ).

Въ главѣ о природѣ крестьянскаго хозяйства авторъ дѣлаетъ много усилій, чтобы ослабить доводы, высказываемые за потребительскій характеръ крестьянскаго хозяйства, но въ заключеніе долженъ все же въ окончательное опредѣленіе понятія о немъ включить то, что оно имѣетъ «цѣлью удовлетворить потребности хозяйствующей семьи и, вообще, извлечь наибольшій доходъ изъ земли на основѣ наилучшаго использованія труда хозяина и его семьи» (стр. 263). Такую же нерѣшительность автора приходится отмѣтить и въ вопросахъ о сравнительномъ значеніи и выживаемости крупнаго и мелкаго хозяйства. Онъ признаетъ, что крупное хозяйство, связанное съ крупнымъ землевладѣніемъ, имѣетъ для народнаго хозяйства отрицательное значеніе своей тенденціей понизить уровень интенсивности хозяйства» (стр. 284) — и это правильно съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. — но въ то же время не согласенъ съ названіемъ болѣе интенсивнаго хозяйства — прогрессивнымъ (стр. 270).

Еще примѣръ: «нельзя указать ни одной задачи, которая въ концѣ концовъ была бы совершенно не подъ силу крестьянскому хозяйству» (стр. 284), но «крупнаго хозяйства нельзя просто ликвидировать безъ нанесенія тяжелыхъ ранъ народному хозяйству. Крестьянское хозяйство должно его преодолѣть въ процессѣ своего культурнаго роста» (стр. 285); а между тѣмъ, завоеванія территоріи одной формы хозяйства со стороны другой — возможно, по мнѣнію автора

книги, «соціально-экономическим» методом, т. е. борьбой за землю. Тут, во всяком случаѣ, «невязка».

—При всѣх сдѣланых замѣчаніях, мы считаем книгу все таки цѣнной, капитальной и читателю усердно рекомендуем ее.

А. Челинцев.

ALFRED NAST. Le régime juridique des coopératives Principes cooperatifs et exposé synthétique de la législation. Paris 1919 г., изд. Jouve et Cie., стр. 296. Того же года изд. Rivière, стр. 330.

Большим пробѣлом в кооперативной литературѣ является бѣдность работ по кооперативному праву. В русской литературѣ, кромѣ нѣскольких брошюр и об'яснительной записки к закону 20 марта, написанной кн. Кекуатовым, в этом направленіи ничего сдѣлано не было. За границей, особенно в Германіи и Австріи, кооперативному праву было удѣлено больше вниманія. Начиная с Шульце Делича, ряд видных нѣмецких кооператоров занимался догматической и исторической его разработкой. Подготовка кооперативнаго закона (1889 года) создала цѣлую литературу об юридической природѣ кооперативных товариществ и привела к замѣчательным работам комментаторов германскаго закона — Паризіуса и Крюгера.

Интерес, проявленный кооперацией к праву, не остался без отвѣта, и оффиціальная юриспруденція — университетская наука — в свою очередь заинтересовалась кооперацией. В Университетских курсах, наряду с акціонерной компаніей, коммандитными и полными товариществами, подвергаются юридическому анализу и кооперативныя товарищества. Так же и в австрійских университетах: в курсах торг. права Randa, J. Schön'a, Canstein'a, Strotz'a, Pollitzer'a, и др. содержится критико-догматическій разбор положительнаго кооперативнаго права. К сожалѣнію, однако, нѣмецкіе юристы ограничивали об'ект своего изученія германским и австрійским законами и не дали сколько нибудь широких обобщеній, необходимых для построенія теоріи кооперативнаго права.

При таком положеніи исключительный интерес по широтѣ постановки заданія получает докторская диссертація Alfred'a Nast'a о юридическом положеніи кооперации.

A. Nast давно занимается кооперативным правом. В 1910 г. на международном юридическом конгрессѣ акціонерных и кооперативных товариществ в Брюсселѣ он выступил с блестящим и горячим докладом о необходимости во Франціи единаго кооперативнаго закона. У него есть и нѣсколько других юридических работ по разным вопросам кооперации. К тому же он практик; теперь он состоит членом высшаго кооперативнаго совѣта Франціи. В своей диссертаціи он дѣлает попытку дать теорію кооперативнаго права, которую строит на анализѣ не одного какого нибудь кооперативнаго закона, как это дѣлают германскіе комментаторы, а всего кооперативнаго законодательства культурнаго міра. Его работа состоит из двух частей: принципов и опредѣленія кооперации и синтетическаго изложенія современнаго кооперативнаго положительнаго права. Вторая часть диссертаціи в процессѣ работы была ея началом. В ней содержится весь тот матеріал, который дал основаніе для обобщеній, составляющих содержаніе 1-й части. К сожалѣнію данныя Nast'a об иностранном кооперативном законодательствѣ очень неполны. Он не дает характеристики кооперативных законов отдѣльных стран, а ограничивается их классификацией по признаку отношенія к вопросу о распредѣленіи прибылей. Ни опредѣленій кооперативнаго товарищества, даваемых этими законами, ни вопроса об отвѣтственности членов по обязательствам товариществ, ни других существеннѣйших моментов кооперативнаго законодательства он не касается, пока рѣчь идет об иностранных законах. Его интересует только вопрос о распредѣленіи прибыли.

В теоретической части своей работы Nast доказывает, что порядок распредѣленія прибыли, и только он, является основным моментом, характеризующим кооперацію. Этот признак он и кладет поэтому в основу всей классификаціи кооперативных законов. Конечно, это не является препятствіем

для разбора других сторон закона, но этого он не дѣлает пока не переходит к французскому законодательству о кооперативных товариществах.

С трудной задачей найти систему в обзорѣ калейдоскопически пестраго и чрезвычайно разнообразнаго кооперативнаго законодательства Франціи автор справился блестяще. Эта часть книги, занимающая 70 страниц, представляет большой интерес для русскаго читателя. Русская кооперація под вліяніем нѣмецкой кооперативной практики и прессы всегда твердо стояла на необходимости единаго кооперативнаго закона, который распространял-бы свои дѣйствія на всѣ виды кооперативных товариществ, независимо от характера их операцій. Французское законодательство держится иной системы. Общекооперативнаго закона там нѣт, для каждаго вида кооперації есть свой закон. Nast *перечисляет 24 законодательных акта, к которым было еще нѣсколько десятков дополненій. В густом лѣсу этих законов разобратъся не так просто, чѣм между прочим и об'ясняется отсутствіе знанія французскаго законодательства заграницей, а между тѣм нѣкоторые французскіе законы, как, напримѣр, закон 7 мая 1917 года о потребительных обществах, представляют большой теоретическій и практическій интерес. Достойно вниманія, что, в результатѣ длительнаго изученія кооперативнаго права своей страны,* Nast, *еще в 1910 году выступавшій на брюссельском конгрессѣ с рѣшительным требованіем единаго общекооперативнаго закона для Франціи, сдѣлался поклонником множественной системы — регулированія каждой вѣтви кооперативнаго движенія в отдѣльности. К сожалѣнію книга* Nast'*а не дает достаточнаго матеріала для безспорнаго обоснованія такой перемѣны мнѣнія.*

Однако центр тяжести работы Nast'*а лежит в теоретической ея части, а именно в вопросѣ о юридическом опредѣленіи кооператива. В опредѣленіи коопераціи по существу* Nast *не дает ничего новаго. Он находится под несомнѣнным вліяніем проф. М. И. Туган-Барановскаго и считает наиболѣе характерным признаком коопераціи ея стремленіе к уменьшенію расходов на потребленіе или к увеличенію трудовых доходов ея участников.*

Это основное свойство коопераціи по Nast'*у опредѣляет собою и формальные ея признаки, из суммы которых должно состоять юридическое опредѣленіе. В числѣ послѣдних он выдѣляет признаки не специфичные для коопераціи, но всегда ей сопутствующіе, к которым он относит: 1) перемѣнный характер состава и капитала кооператива и 2) наличіе общей у всѣх его членов потребности, для удовлетворенія которой они сообща создают предпріятіе. Эти свойства встрѣчаются и у не кооперативных коллективных организацій, напр., у обществ взаимопомощи, у обществ взаимнаго кредита и других; поэтому хотя кооперація без этих признаков не встрѣчается ,тѣм не менѣе они не могут быть основными в ея опредѣленіи. Отличительный признак коопераціи, отдѣляющій ее от всѣх смежных с нею образованій, есть особый порядок распредѣленія прибылей, который состоит в раздѣлѣ последних между участниками кооператива, пропорціонально операціям каждаго из них с общим предпріятіем. В обществѣ потребителей и в сырьевых товариществах это распредѣленіе должно быть пропорціонально покупкам членов в кооперативѣ, в жилищном товариществѣ — пропорціонально наемной платѣ, в кредитном — пропорціонально взятым ссудам, в производительном — вложенному труду и т. д.* Nast *считает, что это свойство кооператива нераздѣльно связано с его экономической природой — стремленіем к сокращенію расходов по закупкам и увеличенію трудовых доходов. Другими словами, порядок распредѣленія прибыли есть формальное выраженіе экономической сущности кооператива. Этот признак является не только главнѣйшим, но им опредѣляются всѣ остальныя свойства кооператива. Он есть* то essentiale *коопераціи, без котораго она невозможна. Вся книга* Nast'*а проникнута этой основной мыслью. Замѣтим, что мысль эта не нова.* Nast *ссылается на* M. Thaller (Traité élémentaire de droit commercial, 5-e édit. N 787), *выдв. этот признак; с своей стороны мы можем указать, что в русской литературѣ он был указан проф. Н. Анциферовым в его работѣ о коопераціи в сельском хозяйствѣ Германіи и Франціи. Но* Nast *первый поставил этот признак во главу угла в своем опредѣленіи коопераціи и увидѣл в нем формальный критерій для отмежеванія коопераціи от близких к ней форм коллективных предпріятій.*

К сожалѣнію, однако, при окончательной формулировкѣ своего опредѣле-

нія Nast предложил формулу, вызывающую очень много возраженій. Вот она: «Кооперативами называются общественныя организаціи, характеризующіяся их цѣлями и в то же время средствами, примѣняемыми ими для достиженія этих цѣлей.

Их цѣль состоит, в зависимости от операцій кооператива, или в достиженіи заинтересованными лицами возможно большей экономіи при пріобрѣтеніи или наймѣ предметов, которые им нужны, или в предоставленіи им возможности получить наибольшее вознагражденіе за их труд.

Средства достиженія их цѣли состоят в об'единеніи лиц, стремящихся получить одинаковыя выгоды, и в образованіи совмѣстнаго предпріятія с капиталом, образуемым из взносов всѣх участников.

Для того чтобы это средство достигло цѣли, общественная прибыль должна быть распредѣляема, в зависимости от обстоятельств, между покупателями, заемщиками, нанимателями или производителями, пропорціонально суммѣ их операцій или работ с организаціей, послѣ отчисленія опредѣленных сумм на вознагражденіе администраціи и в резервные капиталы, предусмотрѣнные уставами в цѣлях распространенія коопераціи (развитія предпріятія, пропаганды, мѣр по об'единенію и т. д.)».

На протяженіи своей работы Nast не раз подчеркивает, что его изслѣдованіе носит чисто юридическій характер. Между тѣм, приведенная формула страдает смѣшеніем признаков по формѣ и существу, что теоретически не может быть признано правильным. Юридическое опредѣленіе должно перечислить тѣ внѣшніе, формальные признаки, по которым можно сразу опредѣлить принадлежность об'екта наблюденія к той или иной правовой категоріи. Эти признаки должны быть непремѣнно внѣшним, иначе не может быть юридической формулы.

Nast этот признак видит. Он правильно считает этим признаком порядок распредѣленія прибылей, потому, что, во-первых, этот порядок должен быть предписан законом или уставом, а во-вторых, он по существу своему является признаком формальным, который может быть установлен без внутренняго анализа дѣл предпріятія. Nast прав, включая его в свою формулу, но он очень грѣшит, когда включает в нее указаніе на экономическія цѣли кооператива. Этот признак отнюдь не является формальным. Чтобы установить, содѣйствует-ли данное предпріятіе сокращенію расходов на потребленіе, или увеличенію трудового дохода его участника, необходимо цѣлое экономическое изслѣдованіе его дѣл. Цѣли кооператива являются именно тѣм внутренним скрытым свойством кооператива, которое, как думали раньше, не имѣет своего внѣшняго выраженія, специфическаго симптома. Раз установлено, что таким симптомом является особый способ распредѣленія прибылей, который, на основаніи ли закона или устава, обязателен для даннаго коллективнаго предпріятія, то только он и должен войти в юридическую опредѣляющую формулу. Послѣдняя должна дать родовые признаки кооператива, перечисляемые и Nast'ом до его окончательной формулировки — перемѣнный характер состава и капитала, совмѣстная организація и веденіе предпріятія, — а затѣм указать на видовой признак — распредѣленіе прибылей.

Такая же теоретическая невыдержанность встрѣчается у Nast'а и в других мѣстах его книги. Большія возраженія встрѣчает, например, вся его система классификаціи кооперативных товариществ. Но, несмотря на недостатки, книгу Nast'а нужно горячо рекомендовать нашим цивилистам и кооператорам. Пора включить в университетскіе курсы правовое изученіе коопераціи, а для этого Nast дает много. Оновныя проблемы поставлены им правильно и пути для разрѣшенія их намѣчены. Кооператорам остается пожелать, чтобы ученые юристы продолжили работу по созданію научной теоріи кооперативааго права.

Ужгород.
(Подкарпатская Русь).

П. Малицкій.

Проф. П. Н. ПЕРШИН. Участковое землепользованіе в Россіи. Изд. Наркомзема «Новая Деревня». Москва 1922, стр. 52.

В. КЕЛЛЕР и И. РОМАНЕНКО. Первые итоги аграрной реформы. (Опыт изслѣдованія результатов современнаго землеустройства на примѣрѣ Задонскаго уѣзда Воронежской губ.). Под редакціей и с вступительной статьей проф. П. Н. Першина.

Работы Статистико-Экономическаго Семинарія Воронежскаго с.-х. Института. Воронеж 1922 г. Стр. 118.

В. КАЧИНСКІЙ. Очерки аграрной революціи на Украинѣ. Вып. I. Уравнительный раздѣл земли. Державне Видавництво Украіні. Харків 1922, стр. 106.

Из перечисленных трех книг о русских аграрных отношеніях, двѣ послѣдних посвящены всецѣло ходу и результатам аграрной революціи, первая же касается этой области только в части. Как попытки на основаніи фактическаго, и в частности статистическаго, матеріала освѣтить отдѣльныя стороны современнаго земельнаго строя в Россіи, о котором у нас до сих пор так мало об'ективных данных, онѣ всѣ три заслуживают вниманія).*

Цѣнность привлеченнаго матеріала и качество выполненія работ в брошюрах, однако, очень различны.

Брошюра П. Н. Першина касается организаціи территоріи земледѣльческих хозяйств. Этот вопрос неизбѣжно должен будет получить первостепенное значеніе в будущем строительствѣ Россіи. Он уже и теперь властно выдвигается жизнью. Брошюра «имѣет задачей, как указывает в предисловіи автор, в кратком обзорѣ подвести итоги и освѣтить результаты распространенія в Россіи участковаго землепользованія в межреволюціонное десятилѣтіе, а также прослѣдить его судьбу во время революціи».

В основаніе первой части, касающейся дореволюціоннаго періода, положены земскія, правительственныя и частныя изслѣдованія хозяйства хуторян и отрубников в различных районах Европейской Россіи и матеріалы оффиціальной отчетности землеустройства (частью опубликованные) за послѣдніе предреволюціонные годы. Вторая часть базирована на матеріалах (частью тоже опубликованных) Главнаго Земельнаго Комитета и на рядѣ докладов Губземотдѣлов.

Автор не касается в своей работѣ вопроса о формах землевладѣнія, разсматривая хутор и отруба, как факты участковой организаціи территоріи.

Книжка П. Н. Першина является безусловно полезной сводкой трудно доступнаго матеріала. Нѣсколько неудачна в ней сводка результатов *участковаго землепользованія до революціи: она сдѣлана небрежно, изложена довольно сбивчиво и отдѣльные пункты ея логически плохо расчленены. Вторая часть по составу и характеру источников менѣе обстоятельна и систематична, чѣм первая. Это не вина автора — матеріалов об аграрной революціи по всей территоріи нѣт и привлеченныя П. Н. Першиным неопубликованныя донесенія мѣстных земельных органов, несмотря на свою отрывочность, являются цѣнными свидѣтельствами.*

В приложеніи даны полезныя таблицы погубернских итогов устройства хуторов и отрубов с 1907 по 1916 г., впрочем уже ранѣе напечатанныя в сборникѣ «О землѣ» (Изд. Н. К. З.).

Вторая книга об итогах аграрной реформы в Задонском у. Воронежской губ., является работой, руководимаго тѣм же проф. П. Н. Першиным, статистико-экономическаго семинарія Воронежскаго Сельско-Хозяйственнаго Института. Она представляет собой опыт мѣстнаго изслѣдованія землеустройства революціоннаго періода и основана на матеріалах поселенных и поволостных описаній, собранных экспедиціонным путем и статистически разработанных коллективом участников семинарія, а также на изученіи оффиціальных актов землеустроительнаго производства.

«Изслѣдованіе имѣло задачей, говорится в предисловіи, описать тѣ организаціонныя формы, в которых протекает в натурѣ земельное устройство крестьянскаго хозяйства и выявить статистически тѣ непосредственные результаты, к которым приводит аграрная реформа». Таких систематических, хотя

*) Фактическій матеріал их использован выше, в статьѣ В. Кильдишскаго «К результатам аграрной революціи».

бы и относящихся к относительно небольшой территоріи, даныых до сих пор не появлялось в печати, между тѣм, как важность об'ективнаго выясненія конкретных измѣненій в земельном строѣ различных районов Россіи, не приходится доказывать.

Кромѣ интереса, представляемаго самим матеріалом, нельзя не признать удачной, как в научно-учебном отношеніи, так и в отношеніи общественно-воспитательном, в широком смыслѣ, мысль направить учебно-научную работу студентов мѣстной высшей школы в область изслѣдованія важнѣйшаго соціально-хозяйственнаго процесса живой руской дѣйствительности, зафиксировать, пока не поздно, этот процесс в его опредѣляющих этапах.

Книжка содержит четыре статьи: вступительную, являющуюся вмѣстѣ с тѣм и резюмирующей, статью П. Н. Першина — об итогах аграрной реформы, двѣ статьи студ. В. Келлера — о первом періодѣ аграрной революціи и об общинѣ в революціонное время и статью И. Романенко — об основном землеустройствѣ в 1918—20 г.г.

Главный интерес книги в матеріалах экспедиціоннаго обслѣдованія волостей и селеній. Нужно сказать, что, конечно, для полноты статистическаго выявленія непосредственых результатов земельнаго перераспредѣленія, которое ставится цѣлью в предисловіи, чувствуется необходимость подворнаго обслѣдованія. Это не упрек Воронежскому экономическому семинарію, произведшему своими силами и без того большую и трудную, в современных условіях, работу, а лишь об'ективное констатированіе потребности.

Что касается разработки матеріала, то она могла бы быть с успѣхом нѣсколько усложнена. В книгѣ даются лишь перечневыя таблицы поселенных данных по волостям и групповыя по размѣрам селеній. Было бы интересно прослѣдить результаты перераспредѣленія земли, группируя селенія по ряду чисто экономических признаков.

Книга В. Качинскаго является первым из четырех намѣченных выпусков «Очерков аграрной революціи на Украинѣ». Автор, как гласит предисловіе, стремится «использовать имѣющійся матеріал для схематическаго обзора самого процесса аграрной революціи и фиксированія нѣкоторых уже теперь опредѣлившихся положеній», т. е. ставит себѣ в предѣлах Украины заданіе, аналогичное по содержанію только что разсмотрѣнному изслѣдованію Задонскаго уѣзда.

Близость заданій при сравненіи обѣих работ, особенно подчеркивает скудость и недостаточность, для поставленной цѣли, обычнаго отрывочнаго матеріала, на котором основывается В. Качинскій.

Книга написана без четкаго плана, с большим количеством повтореній и отступленій. Выдѣленіе глав и их послѣдовательность логически не обоснованы. Многочисленныя отступленія от конкретной темы, почти всѣ не служат к украшенію книги. В лучшем случаѣ, автор экскурсирует в них по довольно случайно подобранной литературѣ и столь же случайному аграрному законодательству, в худшем, сбиваясь с тона изслѣдователя на тон то прокурора, то защитника, отдает дань очень дешевой политической публицистикѣ.

Общіе вопросы экономики сельскаго хозяйства, к которым налегкѣ подходит В. Качинскій, разрѣшаются им неизмѣнно ad majorem gloriam аграрной революціи и совѣтской власти. Факт колоссальнаго паденія производства зерна на Украинѣ спокойно отмечается в разряд неизбѣжных «издержек революціи». Но тѣм показательнѣе, что обзор конкретнаго фактическаго матеріала все же приводит автора в выводу, что «отвлеченная формула уравнительнаго землепользованія еще с первых дней революціи настоятельно требовала существеннаго корректива. Этим коррективом является допущеніе наемнаго труда в крестьянском хозяйствѣ и относительная, хотя и достаточно ограниченная, свобода земельной мобилизаціи» (т. е. аренда земли). Дальше указывается, что здоровыя хозяйственныя тенденціи выдвигают требованіе закрѣпленія земли за держателями ея, послѣ нѣкотораго устраненія чрезполосицы.

Опредѣленность этих выводов не в силѣ поколебать всѣ многочисленныя революціонно-благонамѣреныя извиненія и оговорки автора.

Положительной стороной работы является попытка систематическаго использованія по данному вопросу переписи, отчетов землеустройства на Украинѣ и частью итогов послѣдней сельско-хозяйственной переписи. Цѣнность этой фактической стороны мы отнюдь не склонны умалять.

Довольно многочисленныя и часто ненужныя ссылки на общую литературу затрагиваемых вопросов, носят случайный характер и создают впечатлѣніе просмотра книг, оказавшихся под рукой.

В. Пжемскій.

БРУЦКУС. *«Аграрный вопрос и аграрная политика».* СПБ. 1922 г.

Новый труд г. Бруцкуса, довольно давно специализировшагося в вопросах из области аграрных отношеній в Россіи и из области аграрных мѣропріятій в различных странах, любопытен, как опыт обоснованія в измѣнившихся условіях русской дѣйствительности все той же, также давно проводимой автором, мысли о безполезности и безцѣльности всякой коренной аграрной политики.

Главная мысль автора ярко выражена в небольшом предисловіи к вышецитированному сочиненію:

«Согласно господствовавшему до революціи взгляду, говорит автор в этом предисловіи, русскій аграрный вопрос есть результат неправильнаго распредѣленія частной собственности. Болѣе равномѣрным распредѣленіем земли этот кризис будет немедленно ликвидирован. Уступая этому убѣжденію, партія, осуществившая аграрную революцію, прокламировала тот аграрный переворот, о котором мечтало русское крестьянство, о котором мечтала русская «народническая» интеллигенція. Коллосальная катастрофа голода, которая обрушилась на страну, теперь, кажется, всѣх убѣдила, что передѣлить землю не значит еще преодолѣть аграрный кризис».

Тут много спорнаго. Во-первых, тѣ, кто до революціи стремились к «болѣе равномѣрному распредѣленію частной собственности на землю», никогда не смотрѣли на эту мѣру, как на «немедленую ликвидацію аграрнаго кризиса». Они полагали, что это только необходимое средство для принятія ряда мѣропріятій к длительному (а отнюдь не немедленному) преодолѣнію аграрнаго кризиса. Во-вторых, совершенно необосновано утвержденіе автора, что голод, разразившійся в Россіи, есть слѣдствіе революціоннаго перераспредѣленія земли. Такое утвержденіе, не получившее обоснованія и в дальнѣйшем изложеніи автора, явно тенденціозно и одностороние.

А между тѣм, матеріал, собранный автором, очень богат. Очень обстоятельно автор в первой главѣ излагает основныя теченія аграрной политики, проявившіяся в Европѣ и в частности в Россіи в послѣднія два столѣтія. Очень обстоятельно излагает он господствовавшія во второй половинѣ XVIII столѣтія и первой половинѣ XIX фритредерскіе взгляды, под вліяніем которых торжествовал принцип „laissez faire, laissez passer", отразившійся в сельско-хозяйственной области стремленіем к укрѣпленію свободной частной собственности на землю и к устраненію всяких стѣсненій, связанных с личными, индивидуальными правами на землю, стремленіем к обезпеченію полной свободы мобилизаціи земельной собственности и свободы внѣшней торговли хлѣбом.

Очень обстятельно автор излагает и смѣну этих воззрѣній во второй половинѣ XIX-го вѣка началами протекціонизма и государственнаго вмѣшательства в область сельско-хозяйственных экономических отношеній, отмѣчая вліяніе, оказанное в эту эпоху ученіем катедр-соціалистов, и ученіем Листа о національной системѣ политической экономіи.

Два противоположных, по своим исходным точкам зрѣнія, теченія приводили, по мнѣнію автора, и в Россіи во второй половинѣ XIX-го столѣтія, к тому же результату — отрицанію экономическаго индивидуализма в аграрной области. Одно направленіе — консервативное, требовало опеки над крестьянством и огражденія устанавливающейся зависимости сельскаго хозяйства от денежнаго капитала, огражденія, которое должно быть проявлено во имя интересов государственнаго порядка и спокойствія, во имя сохраненія государственной мощи Россіи и во имя интересов крупнаго землевладѣнія...

Другое направленіе, будто-бы связанное с усиленіем вліянія в Россіи ученія германских катедр-соціалистов, требовало поддержанія общиннаго строя и предупрежденія этим возникновенія многочисленнаго рабочаго пролета-

ріата. С этой цѣлью сторонники такого воззрѣнія находили необходимым защиту тѣх своеобразных, сложившихся в русском крестьянствѣ институтов, как община и общая семейная собственность, стѣсняющих свободу индивидуальной дѣятельности крестьян.

Представителями послѣдняго воззрѣнія автор считает «корифеев русской экономической науки», как он их называет, А. И. Чупрова, Н. А. Карышева и А. С. Посникова.

Переходя к обзору чисто соціалистических ученій и их вліянія на направленіе аграрной политики, автор останавливается на взглядах русской соціал-демократической партіи меньшевиков и большевиков с их проэктами муниципализаціи земли и противополагает им взгляды другого теченія, которое он обозначает термином «народническаго».

Основы народничества, по мнѣнію автора, заложены были еще Герценом и Чернышевским и продолжены партіей соціалистов-революціонеров.

Взгляды этой партіи, выразившіеся в отрицаніи права собственности на землю и в требованіи соціализаціи земли настолько овладѣли, по мнѣнію автора, умами крестьянства, что даже большевики, совершив октябрьскій переворот, должны были принять и осуществить земельную прграмму соціалистов-революціонеров, хотя лично ей и не сочувствовали.

Закон о соціализаціи земли от 27 января 1918 года был редактирован в духѣ программы партіи соціалистов-революціонеров и земельная революція совершена в направленіи «чернаго передѣла».

Посвящая главную часть своего сочиненія изложенію исторіи аграрных отношеній и аграрной политики в Россіи, автор раздѣляет ее на три періода: 1) эпоху великих реформ (приблизительно от1861 до 1880 гг.), 2) эпоху реакцій (1880—1905 гг.) и, как он называет, 3) «эпоху «контр-революціи» (1905—1917 гг.).

Изложеніе сущности крестьянской реформы 1861 года сдѣлано г. Бруцкусом очень обстоятельно и с большим знаніем. Хотя он не ссылается на источники, которыми он пользовался, но для всякаго, знакомаго с крестьянским вопросом, не представляется трудным обнаружить знакомство автора с нѣкоторыми наилучшими трудами по изложенію и истолкованію сущности реформы 1861 года. Жаль только, что здѣсь он допускает нѣкоторыя небольшія ошибки в фактическом изложеніи и нѣкоторыя недостаточно обоснованныя а, слѣдовательно, произвольныя обобщенія.

К числу первых из отмѣченных недостатков нужно отнести утвержденіе автора, что закон 19 февраля 1861 года подраздѣлял всю Россію на большое количество «мѣстностей», в зависимости от естественных и экономических условій, причем для каждой «мѣстности» был установлен один «указный надѣл». В дѣйствительности положеніе 19 февраля 1861 года для осуществленія надѣленія дѣлит Россію на три «полосы»; нечерноземную, черноземную и степную и уже эти «полосы» дѣлит на мѣстности. «Указные» надѣлы опредѣлены только для третьей, степной, полосы, а «мѣстности» первой и второй полосы (т. е. большая часть территоріи Россіи) не имѣют «указнаго» надѣла, потому что в них опредѣляются только размѣры «высшаго» и «низшаго» надѣла.

Произвольно утвержденіе автора, что результаты великой крестьянской реформы получились для русскаго крестьянства болѣе благопріятными, чѣм в странах Средней Европы, Польшѣ и Прибалтійском Краѣ. Такое утвержденіе очень спорно и во всяком случаѣ остается у автора совершенно бездоказательным.

Очень подробно излагает автор земельное законодательство с 1880—1905 гг. — період, который правильно называет «эпохой реакціи».

Спорными являются взгляды автора, проводимые по отношенію к третьему періоду исторіи русскаго земельнаго законодательства, который он очень правильно называет «эпохой контрреволюціи» и который он старается взять под свою особую защиту.

Отрицательно относясь к земельной части программы соціалистов-революціонеров и даже «кадет», автор старается в особенно выгодном свѣтѣ представить «Столыпинское» законодательство, сводя его главным образом к землеустройству.

Изложив главныя основанія Столыпинских аграрных законов, автор затѣм

подробно останавливается на изложеніи дѣятельности Крестьянскаго Банка и на исторіи развитія в этот період переселенческаго дѣла.

Из обзора мѣропріятій этого періода, который, как сказано выше, автор излагает с особой тщательностью и любовью, устанавливается главная мысль автора, — заключающаяся в том, что правительство перед революціей в своей аграрной политикѣ стояло на правильном пути и что если бы ему не помѣшала революція, мѣропріятія, которыя уже были приняты, ликвидировали бы аграрный кризис в Россіи.

Благодѣтельным мѣропріятіям правительства мѣшала, по мнѣнію г. Бруцкуса, агитація эс-еров и «кадет» и окончательно помѣшала революція, не давшая народу ничего, кромѣ раззоренія. Вот вывод, который г. Бруцкус хочет внушить читателям своей книги: «Революція произошла не на почвѣ аграрной политики стараго режима. Хотя эти политика и производилась подчас весьма грубыми пріемами, но все же она ни разу не вызвала (?) ни одной серьезной вспышки народнаго недовольства. Очевидна, сама по себѣ насильственная реформа, раз она лежит по линіи народно-хозяйственнаго развитія (?), не может вызвать сильнаго противодѣйствія», говорит автор.

Сам автор справедливо подводит под понятіе «аграрная политика» всѣ мѣропріятія правительства, поддерживающія сословный крестьянскій строй, его отчужденность от прочих граждан, особый строй административно-общественнаго уклада крестьян, включая сюда и установленіе института земских начальников и вмѣстѣ с тѣм он рѣшается утверждать, что всѣ эти мѣропріятія не возбуждали «противодѣйствія» со стороны крестьян.

А в чем же тогда заключается причина частых волненій крестьян, в чем заключается причина революціонной вспышки 1905 года, в чем, наконец, заключаются причины великой нашей революціи?

Для полноты передачи содержанія книги г. Бруцкуса, надо отмѣтить, что она кончается трактатом о землеустройствѣ, в котором излагается техническая сторона этой важной отрасли государственной помощи сельскому хозяйству.

«Под землеустройством, как правильно опредѣляет автор, слѣдует разумѣть систему аграрных мѣропріятій, имѣющих цѣлью так организовать територію единоличных хозяйств, чтобы сдѣлать каждаго хозяина в использованіи приходящейся на его долю земли независимым от его сосѣдей, а также сдѣлать самый труд на этой землѣ экономически болѣе производительным».

Из самого опредѣленія уже явствует, что землеустройство является чисто техническим средством содѣйствія сельскому хозяйству. Несмотря на весь интерес этого предмета, мы не можем в краткой рецензіи вдаваться в подробности задѣваемых здѣсь вопросов.

К книгѣ г. Бруцкуса приложены, не имѣющія тѣсной связи с его главной темой статьи: 1) «обзор современной земельной политики иностранных государств» и 2) «соціально-экономическія условія крестьянскаго хозяйства».

Обѣ статьи представляют собой доклады, читанные автором в Петербургѣ еще в 1916 и 1917 годах в Лигѣ Аграрных Реформ, созданном при Вольно Экономическом Обществѣ.

Пишущій эти строки лично слышал эти доклады, еще в то время находясь в Петербургѣ.

В настоящее время они уже значительно устарѣли, потому что в них не включены аграрныя мѣропріятія, предпринятыя в разных странах в послѣднее время.

А. Леонтъев.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВѢСТНИК. Под редакціей С. Н. Прокоповича. Берлин 1923. *Книга первая*, стр. 228. *Книга вторая*, стр. 283.

Возникшій в этом году в Берлинѣ «Экономическій Вѣстник», ставит своей общей задачей об'единеніе научной работы русских экономистов, находящихся заграницей. Болѣе же конкретно, он выдвигает на первый план изученіе

тѣх измѣненій, которыя произошли «за время войны и революціи в русском національном хозяйствѣ», стремясь, об'единив «всѣх работников в области экономических вопросов», «приступить к собиранію матеріалов, необходимых для разработки конкретных планов возстановленія русскаго хозяйства».

Читая предисловіе редакціи к первому выпуску, невольно вспоминается выходившій в 1921—22 гг. в Петербургѣ «Экономист», мужественно и честно пытавшійся осуществить тѣ же задачи внутри Россіи. Преемственность заданій говорит лишній раз за их насущность.

В вышедших двух книжках, программа журнала осуществлена по отдѣлам далеко не равномѣрно. Два, намѣченных в редакціонном предисловіи, отдѣла, пока, не представлены вовсе. Это «статьи по исторіи народнаго хозяйства Россіи и др. стран» и «обзоры міровового хозяйства».

Теоретическій отдѣл состоит из двух статей П. Б. Струве, причем «Экономическому Вѣстнику» посчастливилось открыться его изслѣдованіям «Научная картина экономическаго міра и понятіе «равновѣсія», представляющим заключительное звено оригинальной и цѣльной экономической системы, развитой в «Хозяйствѣ и цѣнѣ». Вторая статья П. Б. Струве (во второй книгѣ) является углубленіем и развитіем данных в «Хозяйствѣ и цѣнѣ» основных экономических понятій.

Всѣ остальныя статьи должны быть отнесены к разряду «статей о современном состояніи народнаго хозяйства, экономической и соціальной политикѣ и финансах Россіи и др. стран». Впрочем о других странах, в этом отдѣлѣ, как в остальных, «Экономическій Вѣстник», пока, ничего не дает.

Остановимся на том, что относится к крестьянству.

«Динамикѣ крестьянскаго хозяйства» посвящена статья С. Н. Прокоповича во второй книгѣ. В ней на матеріалах 4-х динамических переписей автор пытался опредѣлить корни главнѣйших хозяйственно-морфологических процесссов.

Анализ данных динамических переписей приводит к выводу о «чрезвычайно высокой измѣнчивости размѣров и строенія русскаго крестьянскаго хозяйства и семьи, с постоянным переходом большого числа крестьянских хозяйств из одной имущественной группы в другую. Измѣнчивость эта ограничивается «снизу — вымираніем и выселеніем, сверху — раздѣлами», в результатѣ чего получается варьированіе хозяйств около нѣкотораго средняго уровня. На этом положеніи С. Н. Прокопович базирует обстоятельную критику марксистской теоріи разслоенія крестьянства. «Слабая сила капиталообразованія русскаго крестьянскаго хозяйства, незначительность в нем дохода от капитала по сравненію с доходом от труда, мѣшает развитію имущественных неравенств в соціально-классовыя отношенія» — таков вывод, к которому он приходит.

Жизнеспособность хозяйства опредѣляется производительностью в нем труда, а эта послѣдняя, по данным бюджетных изслѣдованій, выростает по мѣрѣ укрупненія хозяйства. «Побѣждают в борьбѣ болѣе крупныя крестьянскія хозяйства, располагающія большим количеством земли, хозяйственнаго имущества и рабочих сил. В результатѣ мы имѣем тенденцію вытѣсненія мелкаго крестьянскаго хозяйства крупным. Этой тенденціи противодѣйствуют семейные раздѣлы, непрерывно дробящіе крупныя хозяйства. Борьба этих двух тенденцій и опредѣляет строеніе всей массы крестьянских хозяйств в данный момент».

Не являясь, конечно, безспорной, статья подводит солидный базис под обсужденіе нѣкоторых основных вопросов земельной политики.

Характеристикѣ земельной политики совѣтской власти посвящены статья Б. Д. Бруцкуса в первой книгѣ и часть статьи В. В. Ельяшевича — во второй.

Обозрѣвая эволюцію земельнаго законодательства коммунистов, В. Д. Бруцкус останавливается на экономических причинах и послѣдствіях отдѣльных актов. Основной закон 6 февр. 1928 г., бывшій осуществленіем программы соціалистов-революціонеров и требованій крестьянства, был воспринят жизнью. Он установил преобладаніе продовольственнаго хозяйства над рыночным и экономическія послѣдствія его были отрицательны. В политическом отношеніи он «обозначает уничтоженіе экономической базы прежней дворянской Россіи».

Ряд попыток осуществленія программных требованій большевиков, не дали жизненных результатов.

Послѣ ряда возстаній, с новой экономической политикой замѣчается рѣзкій поворот и в земельной политикѣ, которая начинает согласовываться с требованіями жизни и потому этой жизнью воспринимается. Таков закон о трудовом землепользованіи мая 1922 г., выдвигающій идею упроченія крестьянскаго землепользованія, и Земельный Кодекс 30 окт. 1922 г. Разбор этого послѣдняго акта был дан Б. Д. Бруцкусом в IV вып. «Крестьянской Россіи», к нему мы и отсылаем читателя.

В. Б. Ельяшевич в своей статьѣ о «Двух путях совѣтскаго законодательства», подходит к Земельному Кодексу с пріемами юридическаго анализа. Он констатирует, прежде всего, что в этом актѣ, в предѣлах земельнаго общества, государство «одинаково относится ко всѣм формам землепользованія, включая единоличное, отрубное или хуторское». В постановленіях же о правѣ выдѣла «без насилія со стороны законодателя, но неуклонно насаждается индивидуальное землепользованіе». Послѣ блестящаго анализа прав землепользователя, автор говорит: «Если поставить вопрос, как должно быть юридически охарактеризовано это безсрочное, неприкосновенное, защищаемое не только обычным, петиторным, но и владѣльческим иском, право владѣнія и пользованія индивидуальнаго землепользователя, то вряд ли будет сомнѣніе в отвѣтѣ, по крайней мѣрѣ при условіи непредубѣжденности. Перед нами собственность, хотя и ограниченная».

Разбирая во второй части своей статьи совѣтскій Гражданскій Кодекс, В. Б. Ельяшевич характеризует его так: «Основное заданіе совѣтскаго Гражданскаго Кодекса... — обезвредить гражданскія права, сдѣлать их безопасными для коммунистическаго строя. Кодексом «уничтожается самая идея права, на мѣсто него ставится произвол, облеченный в форму норм».

Из остальных статей — 5 касаются хозяйственной жизни Россіи при новой экономической политикѣ. Таковы в первой книгѣ статьи С. Н. Прокоповича «Новая экономическая политика» и Л. М. Пумпянскаго «Организація и работа совѣтских трестов». Первая представляет собой соотвѣтствующую главу книги автора «Очерки хозяйства совѣтской Россіи», вторая болѣе тщательно обработанную часть брошюры «НЭП».

Во второй книгѣ «Экономическаго Вѣстника» к этому разряду статей относятся статьи Л. М. Пумпянскаго, С. О. Загорскаго и С. Г. Шермана.

Л. М. Пумпянскій дает характеристику послѣдней стадіи новой экономической политики, как стремленія к «укрѣпленію за счет мелко-хозяйственных производительных сил, пострадавшаго под ударами конкуренціи и по причинѣ внутренней своей немощи, государственнаго хозяйства».

Путем налогового нажима на частную торговлю и проведенія т. о. политически монопольных цѣн «Москва, Петроград и нѣсколько провинціальных центров взламывают народное хозяйство, вытягивая из без того обезкровленнаго, сельскаго хозяйства максимум его цѣнностей, препятствуя тѣм самым возстановленію его производительности».

С. О. Загорскій путем тщательнаго сопоставленія данных о ввозѣ до войны и за послѣдніе годы освѣщает настоящее положеніе и перспективы внѣшней торговли совѣтской Россіи. «Экспортныя возможности... сведены к минимуму», полагает автор, так как «отсутствіе русских продуктов было компенсировано производством этих же продуктов в других странах». Что же касается ввоза, то «при сильном паденіи покупательной способности населенія и упадкѣ производительности сельскаго хозяйства, населеніе Россіи не может явиться потребителем иностранных товаров в сколько-нибудь ощутительных размѣрах», между тѣм ввоз цѣлаго ряда издѣлій необходим для поднятія производства.

Статья С. Г. Шермана описывает, по данным, главным образом, совѣтской періодической печати ,«внутренній рынок и торговый быт Совѣтской Россіи».

Финансовой системѣ посвящены статьи А. П. Маркова в первой книгѣ и П. Бурышкина во второй. Первая — «Значеніе натуральнаго налога в финансовом хозяйствѣ сов. власти на Украинѣ» — устанавливает, что и по сей час «натуральный налог является основным матеріальным фондом для удовлетворенія потребностей государства и для возможности пользоваться эмиссіей». Вторая, разсматривая и сопостовляя государственные бюджеты совѣтской власти, находит, что сих пор «совѣтское государство... имѣет промышленность и пути сообщенія в числѣ главнѣйших статей своих расходов. А источником содержанія государственной власти являются лишь тѣ цѣнности,

которыя она унаслѣдовала от прежняго строя, а именно: золотой запас и матеріальные рессурсы. Наконец приходится пользоваться... выпуском бумажных денег».

Что касается статьи Н. С. Тимашева, весьма обстоятельно опровергающей пункт за пунктом, напечатанныя в Vossische Zeitung статьи Нансена о Россіи, то, думается, она была бы гораздо полезнѣе и умѣстнѣе в каком-нибудь иностранном общедоступном изданіи, нежели в русском спеціальном.

В общем всѣм статьям этого отдѣла, при различіи их научной цѣнности и качеств выполненія, обща черта пристальнаго изученія русскаго матеріала. И в этом смыслѣ первыми книжками осуществляется задача журнала «болѣе или менѣе точно установить характер и размѣры явленій, происходящих сейчас на родинѣ».

В немалой степени содѣйствует этому же и отдѣл экономической хроники, заключающій в себѣ ряд очень толково и критически-тщательно составленных обзоров отдѣльных сторон и вопросов русской хозяйственной жизни, на основаніи общей и спеціальной періодической печати совѣтской Россіи. В условіях заграничной оторванности от русской жизни, обзоры эти чрезвычайно полезны и, вѣроятно, найдут многочисленных читателей.

Совершенно основательно, редакція «Экономическаго Вѣстника» придает большое значеніе библіографическому отдѣлу. Но приходится констатировать, что в первых книжках отдѣл этот по полнотѣ далеко не занимает того мѣста, какое отводится ему программой журнала. Если для чрезмѣрнаго расширенія библіографическаго отдѣла существуют извѣстныя техническія преграды, то цѣлесообразнѣе было бы, представляется нам, пожертвовать отзывами об изданіях не экономическаго характера (которыя в нѣкотором количествѣ имѣются в обѣих книгах), и, в крайнем случаѣ, даже из экономических книг ограничиться лишь работами русских экономистов и экономическими работами о Россіи, но зато эти отдѣлы провести с надлежащей полнотой. Особенно существенны, в настоящих условіях, отзывы о выходящих в совѣтской Россіи экономических изданіях, как изслѣдованій, так и матеріалов, причем, в виду малой доступности их, представлялось бы желательным введеніе элемента реферированія.

В качественном отношеніи библіографическій отдѣл стоит в общем на уровнѣ журнала, отдѣльные же отзывы представляют, иногда, исключительный интерес.

В отдѣлѣ матеріалов и документов обѣих книг напечатаны документы касающіяся отношенія Сѣв. Ам Соединенных Штатов к Россіи.

Внѣшность журнала производит пріятное впечатлѣніе.

В общем не остается сомнѣній в том, что «Экономическій Вѣстник» представляет собой нужное и цѣнное начинаніе.

Мы начали отзыв констатированіем общности задач «Экономическаго Вѣстника» и выходившаго в 1921—22 г. «Экономиста». Первый, конечно, находится в значительно лучших условіях, чѣм был второй — с него за это больше и спросится, — но кое в чем счастливѣе был «Экономист», и его преимущества, в извѣстной мѣрѣ, может и должен постараться возсоздать «Экономическій Вѣстник». Нѣсколько крупных спеціалистов, уже давно оторванных от Россіи, свобода печати и даже «буржуазныя» условія книгопечатанія, все это плюсы. Но невозможность наблюденія самой жизни, отпаденіе сотрудников, работающих над первичным сырым матеріалом внутри Россіи и широкаго круга, связанных с работой над этим же матеріалом и над самой хозяйственной дѣйствительностью, читателей — это, несомнѣнно, минусы. Что наблюденіе над жизнью удается в значительной мѣрѣ замѣнить пристальным и систематическим изученіем матеріала, появляющагося в печати, за это говорят первые выпуски. Привлеченіе сотрудников и читателей в значительной мѣрѣ не во власти редакціи. Но хочется пожелать внимательнаго и непредвзятаго отношенія к тѣм работам экономистов, которыя, несмотря ни на что, продолжают вестись в Россіи. Оно может создать благопріятныя условія для изжитія отчужденія, создавшагося между, разорванными границей, частями русской интеллигенціи. В области интересов профессіональных и научных, возстановить взаимное пониманіе всего легче и чрезвычайно существенно.

В. Ижемскій.

Книги, поступившія в редакцію „Крестьянской Россіи“:

1) *В. А. МОНИН.* Задачи сибирскаго маслодѣлія и кооперація. Берлин 1923. Издательство «Сотрудник». Стр. 63.

2) *С. Н. ПРОКОПОВИЧ.* Сельско-хозяйственная кооперація и бюджет крестьянскаго хозяйства. Изданіе Центральнаго Товарищества «Кооперативное Издательство» Москва-Петроград. 1922. Стр. 92.

3) *С. Н. ПРОКОПОВИЧ.* Кредитная кооперація в Россіи. Центральное Товарищество «Кооперативное Издательство». Москва 1923. Стр. 144 + 9.

4) *Н. ВОРОНОВИЧ.* Меж двух огней (Записки зеленаго). Оттиск из «Архива русской революціи» VII. Стр. 183.

5) *Н. А. РУБАКИН.* Письма к читателям о самообразованіи. Изданіе третье, пересмотрѣнное и дополненное. Изданіе Группы Читателей, Русских Рабочих в Нью-Іоркѣ. Печатано в Берлинѣ. Стр. 382.

6) *ВАСИЛІЙ БЕНЗИН* (Подстепянскій). Культура кукурузы. Издательство «Хутор». Прага 1923. Стр. 100.

7) *ЮРІЙ К. АКИНТІЕВСКІЙ.* Сокольство. Его идея, развитіе и организація. Прага 1922. Издательство «Хутор». Стр. 32.

8) *ПИТИРИМ СОРОКИН.* Современное состояніе Россіи. Прага 1923. Издатель Владимир Вишичук. Стр. 107.

9) *А. АРЦЫБУШЕВ.* Замѣтки по вопросам коннозаводства и коневодства в Россіи. Прага. 1923. Издательство «Хутор». Стр. 39.

10) *В. А. ЕВРЕИНОВ.* Дикіе плоды и ягоды. Их сбор и использованіе. Прага 1923. Издательство «Хутор». Стр. 52.

11) *В. Н. ЛЕОНТОВИЧ.* Культура сельск. хоз. растѣній в условіях Юга Россіи. Прага 1923. Издательство «Хутор». Стр. 24.

12) *РОССІЯ СЕГО ДНЯ.* Из газеты „The Times“. Перевод с англійскаго. 1923. Стр. 80.

13) *ВЛ. ЛЕБЕДЕВ.* Новым путем. Изданіе «Воли Россіи» 1923. Стр. 191.

14) *АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.* Двѣнадцать портретов. Издательство „Internationale Commerciale Revue“ 1923, Prague. Стр. 85.

15) *С. Н. ПРОКОПОВИЧ.* Очерки хозяйства совѣтской Россіи. «Обелиск». Берлин. 1923. Стр. 215.

16) *Л. ПУМПЯНСКІЙ.* Нэп (Опыт характеристики совѣтской экономики). Берлин. 1923. Издательство «Основа». Стр. 79.

17) *И. В. ЕМЕЛЬЯНОВ.* Кооперативныя организаціи среди земледѣльцев. Том I и II. Прага 1923. Изданіе Н. В. Емельяновой. Стр. 488 + XXXVI.

18) *Б. Д. БРУЦКУС.* Экономія сельскаго хозяйства. Народохозяйственныя основы. Книгоиздательство «Кооперативная мысль». Берлин. 1923. Стр. 360.

19) *BIBLIOGRAPHIE* des questions ouvriéres et sociales dans la Russie des soviets. Genève 1922 стр. 147.

20) *MAX LAZARD.* Le service obligatoire de travail en Bulgarie. Genève 1922. Стр. 170.

21) *ЗАРЯ.* Органъ соціал-демократической мысли. Берлинъ 1923. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

22) *REVUE INTERNATIONALE DU TRAVAIL.* Genève 1922 et 1923. I, II, III, IV, V.

23) *СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.* Ежемѣсячный общественно-политическій и литературный журналъ XIV (I), XV (II), XVI (III) Парижъ 1923.

24) *РУССКАЯ МЫСЛЬ.* Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе подъ редакціей Петра Струве. Кн-во «Русская Мысль» Прага-Берлинъ. № VII — XII 1922; № I—II 1923 г.

25) *ВѢСТНИКЪ РУССКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО КОМИТЕТА.* №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Парижъ 1923.

26) *СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.* Центральный Органъ Россійск. Соціал. Демократ. Раб. Партіи. №№ 1 (47) — 15 (61). 1923 г. Берлинъ.

27) *ВОЛЯ РОССІИ.* Журналъ политики и культуры. №№ 1—14. Прага 1923 г.

28) *ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.* Книги — первая и вторая. Берлинъ. 1923 г.

29) *REVUE DE L'INSTITUT DE SOCIOLOGIE* Mai 1923. Bruxelles.

30) *СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.* №№ I, II, III и IV. Прага 1923 г. Изданіе Об'ед. Русск. Эмигр. Студ. Организацій. (О.Р.Э.С.О.).

31) *БЮЛЛЕТЕНЬ ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМИТЕТА ПО СОЗЫВУ С'ѢЗДА ДѢЯТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ И НИЗШЕЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ ЗАГРАНИЦЕЙ.* Прага 1923. № 1, № 2.

32) *СТРЕМЛЕНІЕ* № 1. Январь—Февраль 1923 г. Студенческій журналъ Москва. Изданіе Редакціи газеты «Дни» — Берлинъ. Стр. 44.

33) *КАЗАЧЬИ ДУМЫ.* Общеказачій журналъ № 1—7. Софія. 1923 г.

34) *БЮЛЛЕТЕНЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ.* № № 1, 2, 3. 1923 г.

35) *УЧЕНЬЕ - СВѢТЪ.* Органъ студенческаго общества взаимопомощи Русскаго Народнаго Университета въ гор. Нью-Іоркѣ. I. № 1, 2.

36) *ИНФОРМАЦІОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ОРЭСО.* Прага. 1923 г. №№ 1, 2, 3,4, 5.

37) *«ХУТОРЪ».* Двухнедѣльный журналъ, посвященный интересамъ русскаго земледѣлія. №№ 1—25. Прага. 1922 и 1923 гг.

38) *THE RUSSIAN ECONOMIST.* London. Январь—іюнь 1923 г. Записки русскаго экономическаго общества въ Лондонѣ.

39) *ИНФОРМАЦІОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ* Центральнаго Бюро Об'единенія Русскихъ Демократическихъ Студенческихъ Организацій. О. Р. Д. С. О. № 1-й. Прага, Мартъ 1923 г. Стр. 17.

40) *РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМЪ.* №№ 1 и 2—3. Прага. 1923.

41) *ZEMĚDĚLSKÝ ARCHIV.* Orgán vysoké školy zemědělského a lesního inženýrství při českém vysokém učení technickém v Praze 1923. NN 1, 2, 3—4.

42) *NÁRODNÍ KULTURA.* Revue ústřední školy dělnické. Ročník II. NN 1, 2-3, 4, 5, 6-7, 1923, Praha.

От редакціи сборников „Крестьянская Россія".

С выходомъ настоящей книги участіе Пит. Алекс. Сорокина въ редактированіи сборниковъ «Крестьянская Россія», въ виду его от'ѣзда въ Америку, прекращается.

Прага, 21 сентября 1923 г.

№ 4. *П. А. Сорокин* — Город и деревня. *Н. П. Макаров.* Русская экономическая мысль в вопросах сельскаго хозяйства. *П. Н. Милюков.* Республика или монархія? *Баратынскій.* На распутьѣ трех дорог. *Діонео.* Вѣчная аренда.

Отдѣл *«Крестьянское движеніе»: Н. А. Ульянов.* Крестьянскій Союз в Швейцаріи. *С. Дупаринов.* Болгарскій народ. Земледѣльч. Союз. *Инж. Ю. Фидлер.* Пути чешскаго аграризма.

Отдѣл *«В Россіи»: Б. Д. Бруцкус.* Новый строй земельных отношеній. *С. С. Кон.* Совѣтскіе финансы. *А. Е. Малахов.* Промысловая и кустарная кооперація. *В. Ф. Булгаков.* К характеристикѣ духовнаго облика русскаго народа.

Отдѣл *«В Эмиграціи»: А. А.* С'ѣзд русских инженеров. *А. Бем.* С'ѣзд дѣятелей средней и низшей русской школы. *Н. В. Быстров.* Русское студенчество в эмиграціи.

Отдѣл *«Из печати и жизни»:* Государственные дѣятели о Россіи. *А. А. Чупров.* К вопросу об основах кредитоспособности земледѣльца. *В. У.* Міровое сельское хозяйство во время войны и послѣ нея. *З. А.* Крестьянскія демонстраціи. *В Чехословакіи: З. А. Спудов.* Организація земледѣльческих хозяйств различных типов (по Брдлику); *М. Г.* Сельскохоз. образованіе; *Л. Я.* К юбилею Ан. Швегло; *М. С.* С'ѣзд с.-д. земледѣльческих организацій. *В Даніи: Кр.* Крестьянская культура. Перемѣщеніе земли.

Отзывы о книгах: А. А. Чупрова, А. Кизеветтера, Н. М., П. С. Стр. 203. Цѣна 10 корон чехословацких.

Адрес Редакціи: „Krestjanskaja Rossija", Letohradská 21, Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.

Главный склад: Русскій книжный магазин «Москва» — Berlin, SW. 48, Wilhelmstrasse, 20, Russischer Buchhandel, H. Sachs.

Представительство на Чехословакію: Магазин Ferdinand Svoboda, Václavské náměstí, 57, Praha II.

Представительство на Америку: Книжный магазин *А. Чернова* «Труд» в Нью-Іоркѣ. A. Chernoff. Book Shop, 14th. Str. New-York NY.

Цѣна сборника «Крестьянская Россія» № V—VI 15 кор. чехословацких.

Печатается в типографіи „Легіографія" v Praze II., Revoluční třída č. 6 n.

24.07.92.

